

Министерство образования и науки РТ
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

*Книга приурочена к 230-летию издания
указа об учреждении Оренбургского
магометанского духовного собрания*

И.К. Загидуллин

Уфимский курултай 1905 года

Монография

Казань – 2018

УДК 94(47)297"1905"

ББК 63.3(2)6-36

3-14

СЕРИЯ «ИСЛАМСКИЕ ИНСТИТУТЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
РФФИ и Правительства Республики Татарстан
в рамках научного проекта №17-11-16011*

*Утверждено к печати Ученым советом
Института истории им. Ш. Марджани АН РТ*

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Л.Ф. Байбулатова*

кандидат исторических наук *Д.Р. Гильмутдинов*

Загидуллин И.К.

3-14 Уфимский курултай 1905 года: монография. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. — 328 с.

ISBN 978-5-94981-295-2

В монографии освещаются причины, предпосылки созыва оренбургским муфтием М.Султановым совещания улемов в г.Уфе 10–15 апреля 1905 г., на котором был впервые разработан проект устава Оренбургского магометанского духовного собрания. Законопроект, предполагающий существенное расширение прав исламских институтов, стал интеллектуальным продуктом трех групп общественных деятелей: в большинстве своем городского духовенства, дворянской и купеческой светской интеллигенции.

Книга адресована всем тем, кто интересуется историей общественного движения мусульманских народов Российской империи.

ISBN 978-5-94981-295-2

УДК 94(47)297"1905"

ББК 63.3(2)6-36

© Загидуллин И.К., 2018

© Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий	26
1.1. Новые явления в деятельности ОМДС	27
1.2. Муфтий М. Султанов – непубличный политик и общественный деятель	58
1.3. Деятельность казья Ризаэтдина Фахретдина	80
Глава II. «Голяма жэмгыате»	92
2.1. Организация и проведение курултая	92
2.2. Проекты участников курултая	113
2.3. Записки, поступившие от хазратов	125
2.4. Предложения «светских мусульман» и шакирдов	145
Глава III. Законотворчество на курултае	167
3.1. Р.Фахретдин о роли религиозно-культурных институтов в общественном развитии миллета	167
3.2. Итоговый документ курултая: общее и особенное с проектом Р.Фахретдина	197
Глава IV. Документы, поступившие в Комитет министров	214
4.1. Меморандум «светских лиц из магометан» округа ОМДС	214
4.2. Проект устава ОМДС 1905 г.	236
4.3. «Проект положения об управлении духовными делами магометан» Габдерашита Ибрагимова	266
Глава V. После окончания работы курултая	282
5.1. Замечания к законопроекту	282
5.2. Отношение мусульман к курултаю	292
Заключение	303
Список источников и литературы	308
Указатель именной	319
Указатель географический	324
Список сокращений	327

ВВЕДЕНИЕ

Взаимодействие правителей Московского государства и Российской империи с местными элитами и духовенством по обеспечению политической лояльности основывалось на предоставлении гарантии их особого статуса, а мусульманам – автономии религиозно-обрядовой жизни и этноконфессиональной системы образования. Классическим проявлением такой автономии была административная практика правительства Османской империи по урегулированию религиозно-культурных потребностей нетитульных групп подданных, получившая в исторической литературе название «система миллет».

В условиях России система миллет у татар и башкир имела свои особенности, поэтому мы ее называем религиозно-культурной автономией, она явилась основой для национально-культурной автономии. Необходимость установления контроля за исламскими институтами привела к учреждению правительством в 1789 г. ОМДС, которое, путем проведения переэкзаменовки и испытания новых кандидатов на вакантные должности, подчинила себе *школы*, создав важный элемент национально-культурной автономии татар и башкир¹.

В период правления Николая I началась активная регламентация жизнедеятельности других институтов религиозно-культурной автономии (которые будут иметь место и в национально-культурной автономии. – *И.З.*). Это – численный норматив мусульманского прихода, технические и политические аспекты строительства мечетей и штаты духовенства при них, некоторые аспекты правового положения и обязанности духовенства, на которое в 1829 г. была возложена и регистрация актов гражданского состояния прихожан.

Появление в 1857 г. устава ОМДС, несмотря на его недостатки и издержки, стало важнейшим событием в организации социокульту-

¹ Хайрутдинов Р.Г. Культурно-национальная автономия: теория и практика // История государственности Республики Татарстан и современность: материалы Республиканской научной конференции. 8–9 декабря 1998 г. / сост. и общ. ред. Р.К.Валеева, С.И.Ионенко. Казань, 1999. С.37.

турной жизни мусульман округа. Это было, по сути, законодательное оформление религиозно-культурной автономии мусульман Волго-Уральского региона и Западной Сибири.

В данном нормативном акте права и обязанности Духовного собрания приобрели более конкретные очертания. В его компетенции были объявлены следующие дела: 1) о богослужении и исполнении духовных треб муллами; 2) о совершении и расторжении ими браков; 3) о разборе споров по завещаниям и разделам имущества; 4) о неповиновении детей родителям; 5) о нарушении супружеской верности. После передачи в 1874 г. конфессиональных школ в ведение МНП ОМДС через приходское духовенство, через заведующих мектебе и медресе, мугаллимов и мударрисов *de facto* продолжало иметь отношение к их деятельности. Следует отметить, что вплоть до свержения самодержавия устав практически не подвергался серьезным изменениям (были внесены некоторые новые указы. — И.З.). МВД практиковало регулирование возникающих вопросов посредством своих предписаний и циркуляров.

После упразднения в 1865 г. кантонной системы управления в Приуралье ОМДС оказалось единственным административным институтом мусульман, входящим в административно-управленческую сеть Российской империи. С изменением отношения правительства к исламу как цивилизационно-культурному явлению после Польского восстания 1863 г. постепенно становилось очевидным, что ОМДС является и социальным институтом мусульман огромного региона. В эпоху модернизации все отчетливее проявлялась роль Духовного собрания по консолидации и мобилизации дисперсно расселенных мусульман.

В доиндустриальных, аграрных обществах религия играла важнейшую роль в формировании общественного сознания народных масс. Сохранение устава ОМДС образца 1857 г., в целом отсутствие реформы в области управления духовными делами превратились в чувствительную проблему для мусульманского сообщества. В начале XX в. игнорирование властью этих проблем начало восприниматься и как вызов, и как ущемление религиозных и гражданских прав мусульман. Осуществление реформы управления духовными делами и повышение статуса исламских институтов и самих му-

сульман были возможны только при реализации таких ключевых постулатов либерального движения, как демократия, равноправие всех перед законом, гласность, свобода совести и т.д. Эти новые явления стали возможны в революционный 1905 год.

В какой степени удалось воспользоваться благоприятной политической ситуацией и демократизацией общественной жизни в России в период Первой русской революции 1905–1907 гг. руководству ОМДС для осуществления реформы религиозного управления, общемиллетских проблем в культурно-религиозной сфере? Какие новые идеи были высказаны? Какие социальные группы и личности выступали в качестве идеологов и разработчиков документов? Каким они видели место и роль религиозно-культурных институтов в социокультурном развитии мусульманского сообщества? Данная монография содержит ответы на эти вопросы. Книга посвящена изучению одной из ярких страниц общественного, национального, движения татар 1905 г., связанной с разработкой устава Оренбургского магометанского духовного собрания – головного общемиллетского духовно-культурного центра.

Терминологический аппарат

Необходима идентификация ряда терминов и понятий, имеющих отношение к теме нашего исследования.

В исторической литературе совещание видных представителей мусульманского духовенства округа ОМДС, созданное с разрешения премьер-министра С.Ю.Витте 10–15 апреля 1905 г. в Уфе, именуется «совещанием улемов», или «Улама жэмгыате», или «Голә-мәләр мәжлесе». В монографии мы также применяем их в качестве синонимов к вводимым нами в научный оборот терминам «*курултай*» и «*уфимский курултай*» (корылтай, Уфа корылтае). Во-первых, именно так решили именовать свое высшее собрание участники совещания улемов и этот термин использовали М.Бигиев и Р.Фахретдин². Во-вторых, с учетом разработанного проекта устава ОМДС, в редактировании и доработке которого принимали активное участие юристы и лица, знакомые с российской делопроизвод-

² Жарулла Муса. Исляхат эсаслары. Пг., 1917. 15 б.

Введение

ственной документацией, принципиальное значение приобрел отход от конфессиональной идентификации этого мероприятия. Важно также подчеркнуть, что вне заседаний совещания хазраты активно общались с прибывшими в Уфу из различных регионов предпринимателями. Иначе говоря, проект устава ОМДС стал результатом интеллектуального сотрудничества религиозных деятелей и «светских мусульман».

Для идентификации группы мусульман, из числа прибывших по своей инициативе в Уфу по случаю проведения совещания улемов и имевших отношение к подготовке проекта устава ОМДС, а также к подаче петиции – «Докладной записки магометанского населения оренбургского муфтиата, составленной для внесения в Комитет министров, с ходатайством о пересмотре законоположений и постановлений правительственных властей по вопросам, касающимся религиозно-духовных нужд их, как мусульман-суннитов, так равно и правовых интересов их как инородцев, принадлежащих к разным племенам и национальностям империи» – мы использовали в кавычках термин *«светские мусульмане»*. Тем самым, во-первых, мы показали, что они не принадлежали к муллинской корпорации и крестьянам-земледелцам; во-вторых, исходя из списка авторов-составителей данной петиции обозначили представителей социально-профессиональных групп, главным образом, городской местности: 1) предприниматели (купцы, промышленники, мелкие торговцы); 2) общественные деятели (земские гласные, дворяне, офицеры в отставке, мелкие чиновники); 3) светская интеллигенция. Всем им было небезразлично будущее мусульманского сообщества.

«Миллет» – мусульманское сообщество округа ОМДС.

«Тюрки» – общетюркский язык, о введении которого мечтали джадидисты, в частности Р.Фахретдин, который рекомендовал его в своем проекте в качестве языка делопроизводства ОМДС.

Итоговым документом курултая («Уфа ләйхәсе») мы именуем включавший 90 статей проект, составленный «смешанной» редакционной комиссией по тексту, утвержденному участниками совещания улемов.

Под *проектом устава ОМДС 1905 г.*, или *проектом положения «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Орен-*

бургского магометанского духовного собрания», или *законопроектом 1905 г.* подразумевается текст, переведенный с татарского на русский язык с определенными, в ряде случаев существенными, поправками членов «смешанной» редакционной комиссии во главе с юристом Абуссугудом Ахтямовым, в которую также входили Ибрагим Акчурун и Мухаммадзакир Рамиев, к работе также был привлечен юрист Альбинский. Именно этот документ, состоящий из 84 статей, муфтий М.Султанов 12 мая 1905 г. отослал в Комитет министров. В этой связи под *уставом ОМДС* имеется в виду действующий на то время устав ОМДС.

Промежуточным проектом называется частично структурированный итоговый документ курултая, который впоследствии дорабатывали юристы А.Ахтямов и Альбинский прежде чем передать муфтию для отправки в Комитет министров. Именно этот документ, несколько исправив отдельные положения, Габд. Ибрагимов подал от своего имени в Комитет министров.

Особое совещание по делам веры (или о веротерпимости) – организованное на основании высочайше утвержденного 17 апреля 1905 г. Положения Комитета министров об укреплении начал веротерпимости особое совещание под председательством члена Государственного совета графа А.П.Игнатьева, призванное разработать «справедливые» законопроекты с последующим их представлением в Государственный совет без предварительного соглашения своих действий и текстов документов с другими центральными ведомствами.

Совещание уполномоченных мусульман Уфимской губернии (22, 23, 25 июня 1905 г.) – губернское совещание доверенных башкирских волостей Уфимской губернии, состоявшееся 22, 23 и 25 июня 1905 г. в Уфе с разрешения министра внутренних дел и обсуждавшее вопросы, касающиеся мусульманской религии и нужд башкирского населения, протоколы которого нами широко используются.

Характеристика источников

Источники, имеющие отношение к совещанию улемов, весьма ограничены, что обусловлено, на наш взгляд, двумя обстоятельствами: 1) подготовленный уфимским курултаем проект устава ОМДС оказался невостребованным правительством и был положен под сук-

но, потому что требовал кардинального обновления на законодательном уровне государственно-церковных отношений и уравнивания статуса мусульманских общественных учреждений со статусом православных религиозных институтов; 2) в революционный 1905 год произошло множество резонансных общественно-политических событий, способствовавших демократизации общественной жизни страны, которые изменили Россию и ее подданных. Это – поражение России в русско-японской войне 1904–1905 гг., расстрел 9 января мирного шествия рабочих в Санкт-Петербурге («кровавое воскресенье»), издание законов: от 28 февраля – о подаче в высшие инстанции петиций по «усовершенствованию государственного благоустройства» и улучшению народного благосостояния, от 17 апреля – об установлении свободы вероисповедания, от 2 августа – о созыве Государственной думы, от 17 октября – о введении в стране демократических свобод. Эти события вызвали небывалый общественный подъем среди татар и башкир, которые в феврале – мае отправляли свои депутации к столичным сановникам, принимали активное участие в петиционной кампании; в конце мая состоялось чистопольское совещание мусульманских общественных деятелей, 15 августа 1905 г. в Нижнем Новгороде – 1-й Всероссийский съезд мусульманских народов, с 1 сентября начали издаваться татарские газеты и т.д.

Наши поиски увенчались успехом. В фонде 821 (ДДДИИ) РГИА были выявлены проект «О управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского духовного собрания» и «Докладная записка магометанского населения оренбургского муфтиата, составленная для внесения в Комитет министров, с ходатайством о пересмотре законоположений и постановлений правительственных властей по вопросам, касающимся религиозно-духовных нужд их, как мусульман-суннитов, так равно и правовых интересов их как инородцев, принадлежащих к разным племенам и национальностям империи». Эти два основополагающих документа, как результат работы курултая и общая реакция «магометанского населения оренбургского муфтиата» на существующие в российском законодательстве положения, ущемлявшие религиозные и гражданские права мусульман, были отправлены муфтием М.Султановым, вместе с его письмом, 12 мая

1905 г. премьер-министру С.Ю.Витте. Они предназначались для Особого совещания по делам веры под председательством А.П.Игнатьева.

Свое отношение к проекту устава (стопроцентная поддержка, или дополнения или замечания по отдельным его положениям) выразили в своих ходатайствах, адресованных правительству, некоторые духовные лица или общества мусульман, которые также отложились в фонде ДДДИИ. Здесь и в фонде 1276 «Совет министров (1905–1917)» РГИА нами выявлены депеши оренбургского муфтия, которые позволяют оценивать М.Султанова как непубличного политика и общественного деятеля мусульманского сообщества.

Протокол №1 совещания уполномоченных мусульман Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся мусульманской религии и вообще нужд башкирского населения (22, 23 и 25 июня 1905 г.) был переведен на русский язык и опубликован в «Уфимских губернских ведомостях»³, также издан на русском языке отдельной брошюрой. Машинописные протокол №1 и протокол №2 совещания (об избрании уполномоченных для участия в Особом совещании под председательством И.Г. Горемыкина и запланированном к открытию Особого совещания по делам веры) также обнаружены нами среди делопроизводственной документации ДДДИИ.

Материалы о ходе уфимского курултая, проекты и записки участников совещания и поступившие в их адрес тексты представлены в книге М. Бигиева «Исляхат эсаслары». Именно поэтому эта часть книги М.Бигиева с вышеуказанными делопроизводственными документами уфимского совещания воспринимается нами как источниковый материал.

Осознавая огромное значение для развития татарской общественно-политической мысли идей и предложений уфимского курултая, на котором сам М.Бигиев не присутствовал, в 1908 г. он начал старательно собирать письменные свидетельства, имевшие отношение к совещанию улемов, в чем ему бесценную помощь оказал Р.Фахретдин. Также он лично обращался к авторам, в частности, по

³ Уфимские губернские ведомости. 1905. № 137. 28 июня. С.2,3; № 138. 29 июня. С.2; №139. 1 июля. С.2; №140. 2 июля. С.2; №141. 3 июля. С.2, 3; №142. 5 июля. С.2, 3; №143. 6 июля. С.2, 3; №146. 9 июля. С.2, 3.

Введение

просьбе М.Бигиева Хасангата Габаша переслал ему второй экземпляр своей «записки», а Ю.Акчура в 1908 г. передал переведенный им на русский язык итоговый документ курултая. Желая уточнить ход заседаний курултая, М.Бигиев беседовал с муфтием М.Султановым и казиями Духовного собрания, и, видимо, с другими участниками курултая. Для описания хода совещания улемов он широко использовал произведение Р.Фахретдина «Корылтай», оригинальный текст которого нам пока не удалось выявить.

Таблица 1

Проекты и записки мусульман, имеющие отношение к курултаю 1905 г. и представленные в книге М.Бигиева «Исляхат эсаслары»

№	Название	Какая часть	Кол-во опубликованных пунктов
1	Проект Ю.Акчуры (и татарских купцов)	полностью	46
2	Проект Р.Фахретдина	полностью	111
3	Записка шакирдов медресе г.Уфы	полностью	28
4	Записка группы участников-хазратов	полностью	18
5	Записка купца Габдуллы Дебердиева	частично	14 из 28 (пп. 1–14)
6	Петиция группы мулл под руководством имама дер. Тау Белебеевского уезда Сагмана Исхакова	полностью	6
7	Проект 12 участников курултая во главе с Г.Апанаевым	полностью	85
8	Записка Хасангаты Габаша	полностью	49
9	Записка А.Ахтямова	полностью	6
10	Проект ахуна г.Самары Ш.Минюшева	частично	7 из 33 (пп.15, 23, 25, 26, 30, 32)
11	Проект муфтия М.Султанова	частично	
12	Итоговый документ курултая	полностью	90 (+13)

Как видно из таблицы 1, исходя из значимости общественных фигур и составленных ими текстов, М.Бигиев счел необходимым

полностью опубликовать тексты проектов уставов ОМДС, составленных Р.Фахретдином⁴ (с некоторой долей редактирования), двенадцатью участниками курултая под руководством Габдуллы Апа-наева, Ю.Акчурой, записок шакирдов медресе г.Уфы, бывшего казья Хасангаты Габаши, юриста Абуссугуда Ахтямова, петиции группы мулл под руководством имама дер. Тау Белебеевского уезда Сагмана Исхакова. Им в сокращенном варианте представлены проекты группы хазратов, также участника курултая – ахуна г.Самары Шигабутдина Минюшева, записка купца Габдуллы Дебердиева, также сообщил некоторые идеи проекта муфтия М.Султанова.

В 2017 г. в журнале «Фәнни Татарстан» казанским текстологом Р.Г.Шарафиевой были опубликованы на кириллице подразделы книги М.Бигиева о ходе заседаний курултая, все записки, помимо проекта устава Р.Фахретдина, и итоговый документ курултая⁵.

Вышеназванные материалы стали основой источников нашего исследования, позволили осветить ход заседаний курултая, анализировать содержание записок и проектов, выявить состав участников курултая, «смешанной» редакционной комиссии и узкий круг лиц, имевших отношение к подготовке текстов.

Возникает закономерный вопрос: почему разработчики не стали публиковать проект устава ОМДС? При желании можно было сделать утечку информации и довести содержание документа до широкой общественности. Муфтий, соблюдая чиновничью этику, посчитал нежелательным сделать проект устава достоянием гласности. Скрытность была мотивирована и тем, что проект устава, представленный премьер-министру как единое решение авторитетных улемов, мог вызвать острую критику мусульманской общественности, что, в свою очередь, могло нежелательным образом повлиять на участников Особого совещания по делам веры, которые должны были его рассмотреть. К тому же, в окончательный вариант текста,

⁴ Бигиев М. Мөселман руханиларының Уфа корылтаенда каралган кайбер проектлары // ФТ. 2017. №2. 75–85; №3. 103–113; №4. 96–120.

⁵ По мнению Л.Ф.Байбулатовой, отдельные моменты проекта Р.Фахретдина нашли отражение в газете «Вақыт» (Время) (Байбулатова Л.Ф. Проект реформы Оренбургского магометанского духовного собрания в начале XX века // ВКГУКИ. 2015. №4–1. С.36.

с санкции муфтия, был внесен ряд исправлений, за что его вряд ли стали бы хвалить участники курултая – тогда численность оппонентов М.Султанова явно увеличилась бы. Примечательно, что по какой-то причине Р.Фахретдин не передал М.Бигиеву ни итоговый документ курултая, ни проект устава ОМДС.

Наконец, решения всероссийских мусульманских съездов, когда вопросы обновления мусульманского сообщества «светские мусульмане» взяли под свою ответственность и контроль, отведя Духовному собранию роль центра, курирующего только религиозно-духовные вопросы и духовенство, стали противоречить новой концепции развития миллета. После роспуска партии «Иттифак аль-муслимин» появилась возможность реанимировать итоговый документ курултая. Именно его текст, дополнив некоторыми положениями совещания уполномоченных мусульман Уфимской губернии (22, 23 и 25 июня 1905 г., Ю.Акчура в 1908 г. представил депутатам-мусульманам Государственной думы по их просьбе.

Материалы периодики (бахчисарайский «Тарджеман», бакинский «Каспий», столичная «Русь» за 1905 г.) стали важным и надежным источником, иллюстрирующим неодинаковое отношение мусульман к итоговому документу курултая, позволили выявить мотивы недовольства отдельных лиц. Один из главных участников курултая – казый Р.Фахретдин – опубликовал в газете «Тарджеман», спустя три с половиной месяца после его завершения, объемную статью «Гомуми жавап» (Общий ответ), адресованную лицам, недовольным самим созывом курултая и его решениями. Его текст позволил уточнить ряд существенных моментов по проведению данного мероприятия.

Историография вопроса

Историография вопроса состоит из освещения, главным образом, двух тем:

- 1) история изучения уфимского курултая;
- 2) история выявления проекта устава ОМДС 1905 г., представленного в Комитет министров.

История изучения уфимского курултая. Одним из первых о курултае написал Р.Фахретдин: по поручению муфтия М.Султанова он опубликовал в газете «Тарджеман» выше упомянутую нами ста-

тью «Гомуми жавап». Р.Фахретдин также вскользь упоминал о нем в труде «Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре»⁶.

В своем произведении «Корылтай», на которое ссылается М.Бигиев, очевидно, Р.Фахретдин не ставил задачей всеобъемлющее освещение деятельности совещания. Скорее, как один из участников курултая, делился лишь своими впечатлениями о нем. Задавшись вопросом: можно ли считать курултай первым светлым (гүзәл һэйәт) событием в истории ОМДС, Р.Фахретдин сам же ответил, что совещание не стало величайшим событием, можно было бы организовать данное мероприятие еще лучше. Р.Фахретдин косвенно отметил просчет муфтия, который пригласил на совещание наиболее известных в регионах имамов, желая придать высокому собранию статус курултая улемов, но при этом не всегда учитывал их способности для законотворческой деятельности. На наш взгляд, в данном случае муфтий действовал как политик и стратег, а Р.Фахретдин рассуждал как практик. В другом своем произведении Р.Фахретдин объяснил растерянность участников курултая при разработке проекта устава отсутствием у них навыка по законотворческой деятельности⁷.

М.Бигиев участвовал в работе всех трех всероссийских мусульманских съездах 1905–1906 гг., исполнял обязанности секретаря III Всероссийского съезда мусульман, был членом комиссии по обсуждению программы партии «Иттифак аль-муслимин». Видимо, в 1908 г., когда стала очевидной невозможность реанимации распущенной партии, он задался целью написания истории становления и развития татарского общественного движения начала XX в. Емко и лаконично его роль в изучении этих политических процессов определил А.Ю.Хабутдинов, в частности, он писал, что М.Бигиеву «принадлежит историческая заслуга в создании наиболее полной и объективной картины общественного движения мусульман России в начале века, которая по своей значимости для татарской историко-

⁶ *Фахретдин Р.* Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Беренче жөзъ. Оренбург, 1907.

⁷ *Фахретдин Р.* Мәктәп вә зәкят, хәзинә вә земство ярдәме // *Фахретдин Р.* Дини вә ижтимагый мәсьәләләр. Сайланма хезмәтләр. Казан, 2011. 211 б.

графии может быть сравнена только с «Мустафад аль-ахбар» Шигабетдина Марджани»⁸.

Точкой отсчета своего повествования автор определил деятельность Габд. Ибрагимова, после его возвращения из Османского государства в Россию, по консолидации татар и организации политической партии мусульманских народов страны. Петиционную кампанию мусульман 1905 г., апрельское совещание улемов в Уфе, съезды партии «Иттифак аль-муслимин» М.Бигиев рассматривал как звенья одной цепи, хронологически следовавшие друг за другом, глубоко осознавая, что в них в основном принимали участие одни и те же общественные и религиозные лидеры, решая возникавшие задачи общественного развития мусульманского сообщества эпохи кардинальных перемен в России. Он писал, что и заседания совещания улемов, и заседания «смешанной» редакционной комиссии, которая на основании итогового документа курултая подготовила проект устава ОМДС, посланный в Комитет министров, стали точкой отсчета современного общественного движения мусульман, озаменовали его начало. По поводу общественно-политического значения итогового документа курултая М.Бигиев выразился емко и образно: «Уфимский проект стал интеллектуальной матерью («гакыллы анасы») всех родившихся в последующем проектов [в общественном движении мусульман. – И.З.]»⁹.

Не умаляя несомненные заслуги М.Бигиева в освещении Уфимского курултая, отметим некоторые его неверные толкования, которые возникавшие, скорее всего, из-за отсутствия достоверной информации о том, что происходило на заседаниях курултая, в котором М.Бигиев лично не принимал участия, и изложил их со слов участников.

М.Бигиев под впечатлением произведения «Корылтай», текст которого он широко использовал в своей книге, глубоко почитая казья как крупнейшего интеллектуала эпохи и отдавая дань уважения его исключительно высокой роли в составлении итогового документа курултая, пользуясь сохранившимися в его личной библио-

⁸ Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. Казань, 2003. С.71.

⁹ Бигиев М. Күрс. хезмәт // ФТ. 2017. №4. 101 б.

теке записями, имеющими отношение к данному мероприятию, порой слишком возвеличивал Р.Фахретдина, нередко это за счет ущемления роли оренбургского муфтия. В частности, автор утверждал, что несмотря на указание муфтия предоставить участникам курултая простор для сочинения проекта нормативного документа, он составил четыре проекта устава ОМДС вопреки предписанию М.Султанова. В действительности по поручению муфтия, начиная с момента службы в Духовном собрании, Фахретдин составлял такие записки. Автор также неуместно противопоставил курултай Духовному собранию, отметив, что оно явилось знаменательным событием, поскольку в «безжизненном» учреждении произошло первое живое собрание¹⁰. Между тем данное мероприятие было организовано ОМДС, итоговый документ был составлен стараниями руководства религиозного управления.

М.Бигиев справедливо отметил, что итоговый документ курултая, состоящий из 90 статей, это текст, принятый участниками курултая и затем переведенный и доработанный «смешанной» редакционной комиссией¹¹. Однако он ошибался, когда писал, что на Совещании уполномоченных мусульман Уфимской губернии (22, 23, 25 июня 1905 г.) был без изменений («хэрефкэ хэреф») принят именно итоговый документ курултая. Между тем, на данном мероприятии был утвержден негласно переданный оренбургским муфтием М. Султановым его председателю Мухаммадшакиру Тукаеву проект устава ОМДС, состоящий из 84 статьи (отосланный в Комитет министров). М.Бигиев утверждал, что и итоговый документ курултая, и протокол данного совещания были изданы типографическим способом. Однако сам не смог найти книжку с текстом итогового документа курултая. Ее не оказалась и в личной библиотеке Р.Фахретдина. М.Бигиеву вынужден был взять проект на русском языке, составленный Ю.Акчурой по просьбе депутатов-мусульман III Государственной думы. Ю.Акчура признался, что он взял в основу итоговый документ курултая (первые 90 статей), исправив некоторые слова, и дополнил его другими положениями из «протокола» №1 июньского Совещания уполно-

¹⁰ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 15 б.

¹¹ *Бигиев М.* Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 118 б.

моченных мусульман Уфимской губернии (ст.91–113). М.Бигиеву пришлось перевести текст на татарский язык. М.Бигиев также сообщал о том, что Ю.Акчура заменил термин «управление окружных ахунов» на «губернские меджлисы» («вилаят мәжлесләре»)¹².

Из русских авторов первым семнадцать статей проекта устава ОМДС 1905 г., назвав его «Проектом лиц высшего магометанского духовенства о преобразовании Оренбургского Магометанского Духовного собрания, представленный Оренбургским Муфтием в 1905 году», кратко проанализировал чиновник ДДДИИ С.Г.Рыбаков в части IV «Ходатайства и предложения мусульманских обществ, собраний и учреждений о преобразовании существующего порядка управления мусульманами» своей книги¹³.

Характерной чертой советской эпохи стал откровенно атеистическая направленность научных публикаций, нацеленных на дискредитацию места и роли ислама в духовной культуре и социальной жизни тюркских народов. Поэтому закономерным представляется желание авторов этих публикаций не замечать ОМДС в целом и Уфимский курултай в частности. Так, один из первых татарских «марксистов-историков» Галимджан Ибрагимов в своем фундаментальном труде «Революционные движения среди татар» общественное движение татар начала XX в. изложил по книге М. Бигиева «Исляхат эсаслары», однако о курултае упомянул лишь один раз – в контексте общественной деятельности татарской буржуазии¹⁴. Более подробно в своей переведенной на русский язык книге «Татары в революции 1905 года» с целью иллюстрации компромисса национальной буржуазии «с религией и исламизмом» Г.Ибрагимов сообщил о работе курултая и рассмотрел ряд статей проекта Ю.Акчуры и «богачей»¹⁵.

На фоне прекращения научных изысканий по исламу и национальному движению татар большим событием стала монография

¹² Бигиев М. Курс. хезмэт. 120 б.

¹³ Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг., 1917. С.48–51.

¹⁴ Ибрагимов Г. Татарлар арасында революция хәрәкәтләре // Ибрагимов Г. Әсәрләр. 8 томда. Тарихи хезмәтләр. Казан, 1984. 7 т. 270 б.

¹⁵ Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года / Перев. с тат. Г.Мухамедовой; под ред. Г.Ф.Линсера. Казань, 1926.С.172–174.

турецкого историка татарского происхождения Надира Давлета «История национального движения тюркских народов России (1905–1917)», изданная в Анкаре в 1985 г., которую в 1998 г. перевел на татарский язык Рабит Батулла¹⁶. В данном труде вкратце изложено содержание записок, поступивших в адрес курултая, по поводу итогового документа автор ограничился указанием количества его глав и статей.

Приметой постсоветского времени стал бум исламоведческих исследований, сопровождавшийся пересмотром устоявшихся стереотипов, сосредоточением внимания на национальной историографии. Об уфимском курултае писали А.Ю.Хабутдинов, О.Н. Сеньюткина, М.Н. Фархшатов¹⁷, Л.Ф.Байбулатова. О.Н. Сеньюткина рассматривала это событие в контексте предыстории 1-го Всероссийского съезда мусульман (Нижний Новгород, 15 августа 1905 г.), М.Н. Фархшатов – в рамках петиционной кампании мусульман Волго-Уральского региона 1905 г.

Профессор А.Ю.Хабутдинов первым из отечественных гуманитариев постсоветского времени начал изучать совещание улемов 1905 г., взяв в основу труд М.Бигиева. Первоначально исследователь рассматривал курултай в контексте истории общественного движения татар Нового времени и ограничился сообщением о том, что: «1–15 апреля 1905 г. в г.Уфе при Духовном собрании под председательством муфтия М.Султанова прошло заседание «Улама жәмгыяте» («Общества улемов»). Совещание было созвано по указанию председателя Кабинета Министров Сергея Витте для составления официального доклада, касающегося проблем мусульманской общины. В нем приняли участие улемы Казани, Перми, Касимова, Симбирска, Тюмени, Уфы, Каргалы, Москвы, Томска, Ханской Ор-

¹⁶ *Дәүләт Н.* Россия төркиләренң милли көрәш тарихы (1905–1917) / төрекчәдән Р.Батулла тәрж. Казан: Милли китап, 1998. 75–79 б.

¹⁷ *Фархшатов М.Н.* Мектеб или школа: прошения мусульман Волго-Уральского региона по вопросам образования за 1870–1890-е годы // НТ. 2010. № 2. С. 193–212; *Его же.* Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 г.: о модернизации государственного устройства России // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). Н.Новгород, 2012. С.76–89.

ды, Троицка, Стерлитамака, Астрахани, Санкт-Петербурга, Агрыза и Чишме. Основным докладчиком был казый Р.Фахретдин. Его предложения сводились к созданию миллета по оттоманскому образцу. Фахретдин также предложил передать казахов в сферу компетенции Собраний. Ю.Акчура особо отметил необходимость контроля Собранием за деятельностью мечетей, мектебов и медресе»¹⁸.

После успешной защиты в 2002 г. докторской диссертации изучение материалов курултая А.Ю.Хабутдиновым осуществлялось, главным образом, по трем темам. Это: 1) реформирование управления духовными делами, 2) проект реформы Р.Фахретдина и 3) проект Ю.Акчуры. Особенностью изложения материала можно назвать «пошаговый» принцип, когда в новых публикациях автора один и тот же текст повторялся и дополнялся новыми сведениями.

Авторы исследования «Совет улемов» (2005 г.) привели фамилии более десяти участников курултая, членов «комиссии по доработке петиции», тех, кто подписал проект Ю.Акчуры, и лишь поверхностно коснулись записки Ю.Акчуры¹⁹. По поводу проекта Р.Фахретдина было добавлено: о введении избираемого мусульманами поста Шейх уль-Ислама над всеми единоверцами в ранге имперского министра и признании вакуфной собственности по всей империи²⁰. В работе также приводилась ст.49 Протокола губернского совещания доверенных башкирских волостей Уфимской губернии (22, 23 и 25 июня 1905 г.): «Высшим органом миллета является съезд высшего духовенства, проводимый раз в 3 года «на предмет рассмотрения и обсуждения вопросов принципиального свойства, выдвигаемых жизнью, и согласования разрешения таковых с правилами шариата»»²¹.

В 2010 г. в статье «Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в.», в характеристику записки Ю.Акчуры, признав ее наиболее целостным документом, А.Ю.Ха-

¹⁸ *Хабутдинов А.Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – XX веков. Казань, 2001. С.196.

¹⁹ *Идрисов У.Ю., Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю.* Совет улемов. Н.Новгород, 2005. С.12–13.

²⁰ Там же. С.13.

²¹ Там же. С.14.

бутдинов добавил следующие моменты: о двух иерархических группах духовенства, двухуровневых общенародных выборах муфтия, двукратном увеличении численности казыев, избираемых высшим духовенством из своего состава сроком на 4 года, трехуровневой системе управления (Центральное правление (Мэркэз идарэ) – вилаят меджлисе (окружное управление ахунов) – приходское духовное управление), делении Духовного собрания на три отделения: ахуны управляют и контролируют вопросы правосудия в рамках махаллей, мухтасибы – финансовые и организационные вопросы, мударрисы – вопросы образования), положенные в основу создания Милли Идарэ (Национального Управления) в 1917 г.²²

В своей новой монографии «Институты российского мусульманского общества в Волго-Уральском регионе» (2013 г.) А.Ю. Хабутдинов подробно проанализировал проект Ю.Акчуры, поданный от имени группы татарских купцов, приведя дословно все пункты записки, касающиеся «Голяма шурасы»²³.

В работе, изданной в 2008 г., А.Ю. Хабутдинов отметил, что «его (курултая. – И.З.) решения во многом соответствовали программе Р.Фахретдина», озвученной на совещании улемов²⁴. Самый полный и детальный анализ предложений казья А.Ю. Хабутдиновым был осуществлен в статье «Голяма жэмгыате» апреля 1905 г. и проекты реформ Риза Фахретдина»²⁵ (2011 г.). Автор подчеркнул,

²² Хабутдинов А.Ю. Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: материалы одноименного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань, 2010. С. 166.

²³ Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского общества в Волго-Уральском регионе. М., 2013. С.73–75.

²⁴ Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татары на пути от средневековья к Новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). Казань, 2008. С.122.

²⁵ Хабутдинов А.Ю. «Голяма жэмгыате» апреля 1905 г. и проекты реформ Риза Фахретдина // Фахретдиновские чтения: материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции «Инновационные ресурсы мусульманского образования и культуры: Вторые Фахретдиновские чтения». М.-Н.Новгород, 2011. С.30–35.

что Р.Фахретдин выступил против концентрации власти на уровне губернских меджлисов, высказавшись за сохранение ее в Духовном собрании, отметил наличие у муфтия как религиозных, так и светских знаний, его осведомленность в вопросах просвещения (магари́ф) и права (хоку́к), знание русских стандартов, необходимость знания казиями русского языка. Автор статьи не анализировал вводную часть его текста, а по основной части его проекта привел: предложения об иерархическом трехуровневом составе духовенства, школ и институтов управления, а также полномочия каждого из них. Изложение содержания с указаниями пунктов осуществлено по главам проекта. А.Ю. Хабутдинов правомерно отметил предоставление мечети прав юридического лица.

По мнению О.Н. Сенюткиной, в проекте Ю. Акчуры, поданном от имени группы татарских купцов, выдвинута идея о необходимости решения не только религиозных, но и социально-политических вопросов. Она посчитала, что курултаю был представлен Ю.Акчурой разработанный 8 апреля 1905 г. общественными деятелями тюркского национального движения на квартире Габд. Ибрагимова в Санкт-Петербурге проект кардинального переустройства исламских конфессиональных структур²⁶.

Наиболее квалифицированный анализ разделов проекта Р.Фахретдина провела Л.Ф.Байбулатова, дав краткую характеристику его многогранной деятельности в ОМДС²⁷. Исследовательница отметила, что казый «с обновлением религиозного руководства связывал и обновление мусульманского сообщества округа, при этом он попытался соединить здесь как сохранение национально-религиозной идентичности, так и проявление подданнических чувств к российской власти. Однако, несмотря на готовность Ризаэтдина Фахретдина как чиновника сотрудничать с властью, желание сохранить религиозность и просвещение российских мусульман, его идеи не нашли отклика в Духовном собрании»²⁸.

²⁶ Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). Монография. Н.Новгород, 2005. С.33–34.

²⁷ Байбулатова Л.Ф. Проект реформы Оренбургского магометанского духовного собрания в начале XX века // ВКГУКИ. 2015. №4–1. С.35–40.

²⁸ Байбулатова Л.Ф. Указ. соч. С. 40.

В контексте участия Хасангаты Габаши и Ю.Акчуры в разработке проектов по управлению духовными делами мусульман по «Исляхат эсаслары» нами были проанализированы их записки, представленные курултаю²⁹.

Проект устава ОМДС 1905 г.

Современные авторы не знают подлинного названия законопроекта, адресованного в Комитет министров.

Путаница у А.Ю.Хабутдинова по поводу названия законопроекта началась с утверждения о том, что совещание улемов было созвано по указанию С.Ю.Витте для составления «официального доклада», касающегося проблем мусульманской общины³⁰. Законопроект, отправленный оренбургским муфтием М.Султановым в Комитет министров, А.Ю. Хабутдинов и Д.В. Мухетдинов в своем совместном исследовании (2005 г.) идентифицировали как «петицию», отметив при этом, что для ее доработки была образована представительная комиссия, затем «петиция» 12 мая 1905 г. с сопроводительным письмом муфтия была направлена в МВД³¹.

А.Ю.Хабутдинов первоначально не заметил какой-либо связи между апрельским курултаем и июньским совещанием уполномоченных мусульман Уфимской губернии 1905 г. В своей монографии «Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX века» (2001 г.) он дал краткий анализ «Протоколу Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения господина министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии», рассматривая его как оригинальный текст. В качестве важнейших требований отмечались: создание среднего звена управления на уровне ахунов,

²⁹ *Заһидуллин И.К.* Хәсәнгата Габәши хәтирәсе // ФТ. 2015. №2. 122–139 б.; *Его же.* Юсуф Акчура о реформировании управления духовными делами мусульман // Юсуф Акчура и симбирские купцы Акчурины: сб. статей. Казань, 2017. С.102–115.

³⁰ *Хабутдинов А.Ю.* Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – XX веков. Казань, 2001. С.196.

³¹ *Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В.* Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н.Новгород, 2005. С.18.

повышение статуса муфтия до единоличного главы миллета с правом доклада императору, превращение съезда высшего духовенства, проводимого раз в три года, в высший орган миллета, который приравнивался к квазипарламенту создаваемого по оттоманскому образцу автономного миллета³².

Со ссылкой на трехуровневую систему управления в коллективном исследовании «Совет улемов» (2006 г.) впервые констатировалось, что решения «Улама жэмгыяте» были озвучены на июньском совещании доверенных башкирских волостей Уфимской губернии³³.

Исследовательское чутье не подвело нижегородского профессора О.Н. Сенюткину: она правомерно идентифицировала проект устава ОМДС с «Проектом лиц высшего магометанского духовенства о преобразовании Оренбургского Магометанского Духовного собрания, представленным Оренбургским Муфтием в 1905 году», опубликованным под таким названием московским историком Д.Ю. Араповым в сборнике «Ислам в Российской империи». О.Н. Сенюткина привела также несколько цитат из этой аналитической записки чиновника ДДДИИ С.Г. Рыбакова, где представлено краткое содержание ряда статей данного законопроекта. При этом автор позиционировала документ в качестве «проекта оренбургского муфтия», проекта «за подписью муфтия». О.Н. Сенюткина считает, что «итогом дискуссий, происходивших в течение нескольких дней, явилось прошение из 90 пунктов за подписью М.Султанова. Были сведены воедино основные пункты прошений мусульман с «мест»³⁴.

При написании монографии «Татарское национальное движение (1860–1905 гг.) (2014 г.), из-за отсутствия под рукой книги М.Бигиева «Исляхат эсаслары», копию которой впоследствии мы сделали в библиотеке Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), характеристика совещанию улемов нами давалась, главным образом, по тексту монографии Надира Давлета.

³² Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX века. Казань, 2001. С. 197–198.

³³ Идрисов У.Ю., Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Совет улемов. Н.Новгород, 2005. С.13.

³⁴ Сенюткина О.Н. Указ. соч. С.31, 32.

Мы проанализировали проект устава ОМДС 1905 г., хотя тогда не были знакомы с его подлинным текстом, сумев выявить его по ранее опубликованным материалам. К такому заключению мы пришли после сопоставления ряда источников и фактов.

1. Р. Фахретдин в своей статье «Гомуми жавап» (Общий ответ) упомянул количество статей в законопроекте – 84.

2. Анализ «Протокола» июньского совещания уполномоченных мусульман Уфимской губернии 1905 г. позволил разделить его структурно на три части: 1) рекомендованный апрельским курултаем «Проект узаконения для магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания» (ст. 1–84). 2) Рекомендации правительству по пересмотру и упразднению ущемленного правового положения мусульман в России, в округе ОМДС. 3) Рекомендации правительству, губернатору, земству, направленные главным образом на решение социально-экономических проблем различных групп мусульманского населения Уфимской губернии.

3. Мы посчитали весьма проблематичным составление за столь короткий срок такого комплексного документа, обратив внимание: на его публикацию в «Уфимских губернских ведомостях» сразу после завершения совещания; на состав участников совещания (2/3 составляло духовенство), на председателя Мухаммадшакира Тукаева – участника апрельского курултая³⁵.

4. Содержание статей первой части протокола июньского совещания совпало с кратким содержанием ряда статей (4, 13, 14, 17, 18, 21–29, 46–48) законопроекта, который проанализировал в своей записке столичный чиновник С.Г.Рыбаков³⁶.

Комплексный анализ позволил идентифицировать статьи 1–84 «Протокола» июньского совещания уполномоченных мусульман Уфимской губернии «для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения»

³⁵ Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань, 2014. С. 388–389.

³⁶ Рыбаков С. Г. Указ. соч. С.48–50.

(22, 23 и 25 июня 1905 г.) как статьи проекта устава ОМДС, поступившего в правительство³⁷.

Таким образом, на сегодняшний день введены в научный оборот проекты Р.Фахретдина, Хасангаты Габаши, Ю.Акчуры, проект устава ОМДС 1905 г., весьма фрагментарные сведения об итоговом документе курултая, другие материалы уфимского курултая оставались вне поля зрения отечественных специалистов. Это упущение призвана устранить данная монография.

³⁷ *Загидуллин И.К.* Указ. соч. С.375–387. Теперь можно добавить, что существенные различия имеются по двум пунктам: 1) Исходя из названия, зафиксированного в протоколе, в монографии называем этот документ «Проект узаконения для магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания», в оригинале же он имеет название «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского Духовного собрания». 2) Видимо, с целью завуалировать текст законопроекта и придать ему характер резолюции собрания организаторы июньского совещания изъяли из текста «отделения», сохранив при этом все статьи.

ГЛАВА I

Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

1.1. Новые явления в деятельности ОМДС

В первой главе монографии рассмотрим темы и сюжеты, имеющие непосредственное отношение к законотворческой деятельности муфтия и членов ОМДС и к выработке системного подхода в социально-правовом регулировании жизнедеятельности исламских институтов духовного округа и социальной жизни мусульман в условиях модернизации российского общества.

В Российской империи было учреждено всего четыре религиозных управления мусульман. На формирование религиозно-духовных округов оказало влияние не только деление уммы на суннитов и шиитов, но и геополитические условия, время присоединения мусульманских народов к России, их образ жизни и другие факторы. В 1788 г. было создано Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС). В 1794 г. было объявлено об учреждении Таврического магометанского духовного правления (ТМДП), штаты которого были утверждены лишь в 1831 г. В 1872 г. были образованы управления духовенством шиитского и суннитского направлений в Закавказье, которые не распространялись на Черноморскую губернию, Дагестанскую, Батумскую и Карскую области, Закатальский и Сухумский округа. Не имели религиозных управлений мусульмане, расселенные в Кубанской и Терской областях и Ставропольской губернии.

Создание Духовного собрания стало инструментом формирования лояльных к устоям империи групп духовных лиц из числа российских подданных. Это духовенство было призвано противодействовать проникновению исламской идеологии из Османского государства и среднеазиатских ханств. Учредив Духовное собрание, са-

модержавие признало приходское мусульманское духовенство Европейской части России и Сибири, став тем самым на путь сотрудничества, имея целью в перспективе привлечь мулл к выполнению ряда административных функций. Вступая на должность, в присутствии имама и представителя местной власти, духовное лицо с Кораном произносил «Клятвенное обещание» на верность российскому престолу, содержание которого соответствовало тексту «Клятвенного обещания» лица, вступающего в чиновничью должность.

Легализация приходского мусульманского духовенства и учреждение религиозного управления свидетельствовали о встраивании ислама в общеимперское правовое поле посредством принятия локальных законодательных актов по частным случаям, или посредством ведомственных предписаний, циркуляров.

Территория округа ОМДС была определена именным указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Сенату об организации в Уфе специального религиозного управления. Новый правительственный орган был призван осуществлять руководство мусульманским духовенством империи, за исключением Таврической губернии. В 1868 г., в соответствии с «Временным положением о преобразовании управления киргизскими степями Оренбургского и Западно-Сибирского ведомств и Уральским и Сибирским казачьим войском», духовные дела казахов во вновь учрежденных Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях были изъяты из подчинения ОМДС. Оно продолжало курировать лишь татарские общины, переселившиеся из внутренних губерний. Таким образом, можно констатировать, что в округ ОМДС входила территория, оказавшаяся в составе России во второй половине XVI в. – второй трети XVIII в., за исключением Таврической и западных губерний, Кавказа и Закавказья, Туркестана и степных областей. Огромное евразийское пространство, по мере его хозяйственного освоения, а также в результате миграции, ссылок, урбанизационных процессов постепенно заселялось мусульманами из внутренних губерний.

К 1889 г. численность приходов в округе ОМДС увеличилась до 4254, наличных душ прихожан мужского и женского пола – до

3 405 460. Ахунов числилось 65, хатибов – 2734, мударриссов и имамов – 2621, муадзинов – 1783¹.

Согласно сведениям Первой всеобщей переписи 1897 г., в России (исключая Бухарское и Хивинское ханства) проживало 13,6 млн. мусульман, или 11,6% всех российских подданных, в том числе в Европейской части России – 3,5 млн., в Сибири – 126 тыс., в Средней Азии – около 7 млн., на Кавказе – 3,2 млн. Удельный вес мусульман в каждом из перечисленных регионов заметно различался. Если в Средней Азии и на Кавказе они составляли значительный контингент жителей – соответственно 90,29% и 34,54%, то в Европейской части России и Сибири – всего 3,8% и 2,2%². В начале XX в. компетенция ОМДС распространялась на 84 губернии, 5 областей, 6 градоначальств центральной России, Поволжья, Приуралья и Сибири³.

По мере расселения мусульман в центральных губерниях, на окраинах, в Сибири формирующиеся на новом месте обитания махалли расширяли границы округа ОМДС. В случае обращения татарских общин, состоявших из уроженцев Поволжья и Приуралья, обустроившихся в городах, промышленных центрах и других местах в западных губерниях, Великом Княжестве Финляндия, на Закавказье и др., по вопросам утверждения имама и возведения мечети с образованием прихода Духовное собрание курировало их в религиозно-административном отношении, создавая тем самым основы своего влияния.

ОМДС выступало перед центральными и местными органами власти в качестве защитника интересов духовенства и приходов,

¹ В память столетия Оренбургского магометанского Духовного собрания, учреждённого в Уфе // Оренбургское магометанское Духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: материалы одноимённого научного семинара, посвящённого 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань, 2011. С. 197–198.

² Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. Разработан Центральным статистическим комитетом министра внутренних дел по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1901. С.2–5.

³ Фархитов М. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М.Прозоров. Т.1. М.: Вост. лит., 2006. С.288.

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

оно оказывало идеологическое воздействие на мусульманское население⁴.

Духовное собрание представляло собой коллегиальное учреждение, состоящее из муфтия и трех казыев (заседателей) и служащих канцелярии, и дела решались простым большинством голосов его членов. Личные решения муфтиев не имели силы судебных приговоров и не принимались к исполнению. Оренбургский муфтий назначался императором.

Постепенно расширялась компетенция ОМДС по управлению исламскими институтами. С 1801 г. на ходатайства мусульман о постройке мечетей и организации общественного богослужения губернские правления предварительно получали заключение Духовного собрания. В 1830 г. религиозное управление получило право решать по правилам шариата случаи неповиновения детей их родителям и, тем самым, получило право «совестного суда», 1836 г. – компетенцию рассматривать дела по разделу наследственности по нормам шариата, в 1849 г. – право наказывать мулл за проступки. В 1841 г. были «высочайше» утверждены правила о браках и разводах мусульман по законам шариата. С 1856 г. ОМДС самостоятельно стало осуществлять переименование пятiverременных мечетей в соборные.

В конце XIX в. ОМДС, как правительственное учреждение, разрабатывало нормативно-правовые акты, предусматривающие системное регламентирование жизнедеятельности исламских институтов: разъяснение духовным лицам относительно ведения метрических книг и об обязанностях духовных лиц от 28 мая 1892 г., «Правила о ведении метрических книг» от 15 октября 1893 г., «Дополнительные правила для руководства приходским имамам по ведению метрических книг» от 31 марта 1894 г., «Правила для руководства приходским муллам при разделах наследственных имуществ умерших мусульман» от 21 июня 1893 г., «Временные правила о погребении умерших от холеры магометан» 2 сентября 1892 г., Правила раз-

⁴ Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин; сост. указ. Р.М. Залялетдинова. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. С.79–80.

дела имуществ по шариату (1893 г.), Правила по управлению вакуфными имуществами (1894 г.) и т.д. В деятельности религиозного управления отчетливо наметилась тенденция по систематическому разъяснению отдельных догматических и вероисповедных вопросов в исламе, вызывающих затруднения у духовных лиц. За счет брачных сумм мусульман М.Султановым было построено каменное здание архива ОМДС, началась систематизация архивных материалов, составление описей документов⁵.

Начиная с 1829 г. в архив Собрания от старших мулл приходов ежегодно поступал и хранился 2-й экземпляр метрических книг, По сути, собрание являлось нотариальной конторой актов гражданского состояния всех сословий мусульманского населения Волго-Уральского региона и Сибири.

Постановления коллегиальных присутственных мест, каковым являлось ОМДС, фиксировались в журналах, составляемых по установленной форме. Они заключали в себе изложение не только обстоятельств дела и окончательных постановлений учреждения, ссылки на законы, служащие основанием для принятия решения.

Деятельность религиозного управления контролировалась МВД и местным губернским начальством

К ведению Духовного собрания относились следующие вопросы:

- 1) производство испытаний лицам, желающим занять духовную должность;
- 2) надзор за исправным исполнением муллами своих духовных обязанностей, и наложение взысканий за нарушения;
- 3) рассмотрение дел о постройке мечетей и назначении к ним духовных лиц;
- 4) рассмотрение дел по заведыванию метриками;
- 5) решение в качестве второй инстанции жалоб на приходское духовенство по следующим делам:
 - а) дела о порядке богослужения, обрядах и исправлении треб;

⁵ Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань, 2011. С.7–8.

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание
на рубеже XIX–XX столетий

- б) вопросы о заключении и расторжении браков;
- в) жалобы по завещаниям или разделам наследственных имуществ;
- г) дела о неповиновении детей родителям;
- д) вопросы о нарушении супружеской верности;
- б) рассмотрение дел по заведыванию метрическими суммами, брачными и другими сборами;
- 7) осуществление контроля над управлением приходскими (мечетскими) и школьными имуществами;
- 8) рассмотрение прошений о причислении к приходам лиц, уклонившихся в магометанство из других исповеданий⁶.

Контакты Духовного собрания с приходским духовенством осуществлялись через губернские правления.

По исламу, муфтий (*араб.* – высказывающий мнение, дающий фетву) – знаток шариата, дающий разъяснение его основным положениям и принимающий решения по спорным вопросам в форме особого заключения (фетвы). У оренбургских муфтиев такие права были изъяты, осталось, по сути, одно название, которое ассоциировалось с духовным главой мусульман соответствующего округа. Их права по изданию фетв и выносу суждений по шариатским делам российской властью были делегированы ОМДС. Муфтий выступал в качестве председателя ОМДС. Постановления Духовного собрания имели силу только в случае участия в его заседаниях не менее трех членов из четырех.

Личные распоряжения муфтия не имели силы судебных приговоров и не принимались к исполнению. Муфтии практиковали издание наставлений, что соответствовало исламской традиции. Разница между наставлениями муфтия и решениями ОМДС заключалась в том, что тексты наставлений имели рекомендательный характер, а постановления были обязательны для исполнения.

В российских реалиях, по мнению Р.Фахретдина, «муфтии ОМДС находились достаточно в неоднозначном положении. С одной стороны, их назначало на эту должность правительство, поэтому они вынуждены были служить проводником их политики в ок-

⁶ РГИА, ф.821, оп.133, д.625, л.19 об.–20.

руге ОМДС, поэтому, проводя непопулярные меры среди мусульман, они теряли их уважение; в то же время правительство стремилось назначать на эти должности преданных себе людей и мало сведущих в религиозных науках, что часто становилось причиной отсутствия авторитета муфтия среди ученых-богословов. Неудовлетворительная работа заседателей также не добавляла популярности и уважения Собранию среди мусульман. С другой стороны, муфтии все же стремились к упрочению положения, расширению функций ОМДС, о чем свидетельствуют их проекты об изменении выборов заседателей, предоставлении им более широких прав»⁷.

В ОМДС поступали также дела, связанные с деятельностью конфессиональных школ. После их передачи в 1874 г. в ведение Министерства народного просвещения (МНП) на обращения правительственных органов и должностных лиц религиозное учреждение, как правило, отписывалось тем, что этот вопрос не входит в его компетенцию.

Духовное собрание в своих постановлениях убеждало имамов в необходимости не допускать насильственных браков, рассматривало обращения женщин, которые жаловались на родителей, принуждавших их к вступлению в брак по принуждению, и своими постановлениями стремилось добиться выхода замуж по желанию.

Хотя официально в документах ОМДС часто именовалось «Махкама-и шаргыя Ырынбургия» и должно было выступать в качестве суда апелляционной инстанции, его деятельность отличалась от шариатского суда. Мусульманам не обязательно было ехать в Уфу, чтобы представлять свои дела и защищать их в суде, достаточно было обратиться в ОМДС с письменной жалобой. Споры в сфере наследственного и семейного права Духовное собрание решало по фикху. По делам о неповиновении родителям и нарушении супружеской верности религиозное учреждение ограничивалось «увещеваниями и наложением духовного наказания и исправле-

⁷ Байбулатова Л.Ф. История Оренбургского магометанского духовного собрания в личной и делопроизводственной переписке муфтиев (по своду «Асар» Р.Фахретдина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2013. №3. С.52.

ния». Предание суду и возбуждение судебного преследования также не входили в его функции. Духовное собрание могло лишь сообщить светским властям о незаконных поступках духовных лиц и вынести рекомендацию о возбуждении уголовного дела⁸.

В своей деятельности Духовное собрание руководствовалось своеобразным синтезом норм шариата и общероссийского законодательства. Под давлением властей Духовное собрание принимало постановления, запрещавшие религиозным служителям применять те положения шариата, которые явно противоречили законам Российского государства. Запреты в основном касались системы наказаний за нарушение норм общественной нравственности и порядка, предусмотренных мусульманским правом.

Формирование татарской нации в рассматриваемое время проходило «под религиозной оболочкой» – как становление миллета под эгидой ОМДС. По мнению чиновников (1872 г.), Духовное собрание превратилось в «центр тяготения для всего.... духовенства, обуславливающий как внутреннюю связь между его членами и единство их духа и общего направления, так и связь между духовенством и всем магометанским населением, в котором сам факт существования этого центрального духовного управления упрочивает сознание их племенного и религиозного единства»⁹. Деятельность управления в целом служила усилению исламских ценностей среди татар и башкир, их духовной консолидации, ОМДС выступало в качестве верхнего звена религиозно-культурной автономии мусульманских народов, локализованных в махаллях.

В иерархической системе государственных органов Российской империи статус религиозного управления был определен как «среднее судебное место». Духовное собрание представляло собой коллегиальное учреждение, состоящее из муфтия и трех казыев (заседа-

⁸ Гарипова Р.Р. Политика брака и развода у мусульман Волго-Уральского региона в имперской России конца XIX – начала XX века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып. 2. Казань, 2011. С.169–176.

⁹ Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч.1. М.-Л., 1936. С.206.

телей) и служащих канцелярии, дела решались простым большинством голосов его членов.

Введение русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности

До Первой русской революции 1905–1907 гг. стремление правительства по распространению русского образования среди мусульман в целом совпадало со взглядами джадидов, не оказывавших существенного влияния на единоверцев и на развитие мусульманского сообщества. В этом смысле правительство и джадиды были своеобразными союзниками.

М. Султанов вступил в должность оренбургского муфтия в начале марта 1886 г. и, осознав неготовность заседателей ОМДС (сельских мулл) исполнять свои обязанности, посчитал необходимым ввести обязательное знание русской грамоты для членов Собрания в объёме курсов татарских учительских школ или уездных начальных училищ, а для ахунов и хатибов (старших мулл) городских махаллей и штатных военных мулл в регулярных и казачьих войсках – по программе начальных народных училищ. Что касалось основной массы мусульманских духовных лиц, возглавлявших сельские приходы, то муфтий считал преждевременным распространять на них вышеупомянутое требование, предложив при выборе из нескольких кандидатов отдавать предпочтение тому, кто владеет русской грамотой¹⁰.

Как видим, вновь назначенный муфтий считал необходимым обязать проживающих в поликультурной среде старших мулл (хатибов), которые в первую очередь взаимодействовали с властями, знать русскую грамоту. По его, российского чиновника, логике, получалось, что чем выше русское образование у казыев, тем успешнее они будут выполнять свои обязанности. Второй ошибкой муфтия явилось, уверенность в том, что сможет найти на должности казыев лиц, окончивших татарские учительские школы или уездные училища. В Казанской губернии, духовенство которой из своей среды избирало заседателей ОМДС, таких лиц не было. Все это свиде-

¹⁰ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1074, л. 5–6 об.

тельствоvalo о некомпетентности М.Султанова, которому в ускоренном режиме приходилось вникать в эту новую сферу.

Воспользовавшись инициативой муфтия, МВД предложило свой проект, который получил силу закона 16 июля 1888 г.¹¹ Согласно новому закону, с 1891 г. кандидаты на должность заседателей Духовного собрания должны были сдавать экзамен в объеме курса четырех первых классов гимназии или КТУШ, или уездных, городских и двухклассных начальных училищ; кандидаты на должности ахунов и хатибов в городах – по программе курса одноклассного народного училища; кандидаты на должность мулл в сельской местности должны были представить свидетельства уездных училищных советов о знании ими русской разговорной речи. Как видим, список лиц, могущих претендовать на должность казья, был расширен за счет обучавшихся в гимназии и городских уездных училищ, т.е. за счет мусульман, которые вряд ли имели религиозное образование.

В условиях отсутствия в Казанской губернии мулл, соответствующих данному образовательному цензу, татарскую буржуазию насторожило сильно завышенные и пецифические критерии к кандидатам на должность казья. По этой причине она усмотрела в нововведении план правительства парализовать и закрыть религиозное управление или же его трансформировать, полностью лишив возможности взаимодействовать с приходами.

Под давлением петиционной кампании 1889–1890 гг. правительство разработало «облегченный» вариант правил¹², который лег в основу императорского указа от 11 октября 1890 г.¹³ С 1891 г. от кандидатов в члены ОМДС требовалось свидетельство об умении читать и писать на русском языке, лишь с 1896 г. они должны были иметь свидетельства – об окончании курса в городском училище, кандидаты в сельские муллы – свидетельства об умении разговаривать и писать на государственном языке.

¹¹ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 800, л. 243–245.

¹² РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1071, л. 85–86.

¹³ ПСЗ–3. Т. 10. № 7120.

Следует отметить, что Султанову самому пришлось преодолевать установленные критерии казиям, договариваясь со столичными чиновниками. Так, утвержденный 15 января 1891 г. казием ОМДС прибывший из деревни Р.Фахретдин, благодаря справке самарского губернатора о том, что он умеет читать и писать по-русски¹⁴, «проскочил» указ от 11 октября 1890 г. При назначении на следующий трехлетний срок он подпал под закон о русском образовательном цензе. Под предлогом длительности процедуры экзамена, по личной просьбе муфтия, министр утвердил его в должности без сдачи обязательного экзамена по русскому языку. Очевидно, за годы службы в ОМДС Р.Фахретдин, занимаясь самообразованием, хорошо усвоил русскую грамоту, но факт остается фактом: вплоть до увольнения он оставался казием, не имеющим ни свидетельства об умении читать и писать на русском языке, ни свидетельства об окончании курса в городском училище, что требовалось начиная с 1896 г.

Утвержденный в 1893 г. казием мирза Гиниатулла Капкаев, окончивший Кшкарское медресе и ранее служивший муллою при 2-й соборной мечети дер. Большая Поляна Инсарского уезда Пермской губернии, имел свидетельство об успешной сдаче экзамена в комиссии Саранского уездного училища (от 9 января 1893 г.)¹⁵, однако перед повторным назначением не стал испытывать судьбу и отказался от экзамена на уровне курса городского училища¹⁶. Принимая во внимание аргумент муфтия о том, что у него нет других кандидатов на должность казья, имеющего образовательный ценз, министр утвердил Капкаева на следующий срок¹⁷. При последующих его утверждениях директор ДДДИИ деликатно не поднимал данный вопрос, и Г.Капкаев так и остался малограмотным по-русски казием, кое-как способным изъясняться на государственном языке.

¹⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.26.

¹⁵ Там же, л.43.

¹⁶ Хасангата Габаши утверждал, что из-за того, что Г.Капкаев плохо знал русский язык, на Особое совещание по мусульманским делам 1914 г., куда он был направлен, ему на помощь в качестве переводчика был приглашен мулла 2-го столичного прихода Мухаммадсафа Баязитов (*Габэши Х. Күрс. хезмэт // ФТ. 2015. №3. 134 б.*).

¹⁷ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.68–73.

Новый порядок определения казыев

Через полгода после вступления на должность муфтий, желая начать реформы в Духовном собрании, 31 августа 1886 г. представил министру внутренних дел свой проект по выборам казыев. Вместо уездных собраний, практиковавшихся в Казанской губернии¹⁸, предлагалось организовать на местах приходские съезды духовных лиц из следующего расчета: в первом избирательном округе – один делегат от 20 сельских мусульманских обществ, в остальных двух – от 10 махаллей.

Приходские и губернские выборы должны были проводиться тайным голосованием, решением простого большинства голосов. Проведение уездных и губернских съездов входило в обязанности губернских правлений. Они избирали председательствующих на съездах духовенства, а право назначения председателя губернского съезда уполномоченных мусульманских духовных лиц возлагалось на местного губернатора. Была разработана четкая процедура утверждения заседателей местной администрацией. В основу проекта муфтий положил главный принцип выборного начала – равноправное и равномерное участие в выборах мусульманских духовных лиц Европейской части России. В первом округе вопрос был передан в компетенцию уфимского губернатора. В каждом из двух других округов из числа представленных начальниками губерний избранных лиц министр внутренних дел назначал одного заседателя и кандидата к нему¹⁹. Однако МВД, воздержавшись от этого проекта и ориентиру-

¹⁸ История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн.2. Население, конфессии, благотворительность / Авторы-сост. И.К.Загидуллин, Н.С.Хамитбаева, Л.М.Свердлова, Л.Ф.Байбулатова, Х.З.Багаутдинова. Казань, 2011. С.386–388.

¹⁹ Уфимская губерния (1366 приходов с 2240 ахунами и муллами) была выделена в самостоятельный избирательный округ. Оренбургская, Казанская и Астраханская губернии были объединены во второй избирательный округ (1360 приходов и 2051 духовное лицо). Третий избирательный округ (1360 приходов и 1934 духовных лица) объединял 13 административно-территориальных единиц Российской империи, в которых в середине 80-х гг. XIX в. функционировало от 10 до 271 мусульманских приходов (Самарская, Саратовская, Симбирская, Пензенская, Вятская, Нижегородская, Пермская, Тамбовская, Рязанская, Уральская,

ясь на принцип доверия, предложило муфтию составить законопроект о назначении казыев по рекомендации самого муфтия²⁰.

Закон от 11 января 1890 г. «Об изменении существующего порядка выбора членов в Оренбургское магометанское духовное собрание»²¹ предоставил М.Султанову право личного выбора кандидатов в заседатели ОМДС и возможность ослабить до 1896 г. требования к ним по русскому образовательному цензу.

Муфтием также была определена очередность выбытия членов религиозного управления: в 1890 г. выбыл Хисмутдинов, в 1891 г. – З.Максудов, в 1892 г. – М.Сулейманов. М.Султанов стремился преломить ситуацию в ОМДС в свою пользу, подобрать мулл, желающих посвятить себя служению мусульманскому сообществу.

Итак, благодаря прозорливой кадровой политике муфтия в ОМДС были привлечены талантливые и равнодушные к судьбе уммы молодые имамы, из них Р.Фахретдин (1891–1906 гг.), Габдерашит Ибрагимов (1892–1893 гг.), Хасангата Габаши (1895–1899 гг.) заявили о себе как крупные религиозные деятели, просветители, стали общенациональными лидерами мусульманского сообщества округа ОМДС. Новое поколение казыев сыграло весомую роль в совершенствовании деятельности религиозного учреждения, повышении его авторитета среди единомышленников. Новые лица способствовали распространению идеологии джадидизма.

Томская, Тобольская губернии и Букеевская Орда)¹⁹. Права выбора лишились регионы, где было менее 10 махаллей, – Московская (1 приход), Петербургская (4 прихода), Костромская (2 прихода), Херсонская (2 прихода), Енисейская (2 прихода) губернии, а также Семипалатинская (14 приходов) и Акмолинская (9 приходов) области из-за отдаленности и незначительности в них мусульманских общин. Выборщикам второго и третьего округов разрешалось избирать заседателей и кандидатов к ним не только из числа духовенства всей губернии (что распространялось и на первый округ), но и из числа известных им достойных мулл и ахунов из вышеперечисленных губерний, лишенных права выдвижения своих кандидатов. В результате эта группа духовных лиц теоретически получала возможность быть избранными в Духовное собрание.

²⁰ РГИА, ф. 821, оп.8, д.620, л. 30–30 об.

²¹ ПСЗ–3. Т. 10. № 6521.

Политика коренизации в стенах ОМДС

Делопроизводство в присутствии Духовного собрания осуществлялось на русском языке и подчинялось единому порядку общих губернских учреждений. В то же время сохранялись существенные особенности. Письма от духовных лиц поступали на татарском языке. С одной стороны, казии, недостаточно знакомые с канцелярским порядком и не подготовленные для рассмотрения документов на русском языке, создавали серьезные затруднения для секретаря и столоначальников, с другой – канцелярским работникам, не знающим татарского языка, содержание писем приходилось узнавать после перевода текстов. Это обстоятельство обусловило привлечение на должности столоначальников лиц, знающих и русский, и татарский язык.

Поскольку большинство татарских духовных лиц не знали государственного языка и русский образовательный ценз для поступающих на духовные должности был введен только в 1891 г., печатные предписания из Духовного собрания доводились до них на русском языке с переводом на татарский. Иначе говоря, в Духовном собрании татарский язык являлся языком делопроизводства. Такой порядок был обусловлен и важностью миссии, которую правительство возложило на мулл.

Одним из важных направлений деятельности муфтия М.Султанова в рамках ОДМС стала политика коренизации, в целом он продолжал линию своего предшественника на этой должности – С.Тевкелева. Первоначально, в целом, эта политика была направлена на улучшение качества делопроизводства за счет привлечения на небольшую заработную плату сотрудников, владеющих двумя языками, а привела к качественным изменениям в стенах Собрания. В 1890-е гг. ключевые должности столоначальников и секретаря стали занимать татары. Таким образом, ОМДС стало подлинно татарским религиозным учреждением.

В состав канцелярии Собрания входили секретарь, три столоначальника, канцелярские работники. При отсутствии в штате ОМДС должности прокурора, призванного контролировать за деятельностью религиозного управления и соблюдение закона, секретарь, помимо своих прямых обязанностей, являясь представителем правительства в

присутствии, был «оком государевым». Не случайно со дня учреждения религиозного управления эту ответственную должность занимали русские чиновники. Пользуясь отсутствием специальной регламентации порядка определения на канцелярские должности, М.Султанов стал последовательно проводить политику замены русских служащих на мусульман. Последним русским, исполнявшим в 1888–1891 гг. обязанности секретаря Собрания, был коллежский асессор Яков Алексеев Дмитриев. После его увольнения некоторое время место оставалось вакантным. 5 декабря 1891 г. на эту должность впервые был определен мусульманин – коллежский асессор Суфияхмет Абсуттаров Кадыргулов. С 1 сентября 1901 г. эту должность занимал коллежский асессор Салих Валиулич Терегулов, окончивший 4 класса Уфимской мужской гимназии и начавший трудовую карьеру в 1869 г. канцелярским служителем ОМДС, последовательно занимая должности помощника столоначальника, переводчика, столоначальника и прихода-расходчика. Он принимал активное участие в общественной жизни мусульманской общины губернского города²².

В начале XX в. этнический состав канцелярских работников характеризовался преобладанием мусульман. Батырхан Сеидгареевич Мутин, получивший «домашнее образование», начав карьеру в стенах ОМДС канцелярским служителем, затем работал переводчиком, в 1901 г. был назначен столоначальником первого стола.

Выпускник КТУШ Хисматулла Нигматуллин Фаткуллин, 38 лет, был зачислен в штат канцелярии Духовного собрания 30 декабря 1905 г., с 9 сентября 1908 г. исполнял обязанности столоначальника второго стола, по совместительству работал преподавателем русского языка в Усмановском медресе (приход первой мечети г. Уфа).

Столоначальником по третьему столу с 11 августа 1901 г. состоял Сулейман Ибрагимович Мамлеев, окончивший 2 класса Уфимской мужской гимназии.

Должность регистратора с 1883 г. занимал Шарафутдин Назмитдинович Терегулов, выпускник Уфимского уездного училища.

Должности переводчиков традиционно занимали мусульмане. С 1901 г. эту обязанность успешно выполнял Мирсаид Мухамедзари-

²² РГИА, ф.821, оп.8, д.619, л.93–93 об.

фович Актуганов, выпускник Оренбургской татарской учительской школы.

Помимо этих чиновников в канцелярии собрания служили 14 канцелярских работников и служителей, из них только половина были русской национальности²³.

Самостоятельная кадровая политика М.Султанова вызывала ропот чиновников и воспринималась как потеря ими контроля над ОМДС. После Первой русской революции 1904–1905 гг. столичные чиновники констатировали, что «по мере распространения среди населения идеи о связи между религиею и национальностью, Духовному собранию присваивается значение мусульманско-татарского учреждения, как преставителя передового племени среди других мусульманских народностей России»²⁴.

Помимо улучшения делопроизводства за счет сотрудников, знающих два языка, политика коренизации позволила муфтию сосредоточить в стенах ОМДС в большинстве своем мусульман-прогрессистов, разделяющих взгляды джадидистов на модернизацию мусульманского сообщества России. Следует специально отметить, что благодаря назначению на должность секретаря грамотных лиц из числа мусульман произошло существенное ослабление правительственного контроля над деятельностью ОМДС.

Составление нормативных документов для духовенства

«Муфтият был чисто бюрократическим учреждением не только по составу и методам руководства, но и по ведению делопроизводства»²⁵.

1 февраля 1900 г. М.Султанов возбудил ходатайство перед МВД о разрешении опубликовать, в виде отдельного сборника, изданные в разные годы циркуляры, правила и разъяснения религиозного учреждения на русском языке с переводом на татарский. Для издательских

²³ РГИА, ф.821, оп.133, д.525, л.16–18 об.

²⁴ РГИА, ф.821, оп.133, д.525, л.57.

²⁵ *Фархитов М.* Оренбургское магометанское духовное собрание и журналы его присутствия как источник по истории мусульман Российской империи // Тюрко-татарский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. (К 80-летию М.А.Усманова): сб. статей. Казань, 2015. С.276.

расходов он просил взять из сумм брачного сбора мусульман 500 руб. с обязательством возвращения денег после продажи тиража книги. К своему письму муфтий приложил составленный казыем Р.Фахретдином текст сборника. Анализ представленного материала был сделан коллежским секретарем А.Зиновьевым, который отметил ряд недочетов. В частности, он указал на поучение мусульман муфтием М.Султановым дано только на татарском языке, рекомендовал убрать из наставления муфтия предложение «Духовенство не должно прибегать в своих проповедях, подобно светской власти, к угрозам»²⁶.

Документы на русском и татарском языках были изданы под названием «Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг.», он был утвержден к печати цензурой 14 августа 1901 г.²⁷ В сборнике было опубликовано 69 документов. Благодаря пометке о том, что сборник издан с разрешения МВД, эти предписания стали приниматься во внимание и местными властями.

31 января 1904 г. М.Султанов вновь обратился в МВД с ходатайством о разрешении издать сборник с некоторыми дополнениями. 11 сентября того же года министр дал «добро», предписав убрать из текста частные указы муфтия²⁸. А 25 сентября 1904 г., «вдогонку» к этому письму, было послано новое указание: изъять из сборника надпись о том, что сборник издан с разрешения МВД: «Такое разрешение могло последовать лишь после всестороннего рассмотрения этой книги с целью одобрения ее к напечатанию. Между тем предложение Министерства о неимении препятствий к изданию сборника состоялось под условием представления книги на предварительное одобрение светской цензуры»²⁹. Новое издание прошло цензурную проверку, о чем свидетельствует надпись в книге: «дозволено цензурою 24 ноября 1904 г.».

²⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.627, л.9–10.

²⁷ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг. / сост. Р.Фахретдинов. Уфа, 1902.

²⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.627, л.21–21 об.

²⁹ Там же. Л.22.

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

В изданном в 1905 г. «Сборнике циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг.» представлено 120 предписаний и предложений, поступивших из Сената, МВД, губернских правлений, а также постановления ОМДС и другие материалы. Почти половина материалов впервые вводились в общественный оборот³⁰. Ко времени председательства в ОМДС муфтия Габдулвахида Сулейманова (1840–1862 гг.) относится два опубликованных в нем документа (помещены и в издании 1902 г.), Салимгарея Тевкелева (1865–1885 гг.) – восемь, в том числе пять новых документов³¹. Сборник позволяет сделать некоторые выводы о работе, проделанной ОМДС в период муфтийства М.Султанова по регламентации жизнедеятельности исламских институтов. Основная часть материалов сборника относится ко времени председательства муфтия М.Султанова (109), из них лишь 12 документов были изданы в 1886–1890 гг., в том числе 4 новых³².

Анализ содержания издания позволяет реконструировать приоритеты административной практики Собрания предыдущих лет и принципы составления самого сборника циркуляров и постановлений. В сборник были включены лишь те апелляционные дела му-

³⁰ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. С.3–4.

³¹ Предложения ДДДИИ за №1001 от 7 сентября 1867 г. о запрещении иметь муллам печати (№4), за №894 от 4 марта 1880 г. о невмешательстве ОМДС в дела туземцев Туркестанского края (№7); циркулярные указы ОМДС за №1698 от 8 июля 1881 г. об амри-магруфф (№8), за № 3099 от 18 сентября 1881 г. о амри-магруфф и нахи-мункир (№9); предложение министра внутренних дел уфимскому губернатору за №2210 от 28 мая 1885 г. о разрешении брака еврейки с мусульманином (№11).

³² Предложения ДДДИИ за № 2770 от 28 мая 1887 г. о праве обжалования заинтересованными лицами постановления Вятского губернского правления об устройстве кладбищ только при селениях с мечетями (№13), за №4557 от 2 августа 1880 г. о предоставлении ОМДС права предварительного редактирования Корана и Афтияка (№18); постановление ОМДС за №4 от 23 октября 1889 г. о выпуске в свет книги Афтияк, отпечатанной с ошибками; циркуляр ОМДС за № 2143 от 18 мая 1890 г. о немедленном донесении религиозному управлению о смерти духовных лиц (№20), циркулярный указ ОМДС за №3883 от 10 сентября 1890 г. об устройстве оград вокруг мусульманских кладбищ (№23).

сультан, по которым Сенат принял сторону жалобщиков или уточнил важные аспекты организации их религиозно-обрядовой жизни. Прежде всего, это указ Сената, адресованный МВД от 7 сентября 1856 г., о порядке разрешения ремонта и постройки новых мечетей вместо ветхих (№2). Второй документ, защищающий религиозные права мусульман, – сенатский указ от 2 января 1887 г. об отмене постановления Уфимского губернского правления об отказе в разрешении жителям дер. Асяновой постройки второй мечети (№6). Третий сенатский указ (16 июня 1887 г. за №7427), изложенный в представлении Уфимского губернского правления Духовному собранию по случаю отмены его распоряжения по делу переименования мечетей, по сути, указ изъясл этот вопрос из ведения губернских правлений и передал его в компетенцию ОМДС.

Следующая группа документов состоит из циркулярных указаний МВД губернаторам: кого из духовных лиц следует именовать «муллами» (от 19 января 1891 г.) (№14), о точном соблюдении статьи 260 «Устава строительного» о численности махалли в 200 душ м.п. при постройке мечети (от 5 апреля 1891 г.) (№17).

Еще одна группа документов представлена предложениями и разъяснениями МВД Духовному собранию, которые имели для религиозного учреждения обязательный характер³³.

Из представлений различных органов региональной власти, составляющих четвертую группу документов, следует отметить постановление Саратовской судебной палаты от 25 ноября 1895 г. об освобождении от оплаты крепостной пошрины и гербового сбора акта на дворовое место, перешедшее по дарственной записи от купца Акчурина мусульманской общине г. Самара (№45).

Самую большую группу документов составляют указы Духовного собрания или выписки из журналов ОМДС по различным аспектам религиозно-обрядовой жизни мусульман или по проступкам духовных лиц и др. Эта тема красной нитью проходит по многим постанов-

³³ Предложение №4728 от 30 сентября 1891 г. и разъяснение №393 от 17 марта 1892 г. о том, что производство дознаний о рождении и происхождении лиц, своевременно не записанных в соответствующие метрические книги, не относится к обязанностям полиции и Духовного собрания (№21, 23).

лениям религиозного управления³⁴. Они нацелены на доведение до сведения мулл новой информации, имеющей отношение к их взаимодействию с властями и на предупреждение нарушений, чреватых временным или окончательным отлучением от духовного звания.

Сборник открывается правилами совершения браков и разводов 1841 г., составленными муфтием Габдулвахитом Сулеймановым. В отдельную подгруппу правомерно выделить указы ОМДС, принятые в период муфтийства М.Султанова, об обязанностях духовных лиц в случаях угрозы эпидемических болезней для прихожан³⁵, регламентирующие особые правила погребения умерших, их прямые обязанности и порядок взаимодействия с соответствующими органами власти в качестве руководителя религиозной общины и социального работника.

Предписания, регулирующие сферы и регионы деятельности ОМДС, также в той или иной степени относятся к духовным лицам. Это, прежде всего, адресованные приходским духовным лицам предписания и циркуляры: уточнение при муфтии С.Тевкелеве воп-

³⁴ Это предписания ОМДС о своевременной записи муллами бракосочетаний, родившихся, разведенных и умерших мусульман (№24), регистрации муллами смертности от заразных болезней (№13), выдаче по требованию властей свидетельств (№3, 4, 18), о доставлении выписок о лицах призывного возраста в учреждения, на которые возложено составление списков, подлежащих к отбыванию воинской повинности (№26), смерти запасных военных чинов (№42, 43, 47); уведомление об изменении постановлений Устава о воинской повинности, касающихся призывного возраста новобранцев (№39); Правила ведения метрических книг (№38, 40).

³⁵ Это Правила похорон умерших от холеры (№34), приложенные к указу ОМДС (от 2 сентября 1892 г.) (№33); Правила о предупреждении занесения чумы и борьбы с ней (от 8 августа 1898 г.) (№51); указ от 15 марта 1891 г., адресованный духовным лицам Златоустовского уезда Уфимской губернии о разъяснении прихожанам пользы оспопрививания (№15), указ от 12 августа 1892 г., адресованный духовным лицам Мамадышского уезда Казанской губернии, об обязательности являться по требованию должностных лиц и уездной земской управы для исправления религиозных обрядов над умершими от холеры, не требуя за это вознаграждения сверх установленного уездной земской управой (№31); указ от 4 апреля 1891 г. духовным лицам уездов Уфимской губернии, о принятии мер к убеждению прихожан к привитию детям предохранительной оспы (№16); циркуляр от 1 июня 1897 г., адресованный имамам, о необходимости остерегаться от занесения чумы (№51).

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

росов религиозно-догматического плана³⁶; все остальные циркуляры по вопросам совершения бракосочетания³⁷, выдачи различных документов о смерти³⁸, погребения³⁹, раздела наследства⁴⁰; разъяснение сути богослужебных обрядов погребения умерших при эпидемических заболеваниях и др., относятся во времени председательства М.Султанова.

³⁶ Указ ОМДС от 23 апреля 1884 г. об одновременном вступлении в уразу и отправлении праздничных богомолений в Гаиды-Фитр и Гаиды-Курбан (№5).

³⁷ Указ ОМДС от 23 ноября 1887 г. об обязанности пользоваться подпиской «тагаллюк» при бракосочетании иностранных азиатцев с российскими подданными (№8); указ от 7 июля 1888 г. об увеличении сбора за браки с 15 до 25 коп. (№9); указ от 14 января 1889 г. о воспрещении брака между язычниками и мусульманами (№10); указ от 9 января 1892 г. о точном соблюдении циркуляра ОМДС от 14 декабря 1888 г. относительно несовершения браков между мусульманами и язычниками и о невмешательстве в религиозные дела лиц, принявших христианство (№22); журнальные постановления ОМДС от 3 июня 1892 г. (№25) и от 9 июня 1892 г. (№27) о разъяснении обрядовой стороны брака между мусульманами (№25); указ от 9 июня 1892 г. о разъяснении брачных терминов «гакид» и «никах» (№28); указ от 2 сентября 1892 г. о разъяснении брачного термина «гакид» (№32); указ от 6 июля 1896 г. о несовершении браков без разрешения воинских начальников лицам, поступившим на военную службу (№46).

³⁸ Указ ОМДС от 18 мая 1890 г. о немедленном донесении в религиозное управление о смерти духовных лиц (№11), указ от 7 июня 1891 г. об обязательном доставлении в местные уездные земские управы по истечении каждого полугодия списков родившихся в их приходах и отдельно Белебеевского уезда о передаче чинам полиции карточек о смертности от заразных болезней в двух экземплярах (№18).

³⁹ Указы ОМДС от 28 мая и 3 июля 1891 г. по вопросу о допущении шариатом перемещения тел умерших мусульман из одного места на другое (№19); журнальные постановления от 5 августа 1892 г. о том, следует ли за каждого умершего мусульманина выдавать фидию и в каком размере (№29), от 12 августа 1892 г. о разъяснении вопроса, в чем состоят богослужение и обряды погребения по мусульманскому обряду (№30).

⁴⁰ Указы ОМДС от 7 августа 1891 г. (№20) и от 21 июня 1893 г. о соблюдении при производстве разделов наследств умерших мусульман правил, изданных Духовным собранием; Правила от 21 июня 1893 г. для руководства приходским муллам при разделах наследственных имуществ умерших мусульман (№36).

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

Ряд циркуляров ОМДС 1890-х гг. регламентировали правовое и социальное положение мусульманских духовных лиц⁴¹. К этой группе предписаний мы относим также указ от 12 апреля 1894 г. о нелепости распространения в народе слухов о насильственном крещении мусульман (№41).

Сборник был призван облегчить духовным лицам выполнение административных и социальных функций в условиях незнания или слабого знания русского языка и грамоты. Этим обстоятельством объясняется размещение в книге на двух языках бланков раздельного акта имущества (№56), метрических справок (№61), метрических выписок о лицах призывного возраста (№62), входящего (№62) и исходящего (№63) реестров документов, клятвенных обещаний для свидетелей по судебным делам (№66), для присяжных заседателей (№67), а также о верноподданничестве и на верность службы (№65).

В перечне документов несколько особняком стоят наставление оренбургского муфтия М.Султанова от 6 сентября 1897 г. о необходимости содержания мечетей в исправном виде (№50) и наставление «О приложении старания к прогрессированию мусульман» от 25 августа 1898 г. (№52).

Итак, с 1891 г. Собрание проявило стремление разработать нормативно-правовые акты, предусматривающие системное регламентирование административных обязанностей приходского духовства.

Правила об управлении вакуфами

В связи с созданием в Таврической губернии правительственной «Особой комиссии по вакуфам» на помощь генерал-майору Г.Чингизхану, председателю нового учреждения, был командирован переводчик ОМДС Мухаметсалим Уметбаев, исполнявший в 1887–1888 гг. обязанности секретаря данной комиссии. При непо-

⁴¹ Предложения Уфимского губернского правления от 18 августа 1893 г. о порядке бесплатной пересылки по почте служебной корреспонденции муллами (№37), циркуляр ОМДС от 12 марта 1896 г. приходскому духовенству о порядке увольнения в отпуска и кратковременные отлучки (№45), объяснение оренбургского муфтия ахунам и имамам от 24 января 1897 г. о воздержании от путешествия в хадж по случаю чумной эпидемии (№48).

средственным участию М.Уметбаева были выработаны инструкции по упорядочению крымских вакуфов⁴². Не в последнюю очередь благодаря этому событию в начале 1890 г. муфтий стал уделять серьезное внимание формированию правовых основ существования вакуфов в округе ОМДС.

Главная мысль обращения М.Султанова в МВД от 12 января 1891 г. заключалась в просьбе официально признать институт вакуфов в округе ОМДС. Констатируя о существовании нескольких вакуфных имений, состоящих в распоряжении духовенства, общин или наследников дарителей, он заявил об отсутствии с их стороны какой бы то ни было отчетности. Обратив внимание своего начальства на крымские вакуфы, М.Султанов просил рассмотреть возможность использования правил управления вакуфами в Тавриде, во внутренней России и Сибири⁴³.

МВД ответило отказом, признав невозможным использование «Правил», разработанных специально для мусульманских общин Таврической губернии, в округе ОМДС. Поэтому муфтию М.Султанову было предложено представить свои соображения, с учетом «местных обстоятельств», по использованию «Правил» для Таврической губернии или выработать новое положение с приложением подробного перечня вакуфных имуществ и капиталов по губерниям округа.

В 1894 г. Духовное собрание отношением от 14 августа за № 4159 представило в столицу свой проект управления вакуфами. Констатируя отсутствие в округе Духовного собрания частных вакуфов, большинство статей «Правил» о крымских муфтиях М.Султанов признал их пригодными при условии дополнения их несколькими положениями: 1) вакуфы могут состоять из недвижимых имений, движимых и денежных капиталов; 2) они учреждаются с соблюдением порядка дарения церковным учреждениям

⁴² Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. Уфа, 2000. С.13.

⁴³ РГИА, ф.821, оп.8, д.906, л.1.

(ст. 981 «Свода законов гражданских»); 3) вакуфы управляются мутаваллиями, определенными Духовным собранием, согласно воле жертвователя, а если она не выражена в акте пожертвования (хаджит), то из потомков жертвователей, признаваемых благонадежными или из числа лиц, избираемых прихожанами той же мечети, которой принадлежит вакуф. Несмотря на игнорирование правительством своих инициатив, Собрание, разработав специальную инструкцию, установило контроль над вакуфами, приносящими доход⁴⁴.

Разработка проектов устава ОМДС

Муфтий М.Султанов понимал, что многие проблемы жизнедеятельности исламских институтов, в том числе ОМДС, связаны с его устаревшим уставом 1857 г. Стремясь системно подойти к проблеме разработки нового нормативного документа, он обращался за советом к казиям, не вынося обсуждение вопроса за стены ОМДС. Примечательно, что сразу после переезда в Уфу по поручению муфтия казыи Р.Фахреддин, Габдерашит Ибрагимов, Гиниатулла Капкаев и Хасангата Габаши (каждый по отдельности) составили и передали ему свои проекты реформирования управления духовными делами мусульман⁴⁵.

В 1895 г. в руках М.Султанова имелось не менее четырех проектов устава ОМДС, составленных молодыми казиями и послуживших основой его размышлений о новой редакции нормативного документа. Зная тонкости делопроизводственной документации в высших и центральных органах власти, связанные с подготовкой и утверждением законопроектов, муфтий избрал самый простой и не требующий серьезных обсуждений столичных чиновников вариант,

⁴⁴ Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). Казань, 2006. С.44–102.

⁴⁵ Габәшии Х. Күрс. хезмәт // ФТ. 2015. №3. 133 б.

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

взяв за основу устав Управления Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения 1872 г.⁴⁶ – уже действующий до-

⁴⁶ Рассмотрим основные моменты «Положения по управлению духовными делами мусульман Закавказья» 1872 г. для суннитов.

«Положением» 1872 г. было законодательно закреплено коллегиальное начало не только относительно высших управлений, но и по заведованию духовными делами мусульман. Первой инстанцией на местах выступали казии (кадии) и муллы. Следующими ступенями были средние и высшие коллегиальные учреждения: губернские меджлисы и духовное правление.

Обязанности между ними распределялись в определенном порядке. Муллы (мечетское духовенство) исполняли религиозные обязанности, заведовали мечетями и школами, занимались преподавательской деятельностью, вели метрические книги, списки мусульман, доставляли кадиям сведения о мечетях и школах, новорожденных, умерших, браках и т.п. В обязанности духовных лиц также входили внушение прихожанам «непоколебимой верности государю императору и послушания установленным властям», совершение праздничных богослужений в «табельные царские дни» в честь императора, императрицы и наследника (дни рождения, тезоименитства и коронавания и др.).

Казии, в свою очередь, наблюдали за мечетским духовенством и разбирали семейные дела (бракоразводные дела и споры о наследствах) мусульман. Их численность и место расселения определялись властями. Казии ежегодно представляли губернской администрации большой перечень сведений об исламских институтах: ведомости о мечетском духовенстве, числе мечетей, приходских школах, вакуфах, закяте, мал-имаме и других разрешенных правительством сборах, о родившихся и умерших, совершенных и расторгнутых браках.

Губернские меджлисы состояли из трех членов и действовали в Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерниях. Они являлись второй инстанцией, имели свою печать, делопроизводителя и рассматривали следующие вопросы: 1) исполнение богослужения, обрядов и исполнение духовных «треб», 2) проступки духовенства, связанные с вероисповеданием, 3) жалобы на решения казиев, 4) поступки мусульман духовного характера, 5) предложения, поступившие от губернатора, 6) заведование школами, 7) производство испытаний на духовное звание, 8) управление приходскими (мечетскими) имуществами (в том числе вакуфами).

Казиями и членами губернских меджлисов могли быть лица, утвержденные духовным правлением в степени эфендия. Казый назначался на должность местным губернатором по согласованию с губернским меджлисом.

В компетенцию Духовного правления, расположенного в г.Тифлис, входили следующие вопросы: 1) рассмотрение жалоб на постановления губернских меджлисов, 2) наблюдение за доставлением казиями сведений о мечетях,

кумент, требующий только распространения его на округ ОМДС, и стал терпеливо ждать благоприятного момента, который предоставила Первая русская революция.

Деятельность ОМДС расширению прав приходского духовенства

Льготы по воинской повинности. «Устав о всеобщей воинской повинности» 1874 г. впервые ввел всеобщий принцип комплектования российской регулярной армии. Основная часть территории округа ОМДС оказалась в орбите действия нового порядка.

Уставом 1874 г. предусматривалась целая система льгот для отдельных категорий российских поданных. Так, льготы по роду занятий предоставлялись лицам следующих категорий: полное освобождение от военной службы – священнослужителям всех христианских вероисповеданий, а также псаломщикам, окончившим курс в духовных академиях и семинариях (и отслужившим на этой должности не менее 6 лет)⁴⁷. При разработке Устава о всеобщей воинской повинности власти сочли излишним предоставлять освобождение от воинской повинности мусульманским и иудейским священнослужителям, мотивируя свое решение тем, что среди них на

школах и пр., 3) составление годовых списков или отчетов, 4) составление проектов программ для школ и т.п., 5) производство испытаний кандидатам на духовные должности, 6) рассмотрение дел, передаваемых местным начальством на обсуждение духовных правлений.

Глава мусульман – муфтий – председательствовал в духовном правлении, состоящем из трех членов. Муфтий назначался императором по представлению наместника Кавказского. Муфтий получал жалованье только в 1600 руб. в год. Однако содержание сотрудников духовного правления Закавказья (секретарь, два его помощника, писцы и хозяйственные служащие) было значительно лучше, чем в Таврическом и Оренбургском религиозных управлениях.

Духовное правление подчинялось наместнику Кавказа, губернские медресы – местному губернатору. Высшим духовенством признавались председатель Духовного правления, кадии и члены губернских медресисов, низшим – приходское духовенство в лице мулл (*Рыбаков С.Г.* Указ. соч. С.3–12).

⁴⁷ Устав рекрутский // ПСЗ–2. Т.6. Ч.1. №4677. Ст.62, п.1, 2.

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

духовные должности избираются лишь люди зрелого возраста⁴⁸, не нуждающиеся в льготе⁴⁹.

Однако власти упустили из виду то, что, согласно Уставу 1874 г., «постоянные сухопутные войска» Российской империи составлял, помимо армии, пополняемой ежегодными наборами молодых людей, казачьих войск и войск, образуемых из инородцев, еще «запас армии», служащий при приведении войск «в полный состав» и состоящий из людей, уволенных за выслугу лет полного срока службы⁵⁰. Общий срок службы в сухопутных войсках был определен в 15 лет (6 лет «под знаменем» и 9 лет запаса), в отдельных местностях и на флоте – 9 лет (7 лет действительной службы и 2 года запаса)⁵¹.

Получалось, что каждый отслуживший в армии мусульманин, избравший духовную стезю, считался в «запасе». В этом плане в лучшем положении, благодаря небольшому сроку запаса, оказались лица, отслужившие во флоте. Единственной льготой запасных чинов являлось освобождение их от взимаемых подушно податей и иных сборов и натуральных повинностей в течение года со времени отчисления в запас⁵².

Во время нахождения в запасе военные чины могли призываться два раза на учебные сборы, каждый раз до 6 недель⁵³. Примечательно, что по истечении срока нахождения в запасе, нижние чины автоматически оказывались в «государственном ополчении». Если быть более точным, в «государственном ополчении» они находились, будучи запасными чинами: в него причислялись все не числящиеся в постоянных войсках способные носить оружие мужчины

⁴⁸ В округе ОМДС с 1855 г. ахуны, мухтасибы и мударрисы определялись на должности в возрасте не моложе 25 лет, хатибы, муллы, имамы – с 22 лет, муэдзины – с 21 года. См.: Об управлении духовенства, принадлежащего округу Оренбургского магометанского духовного собрания. Изд. 1896 г. // СЗРИ. Т. XI. Ч. 1. Ст. 1391.

⁴⁹ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 312.

⁵⁰ Устав рекрутский // ПСЗ–2. Т. 6. Ч. 1. №4677. Ст. 8.

⁵¹ Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 334.

⁵² Устав рекрутский // ПСЗ–2. Т. 6. Ч. 1. №4677. Ст. 31.

⁵³ Там же. Ст. 23.

от 20 до 40 лет. До достижения 40-летнего возраста уволенные в запас из армии и флота запасные чины не освобождались от призыва в ополчение⁵⁴.

К началу 1890-х гг. численность имамов, отслуживших в российской армии и состоящих в запасе, превысила 600 человек⁵⁵. Как известно, в период правления императора Александра III Россия не вела военных действий. В условиях длительной мирной жизни в поддержании боеспособности вооруженных сил большую роль стали играть военные учения и учебные сборы чинов запаса. Приходские духовные лица привлекались на учебные сборы, что приводило к издержкам в организации религиозно-обрядовой жизни прихожан.

Обращения ОМДС в 1889 и 1893 гг. с ходатайством об освобождении состоящих в запасе армии или зачисленных в ратники ополчения имамов от призыва на учебные сборы не увенчались успехом. МВД отвечало, что указанные лица принадлежат к разным срокам призыва, и на каждый срок приходится небольшое число мусульманских духовных лиц⁵⁶. На новое ходатайство ОМДС в 1898 г. – уже об освобождении мулл от действительной военной службы, а также от учебных сборов, МВД ответило предложением отложить этот вопрос «впредь до образования такого количества нижних чинов, коим будет покрываться не только потребность армии при ее мобилизации, но и убыль из рядов ее на случай европейской войны»⁵⁷. Проблема обострилась в начале русско-японской войны 1904–1905 гг.⁵⁸ (Лишь законом от 23 июня 1912 г. были вне-

⁵⁴ Там же. Ст.36. Состоящие в «государственном ополчении» лица именовались ратниками и делились на два разряда. В первый разряд приписывались мужчины, числящиеся в четырех младших возрастах, т.е. записанные в ополчение при последних четырех призывах (ст.154), ко второму разряду, назначенному для пополнения частей ополчения, приписывались все остальные мужчины. Ополчение также создавалось для усиления постоянных войск (Там же. Ст.38, 39).

⁵⁵ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 гг. С.110.

⁵⁶ Там же. С.110–111.

⁵⁷ Там же. С.145.

⁵⁸ Там же. С.145.

сены изменения в Устав о воинской повинности⁵⁹. Новая льгота была результатом переосмысления властью, на основе императорского указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., ознаменовавшего новую эпоху межконфессиональных отношений в России, роли мусульманского приходского духовенства в общественной жизни страны).

Льготы по бесплатной пересылке служебных корреспонденций. Практически со дня вступления на должность муфтия М.Султанов, ознакомившись с прошениями и жалобами ахунов и мулл, терпящих материальные убытки от отправки служебных корреспонденций по требованию правительственных учреждений и должностных лиц, начал переписку с МВД на предмет предоставления мусульманским приходским духовным лицам округа ОМДС соответствующей льготы. Муллы были вовлечены в местную административную систему и систематически или по запросам властей и ОМДС отправляли по почте различные справки о прихожанах: выписки из метрических книг, справки по делам о воинской повинности, уведомления о рождении или смерти местных жителей и временно проживающих лиц. Ситуация обострилась после того, как Главное управление почты и телеграфа отказалось от такой услуги, не признавая за муллами казенной переписки. После многократных обращений ОМДС МВД циркуляром от 26 января 1894 г. за № 376 предписало всем губернаторам, вменять полицейским управлениям и волостным правлениям, пользующимся бесплатной почтовой пересылкой, бесплатно принимать и отправлять корреспонденцию мулл, адресованную на имя должностных лиц и правительственных учреждений⁶⁰.

⁵⁹ В новой редакции Устава было зафиксировано, что от воинской повинности освобождаются лица высшего мусульманского духовного звания, а также в Оренбургском и Таврическом духовных округах хатибы, имамы, муллы и муэдзины, избранные на эту должность в возрасте не моложе 22 лет (ПСЗ–З. Т.32. №37417. Ст.46, п.4 а, б). Таким образом, приходские мусульманские духовные лица впервые были уравнены в правах с христианскими духовными лицами. Этот список также пополнился настоятелями и наставниками «старообрядческих и сектантских христианских общин» (ПСЗ–З. Т.32. №37417. Ст.46, п.3).

⁶⁰ РГИА, ф.821, оп.8, д.1052, л.88.

Не все начинания ОМДС увенчались успехом. Муфтий Султанов продолжил дело своего предшественника Тевкелева по представлению личных печатей старшим муллам в приходах, однако не добился успеха. Несмотря на запрет, особенно в городах муллы обзавелись печатями, чему местные власти не препятствовали.

Деятельность ОМДС по введению должностей военных мулл в российской армии

«Высочайше» утвержденным 24 июня 1896 г. приказом Военного совета за № 178 по военному ведомству были упразднены все штатные должности мусульманских духовных лиц, кроме Крымского и Дагестанского военных формирований. Таким образом, в регулярных сухопутных войск Российской империи штатных военных мулл не осталось. Концентрация в конце XIX – начале XX вв. мусульман-новобранцев в военных округах вне мест исторического проживания татар и башкир лишала основную часть военнотружущих–мусульман возможности посещать местные мечети и обращаться за исполнением духовных «треб» к приходскому духовенству⁶¹.

В начале XX в. произошли определенные перемены в общественном сознании, повеяло ветром демократических преобразований. Отсутствие штатов военных мулл стало остро восприниматься как ущемление прав мусульман в империи. Духовное собрание, заинтересованное в соблюдении религиозных прав мусульман в российской армии, вскоре отреагировало на сложившуюся ситуацию, сославшись на царский манифест от 26 февраля 1903 г., в котором декларировалась «свобода вероисповедания» для всех подданных империи. Оренбургский муфтий М.Султанов 26 марта 1903 г. представил Николаю II записку «о желательности» возрождения штатов исламских духовных лиц в российской армии, в которой подчеркивал, что «упразднение мулл при войсках и прекращение им отпуска содержания производит удручающее впечатление на все мусульманское население и возбуждает среди него нежелательные опасения в смысле ограничения веротерпимости». Обращение председателя Духовного собрания «попало» на благодатную почву, подготовленную обществен-

⁶¹ Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань, 2006. С.34–35.

но-политическим и экономическим развитием пореформенной России и внешнеполитической деятельностью правительства на рубеже веков. Россия находилась на пороге русско-японской войны. «Высочайшим» докладом Николаем II было предписано 30 августа 1903 г. обеспечить бывших военных мулл, уволенных с должностей «по прослужении в войсках» не менее пяти лет, пожизненными окладами, которые они получали при исполнении духовной должности. Военному министерству поручался сбор сведений о реальной численности и потребностях нижних чинов-мусульман «в исправлении духовных нужд». В ответ на запрос Главного штаба командующие Киевского и Варшавского военных округов заявили о необходимости учреждения штатных должностей мусульманских духовных лиц (в каждом по одному). Из Приамурского округа пришла заявка на две штатные должности мулл. Для убедительности перечислялись центры сосредоточения в округе нижних чинов-мусульман: Новокиевск, Зайсановка, Славянка, Барабаш, Никольск-Уссурийский, Раздольное, Гродеково, Анучино, Спасск, Владивосток, Хабаровск, ст. Иман, Николаевск, остров Сахалин и Амурская область⁶².

С началом военных действий на Дальнем Востоке, а именно 4 февраля 1904 г., оренбургский муфтий, предвидя значительные людские потери, обратился в Военное министерство с предложением об определении призванных в действующую армию духовных лиц в госпитали, санитарные отряды или в части войск, где окажется много солдат-мусульман, для «напутствования раненых и умерших мусульман» по законам ислама. Весной 1904 г. командование разрешило назначить при каждом военном госпитале по два солдата для исполнения духовных «треб» у раненых мусульман⁶³.

Следующим шагом в наметившемся сотрудничестве духовной и военной властей стало назначение в октябре 1904 г. на период войны штатных должностей мулл при штабах Маньчжурской армии (бывший мулла дер.Курмантаевой Стерлитамакского уезда Уфимской губернии Гиниатулла Абызгильдин, 37 лет), в Приамурском военном округе (бывший имам дер.Песмян-Мусино Уфимского уезда и губер-

⁶² Загидуллин И.К. Указ. соч. С.34–35.

⁶³ РГИА, ф.821, оп.8, д.1064, л. 71, 75.

нии Гирфан Рахматулин, 30 лет) с присвоением жалованья в размере 600 руб. в год и всех особых видов продовольствия наравне с младшими унтер-офицерами⁶⁴. В начале ноября 1904 г., по рекомендации ОМДС, ДДДИИ утвердил на должность муллы при штабе 2-й Маньчжурской армии хатиба Исагила Мултангалиева, служившего в госпитале на станции Иман Уссурийской железной дороги, при штабе 3-й Маньчжурской армии – находящегося в распоряжении Хабаровского военного окружного управления ахуна Гайсу Расюлева⁶⁵.

Малочисленность офицеров из мусульман в великодержавного отношения русских офицеров к исламу, отсутствие у военных мулл привилегированного статуса (в отличие от православных священнослужителей), их совместное с солдатами участие в военных операциях, военная обстановка и другие обстоятельства имели следствием многочисленные нарушения в плане исполнения солдатами религиозных обрядов, о чем свидетельствовали жалобы, направленные имамам в Духовное собрание⁶⁶.

Со ссылкой на царский указ от 12 декабря 1904 г., предполагающий пересмотр действий постановлений, ущемляющих права «инородцев», в результате реализации которого должны были быть уравнены их права с русскими, в своем новом обращении к правительству оренбургский муфтий указал, наряду с другими проблемами, на отсутствие прав военнослужащих-мусульман исполнять религиозные обряды вследствие упразднения должностей военных мулл.

Положением Комитета Министров от 17 апреля 1905 г., изложенным в указе от того же числа, об укреплении начал веротерпимости учреждаемому Особому совещанию по делам веры было предписано разработать комплекс вопросов, касающихся исламских институтов, в том числе предполагался пересмотр постановлений, имеющих отношение к исполнению мусульманами религиозных обрядов во время отбывания ими воинской повинности⁶⁷.

⁶⁴ Там же, л.100.

⁶⁵ Там же, л.108–110.

⁶⁶ *Azamatov D. Orenburg Mohammedan Assembly of Military Service of Moslems in the Russian Army (The End of 18th – the Beginning of the 20th Century) // The Turks. Ankara, 2002. № 5. P.747.*

⁶⁷ РГИА, ф.821, оп.133, д.517, л.58.

Итак, в конце XIX в. назначенными по рекомендации М.Султанова членами Духовного собрания были разработаны правила по управлению вакуфными имуществами, которые послужили основой для внутреннего руководства в ОМДС, и проекты управления духовными делами мусульман, ориентированные на расширение прав ОМДС и религиозных институтов и совершенствование управления ими, а у муфтия М.Султанова имелась концепция реформирования религиозного управления и государственно-церковных отношений в округе ОМДС.

В конце XIX – начале XX вв. члены Духовного собрания неоднократно высказывались за преодоление схоластики и схематизма при обучении мусульман, приветствовало введение в программы учебных заведений среднего и высшего звена (медресе) и начальных коранических школ (мектебов) светских предметов и русского языка, стремились к распространению джадидистских идей среди мусульманского населения, выступали за обновление общественной жизни в махаллях.

1.2. Муфтий М.Султанов – непубличный политик и общественный деятель

Назначение в 1886 г. оренбургским муфтием потомственного дворянина, мирового судьи Белебеевского уезда, Уфимского уезда и губернии Мухамедьяра Мухаммадшариповича Султанова⁶⁸ явилось публичным игнорированием самодержавной властью мнения

⁶⁸ 47-летний М. Султанов окончил 1-ю Казанскую гимназию, поступил в Казанский университет, но по болезни был вынужден оставить 1-й курс, в 1857 г. поступил урядником на службу в 18-й башкирский кантон Башкирского войска, через два года получил чин хорунжего, а в 1861 г. был назначен начальником 20-го кантона. После введения «Положения о башкирах» в 1863 г. стал помощником начальника 7-го Мензелинского кантона, в 1866 г. уволился из военной службы в чине подпоручика и стал мировым посредником 5-го участка Мензелинского уезда Уфимской губернии. В 1870 г. по собственной инициативе перешел мировым посредником в Белебеевский уезд. В 1878 г. стал участковым мировым судьей Белебеевского уезда, в 1881 г. – Мензелинского уезда. Являлся кавалером ордена Св. Станислава 2-й степени.

татарских купцов, мулл и городских общин, подававших ряд петиций об утверждении муфтием непременно духовного лица⁶⁹.

М.Султанов тщательно обдумывал предложение уфимского губернатора и не сразу согласился на эту должность. Он понимал, что, не имея религиозного образования, ему будет проблематично стать духовным главой мусульман Волго-Уральского региона и Сибири и председателем религиозного учреждения.

Р.Фахретдин, изучавший деятельность председателей ОМДС с целью определения их места и роли в системе религиозного управления и общественной жизни мусульман, выделил несколько критериев, позволяющих установить место каждого из них в данной системе координат. Несмотря на недостатки разработанных Р.Фахретдином критериев, связанных с неполнотой и неоднозначностью имеющихся источников о каждом муфтии, данный подход позволяет определить точку зрения ученого на личность муфтия Мухамедьяра Султанова, под руководством которого он более пятнадцати лет трудился в ОМДС. Примечательно, что среди шести оренбургских муфтиев имперского периода Р.Фахретдин отвел М.Султанову 1-е место по следующим критериям: «кто старался сделать Собрание действительно Духовным управлением», «перечень муфтиев, наиболее подвергнувшихся народной критике», «кто стремился показать себя законным правителем», «степень применения светских знаний». По критерию «степень знания религиозных наук» Р.Фахретдин «разместил» М.Султанова на предпоследнее место, перед его предшественником С.Тевкелевым. Поучительно то, что по критерию «муфтии, которые больше всего любили это место (ОМДС. – *И.З.*) и считали его истинным счастьем», по мнению Р.Фахретдина, не соответствовал никто из них. – *И.З.*)⁷⁰. Как видно, в одной лично-

⁶⁹ Загидуллин И.К. Татарские национальные элиты и власть: проблема выбора нового оренбургского муфтия в 1885 г. // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: материалы к учебным курсам: В честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова. Казань, 2011. С.287–309.

⁷⁰ Байбулатова Л.Ф. История Оренбургского магометанского духовного собрания в личной и делопроизводственной переписке муфтиев (по своду «Асар» Р.Фахретдина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2013. № 3. С.45.

сти одновременно присутствовали самые противоречивые черты. Получалось, что в ОМДС М.Султанов проявлял себя как компетентный в российских законах и делопроизводстве, требующий беспрекословного выполнения своих указаний председатель Собрания и как личность, успевшая многое сделать во благо единоверцев в плане презентации этого религиозного учреждения в качестве подлинного центра координации и контроля над исламскими институтами. Основной же массой мусульман он воспринимался как малограмотный муфтий.

Важно отметить, что муфтий и казии всегда находились под прессингом мусульман. Критиковать муфтия и религиозное управление считали своим долгом практически все группы мусульман, придерживавшихся порой противоположных взглядов. Например, джаиды называли М.Султанова и заседателей несмелыми и неактивными, выражали недовольство по поводу их неумения пользоваться своим влиянием и административным ресурсом для распространения прогресса и новометодного образования; кадимисты обвиняли их в пособничестве распространению русского образования, в разрушении устоев традиционной религиозной общины, в бездействии по защите интересов мусульман перед правительством и т.д. Эти обвинения не всегда были справедливыми, однако члены ОМДС не имели возможности публично отвергать шквал упреков и были вынуждены жить и работать в атмосфере постоянной критики единоверцев, находясь «между молотом и наковальней».

Наметившееся сотрудничество буржуазии Казани с муфтием М. Султановым прервалось после оглашения закона от 16 июля 1888 г. о введении русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности в округе ОМДС, к появлению которого М.Султанов имел непосредственное отношение. На Мензелинской ярмарке (январь 1889 г.) М. Султанов был обвинен единоверцами в предательстве интересов мусульманского сообщества, звучали призывы к расправе над муфтием⁷¹.

Раскол между муфтием и казанскими купцами, конечно же, не означал игнорирование М.Султанова купцами, дворянами, муллами

⁷¹ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1075, л. 286 об.–288.

других губерний. Время показало, что опасения противников введения в 1891 г. русского образовательного ценза по поводу того, что деятельность ОМДС будет парализована и произойдут качественные изменения в составе лиц, получающих свидетельство на занятие духовной должности, не оправдались.

В середине 1890-х гг. вновь наметилось взаимопонимание между М. Султановым и казанским купечеством. Публичным проявлением восстановленного союза стал праздничный обед, организованный местными купцами 29 мая 1896 г. в зале Казанской городской биржи⁷². Важнейшей точкой соприкосновения было сближение мнений лидеров купечества и муфтия (и ОМДС) относительно путей развития мусульманского сообщества в условиях его модернизации.

И.Платонников, начальник отделения ДДДИИ, курировавший исламские институты и осуществлявший в 1910 г. ревизию ОМДС, дал председателю Собрания следующую характеристику: «...в течение первых двадцати лет своей службы всегда оставался верным приверженцем строго законного порядка в управлении духовными делами магометан и даже оказывал Правительству своими распоряжениями содействие к распространению среди магометанского духовенства знания русского языка и вообще к облегчению условий сближения магометан с русским населением. Но с возникновением в России политической смуты муфтий Султанов, начиная с 1904 г., заметно поддался влиянию татарских народников и хотя не выступал в роли явного противника правительственных мероприятий в отношении магометан, но вместе с тем и не принял со своей стороны никаких мер к обузданию обнаружившегося произвола татарских политиканов в управлении магометанскими конфессиональными школами в округе Оренбургского собрания и... своими неискренними распоряжениями в некоторых случаях содействовал даже осуществлению их намерений в отношении этих школ»⁷³.

Зная непредсказуемость мусульман, муфтий какое-то время отказывался от радикальных высказываний, стараясь не навлекать на себя ненависть единоверцев. До сентября 1897 г. М.Султанов воз-

⁷² Казанский телеграф. 1896. 30 мая.

⁷³ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 1075, л. 286 об.–288.

держивался от встреч с приходскими духовными лицами по вопросу о необходимости распространения новометодного образования и прогресса. В частности, известный троицкий 1-й гильдии купец Абдулвали Яушев отметил: когда муфтий находился в Троицке, он, несмотря на просьбы купца, не сказал городским имамам ни слова о пользе новометодного образования⁷⁴. Лишь в своих частных письмах «надежным» мусульманам он высказывался за обновление в сфере школьного образования. Оренбургский 1-й гильдии купец Г. Хусаинов в феврале 1898 г. сообщил, что муфтий и заседатели ОМДС боятся составить постановление о введении новометодного образования в мусульманских начальных школах⁷⁵.

В 1897 г., проявив гражданскую позицию, муфтий обратился с фетвой к имамам, муадрисам, муадзинам и ахунам. Его наставление, отпечатанное на русском и татарском языках, от 6 сентября было распространено во всех приходах. Лейтмотив фетвы муфтия можно свести к призыву перестать быть равнодушными и, независимо от того, кем является мусульманин – муллою или простым крестьянином, принимать более активное участие в общественно значимой деятельности. В своей фетве муфтий вкратце изложил общественные и социальные обязанности современного имама и охарактеризовал миссию приходского духовенства. Имамы, будучи продолжателями дела пророка Мухаммада и его сподвижников и призванными показывать мусульманам дорогу в земном и ином мире, по его мнению, должны, со ссылкой на аяты Корана и Сунну, проповедовать среди прихожан заботу о родителях, воспитание детей по нормам шариата, формирование отношений между мужем, женой и остальными членами семьи на основе взаимного уважения, должны стараться видеть в каждом мусульманине своего собрата, а в представителе другой национальности, конфессии – друга и жить с ним в мире и согласии, не лениться и осваивать новые профессии. Имамы обязаны были наставлять прихожан на их родном языке, не

⁷⁴ *Ибраһим Габд.* Бөгрәделек көндәлеге / кереш сүз, факсимиле һәм гарәп транскрипциясе Ә. Бостанов, татарчага тәржемәсе Д. Гыйльметдинов. Казан, 2013. 137 б.

⁷⁵ Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / төз. М.Ф. Рахимкулова. Оренбург, 1998. 36 б.

используя арабские и персидские слова. По мнению муфтия, проповеди только тех имамов, у которых мысли светлые и поведение благоверное, а сами они искренне исполняют исламские нормы, будут успешными и дойдут до сердца каждого прихожанина.

М. Султанов призывал обращать серьезное внимание на содержание мечетей, ибо внешний вид и состояние богослужебного здания наглядно свидетельствуют об отношении мусульман к исламу. Чистота и порядок в мечетях являются важнейшими сегментами их привлекательности для правоверных.

Следующей важной проблемой для мусульманского сообщества округа ОМДС муфтий определил обязанность каждого родителя и опекуна заботиться о получении детьми школьного образования и об их нравственном воспитании, чтобы подрастающее поколение могло отличать хорошее от плохого и приобрести благочестивые привычки – о чем имамы должны были вести беседы с прихожанами, ответственными за создание надлежащих условий в местном учебном заведении. Иными словами, муфтий наставлял сельские общества, религиозные общины сформировать новую модель организации образовательного процесса – «вывести» мектебе из домов имамов, создать материальную базу для начальной школы в каждом приходе путем постройки нового учебного здания, осуществить тотальный охват мальчиков начальным образованием посредством тесного сотрудничества духовенства (глава религиозной общины и мугаллим) и прихожан (родители и опекуны детей). Согласно фетве муфтия, преподавательская деятельность отныне становилось обязанностью муллы. Новшеством также следует признать и призыв М. Султанова к мугаллимам обучать в мектебе и медресе лишь нужным для жизни знаниям, обращать особое внимание на грамотное и каллиграфическое письмо. Важнейшей социальной задачей муфтий назвал заботу о могилах родных и близких и самих кладбищах: устройство вокруг них забора или рва, чтобы животные не могли проникать на их территорию⁷⁶.

⁷⁶ Мәжмуга. Жәмгыят шәрғый Ырынбургяя яки мәфти галиәссәләм тарафыннан нәшер улмыш указ вә нәсихәтләр, шунда ук төрле хосусда ызылмыш тәдбир һәм нәзәмнәрнең төркічә тәржемәләре жыйлымыштыр. Имамнар, яна имам булачаклар өчен кирәкле бер әсбабдер. Уфа, 1905. 102–103 б.

После проведения в Уфе 15–17 июня 1898 г. собрания неофициальной организации «Ислахый мәктәб вә наһшери мәғарифе мәслимин» («Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновленных учебно-методических пособий») – первого общемиллетского культурно-просветительского общества, разработавшего планы по последовательной реализации реформы в области совершенствования тюрко-татарского языка, по обеспечению учебно-методической литературой формирующейся джадидистской, светской, четырехлетней начальной школы, по изданию научно-популярных книг-наставлений на доступном для простого народа языке об освоении новых профессий и знаний⁷⁷, муфтий вновь призвал духовенство к обновлению религиозно-общественной жизни единоверцев. Его фетва от 25 августа 1898 г. «О приложении старания к прогрессированию мусульман» была адресована городским имамам. Муфтий заявил, что имамы призваны распространять среди населения передовые идеи; они, по сути, продолжатели дела пророка Мухаммада и его сподвижников в современном мусульманском сообществе, что результаты их стараний нужно определять по тому, как изменяются в лучшую сторону нравственность и духовность народа⁷⁸. Призыв прихожан к праведному пути является прямой обязанностью имамов, заявил муфтий, поэтому если не каждую пятницу, то хотя бы два раза в месяц «на тюрки», на максимально понятном для каждого языке, произносить соответствующие времени проповеди, приводя примеры из Корана и Сунны. Показательно его предупреждение о том, что не способные оказать должное воздействие на прихожан и «испортившие дело», будут признаны недостойными носить звание имам-хатиба. В заключение муфтий выразил надежду, что приходские имамы приложат усердие к выполнению его «желаний прогресса»⁷⁹.

В целом, для М.Султанова были характерны стиль работы и мышление русского чиновника. Он был убежден в том, что резуль-

⁷⁷ Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902). Оренбург, 1998. 113–114, 125–127, 139–144 б.

⁷⁸ Мәжмуга... 118–119 б.

⁷⁹ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений ... 1836–1903 гг. С. 153–154.

тат быстрее достигается путем переписки, проблемы решаются в тиши чиновничьих кабинетов, нежели участием в публичных мероприятиях. Оренбургский муфтий, как никто другой из мусульман, имел близкие контакты с высшей и центральной властью, ездил в столицу и встречался с государем и высокопоставленными чиновниками МВД, чувствовал и знал настороженное отношение имперской власти к мусульманскому сообществу. Будучи винтиком в системе государственной машины, он выбрал беспроясненную тактику дистанцирования от публичных выступлений, при этом постоянно проводил личные встречи с видными представителями мусульман из числа прогрессивных и влиятельных купцов, дворян, представителей духовенства и интеллигенции.

Осторожный, предусмотрительный и порой боязливый в своих действиях, муфтий дистанцировался от мусульман, выражавших различные общественные настроения и взгляды. Одновременно, как «теневого политик», он старался оказывать содействие мероприятиям джадидистов. Например, М.Султанов поддержал инициативу казья Хасангаты Габаши и разрешил проведение в Уфе учредительного съезда и созыв летом в 1898 г. первого собрания общественной организации «Ислахый мактаб ва нашери магарифе мослимин» («Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновленных учебно-методических пособий»), однако сам в этих мероприятиях участия не принимал⁸⁰.

Прежде всего М.Султанов опасался появления у столичных чиновников подозрения в его солидарности с оппозиционными правительственному строю элементами, возникновения двусмысленной ситуации, дискредитирующей его как чиновника. Не имея других значительных источников существования (в его собственности были хутор близ дер. Старо-Глуминой в окрестностях Уфы, земля в дер. Матвеевой Байсаровской волости Мензелинского уезда) и являясь главой большого семейства, М. Султанов жил на солидную зарплату муфтия (5 тыс. руб. в год), которую власти установили специально для него, проживал в казенной квартире, занимающей

⁸⁰ Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902). Оренбург, 1998. 113 б.

весь второй этаж здания ОМДС и постоянно нуждался в средствах. В его же владении находился сад Собрания с хозяйственными постройками: конюшнями, сараями, ледником, баней, муфтий держал выездных лошадей, экипажи⁸¹.

В период болезни М.Султанов написал заявление об увольнении с должности муфтия, что стало для чиновников МВД полной неожиданностью. Осознав отсутствие другой кандидатуры на должность муфтия и возможный общественный резонанс вследствие этого события среди мусульман, руководство ДДДИИ настояло на продолжении им службы и отклонило отставку. В дальнейшем для поездок к петербургским докторам на консультации и в санатории на лечение, с разрешения министра внутренних дел, он получал материальную поддержку из сумм налога мусульман за браки, столичные чиновники также удовлетворили ходатайства муфтия об устройстве его сыновей на льготной основе в учебные заведения. Одним словом, муфтий М.Султанов материально зависел от правительства.

Положение муфтия действительно было незавидным. С одной стороны, его, как светское лицо, которое не знал основ религии, критиковало, и нередко выражало недоверие, мусульманское сообщество, с другой стороны, тень сомнения правительственных кругов в искренности мусульман могла легко перейти на него как общественную личность.

Тактика дистанцирования от социально активных групп мусульман наглядно проявилась в марте 1905 г., когда в столицу стали стекаться депутации мусульман, искавшие каналы для встречи с высокопоставленными чиновниками для передачи своих петиций. В революционный 1905-й год император начал встречаться с представителями различных социальных и этноконфессиональных групп населения, к подобной аудиенции стремились и представители татарских депутатий.

Когда в Санкт-Петербург приехал муфтий, здесь уже находились депутации мусульман из разных регионов. На основании распространившихся слухов о том, что будто бы М.Султанов будет представлен Николаю II, представители московской депутации (Загид Шамиль,

⁸¹ РГИА, ф.821, оп.133, д.625, л.14.

Хусаин хаджи Байбеков, Хусаин Ширинский, мулла Бадретдин Галимов) и иркутский купец Загидулла Шафигуллин обратились к нему с просьбой взять на эту встечу нескольких известных общественных деятелей-мусульман для доведения до сведения государя нужд единоверцев. За четверть века общения со столичными сановниками М. Султанов стал искушенным чиновником, он хорошо усвоил бюрократическую иерархическую систему. В ответ муфтий сообщил им правдивую информацию о том, что император не принимает мусульман, и рекомендовал обратиться к председателю Комитета министров С.Ю. Витте. З.Шафигуллин сетовал на то, что премьер-министр дает только обещания, нет никаких результатов. Напомнив, что вчера государь принял депутацию рабочих, З.Шафигуллин, не веря словам муфтия, настаивал на совместной аудиенции у Николая II. В ответ муфтий в весьма грубой форме заявил: «Я вам не рабочий, уйди отсюда мужик, уйди глупый!» (Мин рабочий түгел! Чык моннан, мужик! Чык ахмак!). В ярости муфтий, соскочив с места, догнал подходившего к двери купца, ударил его по плечу и вытолкнул из своего гостиничного номера. Получив известие о приходе генерала Губайдуллы Чингиза, муфтий выпроводил остальных посетителей через десять минут, даже не угостив их чаем, что считалось высшим проявлением неуважения к гостям.

Этот инцидент в гостиничном номере был предан широкой огласке и вызвал шквал возмущения мусульманской общественности, которая критиковала муфтия за недостойное поведение как духовного лидера миллета, осуждала его нежелание воспользоваться своим высоким положением для ускорения решения нужд и чаяний единоверцев⁸².

По этому поводу С. Алкин, выступая на стороне М.Султанова, опубликовал в столичной газете «Русь» «Открытое письмо господину оренбургскому муфтию», в котором выразил свое недоверие газетной публикации об этом инциденте и просил муфтия опубликовать в ближайшее время «в категорической форме» опровержение⁸³.

⁸² *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 7–8 б.

⁸³ *Алкин С.* Открытое письмо господину оренбургскому муфтию // *Русь*. 1905. №96. 13 апреля. С.4.

В 1905 г. стало очевидным, что именно институт муфтия является легитимным представителем мусульман в силу отсутствия других общемиллетских организаций. В условиях демократизации и активизации общественной деятельности М.Султанова многими представителями мусульманской элиты он стал восприниматься как политическая фигура. Не случайно, инцидент в гостинице стараниями купцов вскоре был исчерпан. По случаю приезда в столицу депутатов мусульман из регионов касимовские татары, владевшие буфетом в зале Николаевского вокзала, организовали для них бесплатные обеды. Желая уладить ситуацию, московская депутация насильно привела купца З.Шафигуллина в Николаевский вокзал с тем, чтобы тот публично извинился перед муфтием за свой проступок. Муфтий воспринял приезд депутации спокойно, лишь отметив, что «в жизни случается и брань, и мир», тем самым инцидент стал считаться исчерпанным. В конце трапезы М.Султанов обещал прибывшим, что поведет их к министру. Однако на следующий день один встречался с премьер-министром С.Ю.Витте и в тот же день отбыл из столицы⁸⁴. Во время этой встречи (9 марта 1905 г.) М.Султанов подал С.Ю.Витте свою знаменитую «памятную записку», в котором юридически грамотно были перечислены аспекты ущемленного положения мусульман в империи.

Еще одной наглядной иллюстрацией его действий как непубличного общественного деятеля и политика является деятельность муфтия в период организации и проведения курултая во второй декаде апреля 1905 г. Дело в том, что за годы службы на должности муфтия у М.Султанова сложилось определенное представление о формировании общественного мнения у мусульман, которые, механически проецируя на религиозное управление свое недоверие к правительству, не ожидали от него каких-либо шагов в свою пользу. В административной практике оренбургского муфтия было немало случаев, когда мусульмане, вследствие незнания сути происходивших перемен или провокационных слухов, оказывали открытое или скрытое противодействие прогрессивным нововведениям властей.

⁸⁴ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 8–9 б.

Организация этого мероприятия была осуществлена в лучших традициях бюрократического аппарата. Вероятно, муфтий не хотел, чтобы в регионах распространилась информация о повестке совещания, поэтому каждый из приглашенных получил телеграмму на русском языке с безликим текстом: «Прошу Вас, Милостивый Государь, прибыть к 10-му апреля сего года в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание для объяснений по делам службы»⁸⁵. Забегая вперед, отметим, что таким способом М.Султанов уберег приглашенных религиозных деятелей от обвинений своих оппонентов в том, что они, не известив прихожан о повестке дня мероприятия и не получив доверенности путем оформления общественного приговора, самовольно поехали на совещание; они должны были проигнорировать начинание муфтия, потому что такие серьезные документы должны разрабатываться и приниматься делегатами от всего мусульманского населения, избранными в установленном порядке, и т.д.

Такая тактика муфтия вызвала у Мусы Бигиева недоумение, он задался вопросом: почему в телеграмме не была указана повестка дня совещания. Бигиев совершенно справедливо предположил, что это, видимо, было тактикой ОМДС⁸⁶.

Получив в 1905 г. официальное разрешение на проведение курултая улемов, организовав его и определив к приезду участников курултая его цель – подготовка проекта устава религиозного учреждения, как альтернативного существующему, – муфтий открыл совещание, однако вскоре удалился, предпочитая отойти от обсуждений и дожидаться окончательного результата. Это не означало, что М.Султанов самоустранился, напротив, все последующие организационные мероприятия, связанные с подготовкой окончательной редакции устава ОМДС, после закрытия курултая во многом он осуществлял сам.

Тактики дистанцирования от публичных мероприятий мусульман муфтий придерживался в дальнейшем, игнорируя, в частности, разрешенное министром внутренних дел «совещание предста-

⁸⁵ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 13 б.

⁸⁶ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 13. б. Бигиев предложил свой вариант текста оповещения: «Для рассмотрения своих религиозных нужд, законов правительства, имеющих отношение к религиозным управлениям, учебным заведениям, прошу Вас прибыть к 10-му апреля в Уфимское Собрание».

вителей башкирских волостей» Уфимской губернии, состоявшееся (июнь 1905 г.) в Уфе, и 2-й и 3-й, официально разрешенные властью, II и III Всероссийские съезды мусульман. Следует отметить, что его опасения оказались небеспочвенными: в 1908–1909 гг. власти стали подозревать татар в панисламизме, пантюркизме, пантатаризме, но эта волна обвинений задела его незначительно.

Работа курултая 1905 г. характеризует М. Султанова как очень осторожную личность. Пользуясь своим положением, муфтий не стал настаивать на принятии за основу будущего проекта положения «Об управлении Закавказского мусульманского духовенства Суннитского учения» 1872 г., а предложил присутствующим сначала ознакомиться со всеми тремя уставами религиозных управлений мусульман-суннитов. Председатель ОМДС явно не хотел, чтобы муллы обвинили его в давлении. Поэтому, когда накануне казый Р.Фахретдин предложил взять текст своего проекта в качестве «базового» и использовать его для дальнейшей правотворческой работы, М.Султанов категорически возразил. Он пояснил, что нельзя этого делать, потому что организаторов курултая могут обвинить в том, что они, собрав мулл, заставили их подписать заранее составленный в Собрании документ⁸⁷. И лишь оказавшись в безвыходном положении и опасаясь сорвать выполнение поручения премьер-министра С.Ю.Витте, М.Султанов согласился на оглашение проекта Р.Фахретдина.

Оставаясь верным своему принципу отгораживаться от коллективных мероприятий мусульман, в своем письме от 12 мая 1905 г., к которому он приложил проект устава ОМДС, М.Султанов не забыл упомянуть о том, что не принимал участия в работе курултая⁸⁸.

В своем произведении «Корылтай» Р.Фахретдин жаловался на М.Султанова, оказывавшего на него давление во время заседаний «смешанной» редакционной комиссии, которая на основании итогового документа курултая подготовила проект устава ОМДС, посланный в Комитет министров⁸⁹. Между тем, в составе «смешанной» редакционной комиссии муфтий официально не значился.

⁸⁷ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 52 б.

⁸⁸ ГА РТ, ф.1373, оп.1, д.2, л.7.

⁸⁹ *Бигиев М.* Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 99 б.

Несомненно, именно муфтий передал текст проекта устава ОМДС председателю Совещания уполномоченных мусульман Уфимской губернии (22, 23, 25 июня 1905 г.) Махаммадшакиру Тукаеву, который включил его в «Протокол» №1 данного мероприятия, не упомянув о первоисточнике.

Из записок Р.Фахретдина также выясняется, что муфтий имел далеко идущие планы. Причину ограничения в проекте устава ОМДС регламентации функционирования мектебе и медресе только несколькими статьями и констатации их перевода из компетенции МНП в ведение ОМДС казый объяснял намерением М.Султанова провести еще одно, специальное, совещание улемов, посвященное учебно-образовательным вопросам миллета⁹⁰. (Более того, выполняя установку муфтия и рамках подготовки данного совещания, используя публичную площадку джадидистов – газету «Тарджеман» (1905. 12 декабря. №104), Р.Фахретдин обратился к единоверцам с десятью вопросами о принципах обновления преподавательского состава мектебе и медресе, их программ, внутреннего распорядка, организации учебного контроля и финансирования и т.д., надеясь получить на них оперативный ответ. В 1906 г. редакция «Тарджемана» опубликовала ответы шести мугаллимов и мударрисов на поставленные казыем вопросы⁹¹. Причину не созыва второго совещания улемов Р.Фахретдин объяснил уклончиво. Это – издание манифестов, которые предполагали коренное обновлении многих сторон жизни общества⁹²).

Публичным мероприятием, в котором М.Султанов не стал пря-
тать свою фамилию в качестве его организатора, стало созванное им 15 февраля 1906 года совещание духовных и «светских мусульман» для обсуждения вопросов защиты религиозных прав мусульман-военнослужащих. Более того, муфтий, прописав свою фамилию, напечатал его материалы: «Протокол частного совещания мусульман духовного и светского званий, происходившего 15 февраля 1906 года, в Присутствии Оренбургского Магометанского Духовного Собрания,

⁹⁰ *Фахретдин Р.* Мәктәп вә эхкят, хәзинә вә земство ярдәме // *Фахретдин Р.* Дини вә ижтимагый мәсьәләләр. Сайланма хезмәтләр. Казан, 2011. 211 б.

⁹¹ Шунда ук. 214–225 б.

⁹² *Фахретдин Р.* Күрс. хезмәт. 211 б.

по приглашению Его Высочества, Оренбургского Муфтия, Хаджи Мухамедияра Мухамедшарифовича Султанова – по вопросу об устройстве духовного призрения мусульман-военнослужащих»⁹³.

В реконструкции взаимоотношений муфтия с массами несомненный интерес представляет донесение начальника Уфимского жандармского управления о совещании мусульман, состоявшемся 15 декабря 1907 г. в здании городской управы (участвовало до 500 человек). На совещании обсуждалось пять вопросов, касавшихся достижения национально-культурной автономии: 1) об отмене отчетности в школах на русском языке; 2) о передаче мусульманам средств, выделяемых правительством на специальные училища для мусульман, изъяв их у русских чиновников; 3) об отмене русского образовательного ценза для духовенства; 4) о переводе всего «письмоводства» и делопроизводства во всех мусульманских учреждениях, а также в учреждениях с преобладающим мусульманским населением, на татарский (местный) язык, обязав при этом правительственные органы иметь за свой счет переводчиков; 5) о нестеснении торговли мусульман в христианские праздники и о введении для единоверцев, находящихся на гражданской и военной службе, празднования пятницы и всех мусульманских праздников. Для решения этих вопросов ахун 1-й соборной мечети Уфы Х.Усманов предложил командировать в селения специальных лиц и организовать кампанию подачи единой петиции от всех мусульман Уфимской и соседних губерний. Для согласования действий один из мулл 3-й соборной мечети (Сабирзян) и купец Хакимов должны были негласно обойти мусульманские общины губернских городов. Учитель мусульманского приюта А.Мустафин, поддержав Усманова, сообщил, что ему «доподлинно» известно, что муфтий Султанов «об этом осведомлен, всему сочувствует и хотя сам лично на собра-

⁹³ *Фархитов М.Н.* Совещание при Оренбургском муфтияте от 15 февраля 1906 г. по вопросу улучшения «духовного призрения» мусульман-военнослужащих // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С.87–91.

нии не присутствует, но готов оказать поддержку и приложить все усилия, чтобы назначаемым или выбранным депутатам со стороны администрации не чинилось каких-либо препятствий»⁹⁴.

Итак, характерной чертой социального поведения оренбургского муфтия М. Султанов на рубеже столетий правомерно назвать его непубличность.

Прошения муфтия М.Султанова 1905 г.

По нашим сведениям, с февраля по май 1905 г. М.Султанов адресовал на имя председателя Комитета министров несколько ходатайств.

В этом списке одним из важных следует назвать его письмо обер-прокурору Св. Синода К.П.Победоносцеву от 8 февраля 1905 г. В рассматриваемый период существовала строго соблюдаемая всеми ветвями власти традиция: руководитель мусульманского управления не имел права напрямую переписываться с обер-прокурором Св. Синода или епархиальным архиереем, и наоборот. Переписка осуществлялась через светский центральный или губернские органы, которые и контролировали, и выступали в качестве «буферной зоны» между головными институтами конфессий. В этой связи примечателен сам факт прямого обращения оренбургского муфтия с письмом к обер-прокурору Св. Синода.

Письмо М.Султанова было напечатано в газете «Тарджеман». По поводу замечания К.П.Победоносцева, высказанного им при личной встрече с муфтием, о том, что у мусульман отсутствует склонность к общению с русскими, М.Султанов написал, что «причину отчужденности магометан от русских большею частью нужно искать на стороне русского населения». И в качестве доказательства привел «побасенку», напечатанную на обороте листа «15 января» из одобренного духовной цензурой отрывного календаря на 1896 г., изданного В.В.Чичериным. В заключение муфтий сообщил, что этим письмом он желает лишь указать «на существование в русском

⁹⁴ Национальные движения в период первой революции в России (сборник документов из архива быв. Департамента полиции) / сост. И.Д. Кузнецов. Чебоксары, 1935. С.232.

обществе таких явлений, устранение которых могло бы содействовать столь желательному сближению магометан с коренным русским населением». Это письмо вызвало критику И.Гаспринского, который справедливо заметил, что нужно было «более обоснованно и ярче указать на явление, мешающее этому сближению, чего г.муфтий не сделал... Г.муфтий мог и должен был указать его Высокопревосходительству, раз об этом зашла речь, что сближению магометан с русскими мешают некоторые стеснения, претерпеваемые ими в религиозном быту, как, напр., неразрешение постройки мечетей, система назначения духовенства, административные и судебные преследования исконных мусульман и т.п.»⁹⁵.

Согласно «Уставу о воинской повинности» 1874 г., чины запаса призывались на действительную службу «в случае необходимости приведения войска в полный состав»⁹⁶. На этом основании на русско-японскую войну 1904–1905 гг. из числа ратников было мобилизовано более 300 мулл⁹⁷. Воспользовавшись демократизацией общественной жизни в стране, в своем письме от 28 февраля 1905 г. за № 906 муфтий обратил внимание правительства на ущемленное положение мусульманского приходского духовенства в плане исполнения воинской повинности. В революционный 1905-й год на сановников должна была оказать воздействие информация муфтия об обращении местного населения к частным муллам за исполнением треб. М.Султанов привел веский довод, против которого трудно было найти контраргумент, намекая на революционные события, которые воспринимались властью не иначе как беспорядки и антиправительственные выступления, дестабилизирующие общественно-политическую обстановку в стране. Муфтий предупреждал премьер-министра С.Ю. Витте о том, что «в глазах населения частные муллы неминуемо приобретут авторитет настоящих мулл, потому что массе населения нет дела до того, утвержден мулла или не утвержден, но раз он исполняет муллинские обязанности, он для массы является муллою.

⁹⁵ Письмо г. оренбургского муфтия к обер-прокурору Св. Синода // Тард-жеман. 1905. 9 сентября. № 71.

⁹⁶ Устав рекрутский // ПСЗ–2. Т. 6. Ч. 1. №4677. Ст. 23.

⁹⁷ О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. Изд. неофициальное. М., 1905. С. 81.

Между тем частные муллы – это личности, нравственная и политическая благонадежность которых никем не удостоверена и деятельность которых ускользает от всякого контроля»⁹⁸.

В период русско-японской войны 1904–1905 гг., согласно донесениям офицеров Уфимского жандармского управления, факты рекрутирования на Дальневосточный фронт приходских мулл вызывали у мусульман «ропот», свою роль в разъяснении ущемленного положения мулл по сравнению с православными священниками играли личности, посещавшие селения и разъяснявшие эту ситуацию»⁹⁹.

Муфтий, исходя из принципов справедливости и равноправия, считал необходимым распространение этой льготы на мусульманское приходское духовенство, и напоминая о своих неоднократных обращениях об этом в МВД, доверительно сообщал, что отвлечением мулл от прямых их обязанностей мусульманское население «крайне недовольно». Муфтий писал: «Производит весьма тягостное впечатление, когда одно и то же лицо сегодня в качестве служителя религии учит вере и нравственности, исполняет духовные требы и обряды, и руководит общественным богослужением, а завтра в качестве солдата проделявает ружейные приемы. Едва ли может быть что-нибудь общее между служением религии и военной службою, а ведь мулла – служитель религии». Нельзя не согласиться с еще одним доводом муфтия о том, что из-за освобождения мусульманских приходских духовных лиц «размер российской армии не пострадает». Резюмируя свои доводы, муфтий просил премьер-министра внести на рассмотрение Комитета министров вопрос об освобождении от действительной военной службы мусульманских духовных лиц и уравнивании их с духовными лицами других вероисповеданий в соответствии с 7 п. высочайшего указа от 12 декабря 1904 г.¹⁰⁰

Хорошо зная особенности делопроизводства в высших инстанциях власти, вторую свою просьбу, также адресованную С.Ю.Витте, М.Султанов оформил отдельным прошением от того же числа

⁹⁸ РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.23. Л.14.

⁹⁹ Национальные движения в период первой революции в России (сборник документов из архива быв. Департамента полиции). С.170.

¹⁰⁰ РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.23. Л.14–15 об.

за №907. В нем оренбургский муфтий обращал внимание премьер-министра на ущемление гражданских прав мусульман, обучающихся в правительственных гражданских средних учебных заведениях. Председатель ОМДС выражал недовольство по поводу игнорирования правительством декларированных имперской властью прав подданных на изучение основ своего вероисповедания. Ранее на просьбу муфтия министр народного просвещения граф И.Д.Делянов (1882–1897 гг.) ответил отказом по причине «неассигнованности» на эти цели средств, его преемник на этой должности Н.П. Боголепов (1898–1901 гг.) указал, что содержание вероучителей мусульманского закона является обязанностью самого общества, т.е. родителей обучаемых, на третье по счету ходатайство муфтия по тому же вопросу (от 16 мая 1904 г. за №15346) действующий министр В.Г.Глазов (1904–1905 гг.) фактически сообщил то же, но в более деликатной форме: «Министерство народного просвещения идет с готовностью навстречу желаниям магометан и беспрепятственно разрешает преподавание магометанского вероучения, если магометанское общество изъявит готовность платить вознаграждение вероучителю». Желая изменить устойчивую позицию российского правительства по игнорированию прав учащихся-мусульман, со ссылкой на п.7 высочайшего указа от 12 декабря 1904 г., муфтий просил премьер-министра осуществлять преподавание Закона Божия ученикам-мусульманам в учебных заведениях МНП на родном языке учащихся за счет государственного казначейства¹⁰¹.

Если первые два прошения председателя Собрания были продолжением его предыдущих ходатайств его по защите религиозных прав единоверцев, то третье прошение¹⁰², переданное в марте 1905 г. премьер-министру С.Ю.Витте, имело концептуальное значение в плане доведения до правительства всего комплекса вопросов по уравниванию личных и гражданских прав мусульман, со ссылкой на п.7 императорского указа от 14 декабря 1904 г. «Памятная записка» имела политический оттенок, в ней автор, по сути, перечислил основные аспекты действующего законодательства, ущемляющие

¹⁰¹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.16–16 об.

¹⁰² РГИА, ф.1276, оп.1, д.107, л.26–27 об.

гражданские права российских подданных только за то, что они исповедуют ислам.

В этот перечень муфтием были включены следующие вопросы:

– запрет мусульманам, имеющим дипломы об окончании русских учебных заведений, преподавать среди немусульман (п.1)¹⁰³;

– лишение единоверцев, обучающихся в высших учебных заведениях, права на получение стипендий и пособий, что в значительной степени преграждало, по мнению муфтия, мусульманам доступ к высшему образованию (п.2)¹⁰⁴. (В действующем законодательстве таких специальных ограничений не усматривается, скорее, здесь речь идет о не предоставлении мусульманам-неказахам округа ОМДС стипендий, которые выдаются казахским юношам. – *И.З.*);

– лишение военнослужащих мусульман права исполнять обряды своей религии вследствие упразднения должностей военных мулл: «магометанская молодежь ежегодно призывается в числе 40000 человек на службу в войсках во все время действительной службы остается без духовных пастырей» (п.3);

¹⁰³ «Магометане, окончившие курс наук в русских учебных заведениях и имеющие, по своему образованию, право преподавания, фактически лишаются этого права – исключительно за то, что они исповедывают магометанскую религию, а именно: им воспрещается преподавание научных предметов кому бы то ни было, кроме своих единоверцев. Цель такого воспрещения более чем не понятна: нельзя предположить, чтобы магометанин был приглашен преподавать православному Закон Божий, так что в этом отношении ограничение в праве преподавания совершенно излишни; в отношении же преподаванию, например, математики и вообще – светских предметов принадлежность к той или другой религии одна ли может иметь какое-нибудь значение» (РГИА, ф.1276, оп.1, д.107, л.26).

¹⁰⁴ «Магометане, обучающиеся в высших учебных заведениях, лишены права на получение стипендий и пособий, чем в значительной степени преграждается доступ магометан к высшему образованию. Министерство народного просвещения не признает этого, указывая, что существуют специальные стипендии для магометан, а именно, одна для киргизов внутренней орды Астраханской губернии, три для киргизов Тургайской области, одна для киргизов вообще, и, кроме того, учреждено 30 киргизских стипендии в средних учебных заведениях. Но при этом упускается из виду, что не всякий магометанин – киргиз, равно как не всякий киргиз – магометанин, и что речь идет не о киргизах, а вообще о магометанах» (Там же. Л.26–26 об.).

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

– незаконное применение властями правила строительства мечетей в ТМДП в округе ОМДС: разрешение губернским правлением постройки мечетей только с дозволения православного архиерея, который, «в виду присущих ему миссионерских обязанностей, естественно должен желать, чтобы магометанских мечетей было как можно меньше» (п.4);

– произвол губернаторов в отношении мусульманских духовных лиц – увольнение их и восстановление на должности по своему усмотрению (п.5)¹⁰⁵.

Исходя из того, что передача в 1874 г.¹⁰⁶ мектебов и медресе в ведение учебного ведомства привела лишь «к обострению отношений населения с училищной инспекцией [...] и на почве заведования училищного начальства Министерства народного просвещения имуществами», муфтий высказался за возвращение школ при мечетях под контроль Духовного собрания – к ситуации, которая неизменно сохраняется в округах мусульманских религиозных управлений империи (п.6).

Еще одним принципиальным его предложением следует признать необходимость отказа от «архаического устава» Собрания, составленного «в начале прошлого столетия» и распространение на округ ОМДС «более нового и совершенного» устава – «Положения» Управления Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения (п.7)¹⁰⁷.

Важно отметить, что основные положения «памятной записки» муфтия были напечатаны также в столичной периодике («Русь»), в

¹⁰⁵ В качестве примера М.Султанов назвал административную практику уфимского губернского правления, которое 16 августа 1904 г., по предложению губернатора, постановило удалить мулл при 1-й и 2-й соборных мечетях дер. Аднагулово как не удовлетворяющих своему назначению, а в декабре того же года губернское правление, по предложению того же губернатора, восстановило их в прежних духовных должностях. «Для всего ясно, что в 2–3 месяца человек радикально измениться не может», – сокрушался муфтий, назвав действия начальника губернии произволом (Там же. Л.27).

¹⁰⁶ Автор ошибочно пишет «1870 г.».

¹⁰⁷ РГИА, ф.1276, оп.1, д.107, л.27 об.

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание на рубеже XIX–XX столетий

газетах «Тарджеман»¹⁰⁸, «Каспий»¹⁰⁹, издаваемых мусульманами. Несомненно, это ходатайство способствовало формированию у мусульман целостного представления о своих правах в Российской империи.

Члена Особого совещания по делам веры под председательством А.П.Игнатьева В.П. Череванского привлекло заявление оренбургского муфтия о численности российских мусульман – 20 млн. человек. Очевидно, такие завышенные цифры назывались с целью придания политического веса мусульманам как последователям одной из самых многочисленных нехристианских конфессий в государстве, – констатировал В.П. Череванский¹¹⁰.

Ходатайство М.Султанова вызвало также недовольство И.Гаспринского, но уже по другому поводу. Редактор газеты «Тарджеман», ставя в один ряд оренбургского и таврического муфтиев, последний также подал в Комитет министров прошение, писал: «...в Крыму и Уфе духовные управления наши в лице муфтиев и ближайшего нашего «духовенства» в деле изложения правительству народных нужд стали в некоторого рода оппозицию в отношении народа. В петициях уфимской и крымской 2-й¹¹¹, под именем нужд народа, до наивности прозрачно «правленцы» хлопочут об интересах касты и кружка, думая, что народ все еще остается и должен оставаться быдлом и дойной коровой... Эти последние не видят, что за последние 25 лет родилась новая интеллигенция и народное общественное мнение, чего ранее не было. Ныне среди городского населения и купечества мусульман, среди самого духовенства и даже среди сельских обывателей есть немало людей, думающих «о народе», а потому желающих говорить и работать для него. Если прибавить к этой чисто народной

¹⁰⁸ Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Тарджеман. 1905. № 28. 12 апреля.

¹⁰⁹ Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Каспий. 1905. № 68. 12 апреля. С.3.

¹¹⁰ Опровергая эти цифры, сановник сослался на материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г.: 13,9 млн. мусульман, или 11,1% населения империи (РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.4 об.)

¹¹¹ См.: Загидуллин И.К. Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 года // НТ. 2015. №3. С. 22–26.

группе просвещенных европейски мусульман, то мы увидим, что существует новая живая сила, с которой надо считаться»¹¹².

Таким образом, в период революционного подъема и демократизации общественной жизни в России, муфтий М. Султанов впервые публично выступил в качестве общественного лидера мусульман; имея собственную позицию, поставил перед правительством вопросы достижения гражданского равноправия единоверцев.

Итак, одной из заметных фигур в общественном движении мусульманских народов 1905 г. стал муфтий М.Султанов, впервые позиционировавший себя не только как председатель ОМДС, но и как лидер мусульманского сообщества Волго-Уральского региона и Западной Сибири. Если сравнивать деятельность М.Султанова с деятельностью руководителей других религиозных управлений, то в 1905 г. оренбургский муфтий выделялся активной жизненной позицией. Несомненно, его социальная активность была обусловлена общественной атмосферой в ОМДС, ближайшим кругом общения, его видением перспектив развития миллета в начале нового столетия.

1.3. Деятельность казья Ризаэтдина Фахретдина

В биографии Ризаэтдина Фахретдина, известного татарского мыслителя, общественного и религиозного деятеля, выделяются несколько жизненных этапов, которые определяются его местом работы и жительства.

Первый этап – это сельский период жизни: детские, юношеские годы, обучение в мектебе и медресе, преподавание в медресе и исполнение в течение полутора лет обязанностей имама в дер. Ильбяково Бугульминского уезда Самарской губернии.

Второй этап – 1891–1906 гг. – первый уфимский период жизни, когда Р.Фахретдин работал в ОМДС в качестве заседателя, казья.

В 1890 г. муфтий М.Султанов получил от Р. Фахретдина посылку с авторскими книгами «Китабет-тасрыйф» (Казан, 1887) и «Китабель-игътибар» (Казан, 1888). Осенью 1890 г. через казья Мухам-

¹¹² Тарджеман. 1905. № 59. 29 июля.

мадхалима Сулейманова Р.Фахретдин был приглашен на собеседование. Эту судьбоносную встречу Асьма Шараф в воспоминаниях об отце, с его слов, передает во всех подробностях. Во время встречи муфтий предложил Р.Фахретдину должность заседателя ОМДС. Р.Фахретдин ответил, что он еще молод и не готов к такой должности, ведь все кадии – пожилые люди с большим жизненным опытом, на что муфтий ответил: «Твои знания, молодость подходят для этой должности. Прошу тебя согласиться». Его поддержал и казый Сулейманов: «Если не согласишься, совершишь большую ошибку, с твоим образованием надо действовать, согласись». В дер. Ильбяково Р.Фахретдин возвратился, дав согласие стать заседателем ОМДС¹¹³.

Эта встреча оказалась весьма кстати: утверждение Р.Фахретдина на этой должности состоялось на год ранее запланированного – не в 1892 г., а в том же 1891 г., вследствие потери зрения З.Максудовым, уже четверть века исполнявшим обязанности заседателя.

На место новой службы Р.Фахретдин выехал 7 февраля 1891 г., на дальний путь, как оказалось, определивший всю его дальнейшую жизнь, его провожали все прихожане¹¹⁴. Между тем, отец Р.Фахретдина – имам дер.Кичучат – надеялся, что сын станет его преемником¹¹⁵.

Прибыв в Уфу, Р.Фахретдин поселился в доме казья Залялетдина Максудова. Из временного жилища он с молодой женой и двумя малолетними детьми 13 марта переехал на арендованную квартиру некоего Козлова на улице Воскресенская. Хотя было оче-

¹¹³ *Фахретдин Р.* Тәржемәи хәләм // Ризәтдин Фәхретдин. Био-библио-
график җыентык. Казан, 1999. 46–47 б.

¹¹⁴ *Фахретдин Р.* Күрс. хезмәт. 29 б.

¹¹⁵ Об этом, в частности, опосредованно свидетельствует ходатайство прихожан махалли дер. Кичучат, поданное в Самарское губернское правление не позднее октября 1891 г. В своем коллективном прошении они уточняли срок службы члена ОМДС и убедительно просили: после 12 января 1894 г., по истечении срока службы Р.Фахретдина в Уфе, направить его муллою в кичучатскую мечеть, согласно желанию прихожан (РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.30). Эта история имела свое продолжение. 8 января 1892 г. по решению жителей дер. Кичучат с разрешения МВД Самарским губернским правлением Р.Фахретдин был утвержден имам-хатибом соборной мечети, хотя ни дня не служил здесь (*Фахретдин Р.* Күрс. хезмәт. 31 б).

видно, что Р.Фахретдин в Духовном собрании не случайный человек и пребывание его здесь будет долгим, первые 6 лет он часто менял место жительства¹¹⁶. Наконец, с 1 апреля 1897 г. по 1906 г., до отъезда в Оренбург, он жил по адресу: ул. Телеграфная, №6, в доме Бережовского¹¹⁷. Как видно, скудное жалование заседателя ОМДС не позволило ему обзавестись собственной жилой площадью.

Члены ОМДС получали содержание в размере 800 руб. в год, из них 214 руб. отпускалось из казенных средств, согласно штатному расписанию религиозного учреждения, а 586 руб. – из сумм брачного сбора в виде дополнительного содержания к окладу жалования.

В начале 1894 г. завершался срок службы Р.Фахретдина в ОМДС. С целью обосновать возможность продления его службы на следующее трехлетие, муфтий представил директору ДДДИИ М.Р.Кантакузину-Сперанскому записку. Такой поступок объяснялся, во-первых, тем, что в законе от 9 января 1890 г. специально не оговаривалась возможность службы заседателей несколько сроков подряд. Во-вторых, Р.Фахретдин не имел свидетельства, подтверждающего знание им русского языка и грамоты. Муфтий М.Султанов писал: «... из числа известных мне духовных лиц, достойных занять должность члена Духовного собрания, нет ни одного, который мог бы предоставить свидетельство об окончании курса в учебных заведениях и, следовательно, для удовлетворения своих познаний в русском языке, требуемых правилами об образовательном цензе, [они] должны подвергнуться установленному экзамену. Между тем опыт показал, что от возбуждения лицом ходатайства о допущении его к экзамену и до выдачи свидетельства о выдержании его проходит немало времени – больше, чем осталось до конца года. С другой стороны, я полагал, что польза службы не только ничего не потеряет от оставления в должности прежнего члена, а, напротив, выигра-

¹¹⁶ Хроника его переездов следующая. 2 ноября 1892 г. арендовал дом жены Иванова на улице Фроловская, 4 августа 1894 г. переехал в дом Никитина, расположенный на углу улиц Фроловской и Ильинской. 10 февраля 1895 г. семья поселилась в доме (рядом с мечетью), переданном в качестве вакуфа для содержания детей-сирот из мусульман. Отсюда 25 февраля 1896 г. Р.Фахретдин выехал в дом жены Веденеева на улице Воскресенская.

¹¹⁷ *Фахретдин Р.* Курс. хезмэт. 29–30 б.

вает, так как он уже знаком и с обязанностями своими, и с порядком производства дел в Собрании, между тем, как вновь приступающий член некоторое время только присматривается, учится своим обязанностям, оставаясь совершенно бесполезным для дела». Отметив, что Р.Фахретдин также не имеет свидетельства о знании русского языка и грамоты, но за истекший период на деле доказал свое обладание «познаниями в русском языке не ниже тех, какие требуются правилами об образовательном цензе», М.Султанов заявил, что данное обстоятельство не может явиться препятствием к продлению его срока службы¹¹⁸. В результате, 19 ноября 1893 г. Р.Фахретдин был утвержден заседателем Собрания на второе трехлетие¹¹⁹. В дальнейшем при продлении сроков службы Р.Фахретдина – в 1897, 1903 и 1906 гг. – никаких проблем не возникало.

В период работы в Уфе Р.Фахретдин два раза съездил в Оренбург (1898, 1902 гг.), три раза – на малую родину: в деревни Кичучат и Чубытлы (родное селение жены), а также совершил специальную поездку в Булгарское городище в Казанской губернии (1900 г.)¹²⁰.

В лице имама Р.Фахретдина муфтий М.Султанов обзавелся аккуратным и трудолюбивым сотрудником, быстро завоевавшим уважение в Духовном собрании. Р.Фахретдин сразу стал ведущим и самым активным заседателем ОМДС, занимался составлением предписаний и циркуляров, адресованных духовным лицам. Если ранее практически все исходящие постановления и указы Духовного собрания составлял и подписывал З.Максудов, проработавший здесь несколько сроков, то теперь эта обязанность перешла к Р.Фахретдину. Именно он, как последняя инстанция, проверял исходящие письма религиозного управления и первым их подписывал.

Этот момент, в частности, был вскоре подмечен внимательными чиновниками ДДДИИ. В адрес муфтия М.Султанова из МВД поступило предупреждение. Р.Фахретдин, видимо, по незнанию специфики деятельности Духовного собрания – коллегиального учреждения – стал подписывать исходящие письма один. На это нарушение, проти-

¹¹⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.53 об.–54.

¹¹⁹ Там же, л.57.

¹²⁰ *Фахретдин Р.* Курс. хезмэт. 30 б.

воречащее принципу коллегиальности работы религиозного управления, было обращено внимание муфтия М.Султанова. Оказалось, что представление ОМДС от 3 декабря 1891 г. о порядке метрификации лиц, своевременно не записанных в метрические книги, было подписано лишь Р.Фахретдином. Вопрос был поставлен министерством «ребром»: «По какой причине означенное представление не подписано председателем – муфтием и другими членами?»¹²¹.

Усердная деятельность заседателя неоднократно поощрялась муфтием М.Султановым. Спустя семь месяцев со времени вступления на новую должность, 24 августа 1891 г., Р.Фахретдин был удостоен духовного звания ахун, в 1894 г. – награжден серебряной медалью на Станиславской ленте для ношения на шее «За усердие», в 1897 г. – золотой медалью¹²².

Одна из издержек в деятельности ОМДС заключалась в несвоевременном исполнении запросов должностных лиц и различных учреждений. Это было обусловлено, главным образом, большой загруженностью канцелярских работников, запущенностью ведения делопроизводства и малочисленностью штатов. Узнав о факте нерассмотрения ОМДС в течение трех лет запроса судебного следователя, директор ДДЦИИ решил привлечь виновных к уголовной ответственности. Прежде чем возбудить уголовное дело, ввиду его новизны, М.Р.Кантакузин-Сперанский проконсультировался с сотрудниками Министерства юстиции. Оказалось, что членов ОМДС можно привлечь лишь к дисциплинарной ответственности. В результате, 30 июня 1892 г. МВД объявило взыскание муфтию М.Султанову, прежнему и новому составу заседателей, среди которых значился и Р.Фахретдин (за исключением ахуна Габдерашита Ибрагимова, служившего лишь с апреля 1892 г.), а также секретарю Собрания¹²³.

Казый присутствовал практически во всех заседаниях ОМДС, в которых принимались решения по поступившим делам. Рабочий день Р.Фахретдина начинался в 9 часов и завершался в 11–12 ут-

¹²¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.621, л.26.

¹²² *Фахретдин Р.* Күрс. хезмэт. 31 б.

¹²³ РГИА, ф.821, оп.8, д.619, л.87–88.

ра¹²⁴. Видимо, таким был традиционный график работы членов ОМДС. Духовное собрание отдыхало по пятницам, в воскресенье и другие «табельные» праздники. Поэтому у Р.Фахретдина оставалось много свободного времени для творчества и научных изысканий.

Существенный вклад Р.Фахретдин внес в установление контроля Духовного собрания над вакуфами исламских институтов в Европейской части России и Сибири. В 1891–1893 гг. Духовное собрание собирало сведения о вакуфах. В 1894 г. были разработаны проект управления вакуфами и правила по управлению вакуфными имуществами. Хотя данный проект не нашел поддержки в МДВ, ОМДС в своих действиях стремилось соблюдать эти правила. 15 июля 1901 г. оренбургский муфтий предписал казиям Р.Фахретдину и Дж.Тангатарову навести порядок в делопроизводстве об имениях, пожертвованных или завещанных Духовному собранию. Речь шла о следующем объеме работ: 1) проведение ревизии с целью выяснения наличия и хранения в «денежном ящике» религиозного учреждения всех материалов с оставлением копий от дел; 2) проверка делопроизводственной документации на предмет наличия соответствующих распоряжений религиозного учреждения по принятию недвижимого имущества и передачи их в заведование мутаваллиев; 3) составление списка мутаваллиев; 4) выявление по представленным им ежегодным отчетам их усердия в исполнении возложенных обязанностей.

Эти материалы призваны были облегчить контроль за доставкой мутаваллиями ежегодных отчетов. Одно из заседаний Духовного собрания в конце года предполагалось посвятить проблеме контроля за вакуфами. Произошло также разделение регионов: Р.Фахретдин курировал вакуфы в Оренбургской и Уфимской губерниях, а Дж.Тангатаров – в остальных местностях Европейской части России и Сибири¹²⁵.

По инициативе Р.Фахретдина религиозным органом (23 ноября 1902 г.) было принято постановление о предоставлении через каж-

¹²⁴ *Фахретдин Р.* Курс. хезмэт. 37 б.

¹²⁵ *Загидуллин И.К.* Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). Казань, 2006. С.44–102.

дые полгода в Уфу вакуфных прихода-расходных книг. Благодаря неустанной деятельности казыев в 1901–1905 гг. была составлена сводная таблица вакуфов. Р.Фахретдин подготавливал все решения Духовного собрания по оформлению пожертвованных имуществ¹²⁶.

Помимо выполнения прямых должностных обязанностей, в своих воспоминаниях Р.Фахретдин выделяет три важных направления своей деятельности в ОМДС. Он пишет о своих трудах по совершенствованию дизайна метрических книг, отсылаемых муллам для регистрации актов гражданского состояния прихожан: «...моими стараниями были изготовлены красивые бланки метрических книг»¹²⁷.

Мотивацию своей деятельности по второму направлению Р.Фахретдин также изложил кратко: «Спустя некоторое время после вступления в должность я обнаружил, что муллы в силу своей неосведомленности очень часто попадают под следствие. Да и дела Управления были довольно запутаны. Я решил написать циркуляр и раздать всем муллам. Они выгоды для себя в этом не узрели, поэтому очень прохладно отнеслись к моему почину»¹²⁸.

Поисковая работа была завершена в самом начале 1900 г. сборник был издан в 1902 г. в Уфе¹²⁹. В сборнике опубликовано 69 документов. Составление сборника способствовало формированию у Р.Фахретдина системного взгляда на разработку в дальнейшем аналогичных изданий. Он стал целенаправленно собирать материалы для второго издания сборника, изданный в 1905 г. В него составитель дополнительно включил 61 документ¹³⁰.

О третьем направлении своей деятельности, не имевшем непосредственного отношения к обязанностям члена ОМДС, Р.Фахретдин написал более подробно. При поиске документов по запросам имамов и правительственных учреждений о предоставлении сведе-

¹²⁶ Азаматов Д.Д. Указ. соч. С.14–15.

¹²⁷ Фахретдин Р. Курс. хезмэт. 37 б.

¹²⁸ Фахретдин Р. Курс. хезмэт. 37 б.

¹²⁹ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг. / сост. Р.Фахретдинов. Уфа, 1902.

¹³⁰ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 гг.

ний по делам предыдущих лет Духовное собрание испытывало большие затруднения. В ОМДС отсутствовало помещение архива, делопроизводственная документация и метрические книги в буквальном смысле были сложены в деревянном сарае во дворе Духовного собрания. В ближайшей перспективе из-за сырости они пришли бы в негодность и были потеряны для будущих поколений. Такое плачевное состояние документов было обусловлено объективными и субъективными причинами. В качестве объективных причин следует назвать тяжелое финансовое положение религиозного учреждения, отсутствие средств на постройку здания архива, для привлечения квалифицированных канцелярских работников, умеющих в должной форме оформлять и передавать дела в архив учреждения. В условиях постоянного увеличения оборота делопроизводственной документации и при ограниченности штатов составление ответов в сроки, установленные законом, было делом нелегким. Возможно, поэтому решение проблемы сохранности и систематизации отложившихся материалов постоянно откладывалось.

Здесь нужно выделить две самостоятельные и в то же время взаимосвязанные проблемы. Первая – сохранение архивной документации. Эту задачу успешно решил муфтий М.Султанов, построив за счет брачных сумм мусульман на территории Духовного собрания каменное здание архива. Второй проблемой – систематизацией архивных материалов и составлением описей документов – занималась группа из 2–3 человек во главе Р.Фахретдином. «Постарался привести в порядок архив. Сам лично участвовал в этом деле и помогал советами... Эти занятия, особенно дела, связанные с архивом, не вменялись мне в обязанность, находил силы заниматься этим по собственному желанию», – писал ученый¹³¹. Он, безусловно, понимал необычность своих усилий: «Однако людей, поддерживающих меня в данных начинаниях в то время было мало, думаю, что и впредь их будет немного»¹³².

В ходе упорядочения архивных дел Р.Фахретдин делал выписки из различных предписаний правительственных органов, переписки

¹³¹ *Фахретдин Р.* Күрс. хезмәт. 37 б.

¹³² *Фахретдин Р.* Моя биография // Риззәтдин Фәхрәтдин. Био-библиография жыйентык. Казан, 1999. С.109–110.

Глава I. Оренбургское магометанское духовное собрание
на рубеже XIX–XX столетий

муфтиев с правительственными, общественными учреждениями и духовными лицами. Некоторые из них, имеющие отношение к школьному вопросу, Р.Фахретдин изложил в 1-й части своей книги «Исламнар ха kynда хөкүмәт тәдбирләре» (Правительственные распоряжения об исламских учреждениях)¹³³.

В предисловии к этой книге о своей работе в архиве автор писал следующее: «Во время службы членом Оренбургского духовного собрания приведение в порядок архива этого правительственного судебного учреждения оренбургским муфтием было поручено мне. Это приказание не имело юридической силы, потому что по уставу я не обязан был этого делать. Что такое – привести в порядок архив, хорошо знают лица, бывшие на такой службе. Пусть сами сделают заключение, что такое с группой сотрудников привести в порядок двести–триста книг и сборников и дела, не разбиравшиеся целое столетие и пришедшие в запустение»¹³⁴.

Р.Фахретдин также приводит свою мотивацию, побудившую его приступить к трудоемкой работе в архиве: «Желание увидеть старинные записи и любовь к записи бумаг, позволяющие реконструировать положение (жизнедеятельность) древних людей для будущих поколений, заставили меня взяться за этот труд. Я без колебаний приступил к работе и, завершив основную часть своего труда, ушел с должности председателя ОМДС, осталось лишь одно-два намерения незавершенными, о чем я очень сожалею»¹³⁵.

Далее автор поясняет одну из своих недоработок: хотел составить отдельную опись наиболее важных архивных дел, а также собрать в отдельную папку предписания и предложения ДДДИИ, поступившие в ОМДС в различные годы¹³⁶. Иначе говоря, он хотел составить новое издание циркуляров и предписаний, главным образом, исходящих от правительственных органов. То, что не успел, он

¹³³ *Заһидуллин И.К.* Ризәтдин Фәхрәддин XIX йөзгә икенче яртысында патша хөкүмәтенең милли сәясәте турында // Ризәтдин Фәхрәддин: мирасы һәм заман. Казан, 2003. 76–93 б.

¹³⁴ *Фәхрәтдин Р.* Исламнар ха kynда хөкүмәт тәдбирләре. 1-нче жөз. Оренбург, 1907. 2 б.

¹³⁵ Шунда ук. 2–3 б.

¹³⁶ Шунда ук. 3 б.

частично изложил в 1-й и 2-й частях своей брошюры «Исламнар ха kynдa хөкүмэт тэдьбирлэре», посвященной описанию школьной политики самодержавия в отношении мусульманских школ, через анализ законодательных и подзаконных актов¹³⁷.

Под предлогом «домашних обстоятельств» Р.Фахретдин в мае 1906 г. оставил должность. В действительности он принял предложение золотопромышленников братьев Рамиевых о переезде в Оренбург для реализации крупного национального культурно-просветительского проекта по изданию газеты «Вақыт».

С учетом его «отлично усердной службы» за истекший период муфтий попытался назначить ему единовременное пособие в размере годового оклада жалованья, т.е. 214,89 руб. Однако ответ ДДДИИ был непререкаемым: «Фахреддинов не пользовался уставами государственной службы и не имеет по закону права на получение из казны пособия в виде годового оклада содержания»¹³⁸. Тогда М.Султанов 6 сентября 1906 г. обратился к министру внутренних дел и сообщил, что Р.Фахретдин «неоднократно в течение этого времени (службы – И.З.) заступал в отсутствие оренбургского муфтия на его место в Духовном собрании». До сведения министра был доведен отказ Департамента в выделении ему единовременного пособия в размере годового оклада жалованья. Министр удовлетворил прошение о назначении Р.Фахретдину единовременного пособия из брачных сумм мусульман в размере 150 руб.¹³⁹ Получение им отпуска 20 мая 1906 г. было связано именно с намерением муфтия М.Султанова выделить ему пособие.

Просветительские принципы жизнедеятельности видного ученого и религиозного деятеля нашли отражение в его работах, учебных пособиях назидательного характера, посвященных проблемам нравственного воспитания. Появление этих работ мы связываем с его деятельностью в качестве судьи. В ОМДС из разных уголков России поступали жалобы, кляузы, донесения, претензии от 3,5-миллионного мусульманского населения. Заседатели изнутри знали

¹³⁷ Заһидуллин И.К. Курс. хезмэт. 76–93 б.

¹³⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.117, 118, 119, 122.

¹³⁹ Там же. Л.123–124.

пороки единоверцев в махаллях, старались справедливо разрешать конфликты, наказывать виновных в рамках дозволенного российским законодательством, но не могли искоренить эти явления.

Р.Фахретдин глубоко задумался над причинами пороков, наблюдавшихся в мусульманском сообществе, и нашел свой просветительский способ содействия оздоровлению общества через печатное слово. Во главу угла своих помыслов он поставил идею добиться позитивных перемен в социокультурной жизни народа через нравственное воспитание и просвещение подрастающего поколения. В данном случае нужно, безусловно, учитывать его позицию как главы семейства и отца, стремившегося уберечь своих детей от дурных привычек. Тексты его назиданий представляют синтез лучших народных традиций и положений Корана и Сунны. Автор также использовал труды мусульманских ученых, писавших по данной проблематике. Эти издания, написанные на понятном и простом языке, получили широкую популярность среди мусульман.

Обращают на себя внимание применение Р.Фахретдином дифференцированного подхода и учет им половозрастных особенностей читателей. Это позволяет рассуждать о появлении у Р.Фахретдина в период работы в ОМДС долгосрочного проекта по написанию и изданию серии книг нравственно-назидательного плана. В своих книжках «Тәрбияле ана» (1897) и «Тәрбияле хатын» (1899) Р.Фахретдин обращается к женщинам – хранительницам семейного очага, заботливым женам своих мужей и матерям своих детей. Его назидательное произведение «Нэсыйхэт беренче» (1902) адресовано детям школьного возраста, «Нэсыйхэт икенче» (1902) – незамужним девушкам. «Нэсыйхэт өченче» (1902) посвящено нормам поведения мужа и жены, отца и матери и обязанностям родителей. В «Шәкертлек әдәбе» (1899) описаны нравственные нормы поведения, доказывалась необходимость просвещения для народа; получение знаний объявляется главной обязанностью шакирдов.

В книжке «Гаилә» (Семья) (1901) семья рассматривается как основная ячейка воспитания личности, подчеркивается роль жены в сохранении семейного очага.

Написание художественных произведений «Сәлимә, Яки гыйф-фәт» (1899) и «Әсма, Яки гамәл вә жәза» (1902) автор объяснял не-

обходимостью донести до читателя полезные мысли на народном языке¹⁴⁰. Небезосновательно ожидая критику в свой адрес со стороны кадимистов и не желая запятнать авторитет ОМДС, автор предумыслительно не указал в повестях свое подлинное имя, заменив его псевдонимом.

В первый уфимский период своей жизни Р.Фахретдин также написал исторический труд «Сэгыйд», публицистическую работу «Моталага» и начал издавать части своего библиографического свода «Асар», опубликовал энциклопедический труд «Мэшһур хатыннар» (1902).

Именно в Уфе Р.Фахретдин состоялся как видный религиозный деятель, просветитель, писатель и публицист. Этот период стал важным этапом в его становлении как ученого-историка. По мнению Закира Кадыйри, «переезд в Уфу позволил ему наблюдать за развитием мусульманского и тюркского мира. Прибыв в Уфу, он стал выписывать все важнейшие в арабском и тюркском мире произведения и журналы. Особенно широко пользовался арабской периодикой и издававшимися в Египте новыми произведениями»¹⁴¹.

В период работы в Духовном правлении Р.Фахретдин стал его ведущим заседателем, доверенным лицом муфтия М.Султанова, заменяя его во время болезни и отъездов, проделал огромную работу по систематизации архива Духовного собрания, подготовил к изданию циркуляры и постановления религиозного учреждения, начал серьезно заниматься научными исследованиями. Накопленные знания и новые идеи ученого в полной мере реализовались на следующем этапе его жизни – в Оренбурге – когда работал в должности редактора газеты «Вакыт», с 1908 г. – редактора журнала «Шура».

¹⁴⁰ *Шараф Асьма*. Воспоминания об отце // Ризаэтдин Фәхретдин. Библиографик жынктык. Казан, 1999. С.119.

¹⁴¹ Кадыйри Закир. Мәрхүм оһаз Ризаэтдин Фәхретдин улының ғыллем юлында иткән хезмәтләре // Мөфти Ризаэтдин Фәхретдин хәзрәтләре («Яңа милли юл» журналы. 1936. №7–8) / төз. Раиф Мәрданов. Казан, 2007. 26 б.

ГЛАВА II

«Голяма жәмгыяте»

2.1. Организация и проведение курултая

Огромную роль на начальном этапе становления общественного движения мусульман сыграл Габдерашит Ибрагимов, который после возвращения в Россию в августе 1904 г. стал вникать в ситуацию в столицах империи. 20 сентября в Москве он общался с лидерами земского либерального движения, получил от М.А. Стаховича текст его доклада о реформе государственных нужд России. Габд. Ибрагимов сумел встретиться с министром внутренних дел П.Д. Святополком-Мирским, которому рассказал о нуждах единоверцев. Министр в ответ заявил, что о своих нуждах мусульмане должны сами официально заявить правительству.

Реализуя задуманное, Габд. Ибрагимов в начале октября 1904 г. прибыл в Казань, встречался с молодыми писателями, затем выехал в крупные религиозно-образовательные центры. Посетил чисто-польскую общину. В д. Иж-Бобья Вятской губернии встречался с Габдуллой и Губайдуллой Буби¹.

Прибыв после Перми в Уфу, Габд. Ибрагимов составил записку, в которой изложил свое видение реформы управления духовными делами мусульман округа ОМДС. Ознакомившись с его проектом, казыи пессимистически в один голос заявили: «Сладкая, но неосуществимая мечта!». Совсем другое настроение царило среди «светских мусульман» Уфы. Во время встречи-совещания Ибниамин Ахтямов, Кутлугмухаммад Тевкелев и Шагихайдар Сыртланов заявили, что в России непременно случится революция и поддержали Габд. Ибрагимова в его действиях по консолидации татар для формирования общественного движения².

¹ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 3 б.

² Шунда ук. 4 б.

Вскоре императорские указы объявили о «политике доверия к обществу». Именной высочайший указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», подписанный Николаем II 12 декабря 1904 г., стал ключевым публичным заявлением правительства о намерении провести широкие реформы в общественном устройстве России. В указе декларировалось намерение властей пересмотреть законы «о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к усмотрению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения» (п. 6), «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явною пользою русского народа» (п.7)³.

Следующим шагом верховной власти, оказавшим огромное влияние на настроение народных масс, стал именной высочайший указ «О возложении на Совет министров, сверх дел, ему ныне подведомственных, рассмотрения и обсуждения поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния» от 18 февраля 1905 г.⁴, предоставивший российским, «радеющим об общей пользе и нуждах государственных» «частным лицам и учреждениям» подавать петиции на имя императора «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Их рассмотрение возлагалось на Комитет министров.

Инициативы верховной власти были восприняты с энтузиазмом и вызвали социальную мобилизацию среди мусульман. Впервые, не опасаясь за последствия, представители различных сословных групп проводили совместные собрания; обсуждали и составляли тексты

³ ПСЗ–3. Т.24. № 25495.

⁴ ПСЗ–3. Т.25. № 25853.

петиций о своих нуждах, которые, по указанию правительства (!), следовало подавать в Комитет министров. Через русскую периодическую печать национальные элиты знакомились с основными требованиями поляков, финнов, литовцев и других народов России. Выехавшие из регионов в столицу депутаты возвращались на родину окрыленные от радужной встречи и обещаниями премьер-министра С.Ю. Витте и других высокопоставленных чиновников, любезно их принимавших и выслушивавших, личная передача ходатайства из рук в руки воспринималась депутатами и как некий гарант неременного исполнения их просьб. Такое внимание и учтивость представителей правительственной власти вызывали чувство национального достоинства и уверенность в завтрашнем дне.

Поступавшие в адрес Комитета министров петиции мусульман Волго-Уральского региона свидетельствовали о том, что в большинстве из них в качестве ключевых указывались проблемы реформирования системы управления духовными делами и повышения статуса исламских институтов.

На этот момент обратил внимание министр внутренних дел А.Г. Булыгин. Так, 1 марта он встречался с казанской депутацией, в составе муллы Г. Апанаева, купца А. Сайдашева, «светских мусульман» Ю. Акчурина и С. Алкина, но не позволил им изложить все свои ключевые требования. Казанская депутация осталась неудовлетворенной от формальной встречи⁵. О.Н. Сенюткина обратила внимание на комментарии Булыгина, оставленные им на полях «докладной записки», сделав вывод о непринятии сановником некоторых пунктов, в частности, идеи предоставления мусульманскому духовенству равных прав с православным духовенством⁶.

Традиционно петиции подавались от отдельных сословно-профессиональных групп населения, речь в них шла о проблемах и нуждах данной корпоративной группы. Петиции мусульман не вписывались в традиционную модель подачи петиций. «Светские мусульмане», предприниматели, как наиболее интегрированный и социально

⁵ Казанский телеграф. 1905. № 3664. 13 марта.

⁶ Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н.Новгород, 2007. С. 222, 224.

активный элемент мусульманского сообщества, первыми составляли петиции и ставили проблемы, многие из которых имели отношение к улучшению положения исламских институтов или к реформе управления духовных дел мусульман и не были согласованы с духовенством. В них не было слышно голоса самого духовенства, что было обусловлено различными причинами. Понаблюдав за происходящими разительными изменениями в общественном настроении и под впечатлением аудиенций российских высокопоставленных сановников, обещавших депутациям мусульман положительное решение обозначенных ими вопросов, сельское духовенство возглавило петиционную кампанию в апреле-июне 1905 г.

Между тем особым журналом Комитета Министров от 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. проектируемому Особому совещанию по делам веры предлагалась разработать шесть вопросов и составить по ним законопроекты:

- 1) о сооружении молитвенных домов иноверных исповеданий;
- 2) о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства, приходских и высших;
- 3) об освобождении от призыва на действительную военную службу из запаса некоторых лиц мусульманского духовенства;
- 4) о порядке открытия мектебов и медресе;
- 5) об учреждении особых духовных управлений для киргизов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области;
- 6) о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей.

Этот текст был обнародован лишь после высочайшего утверждения решений Комитета министров 17 апреля 1905 г.

Желая услышать мнение самого духовенства, С.Ю. Витте во время встречи 9 марта с муфтием М. Султановым передал ему для ознакомления поступившие в адрес Комитета министров петиции из Казанской, Уфимской, Симбирской, Пензенской и других губерний, предложив обсудить эти вопросы совместно с мусульманским духовенством и представить правительству общий документ о нуж-

дах исламских институтов и мусульман⁷. М.Султанов, видимо, не знал о содержании вышеназванного журнального постановления правительства. Однако, согласно утверждению Р.Фахретдина, муфтий был в курсе решения Комитета министров от 1 марта 1905 г., в котором речь шла о составлении новых уставов религиозных управлений. На этой основе Султанов получил согласие премьер-министра на созыв совещания улемов и разработку такого документа для передачи в правительство⁸.

После возвращения в Уфу, составив список будущих участников совещания, муфтий разослал имамам телеграммы единого содержания⁹, приглашая к 10 апреля приехать в ОМДС.

Таким образом, во исполнение 6-го пункта указа от 14 декабря 1904 г. в г.Уфе 10–15 апреля 1905 г. состоялось совещание имамов округа ОМДС. Мероприятие было инициировано муфтием и создано по согласованию с председателем Комитета министров. Между тем, на заседаниях совещания, за исключением первого, пятого и последнего, муфтий участия не принимал.

Поскольку в телеграмме не была указана повестка дня мероприятия, часть прибывших мулл не знали истинных причин созыва совещания. Однако мы не согласны с утверждением М. Бигиева о том, что если бы в телеграмме была прописана причина созыва совещания, а именно – для обсуждения законов, имеющих отношение к мектебам и мечетям, то, возможно, участники приехали бы подготовленными¹⁰. Думается, что большинство приглашенных имело общее представление о повестке дня совещания – о составлении обращения в адрес правительства о нуждах религиозных институтов. У многих были на слуху инициативы правительства: все многонациональное российское общество находилось в состоянии ожидания перемен – особенно те, кто читал русскую прессу и знали о

⁷ Исхаков С. Указ соч. С.124; Сеньюткина О.Н. Указ. соч. С. 222, 224.

⁸ Фахретдин Р. Исламнар хақында хөкүмәт тәдбирләре. 2-нче жөзө. Оренбург, 1907. 12 б.

⁹ Текст телеграммы: «Прошу Вас, Милостивый Государь, прибыть к 10-му апреля сего года в Оренбургское Магометанское Духовное Собрание для объяснений по делам службы» (Жарулла Муса. Курс. хезмәт. 12 б.).

¹⁰ Жарулла Муса. Курс. хезмәт. 12 б.

встрече муфтия с премьер-министром. В сельских местностях именно муллы выступали в качестве активных организаторов «приговорного движения», расширяя регион распространения петиционной кампании, организуя на меджлисах обсуждение текстов будущих коллективных прошений. Поэтому не вызывает сомнения наличие у прибывших мулл конкретных предложений по улучшению состояния дел в сфере управления духовными делами округа ОМДС. Не случайно некоторые из них прислали свои предложения в адрес муфтия или курултая. Имея многолетний срок службы в качестве имамов, мударрисов и мугаллимов, они как никто другой знали изнутри проблемы приходов.

К такому варианту развития событий в ОМДС были готовы. С 1891 г. в его стенах казиями было разработано несколько вариантов устава религиозного управления. Созвав авторитетных духовных лиц из различных регионов и обеспечив широкий географический охват, Султанов намеревался придать мероприятию легитимность как собранию ученых мулл, улемов, и уже не в качестве проекта религиозного управления, а от имени интеллектуальной элиты мусульманского сообщества презентовать перед правительством и мусульманской общественностью проект устава ОМДС.

В губернском городе Уфа¹¹ в 1865 г. ОМДС обзавелось построенным за счет брачного сбора с мусульман, введенного в 1834 г., административным (двухэтажным) зданием присутствия с квартирой для муфтия¹². Именно в этом здании 10–15 апреля в Уфе прошло совещание с участием приглашённых из разных регионов авто-

¹¹ В 1904 г. численность населения Уфы составила 68,2 тыс. чел. (*Валеев М.А.* Революция 1905–1907 гг. в Уфе // Россия и Башкортостан: история отношений. Состояние и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.). Уфа, 2007. С.25). К 1897 г. здесь проживали 2524 татар, (5,1%), 3151 башкир (6,39%), 84 мешеряка (0,17%), 72 тептяря (0,15%).

¹² *Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б.* Духовное управление мусульман России в г.Уфе – памятник истории и культуры // Россия и Башкортостан: история отношений. Состояние и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.). Уфа, 2007. С.314–315.

ритетных духовных лиц. На телеграмму муфтия откликнулось около 2/3 приглашенных¹³.

В числе участников легального совещания оказалось всего 39 имамов, из них 27–30 были приглашенными, остальные прибыли в Уфу по своим делам или по своей инициативе специально, зная о запланированном мероприятии¹⁴.

Таблица 2

Регионы, из которых прибыли участники курултая

№ №	Губернии, области	Деревня	Город, посад, рабочий поселок	Всего
1	Астраханская ¹⁵	1	1	2
2	Вятская ¹⁶	3	—	3
3	Казанская ¹⁷	2	2	4
4	Московская ¹⁸	—	1	1
5	Нижегородская ¹⁹	1	1	2
6	Омская ²⁰	—	1	1
7	Оренбургская ²¹	—	5	5

¹³ В газете «Тарджеман» был опубликован список участников Уфимского совещания улемов (О совещании в Уфе // Тарджеман. 1903. № 33. 29 апреля).

¹⁴ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 15 б.

¹⁵ 1) Ахун хаджи Хузигали Гайсин (Ханская ставка), 2) ахун Мухтар Салихов (г. Астрахань).

¹⁶ 1) Габдулла Нигматуллин (дер. Ижъ-Бобъя, Сарапульский уезд), 2) ахун Гайнулла Качимов (дер. Нукрат), ахун Ахметшакир Суендеков (дер. Агрыз)

¹⁷ 1) дамулла Габдулла Апанаев (Казань), 2) дамулла Галимджан Баруди (Казань), 3) ахун Сафиулла Максудов (дер. Кульбаш, Казанский уезд), 4) имам Габдрахман Забилов (дер. Парши, Казанский уезд).

¹⁸ Ахун Хайретдин Агаев (Москва).

¹⁹ 1) Дамулла Халил Сулейманов (Нижний Новгород), 2) ахун Хусаен Сакалов (дер. Пашат).

²⁰ Имам Габделвагап Яушев (Петропавловск).

²¹ 1) имам Габделгалым Давлетшахов (Оренбург), 2) мударриис Мухаммадвали Хусаинов (г. Оренбург), 3) дамулла имам мударрис Мухаммадсадык Усманов (посад Каргалы), 4) известный имам мударрис Хайрулла Габдрахманов (посад Каргалы), 5) имам мударрис Салахетдин Баширов (Миасский завод, Троицкий уезд).

Глава II. «Голяма жәмгыяте»

8	Пермская ²²	1	1	2
9	Санкт-Петербургская ²³	—	1	1
10	Рязанская ²⁴	—	1	1
1	Самарская ²⁵	—	1	1
12	Саратовская ²⁶	—	1	1
13	Симбирская ²⁷	—	1	1
14	Семпалатинская ²⁸	—	1	1
15	Томская ²⁹	—	1	1
16	Тобольская ³⁰	1	—	1
17	Уральская ³¹	—	3	3
18	Уфимская ³²	3	4	6
	Не установлено ³³	2	—	2
	Итого	14	25	39
	Итого, в %	36	64	100

Географически регион проживания участников совещания охватывал не менее 18 губерний и областей. Из числа прибывших 25 имамов служили в городских мечетях более 2/3 (64%). По два имама представляли губернские города Казань, Оренбург и Уфа, по од-

²² 1) мударрис Хыялетдин Хусниев (Пермь), 2) ахун Мухаммадхасыйм Мансуров (дер. Султанай).

²³ Ахун Гатаулла Баязитов (Санкт-Петербург).

²⁴ Ахун Мухаммад Дауликамов (Касимов).

²⁵ Ахун Шигабетдин Минюшев (Самара).

²⁶ Ахун Мухаммадзян Янгальчев (Саратов).

²⁷ Ахун Мухаммадшакир Гафаров (Симбирск).

²⁸ Дамулла имам-мударрис Габделхак Гимедетдинов (Семипалатинск).

²⁹ Ахун Хамза Хамидов (Томск).

³⁰ Ахун Мухаммад-Юсуф Сагидов (дер. Манчыл, Тюменский уезд).

³¹ Ахун, мударрис Мутыгулла Тухватуллин (Уральск), 2) Масгуд Билалов (Верхнеуральск), имам, мударрис Сабирджан Музаффаров (Верхнеуральск).

³² 1) имам, мударрис Мухаммадсабир Хасанов (Уфа), 2) ахун, мударрис Хайрулла Усманов (Уфа), 3) ахун Жамалетдин Харамшахов (Белебей), 4) имам Габдулла Харамшахов (дер. Бозау Яз, Стерлитамакский уезд), 5) ахун, мударрис Мухаммадхасыйм Мансуров, (дер. Солтанай), 6) мударрис Мухаммадшакир Тукаев (дер. Стерлибаш, Стерлитамакский уезд).

³³ Дамулла Шарафетдин Хабибуллин (дер. Пати), имам, мударрис Гайнел-ислам Мухаммадзянов (дер. Пешма).

ному – город Томск, Москва, Самара, Саратов, Пермь, Уральск, Семипалатинск и Санкт-Петербург. Из уездных городов Верхнеуральск (Уральская обл.) приехали два имама, по одному – из Касимова (Рязанская губ.), Петропавловска (Омская обл.). Благодаря этому городские имамы получили на курултае большинство.

Среди видных фигур того времени следует выделить старшего мударриса Иж-Бобьинского медресе (Вятская губ.) Габдуллу Нигматуллина, мударриса казанского медресе «Мухаммадия» Галимджана Баруди, ахуна и мударриса медресе Уральска Мутыгуллу Тухватуллина, ахуна и мударриса уфимского медресе «Усмания» Хайруллы Усманова, петербургского ахуна Гатауллу Баязитова, московского ахуна Хайретдина Агаева, самарского ахуна Шигабетдина Минюшева, казанского имама Габдуллу Апанаева. Среди представителей духовенства были и будущие депутаты Государственной думы: мударрис и заведующий уфимского медресе «Хасания» Мухаммадсабир Хасанов (II созыв), мударрис Стерлибашевского медресе Мухаммадшакир Тукаев (II и III созывы).

Воздержавшись от практики предыдущих лет, когда служебные корреспонденции ОМДС составлялись на двух языках, с целью экономии времени муфтий был вынужден разослать телеграммы, тексты которых в телеграфных пунктах принимались только на государственном языке. Такой путь распространения служебной информации предполагал список мулл-адресатов, умеющих читать по-русски. Иначе говоря, текст приглашения на русском языке стал неким маркером определения состава участников будущего мероприятия.

С учетом абсолютного преобладания в округе ОМДС сельских приходов муфтий действительно ориентировался, как свидетельствуют данные таблицы 2, прежде всего на проживающих в крупных городах известных улемов, т.е. на адаптированную в русской среде часть духовенства, которая должна была разбираться в сути обсуждаемых проблем. По своим общественным взглядам это были либералы, джадидисты. Из сельской местности, думается, также были приглашены джадидисты, или традиционалисты, поддерживавшие дружеские отношения с муфтием или чем-то ему обязанные. Таким образом, приглашая духовных лиц, придерживавших прогрессивных взглядов или лично себе преданных мулл, муфтий добивался

превращения курултая в рабочий инструмент, призванный выдать ожидаемый интеллектуальный продукт, а не в центр разрода.

По утверждению Р. Фахретдина, помимо имамов в Уфу из Оренбургской, Казанской, Саратовской, Симбирской, Пермской, Уфимской, Тобольской, Томской губерний, из Акмолинской и Семипалатинской областей прибыло 40–50 «почетных лиц» из числа купечества и «ученого звания». Несмотря на ограничение, сделанное уфимским губернатором относительно участников совещания из числа духовенства, прибывшие лица не разъехались и принимали участие в «частных собраниях» купцов в квартире муфтия или в домах единоверцев, обменивались мнениями, разрабатывали с официальными участниками совещания общее мнение по отдельным дискуссионным вопросам. Р.Фахретдин отмечал конструктивность таких обсуждений³⁴.

Совещание открылось во флигеле здания ОМДС в воскресенье, 10 апреля, в восемь часов утра. После краткой приветственной речи муфтия о задачах и историческом значении данного совещания были рассмотрены организационные вопросы.

В своем выступлении оренбургский муфтий М.Султанов заявил, что реформы в мусульманском сообществе должны начинаться с обновления системы управления духовных дел, в чем были заинтересованы не только единоверцы, но и правительство, готовое принять эти предложения. Муфтий предложил разработать новый устав Духовного собрания, предварительно ознакомившись с действующими нормативными актами ТМДП, ОМДС и Управления Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения, которые были специально переведены на татарский язык. Призвав участников к активной и созидательной законотворческой деятельности и предоставив им простор для дискуссий, М.Султанов сообщил, что в зале будут находиться казыи³⁵, которые смогут разъяснить интересующие участников положения законов³⁶. После при-

³⁴ *Фахреддин Р.* Гомуми жавап // Тарджеман. 1905. № 69. 2 сентябрь.

³⁵ Речь шла о Р.Фахретдине; дворянине, выпускнике УТУШ, с 1903 г. служившем казием Нурмухаммаде Бикбулатовиче Мамлееве; ахуне Гиниятулле Капкаеве (заседатель ОМДС с 1893 г.) (РГИА, ф.821, оп.133, д.625, л.14 об.–16).

³⁶ *Жарулла Муса.* Күрс. хезмәт. 16 б.

ветственной речи, сославшись на неотложные дела, муфтий удалился. Затем было зачитано 300 статей из уставных документов всех трех действующих религиозных управлений мусульман-суннитов³⁷: ОМДС, ТМДП и Управления Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения.

На втором заседании после оглашения статей из книги шестой «О управлении духовных дел магометан» «Свода законов Российской империи» (т. XI, ч.1), имеющих отношение к исламским религиозным институтам мусульман-суннитов, участникам курултая были озвучены вопросы: относительно необходимости сохранения в государстве в дальнейшем четырех самостоятельных религиозных управлений (под 4-м управлением имелось в виду Управление Закавказского мусульманского духовенства шиитского учения. – *И.З.*) или создания единого управления под руководством Шейх уль-Ислама, что вызвало длительную полемику. Сторонники первой точки зрения воодушевлялись возможностью появления Шейх уль-Ислама мусульманского сообщества России. По их мнению, легитимный глава российской уммы мог бы достойно представлять интересы единоверцев и духовенства в правительственных кругах в качестве «вазира», по сути, вхожего к императору. Аргументы их оппонентов сводились к смыслу пословицы «много будешь просить, останешься без малого»: затеяв в такое непредсказуемое время глобальную реформу, можно растерять то, что сегодня имеешь; к тому же появление нового института может привести к снижению авторитета и статуса самого ОМДС. Как нередко бывает, в ходе обсуждения одного вопроса с возможным только с двусторонним решением, возникают три группы с различными мнениями, так случилось и на курултае. В конечном итоге было решено посоветоваться по этому вопросу с прибывшими в Уфу общественными деятелями из числа «светских мусульман», купцов. Обсуждение темы Шейх уль-Ислама продолжалось в понедельник, 11 апреля, на третьем заседании, которое началось между 9 и 10 часами утра. Не усугубляя тему, в конечном счете участники курултая высказались

³⁷ Жарулла Муса. Курс. хезмәт. 17 б.

за сохранение действующей модели государственно-исламских отношений³⁸.

Несмотря на призыв муфтия активно участвовать в дискуссиях, в силу малограмотности в юридических вопросах абсолютное большинство участников совещания были не готовы к конструктивному обсуждению поставленных проблем.

Среди участников совещания не оказалось подготовленного лица, которое смогло бы возглавить разработку нормативного документа, руководить прениями, определять приоритеты тем обсуждения и идеологию высокого собрания, направляя дискуссию в нужное русло. Присутствующие, по поручению Султанова, на каждом заседании казьи выступали, скорее, в качестве консультатов по возникающим вопросам, нежели руководителя заседания. В результате второй день работы совещания напоминал хаотичное мероприятие. Самое ужасное заключалось в том, что, с одной стороны, муллы в столь сжатые сроки объективно не смогли составить комплексный документ по реформированию духовных дел, с другой – поняв свое бессилие, они были огорчены тем, что не могут достойно выполнить возложенную на них муфтием миссию. Большинство участников признали упущением организаторов отсутствие заранее подготовленного документа, позволяющего определить перечень вопросов и по которым следовало принимать решение. Осознав специфичность ситуации, участники совещания решили обратиться к муфтию за советом и помощью с тем, чтобы он предоставил для обсуждения какой-либо проект³⁹. Султанов сразу оценил обстановку. Стало очевидным, что при дальнейшем дистанцировании и невмешательстве работа совещания потерпит фиаско, а поручение премьер-министра о составлении общего документа, содержащего коллективное мнение духовенства округа ОМДС, и мечта самого муфтия о представлении правительству нового проекта устава останутся нереализованными.

³⁸ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 39–41 б.

³⁹ Шунда ук. 51 б.

Итак, к концу второго дня работы совещания для всех, и участников, и членов ОМДС, стало очевидным крушение первоначальных планов.

Между тем, такой, худший, сценарий событий, учитывая крайне слабую степень подготовленности приходского духовенства по работе с юридическими документами, организаторы совещания не исключали изначально. Об этом, в частности, свидетельствует факт наличия у муфтия к началу курултая собственного проекта. По утверждению М.Бигиева, проект Султанова содержал статьи 1342–1672 книги 6 «О управлении духовных дел магометан» 11-го тома «Свода законов Российской империи». Иначе говоря, документ представлял собой синтез трех уставов религиозных управлений мусульман-суннитов, и вобрал в себя лучшие статьи, предполагающие качественное улучшение управления духовными делами мусульман. Основополагающий принцип составления проекта муфтия заключался в использовании статей действующих уставов соседних религиозных управлений (ТМДП и Управления Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения). О проекте оренбургского муфтия М.Бигиев отзывался весьма нелестно, противопоставляя, возвеличивая и идеализируя проект Р.Фахретдина, и даже обвинил муфтия в плагиате⁴⁰.

Муфтий решил дать ход проекту Р.Фахретдина, пользующегося большим авторитетом среди духовных лиц своей ученостью. Прежде чем вынести его текст на обсуждение, М.Султанов, уставший от обвинений со стороны мусульманской общественности в своем бездействии, сначала пожурил имамов: легко осуждать и критиковать других, между тем как составление законопроектов и других документов требует больших усилий.

С разрешения муфтия Р.Фахретдин огласил свой проект, сопровождая его комментариями и уточнениями. Итак, начиная с третьего дня работы курултая шла дискуссия по каждому из пунктов сочинения казья. Имамам, привыкшим главенствовать в меджлисах и руководить коллективной молитвой прихожан, доселе оперировавшим религиозными текстами и интерпретировавшим аяты Корана, видимо, не-

⁴⁰ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 108 б.

легко было уловить суть оглашаемых положений проекта. Негромкий, приглушенный и размеренный голос чтеца-автора проекта Р.Фахретдина также не способствовал тому, чтобы все положения излагались четко и звучно. Не услышав или не поняв суть излагаемого вопроса, некоторые участники собрания прерывали выступавшего, заставляя его вновь читать непонятный для них отрывок, тем самым отвлекая и внося замешательство в ход заседания. Именно о таких неприятных моментах, которые он испытал в дни совещания, Р.Фахретдин написал в своем произведении «Корылтай». Особенно эмоциональными выдались заседания 12 апреля, когда в течение всего дня происходило бурное обсуждение проекта Р.Фахретдина, который, как наиболее компетентная личность и автор документа, вновь оказался в центре внимания и фиксировал все значимые предложения.

Участники курултая не только вносили свои предложения, но и исправляли некоторые положения документа. Как отмечал сам Р.Фахретдин, благодаря одной такой подсказке он исправил ошибочное предложение в п.35, согласно которому получалось, что Сенат утверждает заседателей Собрания⁴¹.

Некоторые имамы своими идеями и рекомендациями способствовали совершенствованию проекта, другая же их часть, не имеющая четкого представления о том, что и как необходимо делать, возможно, из искренних побуждений или следуя своим амбициям с целью выделиться, и в нужный и ненужный момент, игнорируя председательствующего, вскакивали и начинали эмоционально говорить что угодно, только не по теме дискуссии, уводя присутствовавших от обсуждения вопроса и нагружая их ненужными сведениями, тем самым нарушая рабочий ритм совещания и внося хаос в заседание. Поскольку Р.Фахретдину при обсуждении приходилось часто выступать в качестве ведущего заседания, он особенно болезненно воспринимал случаи, когда после длительной дискуссии и голосования по тому или иному положению проекта устава, один из уважаемых хазратов вдруг вставал с места и заявлял: «Я не понял, за что мы голосовали?».

⁴¹ Бигиев М. Курс. Хезмэт // ФТ. 2017. №4. 99–100 б.

В своем произведении Р. Фахретин в сердцах написал то, что будучи мягким и деликатным человеком, не мог открыто заявить на заседании таким хазратам: «Или служи на совещании, отдавая все свои силы, или не мешай службе других и покинь заседание!»⁴².

Проект Р.Фахретдина и поступившие в адрес курултая записки сыграли важную роль в активизации участников совещания, которые, обсуждая после заседаний возникшие у них идеи, находили возможность для систематизации и оформления своих мыслей по реформированию управления духовных дел мусульман. Отдельные хазраты или группы представили вниманию коллег свой взгляд на проблемы в виде записок.

13 апреля, до обеда текст, проекта был согласован с участниками совещания. После обеда, в ходе 6-го заседания были прочитаны другие сочинения, прежде всего проект, получивший среди участников название «проект богатых» (Тижар [сәүдәгәр] вә әгъян [югары дәрәжәле түрәләр, башлыктар] лияхәсе), который был составлен Ю. Акчурой и подан от имени группы в составе Ю. Акчуры, А. Ахтямова, С.-Г. Алкина, промышленников М.-З. Рамиева и М.-Ю. Дебердиева⁴³. Думается, также были оглашены проекты, составленные участниками совещания.

Согласно М.Бигиеву, 14 апреля, в четверг, участники вновь вернулись к итоговому документу совещания и дополнили его некоторыми положениями из проектов Р.Фахретдина и Ю.Акчуры. На наш взгляд, М.Бигиев несколько упрощает события. В нашем представлении председатель курултая Г.Апанаев защитал следующие поступившие в его распоряжение записки: собственную, составленную с группой единомышленников – всего 11 мулл, и еще одной группы хазратов-участников совещания, текст самарского ахуна Менюшева, поступившие в адрес курултая записки бывшего казья Хасангаты Габаши⁴⁴ и юриста А.Ахтямова. Затем участники курул-

⁴² *Жарулла Муса*. Күрс. хезмәт. 75 б.

⁴³ Шунда ук. 77 б.

⁴⁴ Впоследствии Г.Апанаев утверждал, что записка Габаши вызвала у участников курултая большой интерес и при составлении окончательного итогового документа курултая ряд его рекомендаций вошли в законопроект (*Заһидуллин И.К. Хәсәнгата Габаши хәтирәсе* // ФТ. 2015. №2. 128–129 б.).

тая высказали свои пожелания по дополнению проекта итогового документа некоторыми положениями из озвученных текстов. После этого была избрана комиссия из четырех человек, которые за два дня справились с поручением курултая.

Согласно М.Бигиеву, итоговый документ, подписанный участниками совещания, был вручен муфтию 15 апреля⁴⁵, в пятницу, на последнем, 8-м, заседании курултая. В нем Султанов, обращаясь к участникам курултая, выразил свое удовлетворение проделанной работой, поблагодарил их за коллективный труд – результат многочасовых дискуссий. Подчеркивая важность созыва большого курултая, муфтий заявил, что если бы эти важные вопросы жизни мусульман были разработаны небольшим кругом лиц, была бы высока вероятность допущения серьезных ошибок. Султанов искренне высказался против избрания муфтия на определенный срок. Обращаясь к Р.Фахретдину, муфтий публично поблагодарил казья за проект устава, ставший основой для обсуждений, и за обеспечение успешной и результативной работы курултая⁴⁶.

Оказалось, что врученный муфтию текст имел большие изъяны, многие статьи содержали формулировки «нужно сделать...», в таком виде невозможно было представить правительству⁴⁷. Для структурирования и систематизации итогового документа курултая и придания ему формы статей, муфти М.Султанов, согласовав с курултаем, учредил «смешанную» редакционную комиссию в составе 11 человек: Ризаэддин Фәхретдин, ахун и заседатель ОМДС (будущий редактор газеты «Вакыт» и затем журнала «Шура»); Габдулла Габделкаримович Апанаев, имам и мударрис из г.Казани; Кутлугмухаммад мирза Багадиргиреевич Тевкелев, полковник, дворянский предводитель Белебеевского уезда Уфимской губернии (будущий депутат I, II, III и IV Государственной думы из Уфимской губернии); Джансултан Чуакович Сейдалин, член Троицкого окружного суда; Габдулла Тимурович Тимуров, член Уфимского окружного

⁴⁵ Р.Фахретдин писал, что курултай проходил 10–14 апреля 1905 г. (Р.Ф. Оренбург духовный собраниедә мөфтилек // Вакыт. 1912. № 1008. 20 июль.).

⁴⁶ Жарулла Муса. Күрс. хезмэт. 78–79 б.

⁴⁷ Р.Ф. Күрс. Хезмэт // Вакыт. 1912. № 1008. 20 июль.

суда; Салимгирей Саидханович Джантюрин, чиновник Уфимского губернского присутствия (будущий депутат I Государственной думы из Уфимской губернии); Абуссугуд Габделхаликович Ахтямов, адвокат при Казанской судебной палате (будущий депутат I Государственной думы из Уфимской губернии); Саидгирей Шахиахмедович Алкин, адвокат при Казанской судебной палате (будущий депутат I Государственной думы из Казанской губернии, редактор-издатель газеты «Казан мөхбире» (Казанский вестник) в 1905–1908 гг.); Ибрагим Харамшахович Акчурин, фабрикант и писатель; Мухаммадзакир Мухаммадсадыкович Рамиев, купец (будущий депутат I Государственной думы из Оренбургской губернии); Мухаммад-Юсуф Мухаммад-Аминович Дебердиев, фабрикант⁴⁸.

«Смешанная» редакционная комиссия, состоявшая, главным образом, из лиц, знавших и специфику функционирования исламских институтов, и российскую делопроизводственную практику, 18–20 апреля, проведя в шести заседаниях редакционную правку текста, смягчила некоторые статьи с учетом российской действительности. Затем, с 3 по 12 мая, по приведению текста в соответствие с требованиями, предъявляемым к нормативному акту, и по его переводу с татарского на русский язык продолжили члены комиссии И. Акчурин, А. Ахтямов и М.-З.Рамиев⁴⁹. Очевидно, что роль первой скрипки играл А.Ахтямов, который себе в помощь пригласил известного юриста Альбинского. Согласно сведениям Габаши, проект устава ОМДС стал результатом трудов юристов Ахтямова и Альбинского⁵⁰. Этот документ муфтий Султанов 12 мая, в день получения, почтой отправил в Комитет министров.

Деятельность совещания и проект устава не стали достоянием широкой общественности. Свою роль в этом сыграли и отсутствие на тот момент в Волго-Уральском регионе татарской прессы, и закрытый формат работы курултая. Между тем само совещание и его

⁴⁸ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмәт. 108–109 б.; *Дәүләт Н.* Күрс. хезмәт. 275 б.; *Усманова Д.М.* Мусульманская фракция и проблемы «свободы вести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань, 1990. Табл. №2.

⁴⁹ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмәт. 109 б.

⁵⁰ *Габәши Х.* Тәржемәи хәлемнән, гыйльми һәм ижтимагый хезмәтләремнән беркадәресе // ФТ. 2015. №3. 133 б.

итоговый документ вызывали неодобрение в определенных духовных кругах. Единственной публикацией, вкратце освещающей причины и ход данного мероприятия, стала написанная 2 августа статья Р.Фахретдина «Гомуми жавап» («Общий ответ»), опубликованная в газете «Тарджеман». Появление статьи с опозданием на несколько месяцев было вызвано необходимостью прояснить перед мусульманской общественностью ряд вопросов, видимо, поступивших в ОМДС. Фахретдин сообщал, что по итогам обсуждения уставов действующих в России религиозных управлений был составлен документ из 84 пунктов⁵¹. Он также уведомил читателей о прибытии к началу мероприятия из разных регионов 40–50 «светских мусульман», в большинстве своем купцов, которые не присутствия на заседаниях курултая, в частном порядке принимали участие в обсуждении проекта. Продолжением такого сотрудничества Фахретдин назвал обращение участников курултая к муфтию с просьбой о создании авторитетной «смешанной» редакционной комиссии, состоящей из улемов и компетентных лиц, с целью доработки и перевода текста на русский язык. Фахретдин сообщал, что комиссия, успешно завершив свою миссию, передала в руки муфтия три экземпляра проекта документа⁵².

Итак, первые два вопроса, вынесенные на обсуждение курултая, были подготовлены муфтием М.Султановым. Заранее на татарский язык были переведены уставы трех управлений мусульман-суннитов с целью ознакомить участников курултая, помимо устава ОМДС, с другими нормативным актами, в которых по целому ряду вопросов права мусульман и религиозных институтов были шире, чем в округе ОМДС.

Второй заготовкой стало обсуждение вопроса о Шейх уль-Исламе. В основе учреждения нового института для мусульман, расселенных на территории четырех религиозных управлений, лежала идея преодоления разграничения между мазхабами. В России крупные анклавы шиитских и суннитских общин географически располагались далеко друг от друга, взаимодействие шло, главным образом,

⁵¹ *Фахреддин Р.* Гомуми жавап // Тарджеман. 1905. № 68. 30 авг.

⁵² Шунда ук. № 69. 2 сент.

на уровне межличностных отношений общественных деятелей азербайджанцев, с одной стороны, и крымских, поволжских и сибирских татар, с другой. По нашему мнению, вынесение на обсуждение объединения мусульман под руководством Шейх уль-Ислама является результатом совещания кавказских и поволжских общественных деятелей, состоявшегося 8 апреля 1905 г. в Санкт-Петербурге в квартире Габд. Ибрагимова, на котором обсуждались механизмы единения и консолидации мусульман, вопрос о проведении всероссийского съезда мусульман. Именно во время петербургских консультаций общественные лидеры пришли к окончательному мнению, что основой для объединения мусульманских народов Российской империи должны стать исламские традиции.

Можно предположить, что они решили воспользоваться предоставленной возможностью и от имени совещания духовенства округа ОМДС инициировать учреждение головного института, призванного представлять перед властью интересы российской уммы и способствовать консолидации не только действующих духовных управлений, но и всех мусульман страны.

Мы предполагаем, что накануне открытия курултая один из участников совещания 8 апреля 1905 г. в квартире Габд. Ибрагимова в Санкт-Петербурге из числа поволжских «светских мусульман», предложил муфтию вынести данный вопрос на обсуждение высокого собрания. В случае одобрения участниками курултая института Шейх уль-Ислама, появилась бы основа для консолидации руководства духовенства мусульман на качественно новом уровне, на основе реализации принципа сближения мазхабов. Сам факт обсуждения на двух заседаниях этого вопроса свидетельствует, прежде всего, о том, что духовные лица воспринимали Шейх уль-Ислама, представляющего интересы и суннитов, и шиитов, как политический инструмент по защите религиозных и социальных интересов мусульман перед верховной властью. Так происходило и потому, что в вопросах защиты интересов исламских институтов муфтии не имели какого-либо серьезного влияния на российскую власть.

Курултай не оправдал надежд М.Султанова на составление нового устава с учетом «Положения» Управления Закавказского мусульманского духовенства суннитского учения 1872 г. Этого доби-

вался муфтий у казыев. Однако Р.Фахретдин, в последний момент отказавшийся от установки Султанова, вынес на рассмотрение участников курултая проект, в котором вместо губернских меджлисов в качестве промежуточного звена между главным религиозным управлением и приходами значилось окружное управление ахунов.

В 1905 г. меджлисы, или собрания жителей поселения или одной местности, проводимые в частных домах или в мечетях, были основной формой социального общения по обсуждению общественных вопросов. Нечто другой формат социального общения для представителей мусульманского сообщества предоставил Уфимский курултай 10–15 апреля 1905 г. Подчиняясь душевному порыву и считая решение вопросов расширения прав исламских институтов и реформу управления духовными делами мусульман, в Уфу съехались из разных регионов два раза больше представителей «светских мусульман». Краеугольным камнем системных реформ в мусульманском сообществе считалась реформа управления духовными делами и достижение гражданского равноправия.

Соблюдая последовательность, муфтий М. Султанов 31 мая 1905 г. представил графу А.П. Игнатьеву список из 13 духовных и 8 светских лиц, которых он рекомендовал для участия в заседаниях при обсуждении «мусульманского вопроса» на Особом совещании по делам веры⁵³. Среди духовных лиц участники курултая составляли большинство: из 7 чел. из 13. Это: член «смешанной» редакционной комиссии имам *Габдулла Апанаев* (Казань), ахун *Хузигали Гайсин* (пос. Ханская ставка, Астраханская губ.), хатиб и мударрис *Габдулхак (Габделхак) Гимадетдинов* (Семипалатинск), хатиб *Мухаммадсаядык Усманов* (Каргалы, Оренбургская губ.), хатиб и мударрис *Губайдулла Нигматуллин* (дер. Ижъ-Бобья, Вятская губ.), старший ахун *Хайретдин Агаев* (Москва), ахун *Гатаулла Баязитов* (Санкт-Петербург), ахун *Хайрулла Усманов* (Уфа). Муфтий расширил список за счет тех, на кого возлагал большие надежды в вопросах законотворчества, усилив состав ахуном Ахметхазием Рахманкуловым (Троицк, Оренбургская губ.) и ахуном Шарафутдином Абызовым (Казань), в также введя в депутацию имамов из Оренбургского и Уральского

⁵³ ГА РТ, ф.1373, оп.1, д.2, л.10–11 об.

казацких войск и Западной Сибири (имам Ибрагим Аминов (2-й Зубочистенский посёлок Татищевской станицы, ОКВ), ахун Габдулхаким Ишкулов (посёлок Муховский, УКВ), хатиб Халиулла Мухаммадрахимов (юрты Турбинские Тобольской инородной управы Тобольского уезда и губернии).

Среди «светских мусульман» значились пять членов «смешанной» редакционной комиссии: *Кутлугмухаммад Тевкелев*, белебеевский уездный предводитель дворянства (Уфа); п.п.гр. *Мухаммадзакир Рамиев*, поэт и промышленник (Оренбург); *Ибрагим Акчурин*, промышленник (дер. Старое Тимошкино Симбирского уезда и губернии); *Саидгирей Алкин*, присяжный поверенный (Казань), *Абусугуд Ахтямов*, присяжный поверенный (Уфа). Они были усилены группой, состоящей из статского советника Шагихайдара Сыртланова (дер. Шланликулово, Уфимская губ.), Арслангалия Султанова, предводителя Sterлитамакского уездного дворянства (Уфа) и генерала в отставке Чингиз-Хана (Санкт-Петербург).

Таким образом, в апреле 1905 г. на общемиллетском уровне сформировалась новая модель общественного движения: ряд представители сословно-иерархического общества империи (дворяне, купцы, духовенство, мещане), занимающиеся духовно-пастырской, предпринимательской, образовательной, юридической практикой, представители дворянской и купеческой интеллигенции собрались в Уфе. «Светские мусульмане», будучи общественными региональными лидерами, решая местные проблемы единоверцев, пользуясь их доверием и уважением, считали себя представителями общественности, имеющими право выражать мнение миллета. Привыкшие успешно решать «малые дела», теперь они собрались для решения «большого дела». Общие стремления и идея служения миллету делали неактуальными сословные ограничения между ними и хазратами. Несмотря на формальное разграничение их общения с участниками курултая, состоялся конструктивный диалог между духовенством и «светскими мусульманами» посредством частных бесед и вечерних меджлисов, подачи записок со своими проектами и оглашением некоторых из них на курултае. Иначе говоря, на совещании улемов был разработан совместный со «светскими мусульманами» из числа юристов, интеллигенции и предпринимателей итоговый документ. Так

совершенствовались навыки составления правовых документов, и происходила консолидация мусульманских элит. В ближайшем будущем этапными событиями взаимодействия стали: совещание мусульманских общественных деятелей в Чистополе (20–22 мая 1905 г.), совещание уполномоченных мусульман Уфимской губернии (22, 23 и 25 июня 1905 г.), Первый всероссийский съезд мусульман (Нижний Новгород, 15 августа 1905 г.).

2.2. Проекты участников курултая

В своей книге М.Бигиев разместил тексты трех записок непосредственных участников курултая. Очевидно, сразу после оглашения муфтием повестки совещания некоторые хазраты сами, или объединившись в группы по принципу землячества или общности взглядов, приступили к разработке своих предложений. Серьезная работа требовала от них системности и структурирования мыслей на бумаге и заняла несколько дней.

Сразу следует отметить, что все три текста были составлены не в качестве дополнений к проекту Р.Фахретдина, а имели самостоятельный, во многом завершенный характер. Дефицит времени не позволил авторам записок более точно расписать все аспекты функционирования исламских институтов, тем не менее, они представляют оригинальные тексты, со своим взглядом на вопросы переустройства управления духовными делами мусульман.

Создается впечатление, что ход заседаний курултая М.Бигиев описал со слов Р.Фахретдина, который специально не останавливался на основных темах, обсуждавшихся участниками курултая во второй день его работы. Из повествования М.Бигиева не ясно, с какими текстами успели ознакомиться имамы до оглашения проекта Р.Фахретдина. По нашему мнению, были оглашены все три проекта участников курултая, также была прочитана или использована при составлении проекта мулл под руководством Г.Апанаева записка Хасангата Габаши. Другой вопрос: в какой степени тезисы и предложения авторов записок были учтены при составлении проекта устава ОМДС.

Воспользовавшись положением председателя заседаний курултая *Габдулла Апанаев*⁵⁴ от имени 12 мулл-участников⁵⁵ огласил проект, первоначально состоявший из 81 пункта. По предложению участников курултая он был дополнен еще четырьмя положениями (пп.82–85)⁵⁶. М.Бигиев разместил этот документ без каких-либо сокращений, тогда как ряд других записок были включены им в книгу с существенным сокращением пунктов. Этот документ является наиболее полным и объемным после проекта Р.Фахретдина. Его можно назвать наиболее успешным результатом законотворческой работы группы участников курултая во главе Г.Апанаевым. Взяв в основу его положения, Б.Бигиев провел редакторскую работу над другими записками, сокращая в них повторяющиеся или по смыслу схожие с его текстом положения.

В преамбуле записки составители упоминают манифест от 26 февраля 1903 г., указы от 12 декабря 1904 г. и 18 февраля 1905 г. и свои идеи называют предложениями, которые должны получить силу закона.

Особенностью записки следует признать подробную регламентацию различных аспектов свободы совести, актуальных для россий-

⁵⁴ Апанаев Габдулла Абдулкаримович (1862–1919) – общественный, религиозный деятель, издатель. Окончил медресе «Марджания». В 1880–1890 гг. совершил путешествие в Турцию, Египет. С декабря 1890 г. – имам-хатиб Сеннобазарной мечети, при которой в 1892 г. основал новометодное медресе. В 1902–1907 гг. был председателем правления «Общества пособия бедным мусульманам г.Казани». Участвовал в создании партии «Иттифак аль-муслимин» и разработке ее программных документов; член Центрального комитета и Казанского бюро партии. Редактор и издатель газеты «Азат» (1906 г.). В 1908 г. был арестован и сослан в Вологодскую губернию. С 1910 г. – гласный Казанской городской думы. (См.: *Свердлова Л.М.* Апанаевы // Татарская энциклопедия. Т.1. Казань, 2002. С.165).

⁵⁵ По нашему мнению, в эту группу вошли, прежде всего, муллы, прибывшие из Казанского уезда (Галимжан Баруди (Казань), Сафиулла Максудов (дер. Кульбаш) и Габдрахман Забилов (дер. Парши), а также еще ряд единомышленников.

⁵⁶ *Жарулла Муса.* Күрс. хезмэт. 98 б.

ского современного общества⁵⁷. Как известно, через два дня после закрытия курултая появился указ о свободе вероисповедания (от 17 апреля 1905 г.), ознаменовавший новый этап государственно-церковных отношений в Российской империи и с воодушевлением воспринятый нерусскими народами и некоторыми группами русского населения, подвергавшимися дискриминации по конфессиональному признаку, а также передовой российской общественностью.

Составители записок старались структурировать текст по тематике, однако нельзя сказать, что эта записка имеет четкую логическую структуру, поражает мелочная регламентация некоторых аспектов функционирования исламских институтов, на что, возможно, повлияла многолетняя пастырская практика ее авторов.

Ключевое положение данного проекта заключено в п.1, согласно которому с учетом дисперсного расселения мусульман по всей территории империи предлагалось учреждать «в нужных местах» региональные административные центры ОМДС (шөгьбэлэр тээсис кылынса иде)⁵⁸. Именно таким способом, а не созданием институтов среднего звена управления хазраты планировали наладить взаимодействие и контроль над приходскими учреждениями.

С установлением прямого подчинения МВД, с отчетностью за каждый квартал (п.46), ОМДС выводилось из-под контроля губернского правления (п.2). Муфтий избирался мусульманами пожизненно

⁵⁷ Если в других текстах просители ограничивались констатацией пожелания о разрешении отпавшим в ислам крещеным татарам записаться в мусульмане, то в записке Апанаева помимо этого положения (п.11) говорится о предоставлении такого права и представителям традиционных верований (п.8), о разрешении бракосочетания мусульман с евреями, православными и представителями других христианских конфессий (п.9), при этом дети рожденные от брака с евреями записываются в метрических книгах мусульманами (п.10). Самое главное – решение всех этих деликатных вопросов теперь находится в компетенции ОМДС (*Бигиев М. Күрс. хезмэт // ФТ. 2014. №3. 104 б.*). Без принятия по данному предмету закона вряд ли можно было бы так уверенно делегировать полномочия ОМДС, которые ранее приналежали к целому ряду ведомств и религиозным управлениям.

⁵⁸ *Жарулла Муса. Күрс. хезмэт. 91 б.*

и утверждался императором, члены Собрания – на 6 лет и утверждались МВД (п.3)⁵⁹.

Как далее рассмотрим, составители, так же, как и Ю.Акчура, заложили в своем проекте идею иджмы, прописав, что в случае затруднения ОМДС приглашает для консультаций компетентных имамов (п.4). Правда, необходимость приглашения на совещания улемов и представителей интеллигенции (п.5) с тем, чтобы таким образом было выражено мнение интеллектуальной части миллета, они моливилировали не периодичностью, а конкретными обстоятельствами, а именно – при составлении ответа на важный запрос правительства⁶⁰.

Многие положения проекта сводятся к констатации действующей системы деятельности ОМДС. В частности, оно должно было рассылать единоверцам через полицию извещения с переводом их на родной язык прихожан и метрические книги (пп. 53, 54), контролировать через надежных командированных учителей обучение основам ислама учащихся-мусульман в русских учебных заведениях (п.37).

Будучи головным религиозным учреждением, оно собирало документы мусульман о дарении, пожертвовании вакуфного имущества (п.41), осуществляло раздел имущества при письменном обращении наследников (п.44), типографическим способом издавало метрические книги на тюркском языке, рассылало и проверяло их на предмет правдивости заполнения (пп.47–49), в случае пропуска фиксации акта гражданского состояния (бракосочетание, развод, смерть, рождение) на основании заявления и проверки подлинности события заносило эту информацию в метрическую книгу (п.50), выдавало выписки из метрических книг в случае потери приходским лицом 2-го экземпляра (п.51). ОМДС испытывало кандидатов на духовные звания (п.45); исходя из степени вины духовного лица, наказывало его за проступок (п.58, 60); Собрание принимало постановления по конфликтам между прихожанами и духовенством, между духовными лицами (п.61); осуществляло переписку с судебными или административными учреждениями по вопросам, имеющим отношение в духовенству (п.69); издавало постановления по поводу начала нового месяца, религиоз-

⁵⁹ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 91, 95 б.

⁶⁰ Шунда ук. 92 б.

ных обрядов. Новыми моментами в перечне этих функций следует назвать: разрешение в виде исключения бракосочетания несовершеннолетних с учетом их физического состояния и острой необходимости (п.7); назначение опекунов несовершеннолетним сиротам в случае отсутствия наследников (п.42).

Закреплялся 6-тидневный график работы Собраний с отдыхом в «табельные дни», в пятницу и исламские праздники (п.82).

В представлении авторов записки полномочия ОМДС расширялись за счет передачи ему компетенций центральных учреждений. Например, из компетенции губернатора или губернского правления в ведение Собраний переходили следующие вопросы: открытие домов призрения, благотворительных обществ (п.55), утверждение и выдача свидетельства (на русском и татарском языках) об определении приходского духовенства на должности (п.56), разрешение на строительство мечетей (п.29); из Главного управления по делам печати – контроль над изданием Корана и религиозных книг (п.6), из МНП – учет и контроль над мектебами и медресе, разрешение на открытие новых школ, ежегодный сбор информации об учебном процессе, преподавателях и учащихся, организация ежегодных экзаменов у шакирдов (пп.75, 76, 77, 78, 79, 80), из компетенции императора – разрешение обзавестись мечетью в случаях, не предусмотренных действующим законодательством (п.74)⁶¹.

ОМДС объявлялось головным институтом по соблюдению религиозных прав единоверцев в инокультурной среде: командировало учителей в русские начальные и средние учебные заведения для преподавания ученикам-мусульманам основ ислама и родной грамоты (п.16).

После рассмотрения вопросов перехода из другой конфессии в ислам (пп.8–11), авторы записки, будучи имамами, постарались подробнейшим образом прописать свои права. Здесь нововведениями являются положения о том, что мусульманские духовные лица имеют одинаковые с православными священниками права (п.12), освобождаются от воинской повинности (п.21), от арестов без суда и следствия (п.22), имеют должностную печать и право бесплатной

⁶¹ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 92–98 б.

служебной корреспонденции (п.24), получают звание ахуна – с 30 лет (п.63) (увеличили на пять лет. – *И.З.*), в махаллях с составом прихожан менее 200 душ м.п. действуют два штата (имам и муадзин или хатиб и муадзин) (п.67).

По тексту можно реконструировать аспекты повседневной социальной жизни, в которых мусульмане чувствовали себя ущемленными. Подразумевая достижение гражданского равноправия, составители проекта отмечали необходимость предоставления единоверцам равных прав с русскими: в вопросе приобретения недвижимости (п.33), в издании газет и журналов на родном языке (п.39); в уравнивании стоимости паспортов паломников со стоимостью аналогичных паспортов у русских паломников (п.14); в беспрепятственном предоставлении возможности сбора пожертвований на нужды школ, мечетей, приютов, больниц (п.15); в оказании материального содействия мечетям в случае выделения земствами лесного строительного материала на ремонт зданий церквей (п.28); в предоставлении мусульманам дня отдыха, помимо табельных праздников, в пятницу, годовые исламские праздники и дозволении работать в воскресенье и христианские религиозные праздники (п.83), в невыставлении каких-либо претензий духовным лицам в пятницу и дни годовых религиозных праздников, т.е. непривлечение полицией, земскими начальниками, судьями и другими должностными лицами в эти дни мулл для выполнения каких-либо поручений (п.84).

Несколько декларативно звучит их заявление о гарантии мусульманам обучения в правительственных начальных, средних и высших учебных заведениях во все времена (п.34). (В действительности мусульмане не допускались лишь в учительские семинарии. – *И.З.*). Желанием отгородиться от давления со стороны представителей другой конфессии правомерно объяснить просьбу запретить посещение христианскими священнослужителями мечетей (п.26)

Составители записки выдвигали некоторые требования, направленные на закрепление такого правила, как непременно получение детьми младшего школьного возраста начального национального образования. В частности, именно таким образом следует интерпретировать предложение сделать правилом требование от мусульман, посту-

пающих в русские учебные заведения, свидетельства в знании ислама и родной грамоты, т.е. свидетельства об окончании мектебе (п.36)⁶².

Некоторые пункты записки являлись протестной реакцией-ответом на меры, предпринятые властями в конце XIX – XX вв. Эти меры были направлены на усиление административного контроля над общественным настроением и, особенно, над системой образования мусульман. К таким пунктам записки правомерно отнести следующие просьбы: о разрешении лицам, обучавшимся в образовательных центрах мусульманских государств, занимать должности мугаллима, мударриса и духовного лица (п.25), о необязательности духовенству иметь фотографии (п.23) (с 1896 г. в экзаменационных листах для получения оценки в знании русского языка и грамоты стало обязательным наличие фотокарточки, мера была направлена на пресечение фактов подмены экзаменуемого другим лицом, лучше знающим предмет. – *И.З.*), о незапрещении использовать в школах и мечетях рукописные пособия, религиозные книги, изданные за границей (п.27), о разрешении детям башкир и казахов обучаться в татарских конфессиональных мектебах и медресе, о дозволении татарским и башкирским шакирдам исполнять обязанности мугаллима, мударриса и имама в среде казахов (п.35), о дозволении мусульманам опротестовывать публикации, оскорбляющие ислам, Коран и шариат (п.32), о запрещении несовершеннолетним мусульманам переходить в другое вероисповедание, о дозволении Собранию проводить увещевания в течение месяца в отношении совершеннолетних мусульман, желающих перейти в другое вероисповедание (п.38)⁶³.

Роль духовенства в религиозно-духовной в жизни прихода, штат которого состоял из хатиба, имама и муадзина (п.66), заключалась в своевременном исполнении религиозных обрядов и общественного богослужения (п.64), в традиционном курировании семейно-брачных отношений, разделов имущества и наследства прихожан, в регистрации актов гражданского состояния и выдаче по ним выписок (пп.40, 43). Новыми являлись следующие уточнения: ненужность общественного приговора на ремонт действующей мечети, для этого было дос-

⁶² *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 94 б.

⁶³ Шунда ук. 93–94 б.

таточно рапорта муллы, адресованного ОМДС (п.73), систематические увещания с целью нравственного воспитания и наставления прихожан на совершение благоверных поступков и дел (п.65), разрешать возникающие с прихожанами конфликты преимущественно путем договоренности, лишь в крайних случаях обращаясь в Собрание (п.70). Одним из пунктов, который был учтен в итоговом документе курултая, был п.81 – о том, что для ведения преподавательской деятельности мударрисы сами выбирают учебные пособия. Материальное обеспечение лица, избранного обществом на духовную должность, четко прописывалось в приговоре (п.57)⁶⁴.

Внимательное перечисление аспектов «военной темы» было обусловлено, с одной стороны, возросшим правовым сознанием мусульман, когда соблюдение религиозных прав защитника Отечества, проливающего кровь на фронте, независимо от его конфессиональной принадлежности, проецировалось на статус ислама и мусульман в целом, с другой – русско-японской войной 1904–1905 гг., когда в действующих армиях, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке, а также в лазаретах и госпиталях, были временно учреждены штаты военных и общественных мулл. В представлении авторов записки «военная тема» заключалась: в уравнивании жалованья и званий мусульман-военнослужащих с русскими (п.17), в определении в нужном количестве военных мулл в войсковые части (п.18), в равных правах военных мулл «при штабах» с военными священниками (п.19), в предоставлении военнослужащим-мусульманам возможности совершать пятикратный намаз и возможности штабным имамам коллективное богослужение в пятницу и другие религиозные праздники, соблюдать пост в месяц Рамадан (пп.30, 85), в исключении из рациона питания мусульман алкоголя, свинины и другой хaramной пищи (п.31)⁶⁵. Можно с уверенностью сказать, что составители записки поставили максимальные неосуществимые требования в этой сфере соблюдения религиозных прав мусульман, особенно по части совершения военнослужащими пятикратного намаза, организации приготовления и приема пищи. Внутренний распорядок

⁶⁴ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 95, 97–98 б.

⁶⁵ Шунда ук. 93, 95, 98 б.

российских войск был подчинен христианскому ритуалу, другой сценарий был возможен лишь при организации регулярных войсковых частей по конфессиональному принципу.

Итак, по своему содержанию и структуре записка является комплексным и подробным изложением функций ОМДС и подчиненных ему религиозных институтов.

Записка группы участников-хазратов. В другой записке группы мулл-участников (Мәжлестә хазир дэгъвәтле хәзрәтләр тарафыннан имзаланып, хөкүмәттән соравы тиеш табылган эшләр), состоявшей из 18 пунктов, «военной теме» также было уделено существенное внимание. Она объявлялась одной из сфер (другая сфера – гражданская жизнь), в которой единоверцам следует достичь равноправия. Речь шла об уравнивании прав военных мулл и священников, комплектовании первыми в необходимом количестве войсковых частей (пп.4, 5), соблюдении норм шариата при организации питания для мусульман-военнослужащих (п.6)⁶⁶.

В гражданской сфере, исходя из повседневной практики, муллы заявили об установлении: одинаковых расценок на оформление заграничных паспортов паломникам-христианам и мусульманам и выдачу их последним беспрепятственно (п.3), равноправия с русскими при учреждении и регистрации обществ и компаний, при приобретении недвижимости (п.13), о дозволении муллам провести шесть бесед-наставлений с мусульманами, желающими сменить вероисповедание (п.16), предоставлении мусульманам отдыха, помимо табельных дней, только в исламские религиозные праздники (п.17), о праве на издание периодики на родном языке (п.18). Нескольким особняком стоит их требование о непринятии в русские учебные заведения мусульманских детей без свидетельства о знании основ ислама, т.е. после окончания начальной школы (п.14)⁶⁷.

Записка мулл-участников совещания являлась также своего рода реакцией на внутривластный курс правительства на местах. Видимо, каждый из них, сталкиваясь в повседневной пастырской практике с той или иной несправедливостью, постарался зафиксиро-

⁶⁶ Жарулла Муса. Курс. хезмәт. 83 б.

⁶⁷ Шунда ук. 83–84 б.

ровать в записке свое пожелание, потому что многие описанные ими сюжеты взяты из опыта взаимодействия с местными чиновниками. Прежде всего, они выразили протест по поводу этноконфессиональной политики правительства и высказались против: учреждения русских классов при медресе (п.2), методов распространения русского образования среди мусульман, обязательности русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности (п.7), дискуссионных публикаций в русской печати, касающихся Корана, пророка Мухаммада и в целом ислама (п.10).

Другим, не менее важным, направлением их суждений были корпоративные интересы: разрешение пользоваться должностной печатью и бесплатными почтовыми услугами (последняя льгота действовала. – *И.З.*) (п.8), льготой от воинской повинности (п.9); допущение лиц, обучавшихся за границей, к священнослужительской и преподавательской работе (п.10); использование в школе рукописей с религиозными текстами (п.11); разрешение татарским муфтаррисам обучать детей казахов, туркменов и киргизов в медресе (п.15)⁶⁸.

Записка ахуна Шигабетдина Минюшева

Текст самарского ахуна, состоящий из 33 пунктов⁶⁹, представляется наиболее оригинальным. Ш.Х. Минюшев – происходил из мещан Буинска Симбирской губернии. С Минюшевым, избранным в 1888 г. имам-хатибом прихода Самары, связано культурное развитие мусульманской общины губернского города в конце 1880-х гг. – начале XX в. В 1890 г., по ходатайству оренбургского муфтия за «надежную нравственность, доброе поведение и ревностное исполнение возложенных на него поручений» ему было присвоено почетное звание ахуна. По просьбе Минюшева симбирский фабрикант Т.Акчурин купил на ул.Казанской земельный участок и в 1901 г. построил каменную двухэтажную мечеть первого прихода. При данной мечети с 1907 г. действовало медресе⁷⁰.

⁶⁸ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 83 б.

⁶⁹ Шунда ук. 106–107 б.

⁷⁰ *Гибадуллина Э.М.* Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Н.Новгород, 2008. С. 172–173.

Записка Минюшева, в отличие от рассмотренного выше текста больше всего подходила к проекту устава и, видимо, повторяла многие пункты записки 12 мулл во главе с Г.Апанаевым. Именно поэтому М.Бигиев выбрал из его записки только семь пунктов, сделав упор на интересные идеи автора. Действительно, предложения ахуна были оригинальными и содержали рациональное зерно. Прежде всего, Минюшев предложил новую модель мусульманского прихода, состоящего из двух самостоятельных центров, подчиненных ОМДС: муллы, занимающийся религиозно-обрядовыми, семейно-бытовыми вопросами прихожан и регистрацией актов гражданского состояния, и учитель начальной школы, что открывало возможность для ускоренного повсеместного введения новометодных, джадидистских школ и определенного ослабления влияния муллы в махалле, самое главное – прекращалось единоличие приходского имама. Лишь в случае отсутствия мугаллима имам имел право преподавать в местном мектебе (пп.15, 30)⁷¹.

Во-вторых, ахун возвысил роль и статус учителя мектебе и преподавателей медресе, четко обозначив, что эти профессии требуют специального старания, только после нескольких лет преподавательской практики имам мог претендовать на искомые звания. Не менее важным представляется привязка медресе (свидетельство о его окончании) к допущению соискателей на получение духовного звания (п.26). В концептуальном плане она предполагала качественное структурирование системы конфессионального образования, выстраивание профориентации шакирдов.

Если до этого времени кандидаты сдавали экзамен на звание муадзина, то теперь предлагалось звание муадзина исключить из списка духовных званий, которого удостоивались по итогам испытания (п.25)⁷². Причем вновь назначаемый кандидат мог претендовать лишь на духовное звание имама или хатиба, для получения звания мугаллима требовалось два года проработать в начальной школе, для звания мударриса было необходимо три года преподавательской прак-

⁷¹ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 106, 107 б.

⁷² Шунда ук. 107 б.

тики в медресе, лишь через пять лет безукоризненной службы духовное лицо могло претендовать на почетное звание ахуна (п.23)⁷³.

Видение Минюшевым организации процесса обучения в учебных заведениях резко контрастировало, как далее рассмотрим, с инициативами шакирдов Уфы. Очевидно, Минюшев имел в виду прежде всего сельские учебные заведения. Он заявил, что обучение в мектебах и медресе должно быть бесплатным, мугаллимы и мударрисы также не будут получать ежемесячное жалованье, материальную сторону жизни педагогов должно обеспечивать местное общество (п.32), что не исключало награждения через каждые 5–10 лет премиями наиболее усердных и старательных педагогов (п.33)⁷⁴.

Итак, из рассмотренных записок лишь проекты, составленные Ш.Минюшевым и группой духовенства под руководством Г.Апанаева являются полноценными проектами устава ОМДС. Один из текстов участников курултая был оформлен в форме предложений. Независимо от этого все тексты являются продуктом размышления мулл-джадидистов, озабоченных судьбой исламских институтов и мусульманского сообщества в эпоху ускоренных перемен в Российской империи.

Записки участников совещания свидетельствуют о том, что приходское духовенство делилось на две группы: мулл, удовлетворенных исполнением своих религиозных обязанностей, и имамов, стремящихся к более широкой общественной деятельности.

Резюмируя, следует отметить следующее:

1. Авторы текстов учитывали и не предполагали возможность трехступенчатой системы управления исламскими институтами.
2. В записках не рассматривалась возможность расширения территории округа ОМДС, наоборот, участниками курултая во главе с казанским муллой Г.Апанаевым предлагалось создание в отдаленных местностях административных центров, подчиненных ОМДС.
3. Авторы высказывались за сохранение традиции испытания кандидатов в стенах ОМДС. Правда, Минюшев обусловил допуск к испытанию кандидата на духовную должность наличием свидетель-

⁷³ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 106 б.

⁷⁴ Шунда ук. 107 б.

ства об окончании медресе. В качестве аналога предполагалось свидетельство об окончании русского учебного заведения, где были бы указаны учебные дисциплины и оценки выпускника этого заведения. Г.Апанаев, как бы намекая на то, что среди соискателей могут оказаться недостойные лица, для усиления своей аргументации относительно сохранения системы экзамена, отметил, что поскольку кандидата избирает общество прихода, экзамен обязателен.

4. Записки во многом конкретизировали, с учетом многолетней пастырской практики их авторов, отдельные аспекты взаимоотношений ОМДС и правительства, религиозного управления и приходского духовенства, духовенства и прихожан, а также обязанности каждого института. Такая четкая регламентация была призвана положительно повлиять на социальное развитие мусульман в условиях модернизации.

В целом, только записки Х.Ш.Минюшева и мулл во главе с Г.Апанаевым претендовали на статус обобщающего документа, могущего стать основой для разработки итогового проекта устава. Радикальное редакторское участие М.Бигиева при сокращении записки Минюшева лишает нас возможности предметно рассмотреть его видение управления религиозными институтами. Несомненно, что в случае отсутствия у Р.Фахретдина заготовленного проекта именно на основе этих текстов осуществлялась бы законотворческая практика участников курултая.

2.3. Записки, поступившие от хазратов

Записка Хасангаты Габаши

Окидывая взором жизненный и творческий путь Хасангаты Габаши⁷⁵, прежде всего, поражаешься его серьезному и системному

⁷⁵ Хасангата Габаши родился в январе 1863 г. в семье муллы д. Малый Сулабаш Казанского уезда и губернии. В 11 лет стал шакирдом медресе «Гаффария» при Азимовской мечети, где провел свои юношеские годы, обучаясь в течение 17 лет, последние пять из которых исполнял обязанности хальфы (Тухватулин А.Х. Хасан-Гата Габаши (1863–1936) как общественный деятель и историк: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2003. С.41).

подходу к планированию своей просветительской деятельности. Начав с сочинения стихотворений, в дальнейшем, желая посвятить себя служению обществу, Габаши определил для себя наиболее злободневные вопросы, тормозящие прогресс среди единоверцев, и сосредоточился на их решении. Все его публикации – это, по сути, попытка социально-активного молодого имама-джагида противостоять вызовам времени. Отсюда и многогранность его творчества⁷⁶.

В 1891/1892 учебном году, в период преподавания в школе Юнусовского приюта, Габаши был одним из двух казанских мугаллимов (наряду с Г. Баруди), обучавших по новому методу.

В 1893–1894 гг., став имамом в родной деревне, Габаши также организовал у себя в доме обучение мальчиков по новому методу. Впоследствии, обратившись за финансовой помощью к оренбургскому купцу Ахмету Хусаинову, он построил учебное здание и, получая от купца пособие на содержание учителя начальной школы, добился больших результатов в обучении по буквослагательному методу. Он с гордостью писал, что из семи деревень, в которых стараниями Г.Баруди, Назирова и А.Хусаинова были учреждены новометодные школы, лишь в Малом Сулабаше и Чуаш Иле они продолжали существовать, остальные, к сожалению, закрылись.

Живя в Казани и используя широкие возможности университетского города, Габаши самостоятельно изучил русский язык, целенаправленно занимался самообразованием. Несомненно, в становлении молодого человека как личности и исследователя, как свидетельствовал сам Габаши, большое значение имело общение с такими видными татарскими учеными и общественными деятелями, как Шигабетдин Марджани, Каюм Насыри, Гали Махмудов, Шахбазгарей Ахмеров, Галимджан Баруди, Исмаил Гаспринский, а также с университетскими преподавателями Иосифом Готвальдом, Николаем Катановым и др.

В казанский период жизни Габаши получил известность как хальфа, улем и просветитель. Благодаря своим публикациям он стал популярной личностью среди мусульман Казанской губернии.

⁷⁶ Будучи хальфой казанского медресе «Гаффария», Габаши совместно с Габдерахманом Ильяси в 1886 г. написал труд «Нур эл-хакыйкатъ» (Свет справедливости), направленный против сочинения миссионера Ефимия Малова, написанного совместно с «крещеным Гиреем», с целью идеологической «обработки» мусульман и склонения их к добровольному крещению. Габаши и Ильяси сосредоточились на доказательстве несостоятельности аргументов своих идеологических противников и успешно справились с поставленной задачей. Согласно утверждению Габаши, их труд получил высокую оценку самого Ш. Марджани, однако цензор В.Д.Смирнов не допустил ее к изданию. Однако

Одним из направлений творческой деятельности Х.Габаши было связано с подготовкой учебных пособий. В 1889 г. Габаши написал книгу «Басыйрэт»⁷⁷ (Разум, проницательность) – о дости-

рукопись многократно переписывалась шакирдами казанских и сельских медресе и получила широкую популярность среди учащейся молодежи.

⁷⁷ По свидетельству самого Габаши, в свое время, проживая длительное время в общежитии с шакирдами и обучая детей, он определил первой задачей для себя привить шакирдам правила личной гигиены и поведения в быту. Свои книги Габаши специально писал народным языком, с тем, чтобы каждая его мысль была понятна читателю. На эту особенность его творчества, как проявление новых веяний в татарском обществе, обратил внимание Галимджан Ибрагимов в своей книге «Имля, тел, әдәбият мәсьәләләре» (1925), приводя в качестве примера брошюру Х.Габаши «Тәрбияле бала» (Воспитанный ребенок, 1889) и цитируя три его наставления («Тәрбияле бала ашаганда һич ашыкмас. Ашыгып ашап ашъяулыкның тышына икмәк вә тәгам (ашамлык) валчыклары төшөрмәк бик гаеп. Акрын-акрын гына ашаса, яхшы итеп тамагын туйдырыр һәм бер дә кимчелек кылмаган булыр» (9 б.).

Второй важнейшей проблемой для Габаши представлялась необходимость ознакомить, прежде всего, детей из бедных слоев населения, с методами противодействия и профилактики широко распространенных среди татар болезней глаз, уха, носа, кожи, а также обусловленных невнимательным отношением к питанию болезней желудка и других внутренних органов, простудных и инфекционных заболеваний и т.д. Сопоставив данные о смертности среди различных этносов и установив высокую смертность среди татар-мусульман, что ассоциировалось у него с уменьшением численности и угрозой исчезновения нации, молодой Габаши написал в 1890 г. книжку «Сагълык» (Здоровье), в которую поместил и текст первой книжки «Тәрбияле бала» (Воспитанный ребенок). Учитывая менталитет своих современников – татарских читателей и желая придать солидности своему сочинению, он указал в качестве автора-составителя книги популярного среди молодежи турецкого писателя Ахмеда Мидхата, а себя назвал переводчиком труда. Этим маневром он решил еще одну проблему – убедил издателя Шамсутдина Хусаинова опубликовать труд (*Габаши Х. Күрс. хезмәт // ФТ. 2015. № 3. 123–124 б.*).

Х.Габаши вырос в деревне, а потому не понаслышке знал проблемы земледельческой общины. Считая самым актуальным для сельских жителей научиться составлять и читать земледельческие планы, он написал методичку по обмеру и составлению плана земельного надела под названием «Мәсәхәтәл эрз» (Ширина земельного надела). Автор справедливо полагал, что ликвидация невежества крестьян в этой сфере позволит в будущем избежать различных требующих больших финансовых затрат на взятки и гонорары судебных разбирательств и споров с соседями-помещиками или крестьянскими общинами,

жениях мусульман в средние века и их роли в развитии научных знаний в Европе, тем самым автор обращал внимание на бедственное положение современных мусульман, определив в качестве ориентира деятельность и труды Ибн Сины, Фараби и других ученых средневековья. В качестве учебного пособия по фикху для шакирдов казанских медресе Габаши перевел и издал труд исламоведа Александра Казембека (1802–1870) по мусульманскому законоведению ханафитского мазхаба, написанный в качестве подарка хану Букеевской орды Джангиру «Мюхтесерюль-вигкает или сокращенный вигкает; курс мюсюльманского законоведения по школе ханефидов»⁷⁸ со своими комментариями («Тәржемә әр-рисалә әл-махикали-әүвәл мохтәсар әл-викая»)⁷⁹.

С 1890 г. начинается активный интерес Габаши к изучению истории тюркских народов, мы склонны связывать это со смертью в 1889 г. Ш.Марджани, когда в Казани не осталось ни одного татарского историка. Второй причиной его обращения к истории правомерно будет назвать острую потребность медресе в учебниках по истории⁸⁰.

которые нередко приводили к кровавым столкновениям. Татарские издатели Казани, увидев множество чертежей и посчитав, что это повысит себестоимость книги, и она будет плохо продаваться, несмотря на отказ Габаши от авторского гонорара, не стали издавать методичку. С просьбой издать брошюру, однако так же безуспешно, Габаши обращался к И.Гаспринскому.

⁷⁸ *Казембек А.К.* Мюхтесерюль-вигкает или сокращенный вигкает; курс мюсюльманского законоведения по школе ханефидов. Казань, 1845. С.ХСII.

⁷⁹ *Заһидуллин И.К.* Хәсәнҗан Габаши хәтирәсе // ФТ. 2015. №2. 124–125 б.

⁸⁰ В своих мемуарах, комментируя оценку своей научной деятельности, данную ему Галимджаном Ибрагимовым, Габаши пишет, что он начал строить здание исторической науки на созданном Ш.Марджани фундаменте, расширял, добивался его цельности⁸⁰. Живя в Уфе и продолжая научные изыскания по истории, Габаши, по просьбе мугаллимов, издал в 1897 г. учебное пособие для начальной школы «Төрөк ыруглары» (Тюркские народности), в котором выступил как сторонник булгаро-татарской концепции происхождения предков современных татар, восходящей к Ш.Марджани. Второй его учебник – «Мохтасар тарих каум төрки» (Краткая история тюркских племен) (Казан: «Милләт» көпөтханәсе, 1907) был написан по просьбе мударрисов, а также Галимджана Баруди, и адресован учащимся средних классов (рәшди) мусульманских учебных заведений (*Тухватуллин А.Х.* Педагог и историк // Габаши Хасан-Гата. Всеобщая история тюркских народов. Казань, 2009. С. 6–12).

Подходя концептуально к проблемам мусульман, одно из больших зол и причину отсталости единоверцев Габаши видел в несовершенстве действующего законодательства об исламских институтах. В этой связи он составил проект реформирования институтов махалли, ахунов, мухтасибов и др. и, несмотря скептическое высказывание Г. Баруди, что оренбургский муфтий положит его проект в стол, послал свое сочинение М.Султанову⁸¹.

В конце XIX в. ОМДС позиционировало себя как центр распространения джадидских идей. На появившееся вакантное место после оставления Габд. Ибрагимовым должности казья до истечения срока службы М.Султанов пригласил из Казани Габаши. Официально Габаши вступил в должность 15 февраля 1895 г.⁸² и оставил ее в 1899 г. По предложению Мухамедьяра Султанова, Габаши повторно стал казыем, был утвержден в должности 21 марта 1908 г. и проработал до 1914 г.

В первый период своего казыйства (1895–1899 гг.) Габаши и Фахретдин стали проводниками джадидских идей в Уфе и под руководством муфтия внесли огромный вклад в улучшение деятельности ОМДС.

Для Габаши, привыкшего к активной деятельности, стены религиозного учреждения оказались тесными⁸³. Поэтому он в полной мере использовал должность казья для воплощения в жизнь своих просветительских идей, реализуя конкретные социальные проекты. Период казыйства Габаши совпал с начавшимися в Оренбургской губернии дебатами между кадимистами и джадидистами. По приглашению татарских купцов, нуждавшихся в шариатском обосновании своих нововведений, Габаши совместно с Р.Фахретдином не-

⁸¹ *Габаши Х. Күрс. хезмәт* // ФТ. 2015. №3. 133 б.

⁸² РГИА, ф.821, оп.8, д.622, л.60–64.

⁸³ Совместно с редактором газеты «Уфимские губернские ведомости» И.А.Озеровым Габаши добился в 1897 г. открытия для детей из бедных татарских и русских семей ремесленного училища – «Дома трудолюбия», где обучались более 30 мусульман. Также ему удалось добиться открытия в частном доме, расположенном рядом с ремесленным училищем, медресе, где детей обучали родному языку и основам ислама. Мугаллимом был назначен хальфа Гариф из медресе «Усмания», где преподавал и сам Габаши.

сколько раз выезжал в медресе Оренбурга и Каргалы, встречался также с местным населением, беседовал, разъяснял, с ссылками на аяты Корана, участникам меджлисов, что обновление мусульманского сообщества является обязательным условием развития ислама, часто вступал в полемику с муллами-кадимистами и непременно побеждал в этих спорах⁸⁴.

Величайшим достижением казыя Габаши следует признать созванное по его инициативе 6 января 1898 г. учредительное собрание неофициальной организации «Ислахый мәктәб вә нәшери мәғарифе мәслимин» («Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновленных учебно-методических пособий») – первого общества, основанного на принципах добровольности и вызвавшего решать насущные общенациональные проблемы⁸⁵.

Начавшее свою деятельность с большим воодушевлением общество, однако, не смогло провести свой второй съезд-собрание в следующем году, на котором планировалось представить отчёты участников о проделанной работе. В своих воспоминаниях инициатор и организатор общества Х.-Г. Габаши отмечал, что травля, которую начали против него после совещания муллы-кадимисты во главе с членом ОМДС Г. Капкаевым, привела к расстройству его здоровья, врачи настоятельно рекомендовали временно оставить интеллектуальную деятельность, поэтому ещё до завершения срока службы в ОМДС, в 1899 г., он уехал с семьей в родное селение в Казанском уезде⁸⁶. Р. Фахретдин же что причиной того, что второе совещание общества так и не состоялось, считал постоянные проверки полиции, приведшие к бездействию исполнительного органа общества⁸⁷.

С началом петиционной кампании среди мусульман первыми в конце февраля передали премьер-министру С.Ю.Витте свое проше-

⁸⁴ *Габәши Хәсәнғата*. Әхмәд бай һәм Габделғани бай Хөсәеновларны искә төшерү // Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / Төз. М.Ф.Рәхимкулова. Оренбург, 1998. 122–123 б.).

⁸⁵ Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / төз. М.Ф. Рахимкулова. Оренбург, 1998. 113–114, 125–127, 139–144 б.

⁸⁶ *Габәши Х.* Тәржемәи хәлемнән, гыйльми һәм ижтимағый хезмәтләремнән беркадәресе // ФТ. 2015. № 3. 136 б.

⁸⁷ Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902). 114 б.

ние о религиозных и общественных нуждах доверенные татарской общины г. Казани⁸⁸. Весной 1905 г. в петиционную кампанию втянулся целый ряд сельских обществ Казанской губернии. Очевидно, Габаши, служивший после возвращения из Уфы муллой в родном селении Малый Сулабаш, был в курсе событий, происходивших в Казани и уезде. Получив телеграмму муфтия с приглашением в ОМДС, Габаши, отлеживавший по русской периодике новости и петиционную кампанию мусульман, закономерно связал организуемое совещание с указами от 12 декабря 1904 г. и от 18 февраля 1905 г.

По неизвестной нам причине ахун не смог поехать на совещание, однако, будучи ответственным человеком и имея опыт составления проектов по реформированию управления духовными делами мусульман, он решил составить записку, надеясь, что его идеи будут приняты во внимание участниками совещания⁸⁹. В своих воспоминаниях Габаши отмечал, что обновив тексты ранее составленных трех проектов, адресовал свою записку в ОМДС⁹⁰.

В книге М.Бигиева его записка называется «Статьи, предложенные почтенным казыем Хасангатой в качестве материала для петиции, предназначенной Комитету министров» (Министрлар шу-расына бирелчәк петиция лияхәсенә материал улмак үзрә мөхтәрәм Хәсәнгата казый хәзрәтләре тарафыннан хәзерләнмеш маддәләр). Итак, Габаши не стал прописывать цельный документ в виде устава ОМДС, а решил выделить лишь наиболее актуальные, на его взгляд, вопросы, которые непременно должны были найти место в общей петиции курултая.

Предложения ахуна правомерно рассмотреть, разделив на две части: 1) совершенствование деятельности исламских институтов и

⁸⁸ Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2015. №1–2. С.46–63.

⁸⁹ М. Бигиев, писавший исследование об общественно-политическом движении мусульман начала XX в., не смог найти записку Габаши в библиотеке Р.Фахретдина, главного идеолога курултая духовенства 1905 г., она затерялась среди его первичных материалов. Тогда по просьбе М. Бигиева Габаши отослал ему второй (и последний) экземпляр своего сочинения, текст которого благодарный Муса Бигиев без каких-либо сокращений разместил в своей книге.

⁹⁰ *Габәши Х. Күрс. хезмәт* // ФТ. 2015. №3. 133 б.

управления духовными делами мусульман и 2) предоставление мусульманам равных прав с русскими и уравнивание статуса исламских институтов с положением учреждений Русской православной церкви.

Первая часть его записки (26 статей) представляет собственно наброски проекта реформирования управления духовных дел в ОМДС и расширения статуса религиозных институтов. Согласно утверждению автора, это был уже четвертый опыт составления такого рода документа. Третий вариант проекта он разработал по указанию муфтия М.Султанова, когда исполнял обязанности казьи. Председатель курултая – имам-хатиб Сенной мечети Казани Габдулла Апанаев – неслучайно утверждал, что записка Габаши вызвала большой интерес, и при составлении окончательного текста целый ряд его рекомендаций вошел в законопроект⁹¹.

Думается, что после возвращения из Уфы Габаши окунулся в социальные проблемы родной махалли, и для него вопросы реформы управления духовных дел мусульман стали не столь актуальными. О них он вспомнил, скорее всего, после получения телеграммы муфтия М.Султанова с приглашением на курултай. По этой причине правомерно предположить, с одной стороны, что это часть текста записки ахуна во многом является повторением его мыслей по реформированию исламских институтов периода его казыйства, т.е. до 1899 г., что не исключает наличие в них и новых идей автора, с другой, – поскольку он писал свои предложения в качестве материала для включения общей петиции Курултая, имам не счел нужным прописать полный текст проекта, основанного на комплексном подходе, и ограничился включением в записку наиболее важных своих размышлений.

Габаши предлагал, прежде всего, выведение ОМДС из «униженного состояния» и расширение его прав с целью превратить религиозное учреждение в авторитетный административно-духовный центр, официально сосредоточив в его исключительной компетенции все аспекты религиозно-культурной жизни единоверцев: руководство духовенством, управление учебными заведениями, контроль над семейно-брачными отношениями (никах, развод, раздел

⁹¹ Шунда ук.

имущества и наследства); определение в судебные учреждения, тюрьмы, войсковые части, русские учебные заведения преподавателей по основам ислама и духовных лиц для исполнения религиозных потребностей единоверцев (пп. 1, 2).

В этой связи, прежде всего, следует назвать предложения Габаша, направленные по повышению статуса Собраниа, его председателя и членов. В частности, речь шла об избрании муфтия всеми мусульманами округа из числа тех, кто обладает глубокими религиозными знаниями, статус муфтия должен быть не ниже положения первых лиц христианских церквей в России (п. 3), установление выборности казыев с тем, чтобы их назначение и увольнение не зависели от муфтия (п. 4), повышение их годового жалованья до 1200 руб. и предоставление иногородним казыям мебелированных квартир (п. 5), повышение жалованья секретарю Собраниа (до 1200 руб.), столоначальникам и канцелярским работникам ОМДС (п. 6)⁹².

Рассуждая о повышении роли Духовного собрания в религиозной и социальной жизни, усиления эффективности управления духовными делами, ахун предлагал открыть типографию религиозного управления и печатать там метрические книги, различные циркуляры, адресованные имамам, заведующим и учителям мектебе и медресе, книги, учебные пособия и наставления и другие материалы, нужные для народа и мусульман-военнослужащих (п. 7), при этом публикуемые решения Собраниа не должны были подвергаться какой-либо цензуре (п. 8). Рассматривая новые источники увеличения сумм внебюджетных средств для доплаты к жалованью казыям и сотрудникам ОМДС, а также для других нужд, Габаша предлагал, помимо существующего взноса за совершенные браки, ввести взнос за регистрацию каждого новорожденного и сбор определенного процента с каждого акта раздела имущества (п. 9)⁹³. Более того, мечтая о религиозном информационном пространстве, он считал необходимым учредить ежемесячный журнал – периодический орган ОМДС – для публикации в них постановлений, решений, сообщений о назначении, смещении, перемещении, кончине духовных лиц, разделе имущества, а также статей на религиозные или научные темы (п.10).

⁹² *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 99–100 б.

⁹³ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 100 б.

Подходя комплексно к изложению порядка управления духовными делами, автор включил в свою записку вопросы, которые имели место быть, но подвергались дискуссиям, в частности, сложившийся порядок избрания обществами приходов кандидатов на духовные должности и проведения им экзамена в ОМДС (п. 11). Большое внимание автор записки уделил повышению статуса мулл, ориентируясь на правовое положение православных священнослужителей. Так, предлагалось подчинение приходского духовенства, мугаллимов и мударрисов исключительно ОМДС (п. 12). Статусы приходского мусульманского и православного духовенства должны быть одинаковыми и предполагали: освобождение от воинской повинности, от государственного, земского, «мирского» налогов, от судебных разбирательств в крестьянских, сословных, волостных судах (по мелким правонарушениям. – *И.З.*). В то же время они должны были платить земельный налог и налог за торговую деятельность. Габаши даже предлагал сделать приходское духовенство (по аналогии с крымско-татарским духовенством. – *И.З.*) привилегированным «духовным сословием», наследование которого ведется от отцов и дедов (п. 13)⁹⁴, т.е. и члены его семьи пользовались бы этим привилегированным статусом (п. 14). Учитывая недостаточность поступлений в приходах в пользу духовенства, ахун заботился об укреплении его экономического положения, считая необходимым введение специальных сборов, а именно: за совершение обрядов бракосочетания, развода, наречения имени новорожденному, погребения, сделать обязательным выделение с каждого поля наделов пашни и сенокосных лугов (видимо, в равных размерах с другими хлебопашцами – членами поземельной общины, а по действующему законодательству православный причт получал на временное безвозмездное пользование 33 дес. общинной земли. – *И.З.*), а в городах – обеспечение прихожанами семьи имама квартирой или постройку для него жилого дома (п. 15).

⁹⁴ Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В.В.Вашкевича: сборник документов / сост., авт. предисл., прим. и сокр., указ. И.К.Загидуллин. Казань, 2016. С.79–80.

Бывший казый предлагал сделать добровольной для кандидатов в муллы сдачу экзамена по русскому языку и грамоте (п. 16), что противоречило действующему законодательству об обязательности русского образовательного ценза. Помимо прямых религиозно-обрядовых обязанностей, Габаши возлагал на приходских духовных лиц целый ряд административных, социальных и просветительских функций, а именно: они призваны своим социальным поведением олицетворять истинного мусульманина и лидера общины безукоризненной нравственности и честности, при чтении проповеди во время полуденных пятничных общественных намазов призывать прихожан к порядочности, верности данному слову, совершению добрых поступков (п. 17). Планировалось установить конкретное время для проведения экзаменов на получение духовных званий, на которых могли присутствовать и духовные лица, и простые мусульмане, причем, экзаменационные вопросы теперь не ограничивались только знанием норм шариата и основных положений мусульманских учения, но предполагали ответы об обязанностях приходского имама, о действующих законах и правилах, имеющих отношение к пастырско-административной деятельности мулл, о приходе и принципах взаимодействия с прихожанами (п. 18). Из этих рекомендаций возникает образ идеального имама периода модернизации: это – религиозный лидер общины, который примерным образом жизни, благородными поступками и актуальными проповедями, просвещением прихожан обязан обеспечивать прогресс, вести планомерную работу по нравственному воспитанию людей, безукоризненно исполнять возложенные ОМДС административные функции и обязанности социального работника.

В записке также обращено большое внимание вопросам совершенствования учебно-образовательного процесса и создания надлежащих условий для обучения шакирдов в стенах мектебе и медресе. Непременным условием для этого является, по мнению Габаши, выведение конфессиональных школ из подчинения учебного ведомства и передача разработки их программ и управления, вопросов назначения мугаллима и мударриса в компетенцию местного населения (п.19). Это правило вытекало из положения, что на избираемых местным обществом духовных лиц возлагается обучение в

учебных заведениях в качестве мугаллимов и мударрисов, а также должность мутаваллиев в приходском совете (п. 23). С целью обеспечения жизнедеятельности мечети и учебного заведения предлагалось учреждать в каждом приходе мутаваллият в составе 3–4 человек, избрав одного из них председателем. На них также возлагалось составление отчетов для ОМДС о деятельности школы (п. 20). В религиозных медресе, по мнению Габаши, должны были преподаваться исламские науки и предметы по педагогике. Для определения состава учебников для религиозных медресе по исламским наукам создавалась специальная учебная комиссия (п. 21)⁹⁵.

Таким образом, по мнению Габаши, вопросы назначения мулл и контроля над учебно-образовательной деятельностью духовенства должны находиться под контролем прихожан, осуществление реформы в области религиозного образования предлагалось путем обновления учебников и программы учебных заведений

Источниками для существования школ Габаши определялись: 1) средства земств, поступающие из принципа равномерного их распределения на образовательные нужды мусульман и христиан; 2) частные пожертвования (садака) и помощь людей; 3) вакуфы, в случае их наличия; 4) сборы с обучающихся шакирдов (п. 24). Габаши считал, что каждое медресе (и мектебе) обязано по итогам обучения выдавать своим воспитанникам соответствующее свидетельство о его окончании (п. 25). В случае введения в России всеобщего обучения, он надеялся, что свидетельство об окончании мектебов и медресе также будут приниматься во внимание властями (п. 26).

По нашему мнению, вторая часть записки была составлена под впечатлением заявлений правительства о намерении упразднить законодательные акты, ущемляющие права российских подданных по конфессиональному признаку, и она важна для реконструкции общественно-политических взглядов Габаши в революционный 1905-й год.

Наиболее подробно Габаши прописал об имеющихся проблемах в сфере образования. Автор признавал за Татарскими учительскими школами, действовавшими в этот период в Казани (КТУШ, с 1876 г.) и Симферополе (с 1872 г.), большие возможности в сфере

⁹⁵ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 100–101 б.

обновления общественного уклада мусульманского сообщества и предлагал устранить некоторые недостатки в их функционировании⁹⁶. Эти рекомендации были составлены на основании личных впечатлений Габаши от общения с учащимися, преподавателями и выпускниками КТУШ. Они предполагали формирование в стенах КТУШ подлинно национального духа и подготовку национально ориентированных учителей русского языка и математики для начальных русско-татарских школ – представителей нового поколения национальной интеллигенции.

Другой важной проблемой для Габаши представлялось создание надлежащих условий для преподавания в русских учебных заведениях учащимся-мусульманам основ мусульманской религии. В этой связи рекомендовалось уравнивание в гражданских учебных заведениях объема часов курса преподавания основ исламского вероучения с курсом «Закона Божия» (п. 32), распространение прав мусульман-учащихся, предусмотренных в казенных образовательных учреждениях, на частные торговые и промышленные училища (п. 33), а также освобождение мусульман-учащихся, мусульман-военнослужащих от обязательности присутствия на занятиях, имеющих отношение к совершению православного религиозного ритуала и изучению основ «Закона Божия» (п. 36). Подразумевая факты ущемления по конфессиональному признаку при устройстве на работу в правительственные и частные учреждения мусульман-вы-

⁹⁶ В частности, предлагалось качественное обновление преподавательского и руководящего состава этих учебных заведений и назначения на эти должности только мусульман (п. 27). С учетом особенностей обновленческого движения мусульман предлагалось изъять из правил приема в учебное заведение положения о возрастном цензе, позволив обучаться в нем каждому желающему (п. 28). Воспитательно-образовательный процесс в учительских школах предлагалось подчинить духовно-национальным традициям мусульман (п. 30), а учителей основ ислама для учительских школ и учительских семинарий назначать только по рекомендации ОМДС (п.29). С учетом будущего места работы выпускников и потребностями (и пользы) мусульманского сообщества, рекомендовалось ввести в программу обучения учительских школ, помимо русской истории, курсы по истории тюрков и истории ислама, наряду с русской грамматикой – учебные часы на изучение синтаксиса и морфологии тюркского языка (п. 31) (*Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 102 б.)

пускников, Габаши предлагал установить единые требования при принятии на работу (п. 34)⁹⁷.

Помимо вышеуказанных аспектов достижения равноправия мусульман в России в школьной сфере государственно-исламских отношений, автор подробно остановился на вопросах упразднения негативных явлений в социальных отношениях местного значения и в действующем законодательстве. Это – упразднение неравноправия по конфессиональному и половому признакам при выборах гласных в Городскую думу (по «Городовому положению» 1892 г. количество гласных-нехристиан не должно было превышать $\frac{1}{4}$ ее состава. – *И.3.*), земские учреждения; предоставление возможности определения в органы самоуправления гласных-мусульман в случае их малочисленности в поселении или местности с тем, чтобы их голос и нужды были услышаны при принятии решений христианским большинством по вопросам местного значения (п. 39), самое главное – собранные с местного населения налоги на решение социальных вопросов должны распределяться пропорционально конфессиональному составу налогоплательщиков (п. 40).

Габаши определил также целый ряд требующих безотлагательного решения проблем исламо-православного пограничья в гражданской и военной сферах⁹⁸.

⁹⁷ Это – освобождение от воинской службы или, на худой конец, сокращение времени их действительной службы наравне со студентами высших учебных заведений, лиц, получивших свидетельство ОМДС об успешной сдаче экзамена на духовное звание после окончания медресе и ожидающих вакантного места муллы (п.22); сосредоточение мусульман-военнослужащих в отдельных войсковых частях и определение им военных мулл для исполнения религиозных потребностей, уравнивание военных мулл в правах и материальном обеспечении с военными священниками, и увеличение численности военных мулл в случае возникновения войны (п. 35); внесение необходимых исправлений в Устав о цензуре с тем, чтобы не оставалось возможности для цензора «шалить», исправляя священные религиозные тексты (автор имеет в виду случаи таких исправлений цензором Смирновым. – *И.3.*) (п. 37), в целом изъятие научных, религиозных, политических сочинений, написанных мусульманами, из ведения специальной цензуры с миссионерским контекстом и подчинение их общей цензуре (п. 38) (Шунда ук. 102–103 б.).

⁹⁸ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 101, 103 б.

В отдельную группу можно выделить его предложения по установлению справедливых законов в области государственно-исламских отношений, связанных с взаимодействием мусульман с институтами Русской православной церкви, имевшей в Российской империи статус государственной конфессии. С учетом религиозного менталитета единоверцев, Габаши, прежде всего, ставил вопрос об именовании представителей сельского податного сословия из мусульман – «хлебопашцами», или «сельскими обывателями», или «поселянами», а не «крестьянами» – термином, исторически восходящим к слову «христианин» (п. 41), о чем мусульмане знали, и такое именование их в делопроизводственных документах ассоциировалось с угрозой потери этноконфессиональной идентичности. (Практика замены термина «крестьяне» словом «поселяне» в русской делопроизводственной документации было успешно осуществлено в отношении крымских татар. – *И.3.*). Более актуальными представляются его предложения о прекращении миссионерской деятельности Русской православной церкви в отношении детей мусульман (п. 42), о прекращении практики предъявления миссионерами необоснованных обвинений исламу (п. 45) (такого рода публикации и разговоры при отсутствии возможности давать ответ создавали ощущение второсортности мусульман. – *И.3.*); о представлении мусульманским духовным лицам месяца на увещевание тех мусульман, которые изъявляют желание креститься (п. 43), о предоставлении «отпавшим» от православия, в случае отсутствия о них записей в церковных метрических книгах, право записываться мусульманами (п. 44); о прекращении практики предварительного согласования губернских правлений с архиереями вопросов постройки мечети, или школы, или определения мулл (п. 46)⁹⁹.

Еще несколько вопросов, обозначенных Габаши, имели отношение к недвижимости исламских институтов: освобождение от налогообложения вакуфной недвижимости, переданной в пользу мечетей, учебных заведений и религиозных нужд мусульман (ст. 47), запрещение изымать под различными предлогами земельные участки, выделенные под мусульманское кладбище, мечеть,

⁹⁹ *Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 103–104 б.*

запрещение строительства на этой местности каких-либо других объектов, кроме мечетей и школ (п. 48).

Присоединяясь к петициям мусульман России и представителей национальной интеллигенции других этносов, автор записки высказался за равенство всех людей перед законом, за свободу вероисповедания, печати, собраний и слова; просил, чтобы каждый человек пользовался свободой, не подвергался притеснению своих прав, при возникновении судебных разбирательств не арестовывался в административном порядке (п. 49)¹⁰⁰. Как видно, Габаши не ограничивался только мусульманскими проблемами, обозначив в качестве гаранта достижения справедливости в многоконфессиональном и полиэтническом российском обществе установление законодательным порядком основополагающих принципов свободы и демократии.

Итак, записка свидетельствует, прежде всего, о социальной активности и компетентности ее автора в вопросах гражданского равноправия. Как следует из записки, Габаши хотел видеть обновленную Россию, где господствует равноправие всех подданных перед законом, независимо от их сословного происхождения, этноконфессиональной принадлежности и места проживания, законодательно закреплены демократические свободы и отменены все статьи законов, ущемляющие мусульман по конфессиональному принципу. Записка, составленная, скорее, как прошение, предназначенное для премьер-министра С.Ю.Витте, нежели как проект — комплексный документ по реформированию духовных дел мусульман, объясняет, почему Габаши не стал от имени односельчан подавать петицию в адрес правительства, как это сделали множество сельских сообществ Казанской губернии. Отправив записку в Уфу почтой, Габаши посчитал свою миссию выполненной.

В основу своих предложений о повышении статуса исламских институтов Габаши взял идею равноправия их с аналогичными институтами Русской православной церкви и их социальной защиты. Причем, в вопросах финансирования ОМДС и приходских институтов он акцентировал внимание на необходимости введения дополнительных сборов с мусульман, а также использовании на нужды учеб-

¹⁰⁰ Шунда ук. 104–105 б.

ных заведений средств земств, что было также новым словом. В его представлении ОМДС, с одной стороны, должно было стать бюрократическим административным учреждением, без чего невозможно осуществлять эффективное руководство духовными делами, с другой – головным учреждением религиозно-культурной автономии в подведомственном ему округе. Идеи о новом институте – приходском мутаваллиате – и периодическом органе, очевидно, многократно обсуждались в стенах ОМДС, поэтому они имеют место быть и в проекте Р.Фахретдина, о котором речь в следующей главе.

Таким образом, в записке Габаши выделяются две большие темы. Первая имеет непосредственное отношение к реформированию управления духовных дел мусульман, и представлена в определенной степени обновленными статьями из ранее разработанного проекта Габаши, когда он состоял казыем в Духовном собрании. Вторая тема объединяла вопросы упразднения ущемленного положения мусульман и исламских институтов в России и введения демократических свобод в России, которая характеризует автора как приверженца либеральных взглядов в формирующемся общественно-политическом движении татар Волго-Уральского региона.

Письмо мулл Белебеевского уезда Уфимской губернии

Письмо, подписанное группой имамов под руководством муллы дер. Тау Белебеевского уезда Уфимской губернии Сагмана Исхакова, от 6 апреля 1905 г. было адресовано Р.Фахретдину. Письмо можно условно разделить на три части.

Первая часть письма интересна тем, что раскрывает начальный этап петиционной кампании. Еще до начала проведения под впечатлением указа от 12 декабря 1904 г. в городах и селениях меджлисов, на которых обсуждались и составлялись петиции, подобные собрания стихийно возникали на региональных ярмарках, которые, по установленному графику, открывались в январе 1905 г. Организаторами таких собраний становились социально активные личности, в том числе муллы. На свои меджлисы они приглашали коллег и знакомых. Одно из первых таких совещаний мусульман в целом и духовенства в частности состоялось на Гондыревской ярмарке. На региональное торжище по своим делам прибыло около 70 духовных лиц, которые,

обсудив 24 января общественную ситуацию в стране и свои проблемы, составили на имя императора прошение, состоящее из 4 пунктов. Подписанное 200 мусульманами прошение они по почте отправили императору Николаю II¹⁰¹.

Вскоре под впечатлением указа от 18 февраля 1905 г. группа духовных лиц Белебеевского уезда во главе с имамом Сагманом Исхаковым (участники январьского годыревского совещания) составила и адресовала премьер-министру С.Ю.Витте новую петицию. Во второй ее части приводится содержание коллективного прошения, в котором содержатся традиционные для многих петиций требования: о выборности муфтия и членов Собрания, сосредоточении в ведении ОМДС всех религиозно-обрядовых вопросов и освобождении духовенства от воинской повинности (п.1), о решении улемами по шариату просьб мусульман о разводах, бракосочетаниях и разделах наследства (п.2), о выдаче Собранием муллам паспортов на отлучку и для совершения паломничества (п.6). Другая группа просьб касалась расширения гражданских и религиозных прав российских мусульман. Это – определение в каждый полк военного муллы, приготовление пищи для военнослужащих-мусульман с соблюдением требований шариата, создание условий для соблюдения уразы (п.3); свобода печати для мусульман (п.4); гражданское равноправие мусульман наравне с русскими (при определении председателя суда, учителя или профессора в русские учебные заведения, чиновников в высшие правительственные учреждения) (п.5)¹⁰².

Третья часть письма состоит из размышлений мулл во главе с имамом Сагманом Исхаковым о путях достижения мусульманами прогресса. Весьма категоричным представляется тезис о необходимости реализации в местностях с компактно проживающим мусульманским населением политики коренизации для того, чтобы губернаторы и судьи определялись из числа представителей коренного населения. Признавая безусловную полезность и обязательность знания государственного языка и русской грамоты, они заявили о праве каждого народа на изучение родного языка, переводя этот принцип на

¹⁰¹ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 86 б.

¹⁰² *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 86–87 б.

земские (русские) школы, в которых обучались мусульмане: они должны изучать родной язык в том же объеме, какой отводится на русский язык. Причем преподаватели русского и татарского языков получали бы одинаковую зарплату, их инспектировали бы специалисты по этим дисциплинам. В этой связи в пример ставилась система образования в Англии, Германии и Австрии. Как видим, они предложили трансформировать земские русские школы в русско-татарские, с равным количеством часов на изучение государственного и родного языка учащихся, с преподаванием основ ислама, при этом остальные учебные предметы по-прежнему преподавались бы на русском языке. Возможно, таким способом они планировали привлечь в земские школы детей или обойти отказ земства тратить средства на нужды образования мусульман.

Рассуждения имамов Белебеевского уезда звучат как памфлет джадидистов, они свидетельствуют о политизации сельского духовенства и вовлечении его в национально-культурное движение. С новым поколением образованных мусульман, с обновленными мектебами и медресе они напрямую связывали прогресс и конкурентоспособность нации. Для формирования финансовой основы предстоящих реформ имамы Белебеевского уезда предлагали создать из пожертвований, положенных мусульманам по шариату, «национальный фонд» (милли хэзинэ), одну треть поступивших средств рекомендовалось направлять на нужды образования, две трети – на нужды духовенства. В качестве ключевых, превостепенных проблем современных мусульман были определены: 1) систематизация учебного процесса в мектебах и медресе, отвечающего вызовам времени; 2) обновление взглядов интеллектуальной элиты и идеологов народа в лице духовенства и улемов, последующая общественная деятельность которых позволит мусульманам выйти из нынешнего незавидного положения и вдохновит на модернизацию нации. Обращалось внимание на активизацию политической деятельности: в случае создания императорским указом парламента (милләт мәжлисе) представители мусульман с его высокой трибуны призваны доводить до прavitельства информацию о нуждах единоверцев¹⁰³.

¹⁰³ Жәрулла Муса. Күрс. хезмәт. 87–88 б.

Они возлагали большие надежды на Уфу как на центр консолидации миллета, в случае проведения здесь, в ОМДС (письмо было адресовано казыю Р.Фахретдину), ежегодных совещаний улемов, посвященных вопросам образования, актуальным вопросам развития нации. По их убеждению, такие общенациональные мероприятия элиты способствовали вступлению народа на путь прогресса. Муллы с горечью констатировали острую нехватку учебных заведений для мусульман (для 15–20 миллионов 5–10 медресе ничего не значат, писали они), низкую эффективность деятельности существующих мусульманских благотворительных обществ. Проблема подготовки современных преподавательских кадров для светских профессиональных учебных заведений мусульман (ремесленных, промышленных училищ) должна была быть решена путем целевого обучения не менее 30–40 молодых мусульман в образовательных центрах Западной Европы¹⁰⁴.

М.Бигиев высоко оценил петицию сельского духовенства Белебеевского уезда, образно выделяя такого рода петиции, пронизанные идеями достижения равноправия и прогресса единоверцев, названием «громкий голос спящих деревень» («тын карьялардан бөөк тавыш»). Прежде всего, М.Бигиев увидел в петиции объединяющие проект курултая положения, отметил четкость рекомендаций, которые по своей значимости не уступали суждениям самых свободолюбивых представителей интеллигенции. Затем, переходя на обобщения, М.Бигиев заявил, что в резолюциях и решениях съездов и совещаний последних десяти лет нашли отражение общенациональные требования, и данная петиция как нельзя лучше свидетельствует об этом¹⁰⁵. Тем самым М.Бигиев признал, что уфимский курултай был совещанием улемов-джадидистов, придерживавшихся либеральных взглядов.

Считаем, что эта петиция сельских мулл с требованием введения представительного органа власти – парламента, по сути конституционно-монархического строя в государстве, в начале апреля 1905 г. была скорее исключением, чем обычным явлением. Позднее подобные идеи получили более широкое распространение, это про-

¹⁰⁴ Шунда ук. 88–90 б.

¹⁰⁵ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмәт. 90 б.

исходило благодаря новым инициативам верховной власти, вынужденной реагировать на революционные настроения народных масс.

2.4. Предложения «светских мусульман» и шакирдов

Первая русская революция 1905–1907 гг. всколыхнула все сословные и этноконфессиональные группы населения России. В новых условиях требовались квалифицированные специалисты, умеющие грамотно представлять и защищать перед самодержавной властью интересы этноконфессиональных групп российских подданных, транслировать на общественность концептуальные и прорывные идеи. Это было новое поколение татар, получивших русское или заграничное образование, именно они начали задавать тон в общественном движении миллета. Одним из ярких фигур периода Первой русской революции был Юсуф Акчура.

Проект Юсуфа Акчуры, подписанный представителями дворянской и купеческой интеллигенции

Вернувшийся из Османского государства на историческую родину Юсуф Акчура¹⁰⁶, благодаря своей широкой эрудиции и социальной

¹⁰⁶ Акчура (Акчурин) Юсуф (1876–1935), политический и общественный деятель, журналист. Из рода симбирских купцов Акчуриных. В 1883 г., после смерти отца Хасана Акчурина (?–1878), вместе с матерью Бибикамербану переехал в Стамбул, где получил среднее и высшее военное образование. Во время учебы неоднократно приезжал в Россию. В 1896 г. Акчура в звании старшего лейтенанта поступил на курсы штабных офицеров. Будучи курсантом, проникся идеями свободомыслия и борьбы против тирании султана Абдулхамид II, был заподозрен турецкими властями в связях с революционным движением младотурков. В том же году был отправлен в пожизненную ссылку в г. Триполи, откуда в 1899 г. бежал в Париж. В 1899–1903 гг. учился в Свободной школе политических наук и одновременно посещал лекции в Высшей школе прикладных наук Сорбонского университета. В 1903 г. был одним из инициаторов проведения торжеств в честь 20-летнего юбилея газеты «Тарджеман» в г. Бахчисарай. В 1904 г. возвратился в Россию, в дер. Ст. Тимошкино (Зиябашы) Сенгелеевского

активности оказался в первых рядах региональных лидеров. Остановимся лишь на одном аспекте его многогранной деятельности, связанной с реформированием управления духовными делами мусульман.

Первая страница его биографии, относящаяся к этой теме, датируется январем-мартом 1905 г. и связана с «приговорным движением». Высочайший указ от 12 декабря 1904 г., в котором было заявлено о пересмотре «действующих постановлений, ограничивающих права инородцев», привел к массовой петиционной кампании (мусульманами Волго-Уральского региона было подано более 500 прошений. – *И.З.*).

Ю.Акчура наряду с муллой Г.Апанаевым, юристом С.-Г.Алкиным и купцом А.Сайдашевым был избран в состав депутации, которая от имени мусульманской общины Казани подавала петиции в вышестоящие инстанции.

Казанская депутация подала в адрес правительства три прошения. Первая петиция была составлена С.-Г. Алкиным и Ю.Акчурой

уезда Симбирской губернии. В том же году в газете «Тюрок» (Каир) была напечатана его работа «Три вида политики» – первая теоретическая работа по государственно-политическим аспектам тюркизма. Автор высказал мысль, что в основе будущего Османского (Турецкого) государства должны лежать не принципы «гражданства» и «исламизма», а национальный принцип. С 1904 г. Акчура – преподаватель истории и географии в медресе «Мухаммадия» (Казань) и редактор газеты «Казан мухбире». Сторонник умеренно-либерального крыла джадидизма. Участвовал в работе 1-го, 2-го и 3-го Всероссийских съездов мусульман, на последнем был избран секретарем съезда. Один из организаторов и лидеров партии «Иттифак аль-муслимин», член её ЦК. Входил в состав Казанского комитета партии конституционных демократов. В январе 1906 г. участвовал в работе 2-го съезда этой партии, был избран в её ЦК. Сторонник взаимодействия партий «Иттифак аль-муслимин» и кадетов в Государственной думе. Находился под надзором полиции. Покинул Россию под давлением властей, с 1908 г. – в Турции. Издатель и редактор журнала «Тюрк юрду». Одновременно преподавал политическую и новейшую историю в Стамбульском университете и военных училищах. (См.: *Айнутдинова Л.М.* Акчура (Акчурин) Юсуф // Татарская энциклопедия. Т.1. Казань, 2002. С.93–94).

28 января 1905 г.¹⁰⁷ Второе прошение депутация передала лично министру внутренних дел Булыгину 28 февраля 1905 г. В прошении

¹⁰⁷ Петиция состоит из трех частей и включает 13 пунктов. В каждом пункте сначала дается преамбула – обоснование, затем высказывается само предложение по совершенствованию действующего законодательства. Первая часть, состоящая из 9 пунктов, посвящена вопросам повышения статуса исламских религиозных институтов и во многом перекликается с просьбами мусульман, изложенными в их ходатайствах в адрес правительства в конце 1880-х – первой половине 1890-х гг. Скажем, наряду с требованием об избрании муфтия и заседателей Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) мусульманами, ставится условие, чтобы они непременно имели духовное звание (п. 1). Было также заявлено, что все дела, касающиеся брачных, семейных и наследственных вопросов единоверцев, должны находиться в исключительном ведении ОМДС, т. е. светские власти и суды лишаются возможности их рассмотрения (п. 2). В качестве важных направлений деятельности ОМДС названы: концентрация в его руках вопросов строительства мечетей, открытия мектебов и медресе (за исключением технических аспектов. – *И.З.*), назначение учителей, надзор и управление ими (п. 3). Речь шла об отмене закона от 24 ноября 1874 г., согласно которому все действующие в мусульманских обществах школы в Казанском и Оренбургском учебных округах, а также в Нижегородской (Московский учебный округ) и Пензенской (Харьковский учебный округ) губерниях были подчинены Министерству народного просвещения, и возвращении этой компетенции религиозному управлению.

В петиции ставились вопросы о предоставлении мусульманским духовным лицам равных прав с православными священниками (изъятие из подсудности сословным, волостным судам, освобождение от воинской повинности, присвоение им и их детям званий почетных граждан) (п. 8); о легализации вакуфов и подчинении их контролю ОМДС (п. 4). Депутация также ходатайствовала об отмене русского образовательного ценза, введенного в 1891 г. в округе ОМДС для желающих занять мусульманские духовные должности (п. 9).

В прошении также обращалось внимание сановников на необходимость уравнивания татар с другими подданными в сфере издания религиозной литературы и предоставления возможности публичного возражения в случае появления в российской печати обидной и несправедливой критики, иронических высказываний, оскорбляющих религиозные чувства мусульман. В частности, с целью недопущения исправления цензором канонических текстов депутация просила: «...дабы было узаконено предоставить мусульманам такую же свободу слова и печати, какая дарована законом общей прессе, и с тем неперменным положением, чтобы все те части возражений мусульман, в прессе выраженных, кои основаны на ссылках на изречения из священной книги нашей – Коран[а]

была выражена просьба допустить их на запланированное правительственное совещание по отмене законов, ущемляющих права мусульман по конфессиональному признаку. 1 марта 1905 г. казанская депутация в составе Г.Апанаева, А.Сайдашева, Ю.Акчурина, С.-Г.Алкина (в качестве «представителей всех мусульман России») была принята председателем Комитета министров С.Ю. Витте, председателем Совета по делам печати Д.Ф. Кобеко, управляющим делами Комитета министров Э.Ю. Нольде, членом Совета по делам печати В.С. Апитаевским. Третье прошение от 23 марта 1905 г. имеет характер «политического памфлета»¹⁰⁸.

Новая страница в общественной деятельности Ю.Акчуры 1905 г. связана с его участием в разработке нового законопроекта по управлению духовными делами мусульман в Уфе. Проект, представленный Ю.Акчурой от имени группы в составе юристов Абусугуда Ахтямова и Саидгирея Алкина, симбирского промышленника Ибрагима Акчурина, оренбургского 1-й гильдии купца Махмуда Хусаинова, орского золотопромышленника Закира Рамиева и саратовского фабриканта Мухаммад-Юсуфа Дебердиева¹⁰⁹, заинтересо-

– никоим образом не подвергались светской цензуре, а подлежали бы духовно-мусульманскому просвещенному рассмотрению того состава Оренбургского магометанского духовного собрания» (п. 5).

До появления указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г., в котором впервые было публично объявлено о предоставлении каждому российскому подданному свободы вероисповедания, в Российской империи запрещался переход из государственной религии в другую конфессию. Между тем в Волго-Уральском регионе проживало несколько десятков тысяч крещеных татар, которые дистанцировались от церкви и тайно или открыто исповедовали религию своих предков – ислам. С целью защиты их религиозных прав депутация просила о разрешении им «открыто и безбоязненно исповедовать ислам с правом регистрации их в среду мусульманского общества» (п. 6). Депутация поставила на повестку изменение еще одного закона, связанного с непременным крещением и христианским воспитанием подкинутых младенцев, тем самым признавая факты оставления мусульманками незаконнорожденных детей (п.8).

¹⁰⁸ Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2015. № 1–2. С. 60–63.

¹⁰⁹ Дәүләт Н. Курс. хезмәт. 76 б.

вал многих участников курултая. В проект, состоявший из 46 статей, был включен ряд статей из действующего законодательства. Другие статьи были призваны реформировать систему управления исламскими институтами, повысить их правовое положение и расширить их полномочия.

Радикальность и определенную абстрактность данному проекту придает незнание авторами записки внутренних проблем религиозных институтов – духовенства, учителей или особенностей их взаимоотношений с прихожанами или религиозным управлением. Поэтому, размышляя о причинах столь прорывных и концептуальных суждений этой группы «светских мусульман», следует сказать о том, что они не принадлежали к духовной корпорации. В случае реализации этих предложений они оставались бы наблюдателями происходящих реформ; независимо от того, позитивные или негативные эти перемены, они составителей записки коснулись бы опосредованно. Третью причину новизны проекта мы связываем с личностью Ю.Акчуры, который приехал на историческую родину из Турции, и, очевидно, его идеи нашли воплощение в данном проекте. С одной стороны, Ю.Акчура имел свое представление о степени использования в округе ОМДС действующей в Османском государстве системы управления религиозными институтами мусульман, с другой – религиозно-культурная автономия татар и башкир в Российской империи во многом была схожа и перекликалась, сохраняя свои особенности, с системой миллет этноконфессиональных меньшинств, действовавшей Турции. Эта тема требует специального исследования, в нашем случае важно выявить новые идеи, которые оказали влияние на итоговый документ курултая.

Наконец, новизна ряда их суждений обусловлена закреплением за Духовным собранием новых полномочий, или юридическим признанием в округе ОМДС института вакуфа, или желанием разрешить проблему контроля над финансовыми потоками на местах и сделать их поступление и распределение прозрачными и подотчетными приходу (и религиозному управлению). Это наше наблюдение касается не только проекта «светских мусульман», а многих записок. В последнем случае мы имеем в виду институт мутаваллиев в махаллях (или мутаваллийат, попечительство при мечетях), призванных, с одной

стороны, вовлечь в дело контроля и обеспечения религиозных институтов социально активных, авторитетных, честных и состоятельных членов махали и тем самым повысить ответственность прихожан за обеспечение их дееспособности как общественных институтов, с другой – установить контроль и снизить роль приходского духовенства, не оставляя его один на один с имеющимися местными проблемами материального характера. Желание изъять конфессиональные образовательные учреждения из ведения МНП и подчинить ОМДС привело к тому, что: 1) контроль над мектебами и медресе и содействие их функционированию, а порой научно-методическое сопровождение их функционирования объявлялись одной из основных обязанностей религиозного управления; 2) было определено место мударриса, мугаллима и мугаллима-сабиан в иерархической структуре «духовных чинов» или духовных должностей округа ОМДС, которая по действующему законодательству выстраивалась по другому принципу – по принципу духовных званий ханафитского мазхаба.

В проекте духовенство округа ОМДС делилось на две иерархические группы, наряду с муфтием и ахуном высшими духовными лицами также объявлялись мударрис и мухтасиб. Подчеркивалось, что звания ахуна, мухтасиба и мударриса будут присваиваться самым достойным религиозным деятелям, а «не кому попало, как сегодня» (ст. 11). Иначе говоря, резко повышались требования к этим кандидатам на эти должности. К низшему духовенству по-прежнему относились имам-хатиб, имам-мугаллим и муадзин (ст. 5). (По действующему законодательству к высшему духовенству относились: муфтий и ахуны, к низшему – приходские духовные лица: хатиб, имам и муадзин¹¹⁰. – *И.З.*). Этот перечень вошел в проект устава ОМДС 1905 г. Предложенная иерархия была проигнорирована в обоих документах.

Муфтий объявлялся председателем ОМДС и главой всех мусульман (ст. 6), избирался мусульманским сообществом и утверждался императором (ст. 7). При решении целого ряда вопросов в Духовном собрании вводилось единоначалие муфтия. В частности,

¹¹⁰ Об управлении духовенства, принадлежащего округу Оренбургского магометанского духовного собрания. Изд. 1896 г. // СЗРИ. Т.11. Ч.1. Ст.1416.

он единолично проводил ревизию принятых решений в отделах ОМДС вплоть до их пересмотра (ст. 9).

В проекте весьма абстрактно прописан порядок выборов председателя ОМДС путем тайного голосования, который не учитывал численность мусульман в регионах (ст. 8). Видимо, автору проекта не хватило времени для более подробной регламентации процедуры важнейшего события в жизни миллета. Главная идея заключалась в двухступенчатых выборах: избранные в приходах в числе от 1 до 3 делегатов, собравшись (видимо, на уровне волости или уезда. – *И.З.*), выбирали своего представителя, эти представители (мохтарлар) избирали трех кандидатов, одного из которых император утверждал муфтием.

В проекте впервые статус оренбургского муфтия был инкорпорирован в табель о рангах империи – в российскую чиновничью иерархию – ему отводился ранг не ниже 3-й степени, т.е. не ниже тайного советника (ст. 10). Был также поставлен на повестку вопрос об инкорпорации в российскую чиновничью иерархию членов Духовного собрания (Махкама-и рухания), которые после определения их статуса также должны были пользоваться всеми правами российского чиновника (ст. 11) и получать годовое жалованье не ниже 2200 руб., а также поощряться денежными премиями (ст. 15). Для консультаций по правовым вопросам в штатном расписании Духовного собрания предусматривалась должность юриста, которого назначал муфтий (ст. 16, 20).

Численность казыев – членов Духовного собрания – согласно проекту, увеличивалась в два раза (по два ахуна, мухтасиба и мударриса), они руководили отделами ОМДМ. (Один из них по определению муфтия назначался первым казыем (боек казый) и становился его заместителем (ст. 14)).

Были определены общие направления их деятельности. Так, если доселе все вопросы рассматривало общее присутствие, состоящее из муфтия и казыев, то теперь поступающие дела распределялись на три отделения. Причем в казыи подбирались специалисты, ранее занимавшиеся этими вопросами. Так, в правовом отделе два ахуна издавали, после одобрения документов юристом, предписания по религиозно-юридическим вопросам в махаллях; в отделе управления заседали два мухтасиба, и они отвечали за имуществен-

ные вопросы в приходах, в отделе образования два мударриса курировали учебно-образовательную сферу в махаллях (ст. 14, 17).

Некоторые важные темы оставались в ведении общего присутствия Собрания. По вопросам, связанным с проведением испытаний для кандидатов на духовные должности, по вопросам контроля и наказания духовенства, проведения расследований и подготовки постановлений Духовного собрания все казыи работали под непосредственным руководством муфтия (ст. 18). При возникновении разногласий во время обсуждения вопросов и при равенстве голосов по итогам голосования голос муфтия имел преимущество (ст. 19).

Географически 4 казыя должны были представлять избирателей Европейской части России, 2 человека – Азиатской части империи. Избирались они из числа известных религиозных деятелей и по рекомендации авторитетных духовных лиц. Из числа предложенных 12 кандидатов муфтий назначал шестерых сроком на 4 года казыями, шестерых – кандидатами в казыи. Через каждые два года по три казыя выбывали и заменялись кандидатами (ст. 15)¹¹¹.

В целях защиты интересов мусульман Духовное собрание должно было издать сборник своих предписаний и указов (ст. 45).

Мектебы и медресе, до этого времени находившиеся в ведомстве МНП, переходили в ведение Духовного собрания (ст. 39), а вакуфы, которые до этого не признавались правительством, объявлялись легитимными, подчинялись контролю религиозного учреждения; также предлагался механизм контроля над ними (ст. 21, 42, 43, 44, 45)¹¹².

Изменялся механизм назначения духовенства – приход лишался права самостоятельно избрать кандидата в муллы или муадзина. Кандидаты на основе личных заявлений, а не общественного приговора прихода, сдавали экзамен в ОМДС, получали соответствующие свидетельства; информация о таких кандидатах сосредоточивалась у мухтасиба ОМДС; когда же поступало прошение от общества о замещении вакантного места, мухтасиб, выступая посредником между приходом и кандидатом, оказывал содействие в решении данного вопроса (ст. 29).

¹¹¹ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 45, 48–49 б.

¹¹² *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 44 б.

Проект предусматривал повышение правового статуса духовных лиц, что выражалось в переводе их из крестьянского и мещанского сословий в личные почетные граждане, а также в освобождении от воинской повинности. Более того, поскольку мусульманские религиозные деятели выполняли важные административные обязанности и работали на благо государства, они должны были иметь такие же привилегии и служебное положение, что и чиновники (ст.30).

Мечети, их территория, а также духовные должности объявлялись общественными институтами (ст. 32, 33, 34, 35, 37). Впервые заявлялось, что в управлении мечети должен быть мутавалли или мутаваллии, ответственные за жизнеобеспечение исламских институтов и подотчетные религиозному управлению (ст.38). Упразднялась ст. 156 «Устава строительного» (ст. 36), согласно которой строительство мечети допускалось лишь в случае отсутствия соблазна в вере для живущих вместе с мусульманами христиан и новокрещенных, о чем экспертное заключение губернскому правлению давал местный архиерей.

Источниками существования Духовного собрания определялись поступления из казны, от брачного сбора мусульман и получение определенной оплаты за выдачу справок (ст.28).

Главной идеей проекта Ю. Акчуры являлось введение нового института при Махкама-и рухания «Голяма шурасы» (Совет ученых) (ст. 22), который созывался муфтием не менее одного раз в год (ст. 23). По нашему мнению, в нем была заложена идея иджмы – выработка по обсуждаемому вопросу единодушного мнения авторитетных лиц, которые принимали решение по киясу – суждению по аналогии. Состав «Голяма шурасы», численность членов которого не превышала более чем в 4 раза численности казыев (т. е. не более 24 человек), утверждался Духовным собранием, однако при обсуждении спорных и сложных вопросов по решению Духовного собрания единоразово приглашались компетентные в этой области знаний лица (читай: не только представители духовенства, но и светские лица). Главная обязанность членов нового института заключалась в решении на основе шариата важных проблем, вызванных временем, местом проживания мусульман и самой жизнью (вакыт, торган жир, тормыш күрсәткән мөһим мәсьәләләрне ижтимагый шәригатькә нигезләнәп хәл итәргә кирәк булып).

Решения «Голяма шурасы» доводились до сведения населения и должны были учитываться общественным мнением мусульманского сообщества. Одни и те же решения, повторно принятые через год на трех советах, становились для Махкама-и рухания руководством к исполнению (ст. 25). В случаях, если подготовленные Духовным собранием постановления расходились с действующим российским законодательством, совет улемов брал на себя миссию экспертного совета, и лишь после получения заключения «Голяма шурасы» по возникшему сложному вопросу ОМДС принимало окончательное решение (ст. 26).

С помощью совета улемов ОМДС призвано было реформировать школы и медресе и довести их до уровня русских школ и академий, чтобы они соответствовали религиозным и жизненным потребностям народа (ст. 40). «Голяма шурасы» также составлял обновленные, соответствующие времени, месту службы кандидатов на духовные должности программы испытаний, которые доводились до мектебов и медресе (ст. 41). Совместно с религиозным управлением новый институт был призван содействовать повышению авторитета приходского духовенства среди населения, усилению внимания прихожан к его нуждам и определению источников его существования (ст.31).

Недовольные решением Махкама-и рухания мусульмане в течение определенного времени подавали жалобу и требовали нового разбирательства. Если были жалобы в другие судебные органы, то эти последние обращались в ОМДС и выносили решение согласно основным законам государства (ст. 27)¹¹³.

Идея о «Голяма шурасы» была закреплена в итоговом документе курултая и проекте устава ОМДС в обновленной редакции, в усеченном виде, и без употребления самого названия данного института. Ю. Акчура предлагал созывать «Голяма шурасы» не менее одного раза в год. Согласно итоговому документу курултая муфтий созывал не менее одного раза в три года совещания мусульманских деятелей¹¹⁴ (без уточнения: духовные лица или «светские мусуль-

¹¹³ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 45–46 б.

¹¹⁴ *Бигиев М.* Күрс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 113 б.

мане») для обсуждения вопросов приведения в соответствие с нормами шариата вызванных прогрессом современных общественных явлений¹¹⁵, а в законопроекте состав участников такого совещания также созываемого с такой же периодичностью был заменен «мусульманским высшим духовенством» (ст. 49, п.А)¹¹⁶, т.е. исключалась возможность участия в его работе светских лиц. Тем не менее, сама формулировка его общей компетенции – «на предмет рассмотрения и обсуждения вопросов принципиального свойства, выдвигаемых жизнью, и согласования разрешения таковых с правилами шариата» – определенно свидетельствует, на наш взгляд, о миссии иджмы, возлагаемой на этот съезд¹¹⁷. Эту же статью законопроекта казанский историк А.Ю. Хабутдинов охарактеризовал иначе: «Высшим органом миллета являлся съезд высшего духовенства. ... Предполагалось создание... квазипарламента автономии [миллета] в лице съезда высшего духовенства»¹¹⁸.

Итак, впервые об институте «Голяма шурасы» участники совещания слышали из проекта Ю.Акчуры, в котором был прописан численный состав, полномочия и механизм распространения решений «Голяма шурасы».

На наш взгляд, в целом как нормативный документ проект Ю.Акчуры имел немало изъянов. Очевидно, за короткий срок невозможно было составить нормативный акт, учитывающий все аспекты деятельности ОМДС и регламентирующий права и обязанности религиозных институтов. Вероятно, Ю.Акчура и «светские мусульмане» сосредоточили внимание, главным образом, на рекомендациях по реформированию религиозного учреждения. Примечательно, что многие предложения Ю.Акчуры были повторены или автономно зафиксированы в других проектах, адресованных сове-

¹¹⁵ Бигиев М. Күрс. хезмәт // ФТ. 2017. №4. 113 б.

¹¹⁶ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.155–190 об.

¹¹⁷ По законопроекту к высшим духовным чинам причислялись: муфтий, казы, ахуны, мударрисы, мухтасибы и хатибы (ст.45).

¹¹⁸ Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX века. Казань, 2001. С.197–198.

шанию. Поэтому трудно сказать, какие его предложения были приняты во внимание совещанием.

Проект, в отличие других записок, является самым прорывным и содержит качественно новые положения, которые при положительном стечении обстоятельств – в случае принятия курултаем и утверждения имперскими властями, – могли качественно обновить и улучшить управление духовными делами мусульман. Поскольку в основу обсуждения участниками совещания был взят проект Р.Фахретдина, эта записка могла выполнять лишь роль текста, дополняющего некоторые аспекты итогового документа курултая. Поэтому проще точно указать статьи, которые не вошли в итоговый документ курултая и законопроект: об инкорпорации муфтия и казыев в российскую чиновничью иерархию, о существенном расширении полномочий муфтия, о порядке выборов заседателей ОМДС и определения на должности приходского духовенства.

В целом проект Ю.Акчуры предполагал повышение статуса исламских институтов в мусульманском сообществе и российском государстве, усиление роли ОМДС как идеологического и религиозно-административного органа и эффективности его управленческих возможностей.

Записка купца Габдуллы Дебердиева

Во многих записках красной нитью проходила тема сохранения автономности системы этноконфессионального образования мусульман. В этом отношении не является исключением записка «купца-суфия» Габдуллы Дебердиева¹¹⁹ (так именует его М.Бигиев),

¹¹⁹ Г.Дебердиев является одним из сыновей предпринимателя Мустафы Дебердиева, который в 1858 г. построил в селе Верхозим Кузнецкого уезда Пензенской губернии суконную фабрику. Одновременно здесь начала работать другая суконная фабрика, принадлежавшая Яхье Дебердиеву. Фабрика Мустафы Дебердиева была оборудована ручными ткацкими станками и двумя маломощными паровыми котлами. Несколько позднее фабрика подверглась коренной реконструкции. Благодаря обновлению производственных мощностей, в конце XIX в. фабрика производила ежегодно не менее 350 тыс. аршин различных сукон, на производстве было занято 600 рабочих, более половины из них составляли татары.

состоящая из 25 пунктов (М.Бигиев в свою книгу включил только 14 пунктов). Первейшим требованием Дебердиев ставил сосредоточение управления мектебами и медресе в ОМДС и невмешательство в учебные дела мусульман учебного и силового министерств (п.1), как факторов, приводящих к дестабилизации общественной ситуации среди единоверцев.

Для рационального, точечного финансирования школ предлагалось создать специальную комиссию, призванную грамотно распределять сосредоточенные при ОМДС средства (закят и пожертвования) (п.3). Характерной чертой суждений купца Г.Дебердиева является стремление сосредоточить трудоустройство и увольнение мулл, мугаллимов и мударрисов, открытие новых мечетей в ведение ОМДС (а также мектебов и медресе), не передавая их в компетенцию среднего звена управления исламскими институтами (он предполагал, что этим институтом станут губернские медресы. – *И.З.*), добиться невмешательства православных архиереев в богослужебные и учебно-образовательные дела мусульман (п.4, 5). Предлагался совершенно новый механизм финансирования школ: после составления общественного приговора о приглашении мугаллима или мударриса и гарантии ему годового жалованья, при посредничестве чиновников, эта сумма сосредотачивалась в Собрании, отсюда же распределялись средства. В случаях неуплаты конкретным обществом жалованья своему учителю из этого же источника осуществлялось его содержание (п.6)¹²⁰.

Подразумевая достижение гражданского и религиозного равноправия мусульман, купец высказался за учреждение парламента в России, где были бы представлены и депутаты-мусульмане (п.14), за упразднение цензуры, за предоставление свободы печати и за

Сыновья Мустафы Дебердиева Ишмухаммед, Махмуд, Ахмеджан и Габдулла учредили в 1897 г. торгово-промышленное товарищество «Ишмухаммед Дебердиев с братьями», в собственности которого находились суконная фабрика в селе Верховизим и ее ткацкое отделение в селе Пенделе. В 1902 г. промышленники построили мечеть в Верховизиме. Имамом был избран Хусаин Тугушев (НА РБ, ф.И–295, оп.2, д.3; *Хасанов Х.Х.* Формирование татарской буржуазной нации. Казань, 1977. С.92–93).

¹²⁰ *Жарулла Муса.* Курс. хезмәт. 84–85 б.

введение в Россию мусульманских религиозных книг без правительственной цензуры (п.7), за освобождение мулл от воинской повинности (п.8), за передачу приютов для мусульман из ведения учебного ведомства в распоряжение ОМДС с тем, чтобы воспитатели и учителя в них были мусульмане (п.10), за разрешение мусульманам в Туркестане владеть недвижимостью наравне с русскими (п.11) и мугаллимам вести преподавательскую деятельность среди киргизов, казахов и туркмен (п.13), а отпавшим в ислам крещеным татарам записаться в мусульманство с правом посещения мечетей и мектебов (п.12). Для Г.Дебердиева также было актуальным и упразднение возрастного ценза при назначении имама (п.8).

Важным источником внебюджетных средств религиозного управления на общественные нужды, купец считал сумму сбора с мусульман за браки и предложил увеличить его до 1 руб., предлагал использовать эти средства на нужды образования единоверцев (п.9)¹²¹.

Записка юриста Абуссугуда Ахтямова

Абуссугуд Ахтямов дополнительно к поданной от имени Ю.Акчуры коллективной записки, где значится и его фамилия, собственные взгляды на совершенствование работы религиозного управления, оформил в виде специальной записки. Она была составлена автономно. Об этом, в частности, свидетельствует рекомендованное им наименование среднего звена управления духовными делами мусульман – «среднее собрание», а не «меджлис» или «управление ахунов», члены которых избирались всем народом, а не только духовными лицами, на основе специально разработанной инструкции. Утверждение муфтия по-прежнему оставалось прерогативой императора, членов ОМДС – министра внутренних дел, а членов «среднего собрания» – ОМДС, которое подчинялось МВД (п.3). Статус Собрания приравнивался к средним судебным учреждениям, новыми положениями являлись: возложение на него функций контролирующего органа над школами (п.3), вакуфами, курирование всех дел мусульман (п.1), получение права на открытие новых мечетей (в том числе утверждение их планов и фасадов) и при-

¹²¹ Жәрулла Муса. Курс. хезмәт. 86–87 б.

ходов (п.4). Решения ОМДС признавались окончательными для мусульман, лишь в случаях противоречия их государственным законам или ущемления прав представителей других этнических групп его постановления могли подвергаться ревизии со стороны Сената или Комитета министров (п.6).

Оригинальной представляется его идея об учреждении постоянно действующего присутствия в составе столичных чиновников и уполномоченных муфтием компетентных лиц для коллегиального рассмотрения и разработки рекомендаций правительству по принимаемым им важным вопросам, имеющим отношение к исламу и мусульманам (п.5)¹²². Эта идея была в определенной степени была реализована в особом межведомственном совещании по мусульманским делам 1914 г., когда на его заседания были приглашены представители двух религиозных управлений¹²³.

Интересным предложением следует признать идею А.Ахтямова закрепить за ОМДС назначение учителей начальной школы и таким образом разделить полномочия в приходе между педагогом и муллой.

Среди рассмотренных авторов только А.Ахтямов ратовал за учреждение нового – среднего – звена управления приходами и муллами, остальные игнорировали эту тему как неактуальную. По их мнению, обновления религиозно-духовной жизни, совершенствования системы обучения, в целом развития культуры можно было достичь и при сохранении прежней модели управления исламскими институтами, если ввести выборность муфтия и кадиев (на известный срок), посредством локализации всех аспектов семейно-бытовой и религиозно-культурной жизни приходов и мусульман в компетенции ОМДС.

Итак, «светскими мусульманами», т.е. лицами, которые находились вне системы управления духовными делами и сами не являлись духовными лицами или учащимися медресе, однако тесно взаимодействовали с ними в плане оказания материального содействия и пожертвований на духовные нужды единоверцев или кон-

¹²² Жарулла Муса. Курс. хезмәт. 105–106 б.

¹²³ Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К.Загидуллин. Казань, 2011. С.53–100.

сультировали духовенство и единоверцев по вопросам современной жизни, было подано три прошения. В их записках представлен взгляд «со стороны» – мнение мусульманской предпринимательской элиты в лице гильдейского купечества и светских интеллектуалов – о путях реформирования управления духовными делами миллета периода модернизации, что уже предполагает автономный, альтернативный подход к проектам религиозных деятелей. Полету их мысли и фантазии способствовало понимание ими того, что их проекты не будут взяты за основу участниками совещания при разработке итогового документа курултая, что они являются рекомендациями к рассмотрению.

Записки шакирдов казанских и уфимских медресе

Наибольший интерес к работе курултая в среде мусульман губернского города проявили старшие шакирды медресе. Они внимательно наблюдали, как каждый день с утра хазраты в традиционных одеждах степенно направлялись по городским улицам в здание ОМДС. В этот период контингент уфимских шакирдов был представлен, главным образом, учащимися двух учебных заведений. Первое уфимское медресе было открыто в 1887 г. имамом 1-й соборной мечети Хайруллой Усмановым (1847–1907)¹²⁴, в нем обучались дети горожан и мусульман Уфимского уезда. В 1891–1892 учебном году оно переехало на территорию квартала ОМДС¹²⁵. Медресе имело до 8 зданий, в нем обучалось около 500 шакирдов. В 1895 г. здесь было введено новометодное обучение. Х.Усманов написал для шакирдов учебник «Сарфы лисани гараби» (Морфология и синтаксис арабского языка). При медресе был открыт русско-

¹²⁴ Хайрулла Усманов (1848–1907) родился в 1848 г. в дер.Ибрай Стерлитамакского уезда в семье муллы, окончил медресе в д.Мачкара Вятской губ. 11 лет был имамом в г.Стерлитамаке, в 1888 г. стал муллой первой мечети г.Уфы, основав медресе. Вплоть до 1890-х гг. в вопросах мировоззрения был традиционалистом, выступал против Ш.Марджани. Затем, пересмотрев свои взгляды, стал сторонником обновления общественной и культурной жизни мусульман. (Фархитов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. М., 1994. С.85).

¹²⁵ Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б. Указ. соч. С.314–315.

башкирский класс¹²⁶. Заведующий медресе «Усмания» Х.Усманов, будучи участником курултая, в эти дни в медресе отсутствовал. Вместе с ним на заседаниях курултая присутствовал и имам 3-й соборной мечети, мударрис и заведующий медресе «Хасания» Мухаммадсабир Хасанов¹²⁷.

Социальную активность уфимских шакирдов следует рассматривать в рамках деятельности общественного движения учащейся молодежи. В 1901 г. в стенах КТУШ Гаяз Исхаки принял эстафету по руководству ученическим кружком «Шәкертлек», издававшим нелегальную критическо-сатирического характера и радикально-революционного направления гектографическую газету «Таракки» («Прогресс»)¹²⁸. «В очень короткое время членами этого общества записывается не только вся активная молодежь Поволжья и Сибири, но и Крыма. ... Программа общества довольно туманная, но она направлена против самодержавия и стремится к единению нации для борьбы за свою самостоятельность. Организация эта имеет очень большое влияние и вмешивается в решение всех национальных вопросов, вплоть до открытия какой-нибудь школы в захолустной татарской деревне. Организация эта работает 3 года нелегально,

¹²⁶ После возвращения из обучения в 1904 г. бывший выпускник медресе Зия Камали (1873–1942) трудился здесь мударрисом. В том же году по инициативе Х.Усманова при материальном содействии губернской земской управы и мусульман началось строительство каменного трехэтажного здания учебного заведения, которое завершилось к началу 1906–1907 учебного года. (См.: Дорога к храму: История религиозных учреждений г.Уфы / О.В.Васильева, В.В. Латыпова и др. Уфа, 1993. С.92–93).

¹²⁷ Мухаммадсабир Хасанов (1866–1922) – выпускник и мударрис медресе «Расулия» (г.Троиц), с 1903 г. – имам-хатиб вновь возведенной 3-й соборной мечети г.Уфы, в том же году открыл медресе «Хасания». В будущем – депутат II Государственной думы из Уфимской губернии. В 1908 г. – редактор журнала «Маглюмат Махкамияи шаргия Ырымбургияи» (Ямаева Л.А. Хасанов Мухамметсабир Мухаметжанович // Башкирская энциклопедия. Т.7. Ф-Я. Уфа, 2011. С.129; Утябай-Карими Р. «Хасания» // Башкирская энциклопедия. Т.7. Ф-Я. Уфа, 2011. С.129).

¹²⁸ Мусин Ф. Гаяз Исхакий (Тормышы һәм ижаты). Казан, 1998. 12 б.

подвергается преследованию правительства»¹²⁹. С началом русско-японской войны «Шәкертлек» был преобразован в нелегальную политическую организацию «Хөррият» [Свобода] «с радикально-национальной программой», – отмечал Г.Исхаки¹³⁰.

В данной связи следует отметить, что это была не единственная записка от шакирдов, адресованная ОМДС и курултаю. В частности, шакирды десяти казанских медресе до начала курултая обратились к совещанию улемов (копию своего письма прислали в г.Бахчисарай, в редакцию газеты «Тарджеман-Переводчик»). Шакирды писали: «... высшие духовные школы находятся в таком жалком положении, что дальнейшее оставление их в таком виде грозит полным упадком среди нас даже духовного просвещения, не говоря уже об отсутствии какого-либо умственного развития. Кроме того, что медресе может содержаться в самых антигигиенических условиях, так что эта сторона дела требует полного обновления и порядка. Отсутствие системы и целесообразной программы преподавания ведет к тому, что мы после 15–20-летнего «обучения» выходим из них почти без знания, потратив свои лучшие годы и силы. По необходимости «экзамены» на звание муллы и мударрисов происходят только из того кто что знает, а не из того, что каждый должен знать. Вследствие такого печального положения дела покорнейше просим Духовное собрание и старших наших собравшихся в Уфе обсудить это дело и озаботиться о лучшей постановке нашего учебного и воспитательного дела. По нашему разумению, следует: 1) поставить общежитие сохт [шакирды младшего возраста] и внутренние распорядки медресе в лучшие условия, соответственно указаниям педагогики и гигиены; 2) упорядочить преподавание арабского языка, богословия и права с введением в программу мусульманской философии; 3) ввести в курс медресе преподавание общеобразовательных предметов, каковы география, история, физика, гигиена и другие науки, в возможной степени. Вообще мы просим, чтобы духовные наши училища давали необходимые духовные и светские познания

¹²⁹ Мухамед-Гаяз Исхаки. Краткий очерк борьбы татар Волго-Урала за освобождение // Вопросы истории. 2004. №8. С.22.

¹³⁰ Там же.

и умственное развитие»¹³¹. Обращение шакирдов казанских медресе было опубликовано в газете «Тарджеман» 15 апреля 1905 г., в день закрытия курултая. Это прошение, видимо, затерялась в бумагах курултая, и не вошло в книгу М.Бигиева.

Движение казанских шакирдов за реформирование системы образования имело продолжение и выросло в общественные акции. После закрытия курултая, 29 апреля, 3, 4, и 6 мая, на собраниях учащейся молодежи (около 400 чел.), организованных шакирдами медресе «Мухаммадия» и «Апанаевское», была принята резолюция. Согласно этому документу, для правильной постановки школьного дела и приведения его в соответствие с современными требованиями следовало добиваться открытия: 1) школ типа средних общеобразовательных учебных заведений, с приспособленной к национальным духовным потребностям татар программой; 2) создания специального учебного заведения типа учительской семинарии для подготовки учителей-татар в школы первоначальной грамоты; профессионального учебного заведения типа коммерческого или технического училища; сети школ первоначальной татарской грамоты для детей обоего пола; ежегодных педагогических курсов повышения квалификации преподавателей медресе. Причем обучение в них должно было вестись на татарском языке, а русский язык должен стать обязательной учебной дисциплиной и изучаться как можно полнее. Для финансирования этих проектов планировалось обратиться к правительству, шакирды были убеждены в том, что «на частные средства невозможно осуществить в надлежащем виде правильную и солидную постановку дела школьного образования»¹³².

Записку от 90 учащихся медресе губернского города, состоящую из 28 пунктов и адресованную муфтию и курултаю, следует рассматривать в контексте вышеназванных обновленческих процессов. Организация и обучение подрастающего поколения представлялись уфимским шакирдам – авторам записки – общенациональным проектом, в котором главным идеологом и неформальным лидером призвана была стать головная общественная организация, состоящая из

¹³¹ Просьба // Тарджеман-Переводчик. 1905. №29. 15 апр.

¹³² Школьный вопрос у мусульман // Тарджеман. 1905. № 52. 5 июля.

региональных лидеров в сфере образования. Разработанные в записке по итогам обсуждавшихся проблем рекомендации распространялись среди населения (п.27). Одновременно шакирды настаивали на формировании при ОМДС структурного подразделения, укомплектованного компетентными и учеными сотрудниками, которое занималось бы учебно-методическими вопросами школ (пп.1, 2)¹³³.

Авторы записки сосредоточили внимание, главным образом, на двух вопросах: реформирование системы религиозного профессионального образования и организация эффективной социальной защиты исламских и светских институтов как главное условие их полноценной деятельности на благо прогресса народа. Первую тему шакирды знали «изнутри», в этой связи их мнение заслуживает самого пристального внимания.

Шакирды предлагали четырехступенчатую систему религиозного обучения, включая медресе-игъдадия (учебное заведение, готовящее для поступления в медресе-галия) (п.4), при этом каждая ступень имела бы трехлетний срок обучения¹³⁴.

Шакирды поделились своей концепцией формирования сети учебных заведений с единоверцами. Обязательным признавалось наличие в каждом населенном пункте начальной школы, в крупных селениях – среднего учебного заведения, в уездных городах – медресе-игъдадия, в случае недостатка – и медресе-галия. По такому же принципу учреждались школы для девочек. В губернских городах, при наличии в них больших групп мусульман, рекомендовалось открывать высшие медресе (п.19). Неотъемлемым элементом институтов образования и воспитания на местах выступали читальные залы для мусульман (п.22). В поселении, где действовало высшее медресе, полагалось иметь большую библиотеку (п.23)¹³⁵.

Ряд предложений шакирдов очень схожи с пунктами уставов будущих школ, регламентировавших правила внутреннего распорядка и обучения: возрастной ценз (с 8 лет) (п.5); наличие при поступлении свидетельства более низшего учебного заведения и ус-

¹³³ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 79, 82 б.

¹³⁴ Шунда ук. 79 б.

¹³⁵ Шунда ук. 81–82 б.

пешная сдача вступительного экзамена (п.6, 7, 8); образовательный ценз для преподавателей конкретной ступени школы (пп.9, 10, 11); плата за обучение (1-я ступень – 5 руб., 2-я – 10, 3-я – 15, 4-я – 25 руб. в год (п.8). В этом плане их существование приближалось к частным учебным заведениям, взносы шакирдов за обучение призваны были стать надежным и постоянным источником существования школ (п.12) наряду с частичным казенным содержанием (в том числе и на нужды мечетей) (п.18). Причем коммерческие, ремесленные (промышленные) и сельскохозяйственные училища с преподавателями-мусульманами в волостных центрах или уездных городах должны были содержаться за казенный счет (п.21). Таким образом, предлагалось создать сеть начальных профессиональных учебных заведений с казенным финансированием, где преподавание велось бы на родном языке учащихся¹³⁶.

В записке перечислялись обязательные учебные предметы в медресе: восточные (арабский, персидский, турецкий и татарский) и русский языки; религиозные дисциплины (хадисоведение, изучение тафсиров, религиозная философия, фикх, вероубеждение (гакаид), чтение по арабскому языку (бэлягате гарэбия); светские предметы: счет, геометрия, география, всеобщая история, российская история, история Востока, государственное право, российское право (п.20). С целью поощрения составления необходимых учебных пособий к образовательным программам рекомендовалось награждать их авторов похвальными листами и выплачивать им гонорары (п.24)¹³⁷.

Другая часть вопросов, обозначенных уфимскими шакирдами, казалась регламентации жизнедеятельности приходских религиозных институтов. Ключевым аспектом, без которого невозможен успех запланированных реформ, было обозначено формирование общественного капитала для решения социальных проектов нации. Как было сказано выше, для мектебов и медресе частичное государственное финансирование предусматривалось, однако шакирды почему-то не упомянули земские средства, возлагая все расходы на единоверцев. По их мнению, дополнительный источник финансирования склады-

¹³⁶ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 80–81 б.

¹³⁷ Шунда ук. 81–82 б.

вался из следующих статей: за счет увеличения сбора с мусульман за регистрацию брака на 5 коп. (всего 30 коп.) (п.13); заявившая о разводе женщина за услуги муллы выплачивала 1 руб., мужчина – 3 руб. (п.14), запись новорожденного в метрическую книгу оценивалась в 20 коп. (п.15). На общественный фонд прихода также начислялись суммы закята, гушера и фитыр садакасы (п.16), более того, члены прихода 1% своих доходов должны были ежемесячно передавать в фонд махалли. На пожертвованные средства планировалось: учреждать детские дома для сирот, обучать бедных детей в мектебах и медресе (п.25), издавать газеты и журналы (п.26). Очевидно, часть средств планировалось тратить на содержание приходского духовенства, учителей и преподавателей¹³⁸. Однако шакирды не прописали механизмы контроля за правильным распределением пожертвованных средств и взаимодействием приходских общественных средств и централизованного вакуфного фонда при ОМДС, который также планировалось учредить (п.3)¹³⁹.

Таким образом, общественное движение шакирдов в 1905 г. было многогранным социальным явлением и включало в себя идеи реформирования религиозного обучения и формирования светской и профессиональной системы образования с обучением на родном языке учащихся, о чем свидетельствует записка учащихся уфимских медресе.

¹³⁸ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 81 б.

¹³⁹ Шунда ук. 79 б.

ГЛАВА III

Законотворчество на курултае

3.1. Р.Фахретдин о роли религиозно-культурных институтов в общественном развитии миллета

10–15 апреля 1905 г. в г.Уфе, в Оренбургском магометанском духовном собрании (ОМДС), с дозволения премьер-министра С.Ю.Витте состоялось совещание улемов, на котором был разработан проект нового устава религиозного управления. На курултае был озвучен проект Р.Фахретдина, с 1891 г. служивший казыем. Именно его текст был взят в основу для составления итогового документа курултая. Это было закономерно, потому что за время службы Р.Фахретдин стал ведущим заседателем ОМДС, как последняя инстанция, проверял исходящие письма религиозного управления и первым их подписывал, специализировался на разработке предписаний, правил и нормативных актов, имеющих отношение к должностным обязанностям приходского духовенства, вакуфам, составил сборник циркуляров ОМДС, действовавших в предыдущие десятилетия¹.

Согласно М.Бигиеву, готовясь к курултаю, Р.Фахретдин разработал четыре варианта проекта². В его книге «Исляхат эсаслары» проект Р.Фахретдина представлен из 111 пунктов. Концептуально текст состоит из двух частей. Пункты первой части под названием «Читателям» (Укучыларга), которая выполняет функцию «пояснительной записки» (18 пунктов), чтобы не перепутать с последую-

¹ Загидуллин И.К. Деятельность Р. Фахреддина в Оренбургском магометанском духовном собрании (1891–1906 гг.) // НТ. 2009. № 2. С.146–158; Байбулатова Л.Ф. История Оренбургского магометанского духовного собрания в личной и делопроизводственной переписке муфтиев (по своду «Асар» Р.Фахретдина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья 2013. №3. С.42–54.

² Жарулла Муса. Күрс. хезмәт. 74 б.

шим материалом, автор обозначил цифрами арабского алфавита. Как известно, нормативный, правовой, документ не предполагает обращения к читателям. Согласно М.Бигиеву, после совещания казый обновил текст, внесенный на обсуждение с учетом озвученных участниками курултая некоторых замечаний. Именно этот вариант опубликовал М.Бигиев.

Как справедливо отмечает Л.Ф. Байбулатова, «Ризаэтдин Фахретдин составил этот проект на основе своих наблюдений за жизнью народа и его нравственностью, то есть, своим проектом реформирования Духовного собрания он хотел напомнить, что настоящее состояние ОМДС, его деятельность, статус не обеспечивают того образа жизни российских мусульман, какого требует религия, что из жизни мусульман пропадают духовность, религиозность, что является причиной возникновения смуты и разобщения. Для положительных изменений в мусульманском обществе он предлагает изменить и структуру ОМДС, и его правила, основанные на законе и основах шариата»³.

Предварительные замечания казыя

Первая часть документа, где автор выражает свое отношение к духовному состоянию мусульманского сообщества, религиозному управлению и исламским институтам, была составлена под впечатлением обсуждения проекта на курултае и развернувших дискуссий по отдельным его положениям. Она представляет собой уникальный источник, позволяющий реконструировать отношение Р.Фахретдина к ключевым вопросам общественного развития мусульманского сообщества округа ОМДС периода модернизации. Строго придерживаясь темы нашего исследования, рассмотрим, прежде всего, те положения, имеющие отношение к самому проекту.

Главным лейтмотивом своей законотворческой деятельности Р.Фахретдин назвал стремление воспользоваться предоставленной историей благоприятным моментом для реализации реформы во благо народа⁴.

³ Байбулатова Л.Ф. Проект реформы Оренбургского магометанского духовного собрания в начавшемся XX века // ВКГУКИ. 2015. №4–1. С.37.

⁴ Жарулла Муса. Күрс. хезмэт. 59 б.

Успех в обновлении социокультурной жизни мусульманского сообщества Р.Фахретдин прежде всего связывает с реформой управления духовными делами единоверцев, в котором главную роль и ответственность возлагает на мусульман. Одновременно констатирует необходимость взаимодействия с российским правительством, без договоренности с которым невозможно юридически закрепить в уставе ОМДС идеи реформы, и без материальной поддержки которого трудно их предворить в жизнь. Однако основную проблему в реформировании Р.Фахретин видит не в людях, а в отсутствии «правильного пути» (тугры юл). При его отсутствии даже самый талантливый и правильный человек собьется с верного пути, писал казый⁵. По мнению Л.Ф.Байбулатовой, под «правильным путем» Р.Фахретдин подразумевает необходимость возвращения к «чистому» исламу, исламу эпохи пророка Мухаммада⁶.

Еще одним обязательным условием успешности будущих реформ автор считает необходимость пересмотреть книги по фикху, по которым в Собрании решаются судебные дела, а также реформировать вопросы шариата, уточняя, что лишь малая часть улемов понимает эту истину, потому мало людей, способных на великие дела. Казый убежден, что наведение порядка в Духовном собрании и его обновление не дадут ожидаемого результата без реформы правовой системы мусульман⁷.

Путь достижения религиозных, национальных и общественных прав для единоверцев автор определил как путь «золотой середины», выбрав нечто среднее между двумя правилами: «Если много просишь, дадут немного» и «Если просишь много, можешь растерять то, что имеешь»⁸. Иначе говоря, Р.Фахретдин стремился разработать положения, соответствующие положению дел у мусульман и одновременно учитывающие внутривнутриполитический курс правительства. Скажем, несмотря на то, что казый не решил для себя, каким должен быть оптимальный механизм определения кандидатов на

⁵ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 54 б.

⁶ Байбулатова Л.Ф. Указ. соч. С.37.

⁷ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 53 б.

⁸ Шунда ук. 54 б.

должности муфтия и казиев, он высказался в пользу пожизненного их выбора. Пожизненный срок установил, опасаясь сложностей в организации и финансировании систематических выборных кампаний, самое главное – опасаясь угрозы склоков и борьбы между собой групп мусульман и претендентов на эту высокую должность. Оригинальностью по сравнению с господствовавшим общественным мнением выделяется его взгляд на критерии избрания кандидата на должность муфтия. По этому поводу он, прежде всего, уточняет, что в современных условиях муфтий призван быть посредником между властью и мусульманском сообществом (милләт), будучи легитимным представителем народа. Поминая, что в современной жизни трудно найти кандидата одинаково хорошо знающего и исламское учение, и светские науки, он отдает предпочтение кандидату со светским образованием, хорошо знающим российские законы и делопроизводство (п.3)⁹.

Фахретдин считал необходимым уточнить еще один принципиальный вопрос, а именно – причины расширения территории округа ОМДС¹⁰. В революционном 1905 году Р.Фахретдин считал эту реформу вполне реализуемой¹¹. Пояснения казья дают исчерпывающий ответ о причинах такой инициативы. В случае присоединения 4,1 млн. казахов (данные 1897 г.) – самой крупной тюркской группы населения на территории Российской империи – с учетом нынешней численности мусульман округа ОМДС (около 4,8 млн чел.)¹² произошло бы почти двухкратное увеличение численности единоверев, открывавшее новые перспективы и возможности на пути консолидации тюркских народов Российской империи. В этой связи еще одной важной причиной выгодности объединения была названа возможность улучшения экономического положения религиозного управления вследствие присоединения многочисленного казахского миллета¹³. После укрупнения округа Р.Фахретдин рассчитывал по-

⁹ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 54–55 б.

¹⁰ Байбулатова Л.Ф. Указ. соч. С.35–40.

¹¹ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 55 б.

¹² Россия в начале XX века / под ред. академика А.Н.Яковлева. М., 2002. С.89.

¹³ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 57–58 б.

лучать от казны на управление духовными делами 1 млн руб в год, что позволило бы, по его мнению, покрыть все расходы религиозных управлений. Казый считал, что в случае согласия казахов войти в состав округа с неременным условием предоставления им право выдвигать своих кандидатов на должность муфтия, этот акт стал был взаимовыгодным мероприятием для обеих сторон. От такого объединения больше всех выгоды получим мы, не сдержавшись, откровенничал Р.Фахретдин¹⁴. Важно отметить, что с момента учреждения Духовного собрания в 1789 г. и до 1868 г. казахи входили в его округ. По сути, предложение Р.Фахретдина означало возвращение к прежней модели сотрудничества с мусульманами-кочевниками в новых общественно-политических условиях и призвана решать уже более широкие задачи консолидации.

Еще более принципиальным новшеством следует назвать введение инстита «Махкеме-шаргия-ахуния» – Суда (правления) окружных ахунов, вместо рекомендованного муфтием М.Султановым института межлиса, согласно положению «Об управлении Закавказского Мусульманского духовенства Суннитского учения» от 5 апреля 1872 г. Поясняя суть института среднего звена управления духовными делами мусульман, Р.Фахретдин признавался, что первоначально (вслед за муфтием М.Султановым. – *И.З.*) склонялся к модели межлисов, действовавших в каждой губернии. Главной причиной отказа от него казый указал опасность усиления центробежных сил – появления движения разделения территории округа ОМДС по отдельным губерниям и областям. По его мнению, каждый округ ахунского правления должен был объединять в среднем по 100 приходов.

Р.Фахретдин также опасался, что институт межлисов вызовет неременные возрождения мулл своей новизной. Как известно, институт ахуна и ранее существовал в округе ОМДС и продолжал успешно функционировать в ряде отдаленных от Уфы областях империи, однако не был зафиксирован на законодательном уровне, поэтому руководству ОМДС не удалось его закрепить официально. Теперь же учреждение института ахунства новом обличье с четкой регламентацией его компетенции превращало его в председателя

¹⁴ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 55 б.

правления окружного управления со своим аппаратом. Наконец, немаловажной, а может быть одной из главных, мотивацией послужили произведенные Р.Фахретдином расчеты об объемах содержания обеих институтов. Согласно его подсчетам, в среднем для губернского медресиса требовалось 4 раза больше средств, чем на расходы управления ахуна (без учета расходов на мектебе)¹⁵.

Казый пояснял еще одно свое нововведение, имевшее системный характер. По его убеждению, проведение экзамена у кандидатов на духовные должности должно стать прямой обязанностью преподавателей учебных заведений (мударрисов и мугаллимов); система, сложившаяся у культурных наций (мәдәни милләтләр) теперь должна была восторжествовать и у мусульман. При этом автор не имел в виду систему назначения христианских священнослужителей, а писал, подразумевая передовые европейские народы¹⁶. Именно порочной системой экзаменов в стенах ОМДС Фахретдин объясняет получение по «внешним данным» духовных званий и высоких должностей самими плохими и нелюбимыми личностями, тогда как подготовленные для служения в приходе кандидаты из числа ученых, высоко нравственных и честных лиц остаются на стороне. Желая подчеркнуть системный характер этого пагубного явления, автор вспоминает 1885–1886 гг., когда в ОМДС царил порядок и казьями служили «со-

¹⁵ По подсчетам Фахретдина учреждение института окружных ахунов (в среднем по 100 приходов и с минимальным составом членов) обойдется несколько раз дешевле, чем содержание медресисов: первые – в среднем 10900 руб. в год, а вторые – в 27100 руб. (*Жарулла Муса*. Курс. хезмәт. 55 б.).

¹⁶ После нахождения 15–20 лет в медресе, пишет казый, на экзамен для часового унижения соискатели приезжают г.Уфу из дальних окраин, из Семипалатинска, Алтая. Такое испытание вредно и для религиозного управления, и для шакирдов, и для имамов. Из-за экзаменов, на которые тратится немало драгоценного времени казиев, в ОМДС вынуждены переносить рассмотрение вопросов, связанных с семейно-брачными отношениями и родословными делами. За один час экзамена невозможно выявить характер, нравственные качества, уровень знаний, отношение кандидата к будущим служебным обязанностям, определить его коммуникативные и организаторские способности (*Жарулла Муса*. Курс. хезмәт. 56 б.).

вершенные личности»¹⁷. Несмотря на проведение испытаний самыми достойными учеными-экзаменаторами и в эти годы самые малограмотные кандидаты получали духовные звания мухтасиба и мударриса. Поэтому если даже казьи будут избираться, а сохранится прежняя система испытаний, то Собрание станет местом продажности, с горечью отмечал Фахретдин¹⁸.

Концептуальными и прорывными являются идеи Р.Фахретдина о перспективах развития ОМДС. Сосредоточение и курирование в религиозном управлении вопросов, имеющих отношение к трем различным сферам – мусульманскому праву, учебно-образовательным проблемам и религиозно-обрядовым вопросам – Фахреддин объявлял вредным для национальной культуры. Он считал целесообразным создание новых центров, которые курировали бы вопросы мусульманского права и проблемы образования. Самое главное – эти направления административной практики должны были курироваться профильными центральными управлениями – Министерством юстиции и МНП. Соответственно, остальные вопросы по-прежнему контролировало МВД. Такую модель государственно-церковных отношений, когда они интегрированы в систему государственных учреждений Р.Фахретдин считал прогрессивным шагом¹⁹. Поскольку эти три направления административной деятельности подчинялись трем различным ведомствам, получалось, что отделы по мусульманскому праву и по образованию мусульман являлись автономными от ОМДС. В условиях России не имелось возможности создавать еще какой-либо общемиллетский институт кроме ОМДС, поэтому, думается, все три учреждения расположенные в здании ОМДС, был призван курировать и отстаивать их перед правительством оренбургский муфти как глава всех мусульман. Этот сюжет в проекте Р.Фахретдина не прописан.

¹⁷ В этот период исполняющим обязанности муфтия был мулла казанской Усмановской мечети Мухаммадей Салихов, казьями – Залялетдин Тазетдинович Максудов и имам д. Кулаево Царевококшайского уезда Казанской губернии Мухаммадшакир Сайфуллин (*Загидуллин И.К.* Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань, 2014. С.174).

¹⁸ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 56–57 б.

¹⁹ Шунда ук. 56–57 б.

Как констатирует автор, при составлении данного проекта объединение всех трех направлений деятельности под одной крышей первоначально представлялось ему непосильной задачей, позже выход был найден в распределении курирование этих вопросов в двух отделах ОМДС²⁰. Забегая вперед, отметим, что оба отдела создавались в составе трех членов как коллегиальные, свои решения оформляли журнальными постановлениями, в одном из них председательством сам муфтий, на другом наиб, его заместитель (п.20).

Итак, в ближайшей перспективе тюркско-татарское население Р.Фахретдин хотел видеть передовым миллетом в системе религиозно-культурной авторономии, где функционировали три автономные общемиллетские центры, курирующие 1) религиозное духовные дела (ОМДС); 2) школы и их учебно-образовательную и воспитательную деятельность и 3) мусульманское право (решение вопросов семейно-брачной жизни, раздела наследства и имущества мусульман по фикху). Получалось, что и мусульманское право, и многоступенчатая автономная этноконфессиональная школа должны были занять свою достойную нишу в правовом и образовательном пространстве Российской империи.

В начале XX в. вследствие естественного прироста населения норматив прихода в 200 наличных душ мужского пола в крупных населенных пунктах прекратил выполнять функцию регулятора численности махаллей. Из-за сложившейся традиции, с одной стороны, и активности лиц, ищущих новые духовные должности и эксплуатирующих религиозную искренность простого народа, с другой стороны, в больших селениях обычным явлением становилось функционирование 5 и более мечетей, при которых служило 15 и более духовных лиц. Содержание их в условиях усиления земельного голода и ухудшения экономического благосостояния крестьянских дворов становилось тяжелым бременем на местных жителей. Наметилась негативная тенденция к активному самовоспроизводству религиозных институтов, что не всегда учитывало реальные духовные потребности и экономические возможности прихожан, доходы которых являлись главным источником их существования.

²⁰ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 57–58 б.

Увеличение численности мечетей и духовенства в крупных населенных пунктах было искусственно наращиваемым явлением и резко контрастировало с усиливающимися секуляриционными тенденциями в российском обществе и наметившимся падением авторитета религиозных институтов в повседневной жизни населения. В крупных населенных пунктах Р.Фахретдин считал целесообразным постройку одной большой мечети и необходимого количества школ для подрастающего поколения. Другим негативным явлением казый считал постройку мечетей в маленьких и экономически слабых татарских и башкирских деревнях, избрание в эти бедные приходы случайных, малограмотных или меркантильных личностей («кого-либо») духовными лицами и склоки между ними. Вышеназванными принципами казый определял внутреннюю логику составления положений раздела своего проекта о приходах²¹.

Признавая безусловно необходимым владение членами ОМДС русской грамотой, без чего было невозможно выполнять обязанности, тем не менее, в своем проекте казый не прописал обязательность знания кандидатами на должности членов Собрания русской грамоты, вновь избрав «золотую середину», заявлял о добровольности изучения кандидатами русской грамоты²².

Фахретдин также не включил в проект какие-либо положения о деятельности мектебе и медресе, предположив, что это следует сделать после внимательного изучения состояния дел после передачи конфессиональных школ в ведение ОМДС с тем, чтобы разработанные законоположения соответствовали народным нуждам²³. Казый предполагал казенное содержание для восьми тысяч учителей школ, каждому по 240 руб. в год²⁴.

В контексте намеченной реформы считал необходимым обновление книг по фикху, по которым выносятся суждения при рассмотрении судебных вопросов, иначе даже выборность казиев ничего не изменит к лучшему, подчеркивал автор²⁵.

²¹ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 57 б.

²² Шунда ук. 58 б.

²³ Шунда ук.

²⁴ Шунда ук. 76 б.

²⁵ Шунда ук. 58 б.

Основной текст проекта

Текст проекта Р.Фахретдина состоит из десяти разделов с 93 пунктами. В начале второй части документа – во «Введении» – автор определил, главным образом, компетенцию религиозного управления, перечисляя аспекты религиозно-духовной жизни мусульман округа. К традиционным направлениям Р.Фахретдин добавил дела, имеющие отношение к вакуфам, учащимся и учащим в религиозных учебных заведениях, конфессиональные мектебе и медресе и т.д. Далее следует уточнение каждого направления. Причем каждый пункт «Введения» выступает в качестве своеобразного кода для понимания текста последующих разделов проекта: в каждом из пунктов заложены концептуальные основы реформирования исламских институтов. Скажем, п.2²⁶, перечисляя улемов и духовные должности, сообщает о вводимой новой иерархии среди них: высшее духовенство (казыи, муфтий, наиб – помощник муфтия, преподаватели высшего религиозного учебного заведения медресе-галия); среднее звено (хатиб, ахун, преподаватели медресе-рушти, т.е. среднего учебного заведения); низшее звено (муадзин, мугаллим (учитель начальной школы) и имам). Главным водоразделом между ними выступает уровень школы, которую окончил соискатель: для имамов – начальная школа, для среднего звена – среднее медресе, для высшего – высшее медресе. Как видно, испытание кандидатов на духовные звания сосредоточивалось в стенах учебных заведений и означало привязку их программ к подготовке религиозных деятелей и формирование в перспективе четкой мотивации шакирдов.

Р.Фахретдин включил в список высшего духовенства наряду с муфтием и члена ОМДС из числа приходского духовенства только мударрисов медресе-галия (читай: ректоров и ведущих преподавателей высшей школы). Именно они были поставлены на недостижимую высоту к остальному духовенству, в том числе ахунам, которые по действующему законодательству являлись высшим духовенством.

²⁶ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 59 б.

Из этого положения логично вытекало деление конфессиональных школ на три уровня (п.3): начальная (ибтидаи) школа – мектебе, среднее учебное заведение (рушти) и высшее – медресе-галия²⁷.

За нововведением скрывалось несколько тайных помыслов казая. Медресе-галия становилось самым авторитетным учебным заведением, впредь амбициозные и стремящиеся к знаниям шакирды, осознав, что именно знания и ученость будут определять социальное положение и статус духовного лица в мусульманском сообществе, стремились бы обучаться в высших учебных заведениях и искать должность преподавателя вместо вакантного места муллы в богатом приходе. Второй задачей представлялось создание подлинной трехступенчатой системы религиозного образования в округе, прежде всего организация нескольких медресе-галия, определив их критерии и обеспечив им учебно-методическое сопровождение. Казый считал, чтл невероятно высокий статус медресе-галия и его материальные возможности позволять устроить на должностном уровне его учебно-материальную базу и привлечь к преподаванию лучших улемов-мударрисов миллета.

Трехуровневая система, не имея прямого отношения первым двум нововведениям, по другим, управленческим, критериям опосредственно как бы распространялась и на территориальные административно-судебные учреждения: высший суд (мэхкэмэи исламия) располагался в ОМДС, средний суд – в управлении ахуна, низший суд – в приходском управлении (п.4)²⁸.

Объявлялось о включении в административно-религиозное подчинение ОМДС всех казахов, входивших в состав Российской империи (п.5), а также о существовании в религиозном управлении двух отделов, занимающихся вопросами образования (и школами) и остальными религиозно-духовными делами (п.6)²⁹.

²⁷ Жарулла Муса. Күрс. хезмэт. 59 б.

²⁸ Шунда ук. 59 б.

²⁹ Шунда ук. 60 б.

Структура проекта Р.Фахретдина

Названия разделов	Кол-во пунктов и их нумерация (в скобках)
Введение	6 (1–6)
1. Курируемые духовными судами дела	1 (7)
2. Махаллинские суды	3 (8–10)
3. Суды среднего звена (ахуны)	3 (11–13)
4. Духовный суд	32 (14–45)
5. Места службы духовенства	10 (46–55)
6. Поощрения и наказания духовенства	7 (56–62)
7. Молитвенные дома, мечети	6 (63–68)
8. Приходское общество, духовенство и функции махалли	6 (69–74)
9. Вакуф	5 (75–79)
10. Мектебе, медресе. Учебные заведения	14 (80–93)

В *первом разделе* проекта под названием «Курируемые духовными судами дела» комплексный подход автора позволил представить в подробностях весь перечень вопросов, имевших отношение к религиозному правлению в начале XX в. Детальное перечисление вопросов свидетельствует о серьезной предварительной работе казья. Впервые в историографии так подробно и системно были изложены пределы компетенции ОМДС как головного религиозного института. Исходя из трехуровневой системы религиозных институтов (управления, суды, духовенство), в нем речь шла в целом об религиозных делах мусульман. Вслед за Р.Фахреддином перечислим предметы ведения различного уровня религиозных управлений: 1) бракоразводные дела, 2) жалобы о взаимных оскорблениях между супругами (лиган), на импотенцию супруга, болезни супругов в контексте семейно-брачных отношений; 3) прошения женщин об разводе по какой-то причине; 4) дела о супружеской неверности; 5) дела о разделе наследства, 6) завещания, 7) претензии мусульман на часть имущества, 8) жалобы на нарушение прав по завещаниям, 9) дела, имеющие отношение к конфессиональным мектебе и медресе.

ресе, учебно-методическим пособиям для организации учебного процесса, вопросам нравственности, гигиены и воспитания шакирдов, мугаллимов и мударрисов, 10) молитвенные дома и мечети, 11) вакуфы, 12) забота о кладбищах, 13) открытие новых махаллей (приходов) и их закрытие, 14) разработка правил использования милостен, подношений, пожертвований (важиб садакалары), 15) решение вопросов воспитания детей бедноты и не имеющих попечителей сирот, в частности, девочек, 16) назначение и увольнение духовных лиц, 17) выдача по запросам духовных лиц паспортов и справок, 18) обязанности и отчетность духовенства, 19) разрешение претензий духовенства друг на друга, 20) контроль над заполнением метрических книг, составление разъяснений и инструкций по этому поводу, 21) открытие касс взаимопомощи с целью организация социальной защиты оставшихся сиротами детей духовенства, вдов и самих духовных лиц, 22) вынесение правовых суждений (фетвы) по запросам, связанных с шариатом, 23) курирование печатания Корана и Афтияка, 24) контроль над богослужением, религиозными потребностями и рисунками на религиозные темы³⁰.

Автор прописал также компетенцию судебных учреждений каждого уровня. Согласно *второму разделу* проекта под названием «*Махаллинские суды*»), имамы рассматривали обращения прихожан по вопросам бракосочетания, развода, раздела наследства, претензий на родство, наследство и завещания; жалобы прихожан друг на друга, дела по метрическим записям, религиозным рисункам, духовным запросам. Если же один из жалобщиков был духовным лицом, или же судящий имел отношение к выносимому решению, такие прошения сразу передавались в ОМДС. В случае отсутствия апелляции на постановление имама в течение 40 дней со дня вынесения приговора, поступившие позже жалобы не принимались во внимание (пп.7–10)³¹.

Среднее звено судов курировало религиозные и учебно-образовательные вопросы на территории ахунского округа. Ахун рассматривал из числа вышеперечисленных дела под номерами 2, 3, 9–12, 15, 18, 20–22), решая вопросы, не входящие в компетенцию приходских су-

³⁰ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 60–61 б.

³¹ Шунда ук. 61 б.

дов, и предоставляя по ним информацию в ОМДС. Апелляции на решение ахуна также принимались в течении 40 дней после вынесения приговора (пп.11–13). Эти вопросы были прописаны в *третьем разделе* под названием «Суды среднего звена (ахуны)»³². По Фахретдину, учреждались около 400 ахунских округов, каждый председатель правления ахунского округа получал годовое жалованье в сумме 300 руб.³³

Наиболее подробно, в 32 подпунктах, в *четвертом разделе* проекта под названием «Духовный суд» (*Мэхкамэи исламия*) были прописаны полномочия ОМДС как головного судебного и апелляционного института мусульманского сообщества. По Р.Фахретдину, права ОМДС и его сотрудников приравнивались к полномочиям губернских правлений и его чиновников, делопроизводственная документация и переписка в другими учреждениями велись соответственно на подобии (п.14). В штат ОМДС входили: муфтий, наиб, который временно исполнял обязанности муфтия в случае его отсутствия (п.22), пять казыев, два переводчика, архивариус, секретари и переписчики (п.15). Согласно составленной Р.Фахретдином смете расходов, муфтий получал годовое казенное содержание в размере 2500 руб., наиб – 1800 руб., пять казыев и два секретаря – по 1200 руб., два переводчика и архитектор – по 600 руб. и т.д.³⁴

Муфтий, будучи председателем собрания и религиозной главой мусульман, доводил до сведения министров, Комитета министров, Государственного совета, даже императора информацию и просьбы о религиозных и национальных нуждах единоверцев (п.16), по другим вопросам переписывался с судебными и правительственными учреждениями, выдвигал выдающихся духовных лиц к государственным наградам, осуществлял контроль и организовывал ревизию школ, мечетей, деятельность ахунов (п.17). В стенах Собрания муфтий лично принимал решения по просьбам вдов на новый никах в случае отсутствия документов о смерти бывшего супруга, на бракосочетание молодых в случае их несовершеннолетия (младше не более на шесть месяцев) или обращения одной из сторон или попечителей (п.18)³⁵.

³² Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 61–62 б.

³³ Шунда ук. 76 б.

³⁴ Шунда ук.

³⁵ Шунда ук. 62 б.

По Фахретдину, помимо общего присутствия Собрание делилось на три отдела, каждый из которых организовывал свою деятельность в рамках столов, специализировавшихся по конкретным темам и вопросам (п.19)³⁶. Так, в архивном отделе заседали казый, архивариус и секретарь, решения которой не фиксировались журнальным постановлением. В остальных двух отделах под председательством муфтия или наиба все важные решения принимались коллегиально и каждый раз оформлялись в журнальные постановления. Легитимными считались только решения, принятые на заседании отделов с участием не менее 3, в общей комиссии – не менее 6 человек, включая муфтия и наиба, его заместителя (п.20). В случае недостатка членов и с целью повышения компетентности и авторитета комиссии по конкретным делам могли быть приглашаемые на заседания ахуны и имамы г.Уфы, и решения принимались открытым голосованием (п.21).

Лицо, не согласное с решением ОМДС было обязано не позднее 2 месяцев со дня вынесения постановления, обратиться с апелляцией в ОМДС или Сенат. Собрание, в свою очередь, предоставляло в Сенат свое постановление не позднее 15 дней. В других случаях решения Собрания не подвергались повторному рассмотрению (п.23). Помимо судебной практики по всем вопросам ОМДС признавался подотчетным МВД, предоставляя ему все необходимые отчеты и сведения о расходах (п.24). ОМДС рассматривало жалобы населения на приходское духовенство и ахунов (п.25), в его исключительной компетенции находились вопросы о разводе женщин, мужья которых признавались умолишенными, или пропавшими без вести, или сосланными в каторгу, или рекрутированными в армию (п.26), а также по фактам супружеской неверности. Факты о неправильных браках по шариату (см. п.74), сожительства Собрание передавало на рассмотрение светских судов (п.27)³⁷.

Собрание и духовные лица не вмешивались в дела мусульман светского характера, однако по правонарушениям духовенства ОМДС выражало свою позицию (п.28). В частности, предусматри-

³⁶ *Жарулла Муса*. Күрс. хезмэт. 62 б.

³⁷ Шунда ук. 63–64 б.

вались следующие меры наказания провинившихся: предупреждение, выговор, увещание в Собрании, временное ostrанение от исполнения обязанностей, лишение права занимать духовную должность (п.29).

Были подробно прописаны правила делопроизводства: принимались письма и прошения на «тюрки» и русском языках, метрические книги составлялись на «тюрки», решения на заседаниях, а также отношения, адресованные духовенству, оформлялись на «тюрки», однако другие все исходящие документы, а также выписки из метрических книг и свидетельства о получении духовного звания составлялись на русском языке (п.30).

Собрание выступало представителем мусульманского сообщества перед правительственными и общественными институтами. В частности, рекомендовало учителей основ ислама и мусульманской нравственности в учебные заведения³⁸, духовных лиц для исполнения религиозных потребностей у военнослужащих-мусульман в войсковых частях³⁹, у заключенных-мусульман в тюрьмах, у больных в лечебных учреждениях. Новым моментом следует признать социализацию приходского духовенства: выдвижение одного муллы из каждого 10 тыс. мусульман в качестве гласного уездного и губернского управлений (видимо, здесь речь идет о гласных уездных и губернских земских собраний. – *И.З.*) (п.31)⁴⁰.

Важнейшим направлением деятельности ОМДС был контроль над духовенством, мектебе и медресе, учебными пособиями, образовательными программами, нравственностью учащихся, создание условий для открытия новых учебных заведений (п.32). Были также четко прописаны попечительско-контролирующие функции Собрания по отношению к приходским институтам: определение на духовные должности, наказание провинившихся духовных лиц (п.33),

³⁸ При согласии учебного начальства, будучи членами педагогического коллектива, эти учителя получали жалованье.

³⁹ Собрание намеривалось добиться введения в мирное время в каждом военном округе штатов военного ахуна, имама и муадзина, в военное время – по одному временному военному мулле и военному муадзину в каждом корпусе, а также в военно-морском флоте (п.47) (*Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 67 б.).

⁴⁰ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 65 б.

контроль за ремонтом ветхих культовых зданий и утверждение планов и фасадов мечетей, исходя из численности прихожан (п.34). Привлекают внимание проекты в социальной сфере, которые не ограничиваются только семьями мулл. Это – учреждение и содействие увеличению капиталов благотворительных обществ и касс взаимопомощи, средства которых предназначались на воспитание и обучение сирот, не имеющих попечителя, материальной поддержки вдов, престарелых, больных и т.д. (п.35), распределение гушера, закята, пожертвований на религиозные нужды, садаку на общественные нужды, на развитие и распространение исламского образования и т.д. (п.36); управление вакуфами (п.37), контроль над правильным и качественным изданием религиозной литературы (Коран, Афтият, книги хадисов и тафсиров), подготовка к печати книг, устранив допущенные типо-литографиями ошибок (п.38); изготовление и распространение в необходимом количестве и обеспечение сохранности метрических книг, контроль над правильным и четким заполнением их имамами (п.39) с привлечением для этого при необходимости губернских и областных правлений и полиции (п.40)⁴¹.

С целью организации эффективного управления многочисленными религиозными институтами планировалась организация всеобъемлющего статистического учета и контроля: составление ведомостей о всех богослужебных зданиях, духовных лицах и школах, учителях и преподавателях, вакуфах, специальное фиксирование сведений о назначении и удалении от духовной должности, о мерах наказания и времени смерти духовных лиц (п.41), при этом предполагалось доводить до полиции свои постановления и жалобы на духовных лиц для принятия соответствующих мер (п.42). Этой же цели была подчинена публикация постановлений и циркуляров Соборания в ведомственном периодическом издании, содержащем официальный и неофициальный отделы (п.44). Для ознакомления основами ислама составлялся сборник «Законы шариата» (Шәригәт – канун), адресованный муллам и судебным инстанциям мусульман (п.45). До начала проведения экзаменов в учебных заведениях на

⁴¹ Жарулла Муса. Курс. хезмәт. 65–66 б.

основании установленных правил⁴² планировалось проводить испытания во временных экзаменационных пунктах, а именно: в Казани, Астрахани и Петропавловске (п.43)⁴³.

В пятом разделе под названием «Места службы духовенства» регламентировались правила избрания духовных лиц. Вводился возрастной ценз для занятия духовных должностей каждого из управленческих звеньев: в приходском управлении – с 23 года, ахунском управлении – с 26 лет и в высшем – с 30 лет. Повышались требования к кандидатам на духовные должности среднего уровня: помимо традиционного (российское подданство, выписка из метрической книги о рождении, медицинская справка об отсутствии болезней, не совместимых с занятием общественной должности, справки о том, что ранее не привлекался к суду, об отсутствии фактов разбазаривания средства и банкротства), появились новые: свидетельство медресе об успеваемости, справка устаза-преподавателя о нравственных качествах и правильности верования соискателя и справка ОМДС об отсутствии фактов лишения ранее духовного звания или временном освобождении от духовной должности (п. 46). Был конкретизирован образовательный ценз для духовных лиц: муадзин при сельской мечети должен был окончить начальную школу, муадзин при городской мечети – первые три класса медресе-руштия, имамы – все классы медресе-руштия, казии – весь курс медресе-галия (п. 48). При выполнении 46 и 48 пунктов, наличия общественного приговора об избрании и назначении ежемесячного жалования и согласии губернатора, Собрание утверждало кандидата в должности (п. 49)⁴⁴.

Пристального внимания заслуживает рекомендованный Р.Фахретдином порядок выборов должностных лиц высшего и среднего звеньев управления исламскими институтами. Ахун избирался местными духовными лицами из числа хатибов (п. 50). Выборы на должности муфтия, наиба и казья в проходили в зале ОМДС под председательством сотрудников религиозного управления, которые

⁴² Соискатель, признанный усвоившим курс мектебе, удостоивался звания имама, среднего медресе – звания хатиба, высшего медресе – мударриса.

⁴³ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 66 б.

⁴⁴ Шунда ук. 67 б.

сами не принимали участие в тайном голосовании (п. 50). В выборах казыев принимали участие по одному члену каждого ахунского правления и лица, окончившие медресе-галия (поэтому имеющие право претендовать на эту должность лица) (п. 54). Получалось, что избрание казыев духовенством осуществлялось довольно узким кругом лиц. Выборы проходили в присутствии начальника Уфимской губернии в определенное муфтием время, сведения о претендентах, набравших большинство голосов, муфтий представлял в МВД, которое и утверждало в их должности (п. 52).

В случае выборов муфтия и наиба фамилии трех кандидатов, получивших большинство голосов при тайном голосовании, от имени действующего муфтия представлялись на рассмотрение в МВД, двоих из них император утверждал муфтием и наибом (п. 53). Креугольным камнем выборной системы, предложенной Р.Фахретдином, является принцип выборов духовной главы мусульман региональными общественными деятелями и социально активными лицами, способствующими социальному развитию местных религиозных общин, с одновременным отстранением от процесса выборов многотысячного отряда духовенства. Такая радикальная постановка вопроса позволяла Фахретдину изолировать от выборов сторонников идеи избрания муфтия исключительно из числа духовенства. Рассмотрим состав выборщиков согласно точке зрения Р.Фахретдина. Прежде всего, к выборам допускали лишь ограниченную группу городского духовенства (мударрисы медресе-галия и ахуны). Все остальные выборщики – гражданские чиновники и военные не ниже 7 ступени Табеля о рангах, земские начальники, предводители дворянства, почетные мировые судьи, председатели и члены губернских и уездных земских управ, гласные волостных правлений, губернских и уездных земских собраний, а также председатели и почетные члены благотворительных обществ. Избирательный ценз для купцов и предпринимателей определялся размерами их пожертвований на общественные нужды: лица, пожертвовавшие в пользу благотворительных обществ не менее 1000 руб., на нужды медресе – не менее 3000 руб., или меценат, открывший за

свой счет приют для детей-сирот. Из поселений к выборам допускался один из членов местного мутаваллиата (п. 55)⁴⁵.

В *шестой главе* под названием «*Поощрения и наказания духовенства*»⁴⁶ Р.Фахретдин изложил способы повышения статуса духовенства. Прежде всего, все служащие духовные лица освобождались от государственных налогов, от судебного преследования со стороны волостных судей и земских начальников, повинностей, возлагаемых на непривилегированные сословия, а также от воинской повинности (п.56). После 10-летней беспорочной службы духовенство высшей (казыи, муфтий, наиб, преподаватели медресе-галия) и средней (хатибы, ахуны, преподаватели медресе-рушти) ступеней претендовало на звание личного почетного гражданина, после 20-летней службы – на звание потомственного почетного гражданина. Звания личного почетного гражданина приходские духовные лица третьей ступени (имам, муадзины, учителя начальных школ) удостоивались после 20-летней беспорочной службы (п.58). Здесь Р.Фахретдин воспользовался законом от 9 июля 1892 г., согласно которому награждение званием личного почетного гражданина могло быть испрашиваемо представителями всех сословий за оказанную ими «полезную деятельность», продолжавшейся не менее 10 лет. Звание потомственного почетного гражданина испрашивалась лицам, состоявшим не менее 10 лет в звании личного почетного гражданина⁴⁷. За правонарушения в религиозной сфере духовных лиц наказывало Собрание (п.59), оно же представляло к наградам (п.61)⁴⁸. Командировочные расходы по служебным делам муфтию выплачивались в сумме из расчета четырех, а казиям – трех лошадей (п. 60).

В *седьмом разделе* под названием «*Молитвенные дома, мечети*»⁴⁹ впервые на законодательном уровне в округе ОМДС казий вводит институт молитвенного дома и прописывает порядок его учреждения, выделяя особенности. Его предложения носят по-настоящему революционный характер и относятся, главным образом, к

⁴⁵ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 68–69 б.

⁴⁶ Шунда ук. 69–70 б.

⁴⁷ ПСЗ–З. Т.12. №8845.

⁴⁸ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 69 б.

⁴⁹ Шунда ук. 70 б.

небольшой группе поселений, которые, в силу малочисленности жителей, не могли зарегистрировать самостоятельный приход. По Р.Фахретдину, молитвенный дом учреждался в поселениях, где проживало не менее 60 душ мужского пола. При нем находился имам, который получал метрическую книгу ОМДС, что было равнозначно статусу зарегистрированного прихода. Главными условиями его появления в малонаселенных селениях становились институт духовенства и численность местных жителей (п. 64). Следует отметить, что практика учреждения молитвенных домов ранее сложилась во вновь учрежденных экономически слабых городских приходах, которые для общественных намазов арендовали или покупали жилые помещения. В сельской же местности традиционно обязательным считалось строительство мечети. Р.Фахретдин же не только вводил в малонаселенных селениях практику строительства молитвенного здания, построенного без соблюдения установленных правительственных и догматических требований к мечети (общественный приговор, план и фасад, направление михраба к Кыйбле, технические требования строительного отделения губернского правления) (п. 65), но и уменьшал необходимую численность для регистрации мусульманского прихода до 60 наличных душ мужского пола.

Мечеть Р. Фахретдин объявлял вакуфом, находящимся под защитой государства и переданным на попечение местному мусульманскому обществу, в его представлении оформление документов на здание и само здание освобождались от налогов (по российскому законодательству, они также освобождались от земельного налога и налога за недвижимость, поскольку не приносили доход. – *И.З.*).

Еще одной новой идеей Р.Фахретдина является учреждение в приходах, где существовала мечеть, института мутаваллиев, которые избирались местным обществом и информация о них доводилась до ОМДС (п. 67). В компетенцию мутаваллиев входили: обеспечение жизнедеятельности мечети, учебных заведений, управление вакуфами (при их наличии). Они могли получать жалованье и обязаны были отчитываться о своей деятельности перед религиозным управлением (п. 68).

Восьмой раздел проекта под названием «*Приходское общество, духовенство и функции махалли*» является логическим продолжени-

ем седьмого раздела. Здесь оговаривалось, что ремонтом ветхих, возведением новых культовых зданий, утверждение их планов и фасадов мечетей, а также вопросами поиска средств на строительство мечети или школы занимаются мутаваллии (пп. 69, 70). По Фахретдину, повышались требования к регистрации нового прихода. Если ранее общество гарантировало строительство мечети и содержание при ней духовенства, то теперь оно обязывалось построить и содержать: мечеть, при ней школу, жилой дом для духовного лица и обеспечивать существование приходского духовенства. (Они не распространялись лишь на дисперсно расселенных в степи казахов. – *И.З.*) (п.71). Итак, новыми требованиями являлись: обязательность начальной школы и жилого дома для хатиба. При мечети рекомендовалось избирать имама и муадзина, в случае отсутствия вакуфного дома избрание хатиба запрещалось (п.72)⁵⁰, следовательно такая мечеть могла быть только пятивременной, а не соборной.

Приходское духовенство рассматривало широкий круг вопросов семейно-брачных отношений и религиозно-духовных дел, прописанных Р.Фахретдиным в п. 7 его проекта (п. 73). С учетом имеющегося большого количества нарушений со стороны духовенства, часто становившихся причиной жалоб, которые приходилось рассматривать ОМДС, автор счел необходимым перечислить все случаи, когда муллы обязаны запрещать бракосочетание (п. 74)⁵¹.

В девятом разделе проекта, с учетом административной практики религиозного управления в области имущественных отношений, на которое автор накладывает исламские традиции управления вакуфами на российское правовое поле и регламентирует правила их существования в округе ОМДС. Автор перечисляет основные виды недвижимости (земля, вода, денежные средства, жилищное имущество) (п. 75), которые по воле жертвователя передавались на

⁵⁰ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 71 б.

⁵¹ Это – никахи, противоречащие Корану и шариату, в случае несовершеннолетия (для казахов возрастной ценз был ниже: юноши – с 16 лет, девушки – с 15 лет) или отсутствия согласия одного из брачующихся, или в случае принуждения одной из сторон, или отсутствия документов, подтверждающих их личность, или при болезнях, несовместимых с семейной жизнью, и т.д. (*Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 72 б.).

нужды школ, мечетей, духовенства, сирот, шакирдов и сосредотачивались при ОМДС. Религиозное управление подробно фиксировало все вакуфы в специальной тетради, обеспечивало сохранность актов дарения, контролировало соблюдение воли дарителя, одновременно отчетность мутаваллиев, руководивших вакуфами, и само ежегодно отчитывалось перед МВД (п. 76). В случае исчезновения объекта выделения доходов с вакуфов или в других случаях, Собрание выставляло эту недвижимость в установленном российском законодательством порядке на торги, формируя от вырученных средств вакуфный фонд, строго фиксируя сведения об арендаторах, поступающих доходах и т.д. (п. 77)⁵².

Вакуфная недвижимость и доходы, получаемые с нее, должны были быть освобождены от налогообложения, что противоречило действующему российскому законодательству. В приходах какуфами управляли мутавалли, которые отчитывались о приходе и расходах перед ОМДС (п.79), а лица, обвиненные в злоупотреблении вакуфным имуществом, привлекались к судебной ответственности (п.78)⁵³.

В *десятом разделе* проекта под названием «*Мектебе, медресе. Учебные заведения*», состоящем из 14 пунктов⁵⁴ в зависимости от состава учредителей, начальные школы делятся на три категории: официальные (рәсми), учрежденные ОМДС, «народные школы» и «частные» школы, содержащиеся частными лицами, или благотворительными обществами, или руководством промышленных предприятий. Образовательная деятельность всех мусульманских школ, независимо от статуса учредителей, находилась под учебно-методическим контролем Духовного собрания (п. 80, 83, 85). Приходские духовные лица без дозволения Собрания не могли вмешиваться в дела махаллинской школы (п. 86). Согласно трехуровневой системе религиозного образования в начальной, средней и высшей школе могли преподавать лица, окончившие соответствующий уровень учебного заведения (пп. 87, 88). Собрание определяло учителей во все эти образовательные учреждения, кроме «народных» и «част-

⁵² Жарулла Муса. Курс. хезмәт. 72–73 б.

⁵³ Шунда ук. 72–73 б.

⁵⁴ Шунда ук. 73–74 б.

ных» школ (п. 91). Все мугаллимы, имеющие соответствующее свидетельство, допускались в «народные» и «частные» школы (п. 84). Для всех уровней школ со временем планировалось издать правила внутреннего распорядка и единые учебные программы (п. 93), что означало бы формирование единой трехуровневой религиозной системы образования со всеми необходимыми инструментами учебно-методического обеспечения (п. 93).

При ОМДС формировались специальные суммы для учебных заведений, которые складывались из следующих источников: в некотором объеме (азмы-күпме) казенные деньги, садака единоверцев, вакуфы и суммы по завещаниям, предназначенные для школ (п. 81, 82). В случае отсутствия у местного населения материальных возможностей на содержание «официального» образовательного учреждения, Собрание могло выделять из этих сумм необходимые средства, но оказывать аналогичную помощь «народным» и частным школам не имело права (п. 89).

Резюмируя, следует отметить следующее.

1. Главным достоинством проекта Р.Фахретдина является личностный подход, позволивший автору в деталях прописать важнейшие, на его взгляд, моменты с тем, чтобы не повторять выявленных им в период казыйской административной практики ошибок, вызванных отсутствием четких правил. Особенно тщательно Фахретдин прописал сюжеты, из-за которых он, будучи заседателем ОМДС, неоднократно становился заложником возникающих нелицеприятных ситуаций и пришел к убеждению, что только через четкую правовую регламентацию можно качественно улучшить, точнее, не позволять нарушать законы и не затягивать принятие решений и религиозными управлениями, и духовными лицами. К таким моментам, которые должны быть прописаны в специальных инструкциях, судя по подробному описанию автора, следует отнести: 1) перечень случаев бракосочетания, когда происходит нарушение норм шариата, 2) регламентация внутреннего распорядка работы отделов Собрания, 3) требования к кандидатам на духовные звания, 4) регламентация выборов муфтия; 5) подробное описание механизма управления вакуфами с учетом накопленного опыта автора в ОМДС; 6) подробное описание

различных аспектов жизни и деятельности приходского духовенства и махаллинского управления как главной ячейки автономии мусульман. Лишь в случае с учебными заведениями Р.Фахретдин воздержался от каких-либо попыток определить принципы управления школами, что, на наш взгляд, было обусловлено с одной стороны, сложностью и не проработанностью вопроса, с другой – запланированным муфтием специальным совещанием, посвященным этой теме, которое, однако, не состоялось.

2. Самым главным и принципиальным новшеством, призванным перевести религиозно-культурную автономию на рельсы национально-культурной автономии, является утверждение автора о необходимости избрания муфтием светского лица. Используя традиционный штамп, принятый в империи, и сложившуюся административную практику самодержавия, Р.Фахретдин этой фигурой обозначает точку опоры для выстраивания существующих этноконфессиональных институтов в новую систему, которые становились площадкой для обновления существующих и появления новых общественных национальных учреждений. Данное мнение Р.Фахретдина противоречило позиции большинства приходского духовенства, уже с 1865 г. находившегося под руководством «светских» муфтиев и вынужденных их терпеть, внутренне противясь такому порядку.

3. Документ пронизан культурно-просветительскими идеями. Признаваемую российским правовым полем систему исламских институтов автор использует для становления и развития конфессиональной и национально-конфессиональной систем образования, обозначив краеугольным камнем развития культуры народа мусульманский приход и адаптировав его к вызовам модернизации общества. Если традиционная модель зарегистрированного прихода состояла из общества прихожан, мечети, духовенства и кладбища, то теперь его структура дополнялась: 1) *обязательной джадидской начальной школой*, 2) *учителем-джадидом (мугаллимом) махаллинской школы*; 4) *мутаваллиятom*, призванном заботиться о жизнеобеспечении местных исламских институтов, в том числе контролировать вакуфы, при их наличии; 5) *вакуфным домом* для хатиба. (С учетом доминирования в приходах соборных мечетей, такие вакуфные дома становились повсеместным явлением. – И.З.); 6) *вакуфами* (при наличии).

Р.Фахретдин создал модернистскую модель религиозной общины (махалли) с независимыми друг от друга, но взаимосвязанными по своему роду деятельности и служению единой общественной идеи институтами: приходское духовенство, мугаллим джадидской (светской) этноконфессиональной начальной школы и избранный обществом мутаваллиат. Вводимые Фахретдином институты мутаваллиата и мугаллима создавали качественно новую модель взаимоотношений в приходе, которую правомерно назвать «триумвиратом». При сохранении за имамом статуса лидера религиозной общины, его союзниками (при конфликтной ситуации – оппонентами) становились мугаллим и члены мутаваллиата. В перспективе, после реорганизации ОМДС и выведения из его состава центров по образованию и шариату, они подчинялись бы этим трем общемиллетским институтам. Таким представлялся Р.Фахретдину вектор развития мусульманского прихода и мусульманской культуры в традиционной общине в ближайшей перспективе. В начале XX в. в округе ОМДС большинство мечетей были соборными со штатом из трех духовных лиц (хатиб, имам и муадзин), в значительной части поселений существовали уже по два прихода, и тенденция укрупнения поселений по мере естественного прироста населения в аграрной стране была очевидной. В этой связи установка Р.Фахретдина на сокращение раздела действующих приходов и при этом открытие новых школ должна была кардинально обновить структуру исламских институтов в средних и крупных поселениях по схеме «одна (две) мечеть(и) – две и более школ». Однако такой сценарий был возможен лишь в случае сосредоточения вопросов учреждения приходов, школ и строительства мечетей в компетенции ОМДС.

4. Новая модель мусульманского прихода была ориентирована на создание широкой сети школ, разрешая учреждать их в неограниченном количестве, и предполагала полный охват учащихся мальчиков начальным образованием. Результатом рекомендуемой системы должна была стать обязательность начального образования для каждого мусульманина, в этом плане проект казья был ответом на активно обсуждаемый в русском сообществе вопрос о введении всеобщего образования. С учетом существования мектебов, во многих приходах в округе ОМДС речь шла об открытии их повсемест-

но, обзаведении учебным зданием и обновлении программ обучения. Появление института учителя начальной джадидской школы означало выведение школы из дома или приусадебного жилого помещения муллы и постройку для него специального учебного здания. (При этом оставался открытым вопрос: кто будет обучать девочек: жена муллы или мугаллима). Появление постоянного педагога было призвано способствовать улучшению и в целом учебного процесса, и исполнению муллой своих религиозных обязанностей.

5. Членами махаллинского попечительства избирались уважаемые и состоятельные лица, которые имели возможность повлиять на прихожан и при необходимости взять под свой контроль финансовые потоки (которые до этого времени шли в карман мулле) – использовать садаку на общественные нужды – на содержание школы и мечети. Должна была трансформироваться модель содержания исламских институтов. По шариату строитель зданий богослужебного или учебного здания и его дети призваны заботиться о них и в будущем. Однако в большинстве сельских религиозных общин, в силу отсутствия помещиков и потещальных меценатов, средства на строительство, ремонт и содержание мечети собирались у членов поземельной общины, при острой необходимости на эти цели отпускаясь часть налога, предназначенного на «мирские» нужды, или сдавался в аренду земельный участок. Рекомендуемая модель была призвана усилить общественную ответственность прихожан за материальное обеспечение мечети и школы, что ранее являлось исключительно головной болью муллы.

6. Будучи приверженцем либеральных ценностей, еще до начала Всероссийских съездов мусульман Р.Фахретдин предлагает качественно обновить религиозно-культурную автономию мусульман округа ОМДС в направлении превращения ее в национально-культурную автономию, выделяя в нем три координирующих центра: 1) общемиллетский религиозный центр (ОМДС), контролирующий духовенство, религиозно-обрядовую жизнь и исполнение религиозных ритуалов в приходах, правильность акады мусульман; 2) общемиллетский центр по народному образованию и просвещению, ответственный на реформу и развитие системы светского и конфессионального образования; 3) общемиллетский центр, ответ-

ственный за реформу мусульманской правовой системы. Они призваны были завершить начатые в стенах Духовного собрания реформы по своим профильным направлениям деятельности.

7. В административно-правовом пространстве Российской империи все рельефнее проявлялись грани религиозно-культурной автономии мусульман: 1) с параллельным официальному законодательству автономным шариатским судопроизводством в сфере семейно-брачных и имущественных отношений и исламскими традициями в повседневной жизни и нравственном воспитании, 2) монопольным применением татарского языка на огромном пространстве (с распространением его на казахский миллет, как подведомственной ОМДС группы мусульман) в сфере культуры, образования, шариатской судебной практики и религии, 3) самодостаточной и завершенной, трехступенчатой, системой религиозной образования, и тотальным охватом детей младшего школьного возраста, 4) автономной системой финансирования культурно-религиозных институтов, сочетающейся с частным финансированием от государства, 5) головным и подотчетным МВД, МНП и Министерству юстиции административным институтом – ОМДС, которому российское правительство делегировало ряд полномочий с тем, чтобы оно автономно в рамках предоставленных прав решало культурные, просветительно-образовательные, религиозно-обрядовые, судебные, благотворительные вопросы мусульман, 5) муфтия – как духовной главы и легитимного представителя мусульман перед российским правительством.

В этой связи ахунские округа, объединявшие примерно по 100 приходов (или 50–60 селений), становились важнейшей ячейкой не только религиозно-культурной, но и выстраиваемой национально-культурной автономии. Именно правление ахунского округа претворяло в жизнь предписания и установки будущих трех общемиллетских центров курирующих: школьное дело; религиозные институты и духовно-обрядовую жизнь; семейно-брачные и имущественные отношения мусульман. Оно нацеливалось и на рост дисциплины у мулл, и на конструктивное взаимодействие с духовенством, мугаллимами и мутаваллиями. Именно поэтому в правлениях ахунских округов заключался огромный потенциал не только в качестве контролирующего инструмента в формировании вертикальных

взаимоотношений, но и в плане укрепления горизонтальных взаимосвязей между руководителями приходов и учителями начальных школ. В этой связи следует особо подчеркнуть его оперативное реагирование на нестандартные ситуации, возникающие в приходах. Благодаря тому, что кардинально менялся механизм и, самое важное, существенно сокращались сроки рассмотрения жалоб (ранее они сначала поступали в ОМДС, которое назначало конкретного духовного лица для рассмотрение дела на месте и после его расследования принимало решение. – *И.З.*), устанавливалась прямая связь с обиженными мусульманами; оперативная реакция правления ахунского округа призвана была пресечь в корне злоупотребления, связанные с долговременным рассмотрением жалоб.

Если принять во внимание, что и члены правления ахунского округа, и большинство местных имамов и мугаллимов будут придерживаться джадидистских идей, то есть думать, прежде всего, об общественных интересах, и с учетом того, что в их руках будут сосредоточены все религиозно-культурные институты (при отсутствии других социальных учреждений, за исключением органов крестьянского самоуправления), произошла бы не только идеологическая мобилизация духовенства, но и консолидация всех слоев населения. Причем ОМДС приобретало в лице правления ахунского округа действенный инструмент проведения реформы в сфере школьного образования и доведения своих предписаний по обновлению общественной жизни в поселениях. Постоянное взаимодействие приходского духовенства в рамках ахунского округа (если он совпадал с территорией одной или нескольких волостей, то на него наслаивалась волостная система крестьянского самоуправления) создавала качественную новую национально-культурную среду жизнедеятельности.

8. Определяя ОМДС выборным головным центром религиозно-культурной автономии мусульман Волго-Уральского региона и Сибири, Р.Фахретдин позиционировал его как находящееся под правительственным контролем и облеченное доверием императора бюрократическое учреждение, регулирующее духовные, образовательные потребности мусульман и курирующее применение фикха в отдельных областях жизни, а муфтия – в качестве легитимного (избранного

мусульманами и утвержденного государем) представителя религиозной общины округа, призванного лоббировать интересы миллета.

9. Выстраиваемая казыем трехступенчатая система религиозного образования завершалась высшими учебными заведениями с определенными привилегиями для его преподавателей и выпускников. Иначе говоря, Фахретдин задался целью создания полнокровной, самодостаточной и завершенной системы религиозного исламского образования в округе ОМДС. Помимо объективных причин, связанных с существующими проблемами качества образования, она косвенно являлась реакцией на действия властей, начавших с 1890-х гг. принимать меры по недопущению имамов, обучавшихся в зарубежных мусульманских учебных заведениях, к педагогической деятельности.

10. Проект Р.Фахретдина был ориентирован на расширение правового положения исламских институтов. Хотя автор предостерегает от каких-либо сравнений и сопоставлений их статуса с институтами РПЦ, по сути, он выстраивает свою концепцию с учетом существующей иерархии признаваемых в империи конфессий, среди которых первую позицию занимала государственная религия, в том числе предлагает легализовать вакуфы, которые, как и имущество РПЦ, должны быть освобождены от налогов. Во-вторых, с учетом сословной страты российского общества, он стремится вписать духовных лиц в состав неподатных групп населения.

11. В целом следует отметить, с одной стороны, целостность и прозорливость концепции Р. Фахретдина по выстраиванию новой модели исламских институтов в округе ОМДС, с другой – наивность автора, полагавшего, что российское правительство в ответ на политическую лояльность мусульманского сообщества возьмется за частичное финансирование и поддержит реформу управления духовными делами мусульман.

3.2. Итоговый документ курултая: общее и особенное с проектом Р.Фахретдина

В поиске итогового документа курултая М.Бигиеву бесценную помощь оказал Ю.Акчура, передавший ему в 1908 г. текст, составленный им по просьбе депутатов-мусульман Государственной думы. Первые 90 статей этого текста были взяты из итогового документа курултая. Ю.Акчура также сообщил, что в данном проекте институт окружных ахунов он заменил окружными меджлисами, коллегиальными учреждениями среднего звена, сохранив в остальном все положения⁵⁵.

Вторая особенность представленного М.Бигиевым документа заключается в том, Ю.Акчура внес в свой проект не только текст итогового документа курултая (ст. 1–90), но и ряд положений, принятых на совещании доверенных мусульман (доверенных «башкирских волостей») Уфимской губернии (22, 23 и 25 июня 1905 г.) – статьи 91–113.

Также лишней является приписанная Ю.Акчурой к 1-й статье информация о манифесте от 17 октября 1905 г., указе от 12 декабря 1904 г., постановлении Комитета министров от 17 апреля 1905 г. (в тексте по ошибке напечатан 1906 г. – *И.З.*).

Четвертой особенностью следует назвать двойной перевод опубликованного текста. Имеющийся у него татарский вариант итогового документа курултая Ю.Акчура, во исполнение просьбы депутатов-мусульман Государственной думы, перевел на русский язык, именно этот документ должен был быть рассмотрен на профильной комиссии представительного органа Российской империи. М.Бигиев, в свою очередь, вновь перевел этот текст на татарский язык. Двойной перевод предполагает существенные различия в формулировках статей, однако сохраняет ключевой смысл их содержания⁵⁶.

⁵⁵ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 120 б.

⁵⁶ Лишней является приписанная Ю.Акчурой к 1-й статье информация о манифесте от 17 октября 1905 г., указе от 12 декабря 1904 г., постановлении Комитета министров от 17 апреля 1905 г. (в тексте по ошибке напечатан 1906 г. – *И.З.*).

Структура итогового документа курултая 1905 г.⁵⁷

№	Названия разделов
I	Религиозные права мусульман
II	Духовные управления
III	Права и обязанности духовных управлений
IV	Дела, находящиеся в ведении духовных управлений
V	Дела, находящиеся в компетенции Главного духовного управления
VI	Дела, подлежащие ведению присутствий отделов Главного духовного управления
VII	Управления ахунских округов ⁵⁸ . Права и обязанности.
VIII	Обязанности, права и полномочия приходских духовных лиц
IX	Степени духовных лиц в округе Собраниа
X	Казыи
XI	Члены Собраниа
XII	Председатели ахунских округов ⁵⁹
XIII	Мударрисы
XIV	Приходские духовные лица
XV	Порядок работы духовных управлений
XVI	Находящиеся в ведении присутствия. Собраниа дела. Вакуфы
XVII	Приходские мутаваल्ली
XVIII	Мектебе, медресе
XIX	Мечети, молитвенные дома

Итоговый документ курултая включает в себя 90 статей. Он составлен по принципу лучшей прописки ключевых полномочий каждого из общественных институтов, чем объясняется большое количество – девятнадцать – разделов в документе. В отличие от Р.Фахретдина участники курултая воздержались от именования всех трех

⁵⁷ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 102–118 б.

⁵⁸ Как было отмечено, вместо «Управления ахунских округов» Ю.Акчура в своем варианте проекта написал «Управление меджлисов» (Вилять мәжлесләре). Мы в таблице 4 и в тексте используем термин «Управление ахунских округов».

⁵⁹ В оригинале написано: «председатели меджлисов».

звеньев управления словом «суд», заменив его на «управление» (идарэ): «Духовные управления», «Главное духовное управление» (ОМДС. – *И.3.*), «Управления ахунских округов». Однако оказались не до конца последовательными в обозначении «Главного духовного управления»: в заглавиях разделов IX, XI, XVI использовали термин «Собрание».

Исходя из того, что ключевым документом курултая является текст, отосланный 12 мая 1905 г. муфтием М.Султановым в Комитет министров, данный проект мы оцениваем как «промежуточный нормативный акт». Рассмотрим отличия его текста от проекта Р. Фахретдина.

Статьи *I* раздела под названием «*Религиозные права мусульман*» представляют некоторые выдержки из «Введения» и первого раздела проекта Р.Фахретдина и сводятся к статьям «Основных законов» империи, декларирующих свободу вероисповедания для последователей признаваемых терпимыми в России конфессий, в том числе ислама (ст.1)⁶⁰.

Во *II* разделе под названием «*Духовные управления*» предлагалась новая редакция территориальных рамок округа ОМДС. Если Р. Фахретдин ограничился уточнением, что отныне казахи входят в округ религиозного управления, то итоговый документ предполагал еще большее расширение границ округа за счет присоединения территорий мусульман-суннитов, на которых ранее отсутствовали религиозные управления: это – не только степные области, где обитали казахи, но и северная часть Кавказа⁶¹. Получалось, что за исключени-

⁶⁰ Бигиев М. Мөселман руханиларының Уфа корылтаенда каралган кайбер проектлары // ФТ. 2017. №4. 101 б.

⁶¹ В российском законодательстве территория округа ОМДС была определена в именном указе Екатерины II от 22 сентября 1788 г. Сенату об организации в Уфе специального религиозного управления. Новый правительственный орган был призван осуществлять руководство мусульманским духовенством империи, за исключением Таврической губернии. По буквальному смыслу указа в религиозно-административном ведении ОМДС оказалось все евразийское пространство империи, тем более, если учесть, что за три года до этого, в 1785 г., было создано Кавказское наместничество, состоящее из Кавказской и Астраханской областей. В XIX в. на этой территории были образованы Кубанская и Терская области и Ставропольская губерния. Религиозное управление, ввиду слабой

ем территорий ТМДП (Таврическая губерния и западные губернии) и Закавказских религиозных управлений духовенства суннитов и шиитов вся территория Российской империи находилась в духовно-административном подчинении муфтия (г.Уфа) (ст.4)⁶². Также в этом разделе был расписан состав всех трех звеньев административных институтов. Несущественно отличалось штатное расписание ОМДС: муфтий, 6 казыев, архивариус, юрисконсульт, сотрудники канцелярии (ст.5)⁶³. (Для сравнения у Фахретдина: муфтий, наиб, 5 казыев, 2 переводчика, архивариус, сотрудники канцелярии. – *И.3.*)⁶⁴.

Как и в проекте Р.Фахретдина, ахунские округа предлагалось учреждать в среднем на 100 приходов со следующим уточнением: с учетом особенностей местности, коммуникаций, плотности населения, т.е. факторов, могущих облегчить или осложнить их деятельность (ст.6). В штате присутствия ахунского округа должны были служить: председатель – окружной судья, избранные прихожанами из числа хатибов и муадрисов два члена и несколько сотрудников канцелярии (ст.7). В состав управления махаллинским округом входили имам и муадзин (ст.8). Идея Р.Фахретдина об учреждении путем избрания в каждой махалле института мутавааллията в итоговом документе получила развитие – был уточнен его состав (из трех человек)⁶⁵.

разработанности в законодательстве вопроса об управлении духовными делами российских мусульман, чуть ли не при каждом удобном случае отгораживалось от Кубанской, Терской областей, Ставропольской губернии и заявляло, что они официально не находятся в его ведении. Однако МВД и местная администрация, по причине отсутствия в этих регионах религиозных управлений, при необходимости систематически обращались за экспертным заключением в Уфу. Государственный Совет, рассмотрев в 1894 г. представление Военного министерства о реформировании управления духовными делами мусульман на Северном Кавказе, признал, что полномочия ОМДС не распространяются на Терскую и Кубанскую области и Ставропольскую губернию. Но это мнение высшего органа власти не было должным образом закреплено в нормативных документах (*Загидуллин И.К.* Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С.6).

⁶² Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 102 б.

⁶³ Шунда ук. 102 б.

⁶⁴ Жарулла Муса. Курс. хезмэт. 61 б.

⁶⁵ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 102–103 б.

Выше отмечалось, что Р.Фахретдин, увлекшись подробным описанием в двадцати четырех пунктах обязанностей религиозных управлений (п.7), не обратил внимание на основополагающие аспекты свободы вероисповедания для единоверцев. Участники курултая исправили это упущение казья, специально перечислив основные сегменты, наполняющие подлинным содержанием понятие «свобода вероисповедания» применительно к мусульманам. Это – 1) право на повсеместное исполнение по единому установленному порядку религиозных обрядов и выплаты налогов; 2) право на учреждение для реализации религиозных прав и общественных потребностей мусульман религиозных управлений и избрание духовенства; 3) право на содержание по своему усмотрению мечетей и молитвенных домов; 4) право на воспитание своих детей по исламской традиции и в желательном направлении; 5) право на повсеместное учреждение кладбищ; 6) право на учреждение религиозных и образовательных управлений с тем, чтобы повсеместно открывать начальные, средние и высшие школы для воспитания подрастающего поколения в религиозно-национальном духе; 7) право на использование по своему усмотрению имущества, пожертвованного мусульманами на религиозно-духовные нужды единоверцев; 8) право на учреждение приходов и по своему усмотрению – попечительство при приходах, ориентированных на решение общественных нужд; 9) применение мусульманских религиозных правил (шариата) в сферах семейного и наследственного права (ст.2).

Положения *III раздела* под названием «*Права и обязанности духовных управлений*», состоящего из 9 статей (ст.10–18), у Р.Фахретдина размещены в нескольких разделах. Таким способом участники курултая стремились более четко структурировать проект нормативного документа, поставив во главу угла все ключевые институты, с одной стороны, имеющие отношение к управлению духовными делами мусульман, с другой – составляющие ткань системы религиозно-культурной автономии мусульман.

Многие положения этого раздела заимствованы из проекта Р.Фахретдина. Все три уровня религиозных управлений приравнивались к правительственным учреждениям (ст.10). Главное религиозное управление подчинялось МВД и Сенату не в плане буквального

управления, а лишь посредством представления необходимых отчетов (ст.11), оно объявлялось головным судебным учреждением мусульман, курирующим духовенство и нижестоящие религиозные управления на предмет исполнения возложенных на них обязанностей и профильной деятельности, в случае выявления правонарушений привлекающим их к ответственности, исполняющим возложенные на себя функции, в том числе апелляционного органа (ст.12). В трех статьях (13, 14 15) излагались принципы коллегиальной деятельности присутствия ахунского округа, как среднего административного звена, в системе управления духовными делами мусульман и его взаимодействия с правительственными учреждениями. В частности, о своей административной и хозяйственной практике, касающейся вакуффов, мутаваллиев, учебно-образовательной деятельности мектебов и медресе, оно непременно уведомляло главное управление и не могло вмешиваться в дела других (светских) административных учреждений. Старший имам самостоятельно исполнял все духовные требы в приходе, а также религиозные ритуалы. По своему статусу члены приходского управления приравнивались к выборным должностным лицам органа крестьянского самоуправления (ст.16). Здесь важнейшим представляется заявление о том, что делопроизводство во всех трех звеньях религиозных управлений ведется на «тюрки». Их печати оформлялись на русском языке и «тюрки» (ст.17)⁶⁶. Как известно, по действующему законодательству только ОМДС имело печать и являлось юридическим лицом. Хотя специально это не подчеркивалось, в целом, по полномочиям ахунских и приходских управлений и с учетом наличия у них печатей, получалось, что все три звена институтов управления становились юридическими лицами. Если до того времени в сельском поселении было одно юридическое лицо – поземельная община, то теперь их становилось два и более (исходя из численности приходов), в городской местности, наряду с зарегистрированными культурно-просветительскими и благотворительными общественными организациями, мусульманские приходы также становились юридическими лицами.

⁶⁶ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 103–104 б.

В IV разделе итогового документа курултая под названием «Дела, подлежащие ведению духовных управлений»⁶⁷ перечислено тринадцать их специальных полномочий⁶⁸, которые, по сути, являются во многом заимствованными и структурированными предложениями 1-го раздела проекта казья по названию «Курируемые духовными судами дела» (п.7).

У Р.Фахретдина имеется 5-й раздел «Духовный суд» (ст.14–45), где без регламентации направлений деятельности отделов Собрания перечисляются его функции. В этом плане выгодно отличаются V раздел итогового документа курултая «Дела, находящиеся в компетенции Главного духовного управления», состоящий из одной статьи, в десяти пунктах которого изложены компетенции общего при-

⁶⁷ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 104–105 б.

⁶⁸ Это: а) вопросы богослужения, исполнения обрядов веры; б) исправление духовных треб; в) заключение и расторжение браков мусульман, с применением к этим делам исключительно религиозных в этой области правил в полном их объеме; г) ведение метрических книг: занесение фактов совершения и расторжения браков, актов рождения и смерти. При этом Собранием использовалось право розыска, предоставленное православному епархиальному ведомству ст. 265 Устава духовных консисторий; д) рассмотрение споров, возникающих на почве личных и имущественных правоотношений супругов и семейно-родственных связей (о мегаре, иждатном содержании, о воспитании и содержании детей, нарушении супружеской верности, неповиновении детей родителям и др.), а также о праве наследования по шариату и завещанию, по определению наследственных долей и о разделе наследства; е) надзор за действующими приходами, их упорядочение, открытие и упразднение; контроль за мечетями, молитвенными домами и кладбищами; ж) надзор за духовенством и духовными учреждениями; з) забота и попечение обеспечению приходов духовными лицами, утверждение в должностях после испытания; и) контроль над выборами духовенства и проверка документов об их избрании; к) разрешение на постройку зданий мектебов и медресе, мечетей, их ремонт и перенесение на другое место; л) изыскание средств к удовлетворению духовно-религиозных нужд единоверцев; учреждение, надзор и заведывание вакуфами, хранение и распоряжение имуществами и капиталами, предназначенными на религиозные нужды; м) попечение о духовно-национальном воспитании и образовании детей, призрение сирот и подкидышей, содействие повсеместному открытию мектебов и медресе в целях осуществления предписываемого шариатом обязательного бесплатного и всеобщего обучения, составление соответствующей времени и месту жительства учащихся учебной программы; о) решение путем увещевания споров между мусульманами.

сутствия Собрания, и *VI раздел «Дела, подлежащие ведению присутствий отделов Главного управления»*, где перечисляются их функции.

Согласно *V разделу* итогового документа курултая, в компетенцию общего присутствия ОМДС входили:

- вопросы акыды, соблюдение исламского вероучения, норм богослужения и других религиозных ритуалов в чистоте, контроль за присутствием исламской нравственности в общественных и семейных отношениях;

- дела духовенства и духовных управлений и их наказания;
- принятие экзаменов у кандидатов на духовные должности;
- контролирование деятельности членов Собрания, приходского духовенства, рассмотрение жалоб на них;

- составление ответов на запросы правительственных и общественных учреждений и частных лиц, издание фетв и выдача свидетельств. (Причем в составлении ответов по основополагающим вопросам исламского вероучения принимают участие семь человек. – *И.З.*);

- рассмотрение дел, вызывающих затруднения в обоих отделах или при несогласии одного из них;

- рассмотрение прошений об учреждении богоугодных и благотворительных заведений, а также поиск средств для воспитания и образования сирот, призрения престарелых, безродных и увечных, бедных мусульман, а также нуждающихся отставных духовных чинов, их вдов, воспитания и образования их детей;

- надзор, наблюдение и руководство мектебов и медресе;
- издание ежегодного или ежемесячного периодического органа религиозных управлений с целью просвещения духовенства и упорядочения системности их работы⁶⁹.

Согласно *разделу V «Дела, находящиеся в компетенции Главного духовного управления»*, первый отдел курировал: испытание кандидатов на духовные должности, выдачу свидетельств духовным лицам, открытие новых приходов, строительство и ремонт мечетей, содержание кладбищ. Второй отдел был ответственным за решение

⁶⁹ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 105–106 б.

семейно-брачных, наследственных вопросов и за рассмотрение запросов по родословиям⁷⁰.

Рассмотрение вопросов, имеющих отношение к образовательным учреждениям, объявлялось в их совместном ведении. Это – обеспечение мусульман необходимым количеством мектебов и медресе, которое предполагало следующие мероприятия: а) создание специальных фондов, определение постоянных источников существования, в том числе путем привлечения частично казенных средств; б) справедливое, равномерное распределение средств, предназначенных на нужды школ; в) содействие обновлению учебно-воспитательных методик в учебных заведениях; г) учебно-методическое сопровождение школ (подготовка и издание учебников и пособий); д) контроль над соблюдением требований охраны здоровья (санитарно-гигиенические нормы. – *И.З.*) в учебных зданиях; е) контроль над честностью, порядочностью учащихся и учащихся и содействие улучшению их жизни путем обеспечения учебными пособиями, содержащими прогрессивные идеи; ж) учреждение экзаменационных комиссий для проведения испытаний при переходе из одного класса в другой и выдача соответствующего свидетельства.

Приумножение и эффективное использование вакуфов и пожертвований мусульман также объявлялось обязанностью отделов.

Для реализации этой задачи были указаны следующие меры:

- регистрация пожертвований по всем необходимым параметрам в специальной тетради;
- получение при необходимости разрешения МВД на принятие этих пожертвований;
- обеспечение правовых основ при регистрации завещанных пожертвований в религиозных управлениях путем предоставления необходимых документов в Министерство юстиции;
- расходование при посредничестве главного религиозного управления собранных доходов от пожертвований на необходимые нужды;
- обеспечение отчетности мутаваллиев об израсходовании пожертвованных средств;

⁷⁰ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 106–108 б.

– обеспечение проживания лиц, имеющих отношение к пожертвованиям в конкретном населенном пункте, что важно при судебных претензиях;

– управление поступившими суммами закятв и частными пожертвованиями.

В ведении отделов также находились: подготовка, раздача, сбор, проверка правильности и обеспечение сохранности метрических книг; утверждение мутаваллиев, избранных обществами приходов.

Благодаря тому, что ранее были прописаны все основные функции религиозных управлений, третий раздел проекта Р.Фахретдина «Суды среднего звена (ахуны)» состоит всего из трех пунктов (11–13), в нем автор сумел изложить пределы компетенции института окружных ахунов. В *VIII разделе* итогового документа курултая под названием «Управления ахунских округов. Права и обязанности» функции присутствия ахунских округов регламентированы также подробно, в четырнадцати статьях⁷¹. Новый институт сосредоточил в себе многие вопросы, ранее находившиеся в ведении ОМДС, по контролю над приходами. Это – постройка новых мечетей, ремонт старых богослужебных зданий, учреждение новых и разделение действующих приходов, контроль над исламским вероучением в махаллях, над взаимодействием духовенства и прихожан. Присутствие ахунского округа становилось посредником, одновременно выполняя функции доверенного лица: полученный общественный приговор о строительстве мечети руководство ахунского округа вместе с приговором, планом и фасадом культового здания адресовало в строительное отделение губернского правления, затем – в главное духовное управление, отслеживало общественный порядок в приходах, состояние мечетей и кладбищ, в этой связи делало предупреждение муллам, а при необходимости обращалось к местной администрации, сообщало в Главное духовное управление разнообразную информацию о школах (обеспеченность пособиями, об учителях и шакирдах), и действовало по его инструкции. В вопросах, имеющих отношение к вакуфам и пожертвованиям для школ, мечетей, воспитательных учреждений, имело равные права с Собранием. Фиксировало доходы и

⁷¹ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 108–111 б.

расходы каждого из них в специальной тетради, о чем и о деятельности мутаваллиев отчитывалось перед Собранием и исполняло его указания, не вмешиваясь в конфликты между мутаваллиями и духовными лицами, сообщало ему о каждом таком факте. Присутствие ахунского округа заботилось об обеспеченности каждого прихода пастырями, контролировало духовенство, составление метрических книг, правильность совершения никаха, развода, ритуала погребения и о нарушениях уведомляло Собрание, рекомендуя свою меру наказания в отношении провинившихся. Оно принимало участие в выборах муфтия, делегируя одного или двух избранных уполномоченных.

Присутствия ахунских округов выступали в качестве средних судебных учреждений и рассматривали споры об имуществе и наследстве. Решения приходских правлений утверждало ахунское правление, оно уведомляло Собрание о не соответствующих шариату постановлениях; апелляции по принятому постановлению принимались Собранием в течение одного месяца (у Фахретдина – 40 дней), затем оно вступало в законную силу. О своем решении присутствие ахунского округа письменно уведомляло приходское духовенство, которое записывало решение в метрическую тетрадь, а также в волостное и сельское правления. В случае несогласия одной из сторон с его решением могло обратиться к гражданским властям. Жалобы на ущемление прав, безнравственные поступки в семейных отношениях, неподчинение детей своим опекунам также рассматривались присутствиями ахунских округов. В *XII разделе* под названием «*Председатели ахунских округов*» сообщалось, что они избираются на шесть лет всеми местными мусульманами и утверждают муфтием в должности⁷², тогда как Фахретдин рекомендовал его избрание хатибами – руководителями приходов (п. 50).

Текст *VIII раздела* итогового документа курултая «*Обязанности, права и полномочия приходских духовных лиц*» в целом совпадает с разделом 8-м проекта казья «Общество прихода, духовенство, их функции» и выгодно отличается в плане более емкого, без мелких уточнений, изложения их полномочий.

⁷² Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 115 б.

В отличие от Р.Фахретдина⁷³, в IX разделе «*Степени духовных лиц в округе Собрании*» итогового документа прописаны лишь две степени духовенства: высшая (муфтий, казыи, мударрисы, хатибы) и низшее (мугаллимы, имамы, муадзин) (ст.21). Теперь все хатибы – в большинстве своем старшие муллы – переходили в статус высшего духовенства. (Как и у Фахретдина в документе «выпал» зафиксированный в действующем уставе ОМДС институт мухтасиба. – И.З.). Многие функции муфтия заимствованы из проекта казыя, однако в итоговом документе курултая рекомендовалось избирать муфтия сроком на 9 лет, а у Р.Фахретдина – пожизненно. Новшествами также являлись: право муфтия проводить созываемые не менее чем раз в три года совещания мусульманских деятелей (без уточнения: духовные лица или «светские мусульмане») для обсуждения вопросов приведения в соответствие с нормами шариата вызванных прогрессом современных общественных явлений, заимствованное из проекта Ю.Акчуры, разрешение на проведение пятничной полуденной молитвы в молитвенных домах. Еще одним принципиальным моментом следует признать отказ от рекомендованной Р.Фахретдином модели выборов муфтия, ориентированной на интегрированных в русское культурное пространство городских ахунов и социально активные группы «светских мусульман», исключая многочисленное кадимистское сельское духовенство (п.55). Участниками курултая предлагалась новая система: делегаты (по одному от каждого прихода) на собрании выборщиков в управлении ахунского округа выбирали двух уполномоченных (имам и «светского мусульманина») для участия в Уфе в выборах нового муфтия. Тем самым муллы становились ключевыми игроками в выборах духовного главы миллета.

В X и XI разделах («*Казыи*» и «*Члены Собрании*») в общих чертах сообщались сведения о членах Собрании – избранных духовенством и из числа духовенства (за исключением муадзинов) сроком на шесть лет и утверждаемых МВД по представлению муфтия ка-

⁷³ Как было сказано выше, Р.Фахретдин делил духовенство на высшее (казыи, муфтий, наиб – помощник муфтия, преподаватели медресе-галия); среднее (хатиб, ахун, преподаватели медресе-рушти); низшее (муадзин, мугаллим (учитель начальной школы) и имам).

зиях. В этом плане проект Р.Фахретдина выгодно отличается четкой регламентацией порядка выборов, к которым допускался весьма ограниченный круг избирателей (по одному члену каждого ахунского правления и лица, окончившие медресе-галия (п. 54)).

В *XIII разделе* под названием «*Мударрисы*» уточнялось, что в местах, где имеется медресе, мударрисы, как и приходское духовенство, избирались местным обществом.

XIV раздел итогового документа курултая под названием «*Приходские духовные лица*», состоящий из пяти статей, в целом перекликается с сюжетами, размещенными в 5-м разделе проекта казья «Места службы духовенства» (пп.46–55). Однако некоторые положения противоречат основным идеям казья. Прежде всего, в противовес Р.Фахретдину заявлялось, что неперенным условием получения духовного звания является успешная сдача экзамена. Однако упрощались другие требования, которые сводились лишь к наличию у кандидата на духовную должность российского подданства, отсутствию судебного преследования, не уточнялся возрастной ценз кандидатов на получение духовных званий⁷⁴.

Согласно *XV разделу* под названием «*Порядок работы духовных управлений*», религиозное управление состояло из муфтия, наиба, казыев и секретаря. В каждом из отделе заседало по три человека, один из них в качестве председателя вел заседания, секретарь был помощником (ст.66–68). Один из казыев заведовал архивом (ст.69).

В отличие от проекта Р.Фахретдина, в итоговом документе курултая более системно прописан порядок делопроизводства. Исходящие документы оформлялись по принципу дифференцированного подхода: письма, адресованные учреждениям, составлялись на русском, уведомления и предписания подчиненным институтам, духовенству и частным лицам (прихожанам) – и на государственном, и «мусульманском языке» (ст.70). Данный порядок предполагал более широкое применение родного языка прихожан. Решения Собрания по религиозным делам оформлялись на «тюрки» и арабском языке, при необходимости переводились на русский язык (ст.70, примечание). В присутствии ахунского округа дела рассматривались двумя

⁷⁴ Бигиев М. Курс. хезмэт // ФТ. 2017. №4. 116 б.

членами в присутствии секретаря (ст.71), что противоречило другому утверждению, что в его состав входят председатель, два члена и канцелярия (ст.7) (возможно, составители имели в виду, что вопросы рассматривают не менее двух членов управления. – И.З.).

XVI раздел итогового документа курултая «*Находящиеся в ведении присутствия Собрания дела. Вакуфы*» составлен юридически более грамотно по сравнению с текстом 9-го раздела Р.Фахретдина о вакуфах, и более лучше структурирован. Прежде всего следует отметить появление таких юридических терминов, как «недвижимое имущество» и «движимое имущество». Если Р.Фахретдин вообще не употреблял термин «движимое имущество», говорил о денежных средствах, то данная терминология позволяла считать вакуфом практически все вещи, пожертвованные на богоугодные цели. Исчезло противоречащее действующему законодательству предложение Р.Фахретдина об освобождении вакуфов от налогов и пошлин (здесь имеются в виду вакуфы, приносящие доход. – И.З.), но появился новый пункт о том, что Собрание курирует закят и садаки мусульман (ст.77). Предложение казья о привлечении к судебной ответственности за растрату вакуфов как за растрату государственной собственности изложено юридически более грамотно: констатируется, что вакуфы находятся под защитой закона, этими вопросами занимается Собрание, однако выпал его тезис о том, что Собрание имеет право отдавать вакуфы в аренду⁷⁵.

Если у казья регламентация деятельности мутаваллиев фрагментарно прописано в трех разделах⁷⁶, то в итоговом документе курултая их функции представлены в специальном разделе *XVII* под названием «*Приходские мутаваллии*»⁷⁷, состоящем из четырех пунктов, где выделены права и обязанности нового института, вводимого практически в каждой зарегистрированной религиозной общине. Еще раз констатируется, что мутаваллият состоит из трех человек, и уточняется,

⁷⁵ Бигиев М. Курс хезмэт // ФТ. 2017. №4. 116–117 б.

⁷⁶ Раздел 7 «Молитвенные помещения, мечети» (пп.67, 68), раздел 8 «Приходские общества, духовные лица и их функции» (п.70) и раздел 9 «Вакуфы» (пп.77, 78, 79).

⁷⁷ Об обязанностях мутаваллиев по содержанию в надлежащем порядке мечетей говорится также в разделе XIX «Мечети, молитвенные дома» (ст.90).

что назначенный жертвователем над своим вакуфом мутавалли также является членом приходского попечительства, его члены избираются обществом прихода, пользуются правами доверенных лиц общества и утверждаются Собранием (ст.78, 79, примечание к ст.81). В отдельных пунктах прописана деятельность попечительства по содержанию мечетей, школ и кладбищ (ст.80), по управлению вакуфами с указанием неперменной ежегодной отчетности перед ОМДС (ст.81). (При этом отсутствует отчетность попечителей перед прихожанами, такого положения нет и у Р.Фахретдина. – *И.З.*). В итоговом документе в перечне объектов заботы мутаваллиев не указано приходское духовенство. По Р.Фахретдину, поскольку каждый приход обязан обеспечить хатиба жилым домом, косвенно получалось, что и эта обязанность лежит на плечах мутаваллиев. (Об обязанностях мутаваллиев по содержанию в надлежащем порядке мусульманских богослужебных зданий говорится также в разделе XIX «Мечети, молитвенные дома» (ст.90). – *И.З.*).

Как и 10-й раздел «Мектебе, медресе. Учебные заведения» (пп.80–83) проекта Р.Фахретдина, *XVIII раздел* итогового документа курултая «Мектебе, медресе» практически не затрагивает учебно-образовательные проблемы, однако возлагает ответственность за них на мугаллимов и мударрисов. В разделе закреплено предложение Р.Фахретдина о делении местных школ на общественные, народные (халык мэктеплэре), открываемые обществами приходов или приходскими попечительствами, и на частные, учреждаемые и содержащиеся отдельными лицами. В нем, главным образом, речь идет о материальном обеспечении жизнедеятельности школ, которые разрешалось открывать в каждом приходе по несколько, исходя из реальных потребностей и возможностей местных жителей, в привязке с обязанностями мутаваллиев (ст. 84.85). Ни слова не говорится о трехступенчатой системе религиозного образования, монополии, приоритетности свидетельства учебных заведений при присвоении духовных званий.

Принципиальным отличием *XIX раздела* «Мечети, молитвенные дома» итогового документа курултая, состоящего из пяти статей (86–90), от проекта казья следует признать отсутствие у малокомплектных обществ, имеющих молитвенный дом, статуса прихода, имам которого регистрировал бы в метрической книге акты гражданского

состояния местных жителей. Развивая тезис Р.Фахретдина о том, что мечеть является вакуфом, переданным на попечение местному мусульманскому обществу, в итоговом документе курултая уточняется, что и земля, находящаяся под мечетью, автоматически переходит в собственность религиозной общины (ст.89), также сообщается об ответственности мутаваллиев за содержание мечети (ст.90), о необходимости общественного приговора для ее постройки (и получения соответствующего разрешения ОМДС) (ст.87).

Итак, отдаляясь от «личностного подхода» Р.Фахретдина и стремясь комплексно регламентировать все аспекты жизнедеятельности исламских институтов, составители итогового документа совместно с юристами постарались структурировать и изложить текст проекта устава нормативной лексикой, близкой к юридической науке – составили конструктивно-структурированный документ. Именно благодаря такому подходу им удалось избежать мелочной регламентации и в целом системно изложить свое видение, однако многочисленность разделов итогового документа курултая порой приводит к вынужденному повторению одного и того же вопроса в нескольких местах, что, впрочем, характерно и для проекта Фахретдина. Очевидно, также учитывалась возможность составления главным духовным управлением дополнительных инструкций.

Мы обнаружили несколько неточностей. В составе Собрания в одном месте упоминается наиб, из списка духовенства выпали ахуны и мухтасибы, имеется разночтение в составе присутствия ахунского округа (два члена вместо трех), забыли написать на какой срок и каким способом и кем избираются два члена ахунского округа.

Помимо вышеназванных моментов, принципиальными нововведениями в итоговом документе следует признать следующие:

1) Расширение территории ОМДС: не ограничиваясь Казахской степью, включение новых губерний и областей, в которых отсутствовали религиозные управления, что свидетельствовало о намерении участников курултая вовлечь в формирование мусульманского сообщества округа ОМДС (миллет) казахов, ногайцев и другие народы, исповедующие ислам.

2) Новые модели выборов на ключевые должности в системе управления духовными делами мусульман:

- избрание муфтия сроком на 9 лет тайным голосованием на собрании выборщиков, состоящем из двух уполномоченных (духовное лицо и «светский мусульманин») от каждого ахунского округа;
- избрание духовными лицами из своей среды шести казыев сроком на шесть лет;
- избрание всеми мусульманами ахунского округа председателя управления сроком на шесть лет.

Таким образом, вместо рекомендованного Р.Фахретдином пожизненного выбора муфтия и казыев вводилась их сменяемость, причем отсутствовало примечание о том, сколько сроков человек мог отслужить на этих должностях (получался только один срок. – *И.З.*). Сроки службы муфтия и казыев предполагали, в случае формирования в стенах религиозного управления команды единомышленников, превращение ОМДС в эффективно работающий административно-духовный центр мусульманского сообщества. Несмотря на эти различия, общим в проектах был принцип независимости казыев от муфтия.

3) Новая иерархическая структура духовенства, с возведением в высший статус хатибов, чего не было и в действующем уставе ОМДС. Видимо, таким путем планировалось обеспечить определенную социальную защиту руководителей соборных мечетей.

4) Участники курултая не поддержали прорывные идеи Р.Фахретдина о введении трехступенчатой системы конфессионального образования. Основной их постулат сводился к переложению ответственности за школьную реформу и улучшение преподавания на мугаллимов и мударрисов, которые находились под контролем прихода. Только при перечислении аспектов свободы вероисповедания говорилось о праве мусульман на открытие начальных, средних и высших школ. Были также проигнорированы предложения казыя о замене испытаний кандидатов на духовные звания свидетельствами учебных заведений, по которым определялся бы духовный статус соискателей, об устройстве в каждом новом приходе вакуфного дома для хатибов.

5) Из проекта Ю.Акчуры было заимствовано положение о праве муфтия созывать не менее чем раз в три года совещания мусульманских деятелей для обсуждения концептуальных вопросов адаптации норм жизни мусульман к вызовам современного общества.

ГЛАВА IV

Документы, поступившие в Комитет министров

4.1. Меморандум «светских лиц из магометан» округа ОМДС

Оренбургский муфтий М.Султанов адресовал 12 мая 1905 г. в Комитет министров, наряду с законопроектом, меморандум «светских лиц из магометан» округа ОМДС. По поводу второго документа сообщал: «...светские лица из магометан подведомственного мне округа, не участвовавшие в совещании духовенства, подали мне докладную записку по тому же предмету»¹. Таким образом, в Особое совещание по делам веры под председательством члена Государственного совета графа А.П.Игнатьева из ОМДС были адресованы посвященные одной теме и дополняющие друг друга два документа – проект устава ОМДС и «докладная записка». По интерпретации М.Султанова получалось, что основной документ – проект положения «О управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского духовного собрания» – был составлен участниками курултая, а докладная записка – «светскими мусульманами», прибывшими на совещание, но не имевшими полномочий принимать участие в его работе.

Причины составления «докладной записки»

«Светские мусульмане», заинтересованные в решениях курултая, состояли из двух групп. Первая группа – прибывшие к началу курултая в Уфу по своей инициативе купцы, промышленники, юристы и представители других профессий, по мнению Р.Фахретдина, 50–60 чел.² Вторая группа – собственно уфимские предприниматели

¹ ГА РТ, ф.1373, оп.1, д.2, л.7.

² Фахредин Р. Гомуми жавап // Тәржеман. 1905. № 69. 2 сент.

и чиновники. Обе группы «светских мусульман» не были допущены на заседания курултая, но имели возможность общаться и обмениваться конструктивными мнениями с его участниками.

Во время общения, меджлисов и дискуссий «светские мусульмане» выработали и систематизировали свои суждения по целому ряду вопросов. К этому времени некоторые петиции мусульман уже были опубликованы на страницах периодики, имелась возможность на их основе или автономно изложить предложения по составлению справедливых законов в стране. Некоторые «светские мусульмане» сами принимали участие в организации петиционной кампании: составляли тексты и ездили для передачи прошений премьер-министру в Санкт-Петербург. Их коллективный приезд в Уфу в значительной степени является результатом консультаций во время нахождения в столице империи в марте – первой половине апреля 1905 г. в качестве представителей депутатий своих общин. Более того, в таком организованном приезде чувствуется влияние совещания татарских и азербайджанских общественных деятелей, состоявшегося 8 апреля в столичной квартире Габдерашита Ибрагимова, на котором речь шла о реформировании управления духовных дел единоверцев в связи с предстоящим открытием 10 апреля в Уфе «голяма жәмгыяте», о составлении проекта³, о чем ранее указывали.

Очевидно, обсуждение на курултае возможности введения в России института Шейх уль-Ислама было осуществлено с подачи «светских мусульман», имевших отношение к совещанию в квартире Ибрагимова.

«Светские мусульмане» были в курсе всех обсуждавшихся вопросов и после заседаний курултая несколько дней подряд тесно общались с его участниками. Реакцией на деятельность совещания улемов стала записка, составленная группой татарских интеллектуалов и купцов под руководством Ю.Акчуры. Она была зачитана на одном из заседаний курултая; еще два представителя «светских мусульман» – юрист Абуссугуд Габделхаликович Ахтямов и саратовский фабрикант Габдулла Дебердиев – адресовали курултаю свои предложения⁴.

³ *Жарулла Муса*. Курс. хезмэт. 4 б.

⁴ Шунда ук. 42–49, 84–85, 105–106 б.

Очевидно, что многие предложения участников курултая и «светских мусульман» не вошли в итоговый документ, хотя в них также поднимались насущные и актуальные проблемы, имевшие принципиальное значение для дальнейшего существования исламских институтов. В результате к моменту закрытия курултая накопилась критическая масса предложений, остававшиеся неустраиваемыми.

Из числа местного духовенства на курултай были приглашены пользующиеся большим авторитетом у мусульман мударрис М.-С.Хасани и ахун Х.Усманов, с именами которых мы связываем разработку в конце февраля 1905 г. проекта петиции уфимской городской общины для подачи в Комитет министров. Согласно сообщению анонимного корреспондента из Уфы в газете «Каспий»⁵, на первое его организационное собрание были вынесены темы, в которых слишком мало места отводилось «гражданско-правовым нуждам». Проект петиции «производит такое впечатление, как будто является выражением мнения исключительно духовенства», – отмечал анонимный автор⁶. Однако объявление муфтием М.Султановым в середине марта

⁵ А. Уфимские письма. VI // Каспий. 1905. № 32. 25 февр.

⁶ Он имел в виду предложения об изъятии духовных школ из контроля МНП и передачи в ведение ОМДС; о разрешении использовать в духовных школах учебники, изданные за границей; о предоставлении права лицам, получившим образование за границей; о необязательности знания русской грамоты для мулл; о предоставлении некоторых прав и привилегий лицам духовного звания; об избавлении мулл от воинской повинности. Автор статьи выразил недовольство узкой направленностью проекта петиции: «Конечно, необходимо заручиться свободой самоопределения в отправлении своих религиозных потребностей. Неоспоримо, что религиозная свобода один из важных залогов правильного развития общественной жизни всякой национальности... Ведь духовно-общественная жизнь татар и башкир не исчерпывается одними религиозными потребностями». Автор задавался вопросом: «Но у нас, татар, неужели нет и других нужд не менее важных и неотложных, чем нужды религиозные?». В качестве требований общегражданского характера, он назвал такие темы, как «свобода светского образования на татарском языке. Свобода татарской печати и уравнивание гражданских прав татар с правами коренного населения России». Его интересовал также следующий вопрос: «Ведь не из одних же духовных лиц состоит все башкирско-татарское население Уфимской губернии! Ведь духовно-общественная жизнь татар и башкир не исчерпывается одними религиозными потребностями».

1905 г. о созыве совещания улемов к 10 апреля приоставило составление текста петиции уфимской городской общественностью.

Итак, и у иногородних, и у уфимских мусульман имелись свои предложения по совершенствованию российского законодательства, направленные на расширение религиозных свобод единоверцев и полномочий исламских институтов.

По нашему мнению, подача дополнительно «докладной записки» была вызвана несколькими обстоятельствами, которые «наслаивались» друг на друга. Прежде всего, формат устава ОМДС объективно не позволял раскрыть все нужды и чаяния мусульман и их религиозных институтов. Согласно предварительной договоренности муфтия с премьер-министром С.Ю.Витте, итоговым документом курултая должна была стать записка о насущных нуждах духовенства и проблемах реформирования управления духовных дел мусульман.

Однако через несколько дней после закрытия курултая выяснилось, что и созыв совещания улемов, и разработка проекта устава ОМДС оказались ненужными для сановников мероприятия. Высочайше утвержденным 17 апреля 1905 г. Положением Комитета министров об укреплении начал веротерпимости учреждаемому особому совещанию по делам веры было поручено разработать только пять законопроектов, имеющих отношение к мусульманам:

- о порядке избрания и назначения должностных лиц мусульманского духовенства – приходских и высших;
- об освобождении от призыва на действительную военную службу «из запаса» некоторых лиц мусульманского духовенства;
- о порядке открытия мусульманских школ – мектебов и медресе;
- об учреждении особых духовных управлений для казахов областей Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской, а также для мусульманских общин на Северном Кавказе, в Ставропольской губернии, Туркестанском крае и Закаспийской области;
- о возможности дозволения воспитывать подкидышаемых детей в религии принявших их на воспитание иноверных семей⁷.

⁷ О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. Изд. неофициальное. М.: Тип. Общества И.Д.Сытина, 1905. С.14.

Как видим, правительство намеревалось обсудить и принять решение только по узкому кругу вопросов. До созыва Особого совещания по делам веры имелась возможность воздействовать на сановников с тем, чтобы они существенно расширили этот список. В революционный 1905 год оперативная реакция власть имущих была нормой общественно-политической жизни России. С этой целью муфтий М.Султанов отправил «от себя» премьер-министру петицию, воспользовавшись идеей «светских мусульман» о подаче правительству собственного меморандума.

Составители петиции

В фонде 821 РГИА отложился набранный на печатной машинке «Ремингтон» подлинник документа. Среди подписавших петицию лиц нет ни одного представителя духовенства: фигурируют исключительно купцы, дворяне-чиновники, отставные военные, мелкие торговцы, мещане и крестьяне. География лиц, подписавших петицию, локализуется, прежде всего, Уфой, а также городами Оренбург, Симбирск, Казань, Sterлитамак, Арск, а также Уфимской, Оренбургской, Казанской, Саратовской и Симбирской губерниями.

В соответствии с сословно-иерархической структурой российского общества выделим представителей привилегированных и полупривилегированных групп, составлявших более половины – 20 из 35, подписавших петицию (дворяне, отставные офицеры, чиновники (4 чел., купцы и потомственные почетные граждане (16 чел.))⁸.

⁸ Представителями первой группы являлись: предводитель дворянства Белебеевского уезда Уфимской губ., гвардии полковник в отставке Кутлугмухаммад Тевкелев, орский купец Мухаммадзакир Рамиев (Оренбург), потомственный почетный гражданин Ибрагим Курамшевич Акчурин (Симбирск), отставной полковник князь Хасан Гафарович Акчурин (Уфа), потомственный почетный гражданин Мухаммад-Юсуф Мухаммад-Аминович Дебердиев (Саратовская губ.), присяжный поверенный Уфимского судебного округа Казанской судебной палаты, коллежский асессор Абуссугуд Габделхаликович Ахтямов, потомственный дворянин, коллежский секретарь Гимадитдин Терегулов (Оренбургская губ.). Именно эти лица имели непосредственное отношение к тексту «докладной записки». Затем они обратились с просьбой о подписании петиции к уфимским предпринимателям. Это – уфимские купцы 1-й гильдии Абдуллатиф Абдулхакимович Хакимов, Мухаммадназиб Абдуллатифич Хакимов, купцы Хайрулла

Таблица 5

География расселения лиц, подписавших петицию⁹

Губернии и города	Дворяне, чиновники, отст. офицеры	Купцы	П.п.г.	Мещане	Торговцы,	Домовладельцы	Земледелец	Кр-не	Не указавшие проф.	Итого
Арск				3						3
Казань		1								1
Казанская губ.					1			2		2
Оренбург		1								1
Оренбургская губ.	1									1
Саратовская губ.			1							1
Симбирск			1							1
Симбирская губ.								1		1
Стерлитамак				1						1
Уфа	2	6		1	6	1			4	20
Уфимская губ.	1						1			2
Всего	4	9	2	5	6	1	1	3	4	35

Среди подписавших петицию менее половины составляют лица, указавшие себя мещанами, крестьянами, торговцами, домовладельцами¹⁰.

Зайнуллин Губайдуллин, Мухаммадзариф Забиров, Ахмедзян Биктимиров, Сабирзян Шамгулов, а также казанский купец Хасан Каримов.

⁹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.103 об.–104 об.

¹⁰ Арские мещане Мухаммадфатих Юсупов, Касим Садыков Сафаров и Хасанзян Мухаммадзянов Хамитов, стерлитамакский мещанин Габдрахман Хайруллин Хасанов, уфимский мещанин Хуснутдин Амиров, торгующие в Уфе Ильяс Ибниаминов, Мифтахетдин Ахтямов, Зиганша Биктагиров и Гиза-

Как известно, в состав редакционной комиссии, призванной до-работать окончательный текст итогового документа курултая, были включены помимо двух духовных лиц (казый Р.Фахретдин и председатель курултая Г. Апанаяев, имам и мударрис), девять «светских мусульман»¹¹, пять из которых (полковник К.-М.Тевкелев, юрист А. Ахтямов, промышленники М.-З.Рамиев (Дардменд), И.Акчурин и М.-Ю.Дебердиев) подписали данную «докладную записку».

С 3 по 12 мая редактирование текста итогового документа курултая и его перевод на русский язык осуществляли члены «смешанной» редакционной комиссии: промышленники И. Акчурин, и М.-З.Рамиев и юрист А. Ахтямов¹². Очевидно, этот узкий круг лиц имел прямое отношение к оформлению окончательного текста меморандума.

Отсутствие подписи другой группы членов «смешанной» редакционной комиссии – духовных лиц – объясняется, прежде всего, тактикой муфтия – подачей записки только от имени «светских мусульман», хотя, несомненно, при обращении к уфимским муллам, часть из них непременно подписала бы петицию.

«Светскими мусульманами» меморандум был назван так: *«Докладная записка магометанского населения оренбургского муфтията, составленная для внесения в Комитет министров, с ходатайством о пересмотре законоположений и постановлений правительственных властей по вопросам, касающимся религиозно-духовных нужд их, как мусульман-суннитов, так равно и правовых интересов их как инородцев, принадлежащих к разным племенам и национальностям империи»*. Однако весьма ограниченный состав и география авторов записки не позволяли им говорить от имени всего «магометанского населения оренбургского муфтията». Видимо,

туллин, домовладелец Галлям Мустафин, торговцы Мухаммадсадык Сагитов, Файзрахман Шафигуллин, а также (без указания сословной группы и профессии) Галиахмат Сатдаров, Абдулбари Гибадуллин, Дамавлезилей Абдулзаппар Вагапов, Султан Седьятаров (которых мы посчитали уфимцами), «землевладелец» Абдулгаллям Фейзханов и крестьяне: Шакирзян Гибатуллин, Абдулхай Галилетдинович Шамсан (Казанская губ.), Мухаммадкарим Асфендияров Мангушев (Симбирская губ.).

¹¹ Дәүләт Н. Күрс. хезмәт. 275 б.

¹² Жарулла Муса. Күрс. хезмәт. 109 б.

такая формулировка использовалась с целью придания важности «докладной записки», которая подавалась в Комитет министров наряду с законопроектом, составленным совещанием улемов (Уфа, 10–15 апреля 1905 г.), и была призвана транслировать мнение мусульман, не принадлежащих к духовной корпорации.

Рекомендации по составлению «справедливых законов»

Текст «докладной записки» логически четко структурирован, лишен показной лояльности в изложении верноподданнических чувств императору. В нем имеется специально не выделенное, но исполняющее его смысловую функцию «Введение». В начале текста составители сообщают о том, что они подают петицию, ориентируясь на пункты 6, 7 и 8 высочайшего указа от 12 декабря 1904 г.¹³, т.е. они ориентировались на пересмотр и религиозных, и гражданских прав единоверцев¹⁴. Далее они обосновали важность соблюдения религиозных прав для последователей ханафитского мазхаба (татар, башкир, мешеряков, тептяр, киргизов, бухарцев), сообщив о территории и численности мусульман в округе ОМДС (5–6 млн. чел.), а также в России (20 млн. чел.).

¹³ Речь идет о следующих статьях: « 6) для закрепления выраженного нами в манифесте 26 февраля 1903 года ... неуклонного душевного желания охранять освященную основными законами империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к усмотрению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения; 7) произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих права инородцев и уроженцев отдельных местностей империи, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами государства и явною пользою русского народа, и 8) устранить из ныне действующих в печати постановлений излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы, предоставить тем отечественной печати, соответственно успехам просвещения и принадлежащему ей вследствие сего значению, возможность достойно выполнять высокое призвание быть правдивою выразительницею разумных стремлений на пользу России» (ПСЗ–З. Т.24. №25495).

¹⁴ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.48.

Петиция состоит из нескольких логически взаимосвязанных частей. В самой большой, не имеющей названия части текста последовательно освещаются следующие темы: статус оренбургского муфтия, ахунов, казыев, полномочия ОМДС, приходского духовенства, профессиональные учебные заведения и русское образование. Лишь во второй части документа выделены два раздела: «Преподавание вероучения магометанам в общегражданских и военных учебных заведениях всех ведомств» и «Построение молитвенных домов и мечетей».

Рекомендации по реформированию управления духовными делами мусульман

Главным объектом анализа и критики «докладной записки» является действующий устав ОМДС, в котором, по подсчетам ее авторов, мизерное количество статей – 35 – регламентируют права и обязанности духовенства, предметы ведения и пределы компетенции ОМДС, порядок управления духовными делами мусульман. Устав не удовлетворяет требованиям современного общества и ограничивает права мусульман «как иноверцев в отношении чисто вероисповедном, так и в качестве инородцев в отношении общегражданских интересов их»¹⁵. Единственным выходом из сложившейся ситуации объявлялось приведение устава ОМДС в соответствие с нормативными документами религиозных управлений других конфессий.

Обращая внимание на отсутствие у оренбургского муфтия полномочий как «духовного главы магометан», о чем декларативно было заявлено в уставе, составители записки отметили обособленность данного института от иерархической структуры российского чиновничества (класс по должности, жалование, права на пенсию по разряду, на чинопроизводство), т.е. обратили внимание на игнорирование высокого социального положения и правового статуса муфтия. Обратной стороной такого положения дел, по их мнению, являлось отсутствие юридической регламентации его духовного звания и должности.

Еще одна серьезная претензия касалась прав и обязанностей, служебного положения, личных и по должности преимуществ ахуна,

¹⁵ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.78.

лишь единожды упомянутого в действующем уставе ОМДС в качестве высшего духовного звания. Единственным его преимуществом указывалось освобождение, пока он состоит в этом звании, от телесного наказания. В остальном ахун находился под фискальным и административным контролем властей, констатировалась его социальная незащищенность в повседневной жизни. Сословный, крестьянский, волостной суд мог приговорить его к аресту или возложить на него выполнение общественной работы. Сельское общество имело право избрать ахуна, как лицо, не избавленное по сословному статусу от платежа податей и повинностей, десятским, сотским, старостой и т.д.¹⁶ Перечислялись функции, которые следовало закрепить за ахуном: «собираение сведений на местах и производство дознаний о неправильных действиях приходских духовных чинов по делам о богослужении, [по] исполнению религиозных обрядов, исправлениям треб, совершениям и расторжениям браков, ведению метрик, разбору споров о наследовании по завещаниям и разделам имущества и вообще по всем предметам ведомства самого Духовного собрания»¹⁷. Как видим, составители петиции не поддерживали учреждение правлений ахунских округов, озвученное в проекте устава ОМДС, посчитав достаточным возложение на них обязанностей судьи и контролера, а также представителя религиозного управления.

Относительно института казья «светские мусульмане» выразили свое несогласие с законом от 11 января 1890 г. «Об изменении существующего порядка выбора членов в Оренбургское магометанское духовное собрание»¹⁸, по которому сам муфтий подбирает кандидатов и представляет их на утверждение министру внутренних дел. Подразумевая, что прежний, отмененный, порядок гарантировал избрание в заседатели мулл¹⁹, в возможности назначения казыем свет-

¹⁶ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.53.

¹⁷ Там же. Л.55 об.–56.

¹⁸ ПСЗ–З. Т.10. № 6521.

¹⁹ *Азаматов Д.Д.* Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа, 1999. С.70–79; *Байбулатова Л.Ф.* История Оренбургского магометанского духовного собрания в личной и делопроизводственной переписке муфтиев (по своду «Асар» Р.Фахретдина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2013. №3. С.44.

ского лица они усмотрели серьезную угрозу: «Решение, постановленное такими судьями, которые не пользуются народным уважением, не будет удовлетворять, конечно, религиозно-нравственным требованиям населения, а заставлять его им подчиняться, значит затрагивать народные интересы в области религиозно-нравственных чувств, вызывать без особой в том надобности недовольство, неудовлетворенность в сфере религиозно-духовных интересов»²⁰.

Также серьезным упущением объявлялась административная практика губернских чиновников в отношении приходского духовенства, имеющая отношение к случаям освобождения от должности без суда и следствия в Уфимской и Оренбургской губерниях, исключительно по донесениям полицейских или волостных и иных должностных лиц, приходских духовных лиц, в том числе высших — ахунов. В этой связи констатировалась неудовлетворительная регламентация в действующем законодательстве вопросов временного и окончательного удаления и освобождения от должности духовенства, а также лишения духовного звания, следовательно, необходимость кардинального пересмотра статей 1420, 1424 и 1431–1436 действующего устава ОМДС. Еще одной вопиющей несправедливостью была признана процедура назначения губернским правлением духовного лица, которая в некоторых случаях продолжалась 2–3 года (они явно преувеличили, такие случаи были редким исключением. — *И.З.*). Участие в ней ОМДС, проводившего испытание кандидатов на духовные звания в знании основ ислама, сравнивалось с положением комиссий при учебных заведениях МНП, принимающих у будущих мулл экзамен по русскому языку. Настоятельно рекомендовалось закрепить эту функцию за ОМДС — за правительственным органом, контролирующим деятельность мусульманского духовенства.

Здесь привлекает внимание рекомендованный механизм комплектования приходов муллами: после успешной сдачи экзамена соискатель заносился в список кандидатов ОМДС; на приходском сходе местный ахун или хатиб озвучивали этот список, и составлялся общественный приговор о приглашении одного из кандидатов на

²⁰ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.57 об.—58.

имеющуюся вакантную должность²¹. Новое правило, сохраняя право выбора общества в приходах, лишало религиозное общество ключевой роли в этой процедуре. Если ранее на основании общественного приговора об избрании, по рекомендации губернского правления, кандидат ездил на сдачу экзамена в ОМДС, то теперь каждый шакирд, автономно прошедший испытание, мог с подачи Духовного собрания претендовать на духовную должность. Усиление позиции религиозного управления одновременно означало ослабление вмешательства в дела прихода местных мулл, которые, используя свой авторитет, имели привычку содействовать избранию на вакантные духовные должности своих сыновей или родственников.

Не менее важной проблемой признавалась регламентация прав приходского духовенства, которое, как утверждалось в петиции, не имело каких-либо преимуществ кроме обязанностей. Решение проблемы виделось в уравнивании мусульманских духовных лиц в правах с христианскими церковнослужителями. Вслед за составителями «докладной записки» укажем основные аспекты их ущемленного положения по сравнению с православным духовенством.

1. Освобождение от воинской повинности. Согласно «Уставу о воинской повинности»²², новобранцы, достигшие к 1 октября 21 года, призывались по жребию в призывные пункты, шакирды, готовившие себя к духовной стезе, также становились новобранцами, потому что на должности хатибов и имамов назначались только после достижения 22 лет. После завершения действительной службы они зачислялись в один из разрядов ополчения, затем занимали духовную должность. Около половины личного состава приходского духовенства и теперь состоит в запасе, а в период русско-японской войны 1904–1905 гг. в действующую армию было призвано более 300 мулл из числа запасных нижних чинов.

2. Исключение мулл на период службы из мещанских и крестьянских обществ с освобождением от повинностей и изъятием от административной опеки земских начальников. Присуждать ахунам

²¹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.69–69 об.

²² Устав о воинской повинности. Изд. 1900 г. // СЗРИ. Т.IV. Ч.1. Ст. 10, 11 и 122.

и другим приходским духовным лицам звания потомственного почетного гражданина, подчинив их общеимперским законам в судебных вопросах²³.

3. Предоставление приходскому духовенству «служебного положения»: права бесплатной служебной корреспонденции, переписки с правительственными учреждениями и должностными лицами по духовным делам; обеспечение должностной печатью старших имамов и ахунов, ведущих метрические книги и выдающих по запросам выписки²⁴.

«Светские мусульмане» выявили несколько принципиальных упущений в действующем уставе ОМДС, которые использовались, по их мнению, чиновниками для различных манипуляций в целях ущемления религиозных прав мусульман. Это: 1) отсутствие более точного определения служебного положения, права на пенсию и других прав и преимуществ мусульманского духовенства, как служащих по выбору или определению правительства должностных лиц; 2) отсутствие четких критериев выбора министром внутренних дел кандидата в муфтии (из какого сословия, звания или состояния, из числа нескольких избранных и рекомендованных самим населением кандидатов и т.д.), потому что муфтий должен удовлетворять требованиям мусульман, а не только «административным соображениям правительства»; 3) «полное отсутствие» прав, обязанностей и служебного положения ахунов (порядок назначения, правовое положение)²⁵.

Рекомендовалось передать конфессиональные школы из ведения МНП под надзор ОМДС и отменить требование об обязательности наличия при них русского класса, содержащегося на счет общества или иных средств, а муллам – передать право учреждать школы, разрешив преподавать им самим или приглашенным в помощь мугаллимам²⁶.

²³ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.80.

²⁴ Там же. Л.72 об.–77 об.

²⁵ Там же. Л.78–80 об.

²⁶ Там же. Л.80 об.–81.

О новых принципах обучения основам исламского вероучения в правительственных школах

Как известно, в учебных заведениях военного ведомства религиозное обучение осуществлялось за казенный счет. Видимо, желая подойти к вопросу комплексно или владея фактами игнорирования в учебно-образовательной сфере конфессиональной принадлежности учащихся-мусульман по причине их малочисленности или отсутствия в городе преподавателя исламских наук, второй раздел петиции «светские мусульмане» назвали *«Преподавание вероучения магометанам в общегражданских и военных учебных заведениях всех ведомств»*.

Разрешение властями в 1870 г. преподавания основ исламского вероучения учащимся-мусульманам в общих городских и уездных училищах и гимназиях за счет родительских средств или денег местных обществ было названо «актом несправедливости»²⁷. Родители учащихся-мусульман, — указывалось в петиции — «несут в государстве все повинности наравне со всеми другими вероисповеданиями и при поступлении в учебные заведения вносят за право учения ту же сумму, что платят и прочие учащиеся»²⁸. В этой связи предлагалось ввести занятия по исламскому вероучению на родном языке учащихся и разработать совместно с ОМДС программу преподавания исламского вероучения и татарского языка для всех классов учебных заведений с определением требований объема знаний и к желающим поступить в русское учебное заведение. Это предложение означало не только разработку учебного пособия на родном языке учащихся, но и обязательность наличия у поступающего свидетельства об окончании мектебе. Такой подход — организация обучения за казенный счет и обязательность для учащихся-мусульман

²⁷ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.97.

²⁸ Составители петиции поведали о случаях отказа учебных властей в Уфе и Троицке под разными трудновыполнимыми предложениями (уроки должны обязательно вестись на русском языке и непременно после обеда, после окончания уроков по другим предметам, и не более по 1/2 часа на урок, учитель должен иметь свидетельство домашнего учителя, т.е. приходской имам фактически не допускался в школу, и т.д.), родителям в преподавании их детям основ мусульманского вероучения за их же счет (РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.97–97 об.).

изучения на родном языке основ исламского вероучения по утвержденной программе – изменит в лучшую сторону отношение мусульман к правительственным учебным заведениям, утверждалось в «докладной записке»²⁹.

Об изменении правил строительства мечетей

По нашему мнению, появление третьего раздела «докладной записки» правомерно объяснить двумя факторами. Во-первых, в первой части петиции «светские мусульмане» анализировали устав ОМДС и по его тексту делали свои предложения, в данном случае «источником» для рекомендаций становился «Устав строительный». Во-вторых, его появление представляется своеобразной реакцией на деятельность уфимского губернского правления последних лет, о чем сообщалось в тексте. Первый случай связан с уездным городом Бирск, где на основании «заключения» епархиального архиерея, в 1904 г. было разрешено возведение соборной мечети без минарета; второй случай – с губернским городом, где на основании резолюции того же архиерея купцу Абдуллатифу Хакимову была запрещена постройка каменной мечети на Бекетовской улице³⁰, близ центральной торговой площади Уфы³¹.

Разбирая действующее российское законодательство в этой области государственно-церковных отношений, «светские мусульмане», прежде всего, отмечали его анахронизм – сохранение силы указов от 19 ноября 1742 г.³² и 23 августа 1756 г.³³, принятых в период

²⁹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.99.

³⁰ Архиерей писал, что невозможно удовлетворить «домогательство» мусульман в целях «оберечь» православных христиан от соблазна. Справедливость восторжествовала после жалобы мусульман в столицу: 17 марта 1906 г. губернское правление постановлением за №114 разрешило постройку мечети, ее чертеж был утвержден 7 сентября 1906 г. Вскоре было построено каменное двухэтажное с двумя минаретами богослужебное здание (Дорога к храму: История религиозных учреждений г.Уфы / О.В.Васильева, В.В. Латыпова и др. Уфа, 1993. С.87–88).

³¹ РГИА, ф.821, п.10, д.23, л.101–102.

³² Указ от 19 ноября 1742 г. запрещал строить мечети в поселениях, где проживают новокрещенные (ПСЗ–1. Т.12. №8978).

массового крещения народов Среднего Поволжья, которые противоречили екатерининскому указу от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвенных домов, предоставляя все сие светским начальствам»³⁴. Даже после издания закона от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания по-прежнему сохранялся контроль РПЦ в области исламского культового строительства. Проживание абсолютного большинства мусульман в сельской местности лишало их возможности ее применения в моноконфессиональных поселениях, однако в полиэтнических поселениях данный порядок воспринимался мусульманами как личное унижение, утверждали составители петиции. Ситуация усугублялась и осложнялась урбанизацией и индустриализацией, под воздействием которых города в промышленных районах страны превращались в поликонфессиональные поселения, архитектурным проявлением этнодемографических изменений становились мечети³⁵. Государственный принцип «регулирования» проблемы был изложен в ст. 156 «Устава строительного», которая гласила: «По магометанским приходам, Оренбургскому духовному собранию подведомственным, построение мечетей, независимо от требуемого предыдущею 155 статьею для сооружения оных числа прихожан, допускается только в таком случае, если от построения мечети не может произойти соблазна в вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещенных татар»³⁶. По мнению авторов петиции, слова «... для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещенных татар» позволяют запрещать постройку ме-

³³ Указ от 23 августа 1756 г. запрещал строить мечети в поселениях, где новокрещенные и христиане составляют более одной десятой части местных жителей (ПСЗ–I. Т.14. №10592).

³⁴ ПСЗ–I. Т.19. №13996.

³⁵ Загидуллин И.К. Влияние межконфессионального фактора на исламское культовое строительство в городах в XIX – начале XX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып.1. Казань, 2010. С.303–314.

³⁶ Устав строительный. Изд.1900 г. // СЗРИ. Т. XII. Ч. 1. Ст.156.

четей во всех российских городах, а по отношению к селениям словосочетание «живущих вместе» может быть использовано и в отношении волостей, где деревни единоверцев соседствовали с христианскими. «Хотя в этой статье нет прямого указания на то, что строительные отделения губернских и областных правлений предварительно рассмотрения испрашиваемого разрешения на постройку мечети обязаны входить в сношение с епархиальным архиереем, но, тем не менее, большинство из них, в видах определения не может ли произойти соблазна, соблюдают этот порядок, в сущности, установленный... исключительно только для Таврической губернии, т.е. для Крымского полуострова и некоторых западных губерний», – с горечью констатировали составители записки³⁷.

О школьной политике правительства

Большое внимание в петиции уделяли школьной политике самодержавия в отношении мусульман в пореформенный период, иллюстрируя ее реализацию посредством основных положений «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г., директивного документа распространения русской грамоты среди мусульман в Казанском и Одесском учебных округах; высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 24 ноября 1874 г. о подчинении конфессиональных школ мусульман в Казанском учебном округе МНП, закона от 16 июля 1888 г. о введении с 1891 г. русского образовательного ценза для кандидатов на духовные должности в округе ОМДС³⁸. Их суждения уточняют внутреннюю мотивацию неоднозначного восприятия мусульманским сообществом инициатив правительства, в которых они усматривали «цель ассимиляционную», обособляя вопрос об объективной востребованности знания мусульманами государственного языка³⁹. Следует отметить, что в пореформенный период начальная грамота на русском языке для мусульман являлась важным элементом поли-

³⁷ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.100–100 об.

³⁸ См.: Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань, 2014. С.100–134.

³⁹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.82 об.

тики аккультурации – формирования политической лояльности и интеграции в русское социокультурное пространство, а не механизмом их ассимиляции. Составители петиции перечислили «неудобные и стесняющие последствия» этноконфессиональной политики правительства. Примечательно, что они правомерно считали, что с передачей в 1874 г. конфессиональных школ в ведение МНП произошло изъятие их из ведения приходского духовенства и ОМДС. В этом акте правительства они усматривали также опасность перехода всего движимого и недвижимого имущества и денежных капиталов учебных заведений в заведование учебного ведомства⁴⁰. Желая показать всю нелепость действий самодержавной власти, «светские мусульмане» писали: «Потребность в знании русского языка и русской грамоты, как языка государственного, предъявляется самой жизнью всем инородцам, а, следовательно, и магометанам; стремление к удовлетворению этой нужды, по сознанию самой массой населения, ее настоятельности, должно быть поощрено со стороны правительства не путем установления стеснительных мер в сфере совершенно чуждой духовно-религиозной, а идя навстречу к этому стремлению постараться доказать содействие в достижении цели путем устранения препятствий на пути этого стремления и в приискании, и предоставлении к тому соответствующих средств, как открытие школ, или, по крайней мере, в содействии к тому в среде магометанского населения, в особенности там, где на довольно значительном районе имеется сплошное магометанское население»⁴¹.

Не менее важной представляется интерпретация дискурса «антагонизма» учебных властей и мусульман. Отказ местного сельского общества от русских классов или русско-татарских (башкирских)

⁴⁰ Здесь они явно проводят аналогию с армянскими школами. В 1884 г. было введено обязательное обучение русскому языку в армяно-григорианских церковных школах Кавказского учебного округа. С целью слома противодействия духовенства и местного населения в 1903 г. правительство изъяло все имущество армяно-григорианской церкви (*Малиновский Н.П.* Законодательство об инородческой школе // *Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы* / под общ. ред. Г.Г.Тумима и В.А.Зеленко. Пг., 1916. С.136).

⁴¹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.86–86 об.

школ чиновниками категорично клеймился как результат «фанатизирующего влияния муллы» или приравнялся к противодействию власти. По мнению составителей записки, жалобы и нарекания инспектора на мусульманское духовенство приводили «к антагонизму между ним и населением»⁴².

Следующим фактором, крайне обострившим к концу 1880-х гг. отношения учебного ведомства с мусульманами, было названо игнорирование инспекторами рекомендаций «Правил» от 2 февраля 1870 г. и высочайше утвержденного мнения Государственного совета от 20 ноября 1874 г. о соблюдении осторожности при выполнении своих должностных обязанностей, ограничиваясь внешним надзором за мектебами и медресе⁴³. Эти административные меры по закрытию некоторых школ, по запрещению нескольким улемам вести педагогическую деятельность, аресты и высылка отдельных мулл из места жительства вглубь России⁴⁴ серьезно обострили общественные отношения, утверждали авторы петиции.

⁴² Желая довести до властей одну из главных причин недоверия мусульман к нововведениям, составители записки подчеркивали: «Инспектора, относясь всегда свысока, как чиновник, да притом еще русский, к инородцу с выражением явного презрения, как к невежде, начинают проявлять свою власть при содействии исправников, становых и урядников, то придираясь к учебникам, то к санитарным и гигиеническим условиям этих заведений, прибегая даже к обвинению подчас (к излюбленному способу бессильных в нравственном отношении) в политической неблагонадежности муллы. Вообще открылось уже широкое поле для режима со стороны власть имущего, и проявление воли над беззащитным и бесправным иноверческим духовным лицом инспекторов, вообще очень мало знакомых с той средой, в которой им приходится проявлять свою деятельность» (РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.88–88 об.).

⁴³ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.89.

⁴⁴ В 1893 г. в ОУО проводились ревизии школ на предмет выявления книг, изданных в мусульманских странах, и рукописных книг; от заведующих потребовали подписку «о знакомстве с предписанием властей» и о его выполнении, от должности были отстранены авторитетные мударрисы ведущих образовательных центров Приуралья Стерлибашевского медресе Хабибулла Тукаев, обучавшийся в 1878–1884 гг. в Туркестане, и Стерлитамакского медресе А. Ногаев, после временной отмены циркуляра от 10 июля 1892 г. они были восстановлены в своих должностях (*Фархитов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1994. С. 50). За

Как грубое вмешательство во внутреннюю жизнь школ был оценен циркуляр МНП от 13 июля 1892 г., разрешавший только муллам, обучавшимся в России, вести педагогическую работу, и запретивший использование в учебном процессе рукописных книг и печатных изданий, не прошедших экспертизу российской цензуры. Такая административная практика МНП и МВД способствовала формированию среди мусульман представления о российской власти как силе, стремящейся отнять «наиболее ценное для них благо – религиозную свободу», вызвавшей не только «глухой ропот», но и в ряде местностей движение вынужденной эмиграции в начале 1890-х гг. в Турцию и Аравию, отмечали составители «докладной записки»⁴⁵. В росте политической активности мусульман обвинялось МНП, которое нанесло «смертельные раны по самым чувствительным частям ее [цивилизации] организма народного тела и души – религии и языку». Еще одним веским поводом было указано предписание атамана Оренбургского казачьего войска в 1892 г. о закрытии всех татарских школ после введения в войсковых школах «общеобязательного обучения», запретившее мальчикам посещать мектебе. Вместо этого им разрешалось обучаться основам ислама в станичных и поселковых русских школах три раза в неделю, в особо назначенные дни⁴⁶.

Итак, благодаря четкому структурированию текста, «светским мусульманам» удалось системно изложить свои претензии к власти и дать анализ этноконфессиональной политики самодержавия в отношении мусульман округа ОМДС в пореформенный период. Ими ставились следующие вопросы: об уравнивании прав мусульманских духовных лиц с православными священниками, четкой регламентации прав и обязанностей института ахунов с целью превращения его в

препятствование работы русского класса при своих медресе в начале 1890-х гг. к административной ссылке был приговорен мулла первой махалли Чистополя Абдулвагапов, только внезапная кончина спасла его от высылки (*Амирханов Р.У.* Чистайлы Амирханнар // Татарстан. 1996. № 1. 43–53 б.). В 1900 г. на три года был выслан из Казанской губернии мулла г.Тетюши Х.-Г.Бикташев (ГА РФ, ф.102, 3-е делопроизводство, оп.98 (1900 г.), д.48, ч.1, л.1–5).

⁴⁵ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.90–93 об.

⁴⁶ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений... 1836–1903 гг. С.101–102.

действенный инструмент управления духовными делами единоверцев в качестве представителя религиозного управления на местах, освобождении духовенства от русского образовательного ценза, о передаче назначения духовных лиц в исключительную компетенцию ОМДС. Следует отметить, что некоторые из указанных в петиции вопросов в качестве подлежащих обсуждению и пересмотру на Особом совещании по делам веры были уже озвучены высочайше утвержденным 17 апреля 1905 г. Положением Комитета министров.

Новые идеи содержались в разделе петиции, посвященном уравниванию прав мусульман в обучении основам исламского вероучения на родном языке с учащимися-христианами: превратить татарский язык в полноценную учебную дисциплину с учебно-методическим обеспечением (на первое время программой), сделав его обязательным независимо от того, сколько мусульман обучается в школе. «Светские мусульмане» идеализировали ситуацию, наивно полагая, что дети единоверцев имеют законное право на бесплатное изучение основ ислама, потому что их родители платят одинаковые с другими российскими подданными налоги. Между тем, им следовало предложить какие-то реальные нормы численности учащихся для казенного финансирования этих групп.

Среди более 500 петиций мусульман Волго-Уральского региона именно в этом меморандуме наиболее подробно и комплексно проанализированы издержки действующего устава Духовного собрания и с юридической точки зрения грамотно сделаны конструктивные предложения. В этой связи следуют выделить общие черты этой записки с петициями других общественных групп населения России. Прежде всего, они заключались в передаче части полномочий институтов имперской власти избранным мусульманами религиозным деятелям (муфью, казью) и общественным институтам с тем, чтобы они, будучи легитимными представителями мусульманского сообщества, автономно решали насущные религиозно-культурные вопросы. «Докладная записка» имела ярко выраженную политическую окраску: предлагались решительные шаги по созданию правового государства и правового общества, в котором общественные конфессиональные институты и поликонфессиональное население пользовались бы одинаковыми правами; введение гражданских сво-

бод означало отмену сословных ограничений, равноправие мусульман и исламских институтов в религиозной сфере требовало демонстрации имперского законодательства, обеспечивавшего превосходство РПЦ над другими конфессиями.

Хотя в начале меморандума сообщалось о намерении рассмотреть ущемления мусульман по конфессиональному признаку, по месту жительства и в сфере печати, в действительности их просьбы свелись только к проблеме достижения свободы вероисповедания в традиционной общине и правительственных учреждениях, а также к школьному вопросу. Третья тема – об уравнивании прав мусульман Волго-Уральского региона в сфере издания книг и периодики – не прозвучала. На наш взгляд, так произошло по настоянию муфтия М.Султанова, который хотел, чтобы петиция максимально полно сосредоточилась на вопросах расширения прав исламских институтов.

Создается ощущение, что данная записка составлялась с целью сделать ее основным документом от мусульман для обсуждения на Особом совещании по делам веры по пересмотру статей действующего законодательства, по которым регулировались механизмы управления и полномочия исламских институтов. Как выше рассматривалось, меморандум подписали пять членов «смешанной» редакционной комиссии (Абуссугуд Ахтямов, Кутлугмухаммад Тевкелев, Мухаммадзакир Рамиев, Ибрагим Акчурин, Мухаммад-Юсуф Дебердиев), которые 31 мая 1905 г. муфтием М.Султановым были включены в состав депутации для участия в работе Особого совещания под председательством графа А.П.Игнатьева.

Под воздействием петиционной кампании высочайше утвержденным положением Комитета министров от 18 июня 1905 г. правительство сочло необходимым несколько расширить перечень вопросов, связанных с регулированием правового статуса мусульман, для рассмотрения на Особом совещании по делам веры. Это: 1) предоставление мусульманским духовным лицам звания личного почетного гражданина; 2) изменение действующих правил по рассмотрению дел, вытекающих из семейных и наследственных отношений мусульман; 3) преподавание ислама на родном языке верующих; 4) пересмотр постановлений, касающихся исполнения му-

сультанами религиозных обрядов во время отбывания ими воинской повинности⁴⁷.

Таким образом, петиция выделялась комплексным подходом к поставленным проблемам. Помимо конкретных рекомендаций, «светские мусульмане» постарались довести до российских сановников причины усиления недоверия мусульман к внутривластическому курсу самодержавия и обострения «национального вопроса» в Волго-Уральском регионе. В «докладной записке» представлены как бы два текста: 1) критическая оценка либерал этноконфессиональной политики правительства в отношении мусульман; 2) отталкиваясь от действующего устава и «пошаговой» его ревизии и предлагая свои варианты исправления несправедливостей, которыми была пронизана ткань государственно-исламских отношений, и обозначив грани религиозной сегрегации мусульман в Российской империи, «светские мусульмане» разработали свои рекомендации по достижению равноправия в сфере вероисповедания.

4.2. Проект устава ОМДС 1905 г.

Законопроект: общее с итоговым документом курултая и отличия

Члены «смешанной» редакционной комиссии И.Акчурин, М.-З.Рамиев⁴⁸, А.Ахтямов, а также привлеченный юрист Альбинский⁴⁹ оформили название документа, адресованного С.Ю.Витте, как один из разделов «Свода законов Российской империи» и назвали его «Проект раздела второго, книги VI-й «Устава духовных дел иностранных исповеданий» (т.XI, I ч., изд. 1896 г.) «Об управлении духовных дел магометан-суннитов округа Оренбургского духовного собрания». Книга VI-я. Раздел II-й».

⁴⁷ Загидуллин И.К. Исламские институты Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С. 119.

⁴⁸ Жарулла Муса. Курс. хезмэт 109 б.

⁴⁹ Габэшии Х. Курс. хезмэт // ФТ. 2015. №3. 133 б.

Таблица 6

Структура проекта устава ОМДС 1905 г.

Главы и отделения	Статьи	
	Кол-во	№
Гл. I. О правах мусульман-суннитов по вероисповеданию	2	1, 2
Гл. II. Духовные учреждения		
Отд. 1.	1	3
Отд. 2.	4	4–7
Отд. 3. Состав духовных учреждений	3	8–10
Отд. 4. Права и обязанности мусульманских духовных учреждений	8	11–18
Отд. 5. Предметы ведомства мусульманских духовных учреждений вообще	1	19
Отд. 6. Предметы ведомства и пределы власти Мусульманского духовного собрания	1	20
Отд. 7. Дела, подлежащие ведению присутствий отделений Духовного собрания	9	21–29
Отд. 8. Управление окружных ахунов. Предметы ведомства, пределы власти, права и обязанности	14	30–43
Отд. 9. Управление приходских имамов	1	44
Гл. III. Состав духовных чинов округа Мусульманского духовного собрания		
Отд. 10.	1	45
Отд. 11. Муфтий	6	46–51
Отд. 12. Ахуны	2	52–53
Отд. 13. Кадии – члены Мусульманского духовного собрания	6	54–59
Отд. 14. Приходское духовенство	4	60–63
Гл. IV. О делопроизводстве в учреждениях ведомства Мусульманского духовного собрания	2	64–65
Гл. V. Учреждения, подведомственные Мусульманскому духовному собранию		
Отд. 1. О вакуфах	5	66–70
Отд. 2. О приходских при мечетях попечительствах	6	71–76
Отд. 3. Мектебе и медресе	3	77–79
Отд. 4. О мечетях и молитвенных домах мусульманских	5	80–84

Законопроект состоит из пяти глав и 18 отделений, объединяющих 84 статьи. Глава I «О правах мусульман-суннитов по вероисповеданию» и глава IV «О делопроизводстве в учреждениях ведомства Мусульманского духовного собрания» не структурированы по отделам, что было обусловлено спецификой тематик и излагаемыми в них аспектами. Первые два отделения II главы «Духовные учреждения», как и 10-е отделение III главы «Состав духовных чинов округа Мусульманского духовного собрания», не имеют наименований. По названиям остальных отделений можно определить тематику и примерное их содержание. Некоторые отделения локализованы одной статьей, которая, в свою очередь, состоит из множества пунктов, позволяющих раскрыть в целом и статус, и функции того или иного института, т.е. структура предполагает максимальную правовую регламентацию общественных учреждений, поэтому соотношение статей между разделами не имеет принципиального значения. В то же время отсутствие названия у нескольких отделений и прерывание их общей нумерации в главе IV, расположение отделения «Казьи» после отделения «Ахуны» (должно быть наоборот. – *И.З.*) следует признать упущением и недоработкой «смешанной» редакционной комиссии.

Главной особенностью является стремление структурировать институты в единую систему. Благодаря такому подходу проект устава приобрел вид целостного нормативного документа. Именно поэтому он состоит только из пяти глав, в рамках которых регламентируются различные аспекты функционирования религиозных институтов.

Рассмотрим общее между законопроектом и итоговым документом курултая и отличия.

Содержание главы I «О правах мусульман-суннитов по вероисповеданию»⁵⁰ в обоих нормативных документах совпадает.

В девяти отделениях главы II «Духовные учреждения» изложены положения II, III, IV, V, VI, VII, VIII глав итогового документа курултая.

⁵⁰ Имеется лишь небольшое расхождение в названии: «О правах мусульман по вероисповеданию».

Содержание II главы итогового документа курултая под названием «Духовные учреждения», сохраняя идентичный перевод статей, структурировано в первых трех отделениях проекта устава: в *первом* (ст.3) представлены названия трех управлений, *во втором* – четыре статьи (4–7), излагающие принципы учреждения и организации управлений трех уровней, *в третьем отделении* – состав духовных учреждений. В проекте устава статей на одну больше за счет прописки состава махаллинского управления (управления приходских имамов) (восемь вместо семи).

В проекте устава уточнялось и давалось наименование первых двух ступеней институтов управления духовными делами мусульман. Прежде всего, предполагалось изменение названия религиозного управления: вместо существовавшего ОМДС «Махкаме шаргия Ырынбургия» и «Главное управление» (Баш идарэ, мэркэз идарэ) по итоговому документу курултая – «Мусульманское духовное собрание» (Махкаме-Шаргия). Управление окружных ахунов именовалось «Махкаме-Шаргия-Ахуния» (ст.3). Второе отличие касается ст.4 – о территории округа ОМДС. В итоговом документе курултая она охватывала всю Российскую империю, за исключением территорий трех действующих духовных округов (Таврического и двух Закавказских). Видимо, у членов «смешанной» редакционной комиссии имелась достоверная информация относительно общественных настроений среди казахов различных регионов, в том числе проживавших в Акмолинской области, на предмет учреждения собственного религиозного управления, что было учтено в новой редакции устава, которая гласила: в округ религиозного управления «входят в территориальном отношении все мусульмане-сунниты, обитающие во всей Европейской России (за исключением Таврического полуострова и Западных губерний, состоящих в ведении Таврического муфтиата и Закавказья), северной части Кавказа, всей западной и восточной Сибири, за исключением Акмолинской области – киргиз-кайсаков)» (ст.4).

Количество статей (и их содержание) *отд. 4 «Права и обязанности мусульманских духовных учреждений»* (ст. 11–18) полностью совпадает с *главой III «Права и обязанности духовных управлений»* итогового документа курултая.

Содержание статьи *отд.5 «Предметы ведомства мусульманских духовных учреждений вообще»* (ст.19) в целом идентично содержанию статьи и ее пунктов главы IV с аналогичным названием итогового документа курултая. Исключениями являются: 1) изъятие примечания к пункту *Г*, где говорится, что право розыска сведений для записи в метрической книге о совершении и расторжении браков, актов рождения и смерти, предоставленное православному епархиальному ведомству, распространяется и на ОМДС; и пункта *О* о том, что конфликты между мусульманами разрешаются путем увещевания; 2) новая редакция текста пункта *М* об учебных заведениях: словосочетание «духовно-национальном воспитании и образовании детей» заменено на «духовно-религиозном воспитании и образовании детей», однако замена в полной мере компенсируется развернутым уточнением терминов «мектебе» и «медресе», означающим, что все типы школ, в том числе светские и профессиональные с обучением на родном языке учащихся, находятся в ведении духовных управлений: «конфессиональных и иного типа духовно-религиозных и народно-образовательных мектебе и медресе и вообще учебных заведений»⁵¹.

Положения *отд.6. «Предметы ведомства и пределы власти Мусульманского духовного (Махкаме-Шаргия) собрания»* (ст.20), где прописана структура религиозного управления (общее присутствие и два отделения) и перечисляются предметы ведения первого из них, практически идентичны с главой V итогового документа, особенными являются: подробное и юридически грамотное изложение текста; 2) дополнительное возложение на общее присутствие Собрания предварительного рассмотрения корректур Корана, оттисков отдельных сур и молитв из Корана, хадисов и учебных руководств по мусульманскому богословию и праву при их издании и 3) в уточнении периодичности и названия периодического органа («Ежемесячник Мусульманского духовного собрания» на русском и татарском языках).

Главные отличия *отд. 7 «Дела, подлежащие ведению присутствий отделений Духовного собрания»* (ст.21–29) от главы VI пер-

⁵¹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.162 об.

вого рассматриваемого документа с одноименным названием заключаются: 1) в более полном, подробном, четком и юридически грамотном изложении текста, 2) перечислении полномочий двух отделений без привязки их какому-либо из них.

По сравнению с VII разделом итогового документа курултая в *отд. 8. «Управление окружных ахунов. Предметы ведомства, пределы власти, права и обязанности»* более полно, подробно и системно изложены следующие вопросы: 1) права управления окружных ахунов в решении вопросов постройки мечетей и молитвенных домов, выбора хатибов, имамов и муадзинов (ст.32); 2) рассмотрение дел по жалобам супругов друг на друга по различным аспектам семейной жизни (ст.43).

В VIII главе итогового документа *«Обязанности, права и полномочия приходских духовных лиц»*, состоящей из шести статей, изложены основные пределы полномочий мулл, которые повторяются в *отд. 9 «Управление приходских имамов»* II главы законопроекта в рамках одной статьи (ст.44). Отличительным является возможность учреждения управления приходских имамов под единоначалием только хатиба, т.е. только в приходах, имеющих соборную мечеть (ст.6, 44). Вопрос подчиняются ли ему соседние пятивременные мечети остается открытым (в п.А ст.44, с одной стороны, говорится, он контролирует совершение установленного богослужения в *мечетях*, с другой – в п.44 речь идет о его полномочиях *в приходе*). Кажется, здесь допущена ошибка, потому что в итоговом документе курултая сообщается о существовании управления приходских имамов в каждом приходе, независимо статуса местной мечети.

В пяти отделениях *главы III «Состав духовных чинов округа Мусульманского духовного собрания»* изложены положения IX, X, XI, XII, XIII и XIV разделов итогового документа курултая.

В *10 отд. (без названия)* прописаны три степени духовенства: к высшей ступени добавлены выпавшие из итогового документа курултая ахуны и мухтасибы. Прежняя низшая ступень духовенства (мугаллимы, имамы, муадзин) разделена на две группы: средняя (мугаллимы и имамы) и низшая (мугаллимы-сабианы и муадзины) (ст.45).

Изложенные в той же главе итогового документа курултая и в *11 отд. «Муфтий»* (ст.46–51) законопроекта исключительные права муфтия и порядок его избрания практически не отличаются, в последнем более подробно и юридически грамотно изложен порядок избрания муфтия. Члены «смешанной» редакционной комиссии⁵², вняв замечанию М.Султанова, что срок службы всенародно избранного муфтия должен быть пожизненным, нашли компромиссное решение, проигнорировав 9-летний срок службы, предложенный участниками курултая. В проекте «забыли» указать срок службы избранного муфтия, исходя из существующей практики (без ограничения срока), такой шаг представляется равнозначным его пожизненному избранию.

Из *отд.12 «Ахуны»* (ст.52–53) проекта устава также «выпал» закрепленный в главе XII итогового документа срок службы ахунов (шесть лет)⁵³ (ст.57) и добавлен предельный возрастной ценз участия в выборах кандидата (не более 63 лет) с уточнением, что после оставления должности он по-прежнему называется почетным званием «ахун», но без всяких прав и преимуществ. Также сужен прежний состав избирателей: вместо всех мусульман округа оставлены только хатибы и другие представители высшего духовенства, уточнена процедура проведения выборов⁵⁴. Также следует отметить разницу в порядке выборов руководителя ахунского округа: если по первому рассматриваемому тексту в нем участвовали все мусульмане округа (115 б.), то по законопроекту и председателя, и два его члена избирало только духовенство округа (ст.9).

Порядок выборов казыев дополнительно прописан в *отд.13 «Кадии – члены Мусульманского духовного собрания»* (ст.54–59) с уменьшением срока их службы в ОМДС в два раза (только 3 года); указан совершенно иной состав избирателей: вместо всеобщего голосования мусульман округа теперь к выборам допускались только

⁵² Р.Ф. Курс. хезмэт // Вақыт.1912. № 1008. 20 июль.

⁵³ Получается, что определение срока службы ахунов переходит в компетенцию муфтия.

⁵⁴ «Избирается из хатыпов и из лиц высшего духовенства (всех наименований) данного округа, съездом их, в составе не менее 2/3 наличного персонала, закрытой баллотировкой» (ст.53).

ахуны, мухтасибы, мударрисы, хатибы (высшее духовенство. – *И.3.*) и один член приходского попечительства в качестве представителя простого народа и «светских мусульман» (ст.55, в)⁵⁵.

Содержание *отд.14 «Приходское духовенство»* (ст. 60–63) законопроекта соответствует статьям *глав XIII («Мударрисы»)* (ст.60) и *XIV («Приходские духовные лица»)* (ст.61–65) итогового документа курултая. Из последнего изъяты условия, лишаящие человека права быть кандидатом на духовное звание (ст.65)⁵⁶. Согласно итоговому документу курултая, хатиб и имам могли исполнять обязанности учителя в приходском мектебе или медресе, мугаллим – мударриса медресе, а Собрание утверждало только мударрисов. Следовательно, приходской имам или хатиб автоматически становился мугаллимом местного мектебе. Этот порядок также изложен по-новому: теперь не только мударрисы, но и мугаллимы (кроме мугаллима-сабиан) назначались Собранием, т.е. имам или хатиб, чтобы преподавать, должен был получить специальное разрешение ОМДС (ст.60).

В *главе IV «О делопроизводстве в учреждениях ведомства Мусульманского духовного собрания»* (ст.64–65) имеется дополнение к положениям *главы XV*⁵⁷ итогового документа курултая: уточняется, что язык в делопроизводстве управления окружных ахунов регламентируется статьей 17. Если в первом случае языком делопроизводства объявлялся «тюрки» или «мусульманский язык», то отныне он именовался «татарским языком» (ст.17).

Положения *главы V «Учреждения, подведомственные Мусульманскому духовному собранию»* соответствуют XVI, XVII, XVIII, XIX разделам итогового документа курултая.

В *отд. 1 «О вакуфах»* (ст.66–70) появилось новое положение – о разделении вакуфов на две категории: на безусловные, т.е. назначенные для богоугодных духовно-просветительных целей вообще, и обусловленные употреблением на известные цели, в определенном

⁵⁵ Согласно ст.53 итогового документа курултая, в выборах участвуют все мусульмане.

⁵⁶ Согласно ст.65 итогового документа курултая, это – наличие ранее судимости и лишение прав, иностранный подданный; лицо, не имеющее свидетельства об успешной сдаче экзамена в ОМДС.

⁵⁷ Название главы XV: «Делопроизводство в духовных учреждениях».

месте по воле жертвователя и завещателя, выполнение коей является обязательным для лица или учреждения, принимающих дар; кроме того жертвователь или завещатель может назначить особого исполнителя своей воли в употреблении вакуфа – мутавалли (ст.72). Составители сочли лишним уточнение в XVI главе первого текста о том, что Собрание курирует закят и садаки мусульман (ст.77), по этой причине количество статей сократилось на одну – их всего пять.

Отд. 2 «О приходских при мечетях попечительствах», несмотря на то, что в нем содержится шесть статей (ст.71–76), по смыслу полностью совпадает с текстом XVII главы итогового документа курултая, где эти сюжеты изложены в пяти статьях

В *отд. 3 «Мектебе и медресе»*, состоящем из трех статей (ст.77–79), по сравнению с XVIII главой первого документа с аналогичным названием новыми положениями являются: образовательный статус школ (низшие, средние и высшие), учреждаемые с ведома окружных ахунов, подчинение учебно-образовательной части не только мугалимам и мударрисам, но и окружным ахунам и ОМДС.

В *отд. 4 «О мечетях и молитвенных домах мусульманских»* (ст.80–84) практически без изменений изложены положения статей 87, 88, 89, 90, а также ст.86 XIX главы итогового документа курултая о нахождении мечетей и молитвенных домов, как мест поклонения Богу, под особым покровительством законов в отношении их неприкосновенности и ограждения от осквернения и т.д. Новым является предоставление возможности совершения в молитвенном доме праздничных намазов в случае получения специального разрешения оренбургского муфтия (п.82), что приравнивало его к соборной мечети.

Итак, текст законопроекта был выверен на предмет конкретизации с юридической точки зрения многих процедурных вопросов, были исправлены упущения, сокращены несущественные и не меняющие общий контекст статьи и одно примечание к статье. Особенно тщательно и подробно юристы постарались прописать процедуру выборов должностных лиц, которая изложена в первом рассматриваемом тексте весьма поверхностно, в частности, они уточнили предельный возраст допущения к выборам кандидатов на должность окружного ахуна (63 года).

Серьезные исправления, на которые они не имели права, надо полагать, юристы сделали под воздействием оренбургского муфтия М.Султанова. Это – изъятие срока службы всенародно избранного муфтия и ахуна, сокращение срока службы казыев в два раза; ограничение круга избирателей: вместо всенародного голосования выборы председателя окружного ахунского управления только духовными лицами и одним представителем приходского попечительства, казыев – только высшим духовенством; предоставление возможности совершения в молитвенном доме праздничных намазов в случае получения специального дозволения муфтия. Теперь муфтий являлся всенародно избранным духовным главой мусульманского сообщества (миллэт), а казыи и ахуны становились духовно-административными лицами, избранными корпорацией духовенства. Все новшества были направлены на усиление влияния муфтия как председателя ОМДС, таким способом муфтий получал дополнительные рычаги воздействия на электорат с целью избрания «нужных» лиц. В то же время, члены «смешанной» редакционной комиссии – «светские мусульмане» – кажется, сознательно ограничили легитимность ахунов, сведя состав их выборщиков, главным образом, к духовенству. Ахунские округа претендовали превратиться в важнейшие окружные звенья религиозно-культурной автономии, придавая ей новые качества, в отличие от приходских организаций, где все контакты с соседями были «горизонтальными». Поскольку в новой редакции срок службы кадия сокращался в два раза, проведение частых, через каждые три года, выборов было накладно и в организационном, и в финансовом отношении. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, явилось ключевой причиной в локализации состава выборщиков корпораций высшего мусульманского духовенства.

В проекте устава ОМДС представлена обновленная иерархическая структура духовенства – состав высшего духовенства дополнен ахунами и мухтасибами, и, исходя из реалий, приходское духовенство разделено на среднюю и нижнюю ступени. С учетом выделения мугаллимов в среднее духовенство (с.45), предоставлением им права преподавать в медресе и пропиской новой должности «мугаллим-сабиан».

Таким образом, благодаря стараниям и высокому профессионализму юристов А.Ахтямова и Альбинского проект устава стал соответствовать требованиям, предъявляемым к подзаконным актам.

Основные положения законопроекта

При учреждении в 1788 г. Духовного собрания магометанского закона правительство Екатерины II ограничилось определением его главного предназначения (проведение испытаний кандидатов на духовные должности) и утверждением его состава под председательством ахуна Мухаммаджана Хусаинова. Постепенно происходило расширение полномочий Духовного собрания. Однако в «Своде законов Российской империи» 1832 г., и последующих его изданиях 1836, 1842 гг. устав ОМДС отсутствовал. Учредительный документ появился лишь в 1857 г. в новом издании «Свода законов Российской империи».

Между тем устав ТМДП – «Положение о Таврическом магометанском духовном правлении и подлежащих его ведению дела» от 23 декабря 1831 г.⁵⁸ был разработан раньше. В него высокопоставленные чиновники включили все изданные до этого времени указы, касающиеся российских мусульман, а не только об исламских институтах в Крыму. Поэтому «Положение» 1831 г. можно уверенно назвать первым опытом составления свода законов, регламентирующего жизнедеятельность исламских институтов в Российском государстве.

Составление устава Духовного собрания 1857 г. как производного от «Положения» 1831 г. имело и свои положительные моменты, потому что в 1857 г. на него был механически распространен ряд положений, по которым специальные указы по округу ОМДС не были приняты. В основе такого подхода лежало стремление власти систематизировать и унифицировать управление духовными делами мусульман-суннитов в империи.

⁵⁸ ПСЗ–2. Т.6. Ч.2. №5033.

Таблица 7

Структура устава ОМДС 1857 г.⁵⁹

Названия разделов	Статьи	Кол-во ст.
Отд. 1. О правах духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания	1228–1234	7
Отд. 2. О составе, предметах и власти Оренбургского магометанского духовного собрания	1235–1244	10
Гл. 2. Особенности постановлений:		
1) Об определении магометанских духовных лиц ведомства Оренбургского магометанского собрания в приходские должности вообще	1245–1250	6
2) О магометанском духовенстве в Гвардейском корпусе	1251–1255	5
<i>Статьи из устава ТМДП</i>	1143–1146, 1211 (пп.1–3)	5
Всего статей		33

Определенное представление о степени разработанности учредительного документа дает и соотношение количества статей в уставах. В уставе ОМДС зафиксирована 31 статья, в 2 раза меньше, чем в уставе ТМДП (63). Для справедливости нужно отметить, что в статье 1230 говорилось, что по делам богослужения, обрядов, исправления духовных «треб», совершения и расторжения браков, ведения метрических книг, разбора исков по завещаниям и по разделам имущества, неповиновения детей родителям, нарушения супружеской верности на духовенство округа Духовного собрания рас-

⁵⁹ Об управлении духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания // Книга Шестая. О управлении духовных дел магометан // Учреждения и уставы управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. 1857 г. // СЗРИ. Т. XI. Ч.1.

пространяются несколько статей устава ТМДП (ст.1143–1146 и ст.1211 п.1–3)⁶⁰. Итого получалось 33 статьи.

Таблица 8

Структура устава ОМДС 1896 г.⁶¹

Названия глав	Статьи	Кол-во ст.
Гл.1. О правах духовенства, принадлежащего к округу Оренбургского магометанского духовного собрания	1416–1420	5
Гл.2. О составе, предметах и власти Оренбургского магометанского духовного собрания	1421–1430	10
Гл.3. О определении магометанских духовных чинов округа Оренбургского магометанского духовного собрания	1431–1436	6
Гл.4. О магометанском духовенстве в Сибирском казачьем войске	1437–1438	2
<i>Статьи из устава ТМДП</i>	1345–1348, 1399	5
Всего статей		28

В уставе ОМДС 1857 г. пять статей относились к регулированию правового положения военного духовенства в Отдельном гвардейском корпусе, которые после упразднения в 1896 г. данной категории духовенства были изъяты из последующих его изданий.

Несмотря на все достоинства устава Духовного собрания, в условиях отсутствия стремления правительства комплексно и системно решать накопленные проблемы, локальные законодательные акты не позволяли создать систему управления духовными делами мусульман, отвечающей современным требованиям.

⁶⁰ Об управлении духовенства, принадлежащего округу Оренбургского магометанского духовного собрания. Изд. 1857 г. // СЗРИ. Т. XI. Ч.1. Ст. 1230.

⁶¹ Об управлении духовенства, принадлежащего округу Оренбургского магометанского духовного собрания. Изд. 1896 г. // СЗРИ. Т. XI. Ч.1.

Устав ОМДС издания 1896 г. имел традиционную структуру, в которой основные направления деятельности религиозного института гражданского ведомства регламентировались в трех разделах. Положения отдела «О составе, предметах и власти Оренбургского магометанского духовного собрания» теперь были изложены в двух разделах: «О составе, предметах и власти Оренбургского магометанского духовного собрания» и «О определении магометанских духовных чинов округа Оренбургского магометанского духовного собрания». При этом количество статей уменьшилось. Вместо упраздненного раздела о полномочиях военного духовенства в Отдельном гвардейском корпусе, появился новый раздел «О магометанском духовенстве в Сибирском казачьем войске», состоящий из двух статей. Фактически к управлению духовными делами гражданского населения округа ОМДС имели отношение 26 статей.

Не вызывает сомнения, что при структурировании законопроекта устава ОМДС составители ориентировались на действующий устав Духовного собрания. С учетом качественного обновления полномочий действующих религиозных институтов и появления новых, в проекте устава количество глав выросло до пяти, статей – до 84. Другим новшеством следует признать регламентацию полномочий и обязанностей религиозных институтов в подразделах.

В I главе под названием «*О правах мусульман-суннитов по вероисповеданию*»⁶² концептуальным, требующим кардинального обновления общественных отношений в империи, является ст.1, согласно которой мусульмане «пользуются полной свободой отправления своей веры и богослужения повсеместно в империи и всеми общегражданскими правами наравне с русским населением, как полноправные граждане государства, не подвергаясь никаким ограничениям и стеснениям в своих правах как магометане-сунниты, и в сфере своей духовно-религиозной жизни управляются в пределах, предоставленных общими государственными законами, своими религиозными законами и правилами шариата». В этой главе декла-

⁶² РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.154–156.

рировались религиозные права российских подданных, исповедующих ислам⁶³.

В главе II «Духовные учреждения» законопроекта очерчивалась новая, существенно расширенная за счет регионов расселения казахов, территория ОМДС: «в округ его входят в территориальном отношении все мусульмане-сунниты, обитающие во всей Европейской России (за исключением Таврического полуострова и Западных губерний, состоящих в ведении Таврического муфтиата и Закавказья), северной части Кавказа, всей западной и восточной Сибири, за исключением Акмолинской области – киргиз-кайсаков» (ст.4)⁶⁴. По мнению чиновника ДДДИИ С.Г.Рыбакова, теперь округ ОМДС расширялся почти на всю империю⁶⁵.

Эта глава была посвящена духовным учреждениям «трех степей»: а) центральному мусульманскому духовному собранию «Махкаме-Шаргия»; б) управлениям окружных ахунов – «Махкаме-

⁶³ Заявлялось, что вместе «со свободой веры» предоставляются права, точно определенные законами, а именно: «1) свободного отправления богослужения и исполнения обрядов веры; 2) иметь мусульманские духовные учреждения, ведающие духовно-религиозными делами магометан, и мусульманское духовенство, организованное по указаниям вероисповедных начал магометан-суннитов; 3) строения мечетей и молитвенных домов; 4) на отдельные кладбища; 5) воспитания детей в духе своей религии; 6) открытия и содержания соответствующих и удовлетворяющих духовно-религиозным потребностям и общеобразовательным нуждам низших, средних и высших духовно-народных школ, с свободой преподавания в них на родном языке; 7) право образования капиталов, приобретения движимых и недвижимых имуществ, предназначенных на духовно-религиозные нужды, и право распоряжения ими; 8) учреждения вакуфов и заведывания ими; 9) нормирования правоотношений между собою с применением мусульманских религиозных правил (шариат) в сферах семейственного и наследственного прав» (ст. 2). Новыми компетенциями религиозного управления становились: право на учреждение и заведование вакуфами, которые ранее не признавались в округе ОМДС; открытие и содержание соответствовавших «духовно-религиозным потребностям и «общеобразовательным нуждам низших, средних и высших духовно-народных школ, со свободой преподавания в них на родном языке» (в рассматриваемый период, как ранее было отмечено, конфессиональные школы подлежали надзору МНП. – *И.З.*) (РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.155–155 об.).

⁶⁴ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.156 об.

⁶⁵ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С.48.

Шаргия-Ахуня» и в) управлениям приходских имамов. Все дело-производство в них велось на татарском языке, и только в случаях переписки с правительственными учреждениями и должностными лицами других ведомств – на русском языке (ст. 17)⁶⁶. Данная статья учитывала незнание старшим поколением духовенства русской грамоты, однако это противоречило действующему законодательству, запрещавшему использование негосударственного языка в казенных учреждениях, каковыми данным документом объявлялись все три ступени системы управления духовными делами мусульман. По мнению чиновника ДДДИИ С.Г.Рыбакова, по ст. 17 Духовное управление мусульман передавалось, по сути, в руки одного народа – татар, и предполагалось поставить его «на небывалую высоту»: ОМДС решало окончательно все дела по вопросам о богослужении и исполнении обрядов веры; делопроизводство в нем должно было вестись на татарском языке и лишь при переписке с правительственными учреждениями и должностными лицами других ведомств – на русском языке⁶⁷.

Каждое из учреждаемых управлений окружных ахунов объединяло территории, на которых имелось до 100 приходов. При этом учитывались плотность населения, обширность территории, наличие коммуникаций, т.е. факторы, от которых в значительной степени зависела успешная деятельность нового института (ст. 5), который состоял из окружного ахуна (председатель), двух членов – мударрисов или хатибов, избранных из числа духовенства округа (ахуниата), и канцелярии, состоящей из делопроизводителя и писцов (ст. 9).

В проекте устава подробно прописаны функции заседателей Духовного собрания, которые принимали окончательное решение по вопросам богослужения и исполнения обрядов веры, по делам, поступающим из управлений окружных ахунов, а также в отношении общего порядка надзора высшей государственной власти⁶⁸.

⁶⁶ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.160 об.

⁶⁷ Рыбаков С.Г. Указ. соч. С. 48–49.

⁶⁸ В частности, было заявлено, что «Мусульманское духовное собрание непосредственно начальствует над всеми духовными учреждениями и духовными лицами округа своего муфтията, имеет надзор и наблюдение за их действиями и исполнением их обязанностей и имеет право привлекать их к ответ-

Объявлялось, что Собрание подведомственно Сенату или министру внутренних дел и имеет равный статус с губернскими и областными учреждениями. Тем самым закреплялось его высокое положение в структуре административных учреждений империи.

Исключительными предметами ведения мусульманских духовных учреждений объявлялись (ст.19):

- «1) вопросы богослужения, исполнения обрядов веры;
- 2) исправление духовных треб;
- 3) заключение и расторжение браков мусульман, с применением к этим делам исключительно религиозных в этой области правил в полном их объеме⁶⁹;
- 4) ведение метрических книг: занесение фактов совершения и расторжения браков, актов рождения и смерти⁷⁰;
- 5) споры по семейным и имущественным правоотношениям, по наследованию по шариату и завещанию;
- 6) надзор, открытие и упразднение приходов, наблюдение за мечетями, молитвенными домами, кладбищами, мектебе и медресе;
- 7) надзор за духовными учреждениями и духовными лицами;
- 8) попечение о комплектовании приходов духовными лицами, назначение и утверждение их в должностях;
- 9) надзор за выборами должностных лиц духовного ведомства, рассмотрение и проверка избирательного делопроизводства;

ственности, налагать взыскания в общеустановленном порядке, приводить все свои решения и определения в исполнение непосредственно через подчиненные ему органы, а в надлежащих случаях и через общеисполнительные органы – губернские, уездные и волостные административные места и лица, в отношении же решений чисто судебного характера, присуждающих или приговаривающих кого-либо к известным действиям, к уплате или возврату имущества, – выдает сторонам удостоверение, с изложением сущности решения, на предмет возбуждения ходатайств в общегражданских судебных местах о принудительном приведении в исполнение состоявшегося решения, в случаях отказа сторон в добровольном подчинении состоявшемуся решению духовного суда» (ст. 13) (РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.158 об.–159).

⁶⁹ В примечании указывалось, что имеющиеся в действующем законодательстве ограничения будут отменены.

⁷⁰ Право розыска, предоставленное православному епархиальному ведомству ст. 265 Устава духовных консисторий, распространялось и на Собрание.

10) разрешение постройки зданий мечетей, их капитального и частичного ремонта, а также перенесения из одного места в другое;

11) изыскание материальных средств по удовлетворению духовно-религиозных нужд, учреждение вакуфов, надзор и заведование ими, хранение и распоряжение другими имуществами и капиталами, приобретенными на религиозные нужды;

12) забота о духовно-религиозном воспитании и образовании детей, призрение сирот и подкидышей, открытие конфессиональных и иного типа духовно-религиозных и народно-образовательных мектебе и медресе, в целях осуществления предписываемого шариатом обязательного бесплатного и всеобщего обучения»⁷¹.

В документе были прописаны сферы компетенций предполагаемых к созданию трех отделений Духовного собрания.

В числе предметов ведения общего отделения были прописаны следующие вопросы:

- общерелигиозные, касающиеся отправления богослужения и исполнения религиозных обрядов, ограждения чистоты догматов веры, обеспечение единообразного толкования и применения правил шариата в жизни мусульман-суннитов;

- надзор за духовными учреждениями и духовными лицами, возбуждение преследования должностных лиц и учреждений в порядке дисциплинарного производства, наложение административных взысканий и составление заключений о предании суду должностных лиц за преступления по должности⁷²;

- утверждение в должностях избранных духовных чинов и выдача им документов на духовное звание с обозначением должности, и внесение их в список служащего духовенства;

- надзор за проведением выборов муфтия и казыев; проверка избирательного делопроизводства, рассмотрение жалоб и протестов;

⁷¹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.161–162 об.

⁷² Перечислялись дисциплинарные взыскания, которые общее отделение могло применить в отношении провинившихся. Это – лишение должности; временное удаление от должности; внушение с вызовом в присутствие; строгий выговор; выговор и замечание (Там же. Л.163 об.).

- выдача экспертных заключений по запросам правительственных и общественных учреждений, должностных и частных лиц⁷³;
- рассмотрение дел, вызывающих затруднения, и по особым предложениям муфтия;
- рассмотрение ходатайств об учреждении богоугодных и благотворительных для мусульман заведений, о мероприятиях по воспитанию и образованию сирот, призрению престарелых, безродных, увечных, бедных мусульман, а также нуждающихся отставных духовных чинов, их вдов, по воспитанию и образованию их детей;
- надзор, наблюдение и руководство мектебами и медресе;
- предварительная экспертиза корректур при издании Корана, толкований (тафсир), Афтияка, оттисков отдельных сур и молитв из Корана, хадисов (изречений) и учебных руководств по мусульманскому богословию и праву;
- издание «Ежемесячника Мусульманского духовного собрания» на татарском и русском языках⁷⁴.

Остальные два отделения Собрания были призваны заниматься следующими вопросами:

- проведение испытаний для кандидатов на духовные звания: хатиба, мударриса, имама, мугаллима, муэдзина и мугаллима-санбиана и выдача соответствующего документа (ст.21);

⁷³ Согласно примечанию к ст. 6, при возникновении вопросов, признанных спорными «по недостатку особо ясных риваятов», решение должно исходить из общего присутствия в семичленном его составе», т. е. по ханифитскому мазхабу на ОМДС возлагались функции правотворческого института (иджма). В этой связи «семичленный состав» религиозного управления приобретал в глазах мусульманского населения глубокий исторический смысл и, кажется, должен был ассоциироваться с деятельностью первых ученых-законоведов второй половины VII в. – «7 факихов Медины».

⁷⁴ Новыми являлись: проведение выборов муфтия и членов Духовного собрания, предварительная экспертиза корректур при издании Корана и другой религиозной литературы (компетения Главного управления по делам печати), учреждение ведомственного периодического органа ОМДС на татарском и русском языках, рассмотрение ходатайств об учреждении богоугодных и благотворительных для мусульман заведений (компетенция губернаторов); осуществление «высшего надзора» и наблюдения, «руководительство» над мектебами и медресе (вопросы ведения МНП) (Там же. Л.163–165).

- рассмотрение и разрешение поступающих дел по заключению и расторжению браков, по спорам и искам в сфере брачного права: признание брака действительным и недействительным; установление и утверждение одностороннего развода и расторжение брака, последовавшего принудительно;

- рассмотрение просьб о расторжении брака по неспособности супругов к супружеской жизни, из-за наступления поводов к расторжению брака по способу лигана, по случаю поступления на военную службу, заключения на продолжительный срок в исправительные заведения, тюрьмы и ссылки на поселение и каторжные работы по приговорам судебных мест, а также оставления супругами друг друга по недоставлению средств к существованию⁷⁵ (ст.22);

- решение вопросов о правоотношениях, связанных с браком и проистекающих из расторжения браков и разводов;

- определение прав супругов на детей и их обязанности в отношении детей после развода;

- рассмотрение дел по спорам об имущественных правах супругов в браке и о расторжении браков;

- определение права и порядка наследования по шариату и по духовному завещанию, а также наследственных долей при утверждении в правах наследства и разделе наследства в судебных учреждениях гражданского ведомства, выдача соответствующих документов по запросам правительственных учреждений, должностных и частных лиц;

- разрешение вопросов определения происхождения детей от известных родителей в границах, допускаемых шариатом, при возникновении семейных споров;

- рассмотрение ходатайств об образовании новых и разделении действующих приходов, о постройке, капитальном и частичном ремонте мечетей и молитвенных домов по представлениям управле-

⁷⁵ Эти дела подлежали исключительному рассмотрению и решению отделений и были «изъяты из ведения управлений окружных ахунов и приходских имамов, и могут быть рассматриваемы сими последними лишь по особому поручению отделений ОМДС».

ний окружных ахунов, надзору за управлением и по упорядочению приходов с состоящими при них мусульманскими кладбищами;

- контроль за деятельностью учебных заведений⁷⁶;
- контроль над вакуфами (ст. 27)⁷⁷;

⁷⁶ а) удовлетворение нужд мусульманского населения в том или ином типе учебных заведений путем изыскания средств, расположением к тому обществ и частных лиц и т. д.; б) «ближайший надзор и наблюдение» за учебными заведениями по восьми направлениям (ст. 26): «1) образование особого капитала на открытие и содержание духовно-учебных заведений путем испрошения ассигнования на этот предмет сумм из государственного казначейства, приема пожертвований и специально на этот предмет учрежденных вакуфов; хранение и расходование таковых сумм по назначению, а равно надзор и наблюдение за расходованием таковых сумм и другими низшими духовными учреждениями по прямому их назначению; 2) равномерное распределение их в магометанском населении, по разрядам; 3) переименование из низших в высшие, и обратно; 4) руководство в улучшении и упорядочении преподавания; 5) одобрение и рекомендация учебных руководств, в мероприятиях к составлению и изданию таковых и к снабжению учебными пособиями; 6) соблюдение санитарно-гигиенических условий в помещениях для учащихся; 7) наблюдение и надзор за поведением и нравственностью учащихся и учащихся, мероприятия к упорядочению и улучшению быта их, предупреждению и пресечению нежелательных и вредных направлений в среде учащихся и учащихся; 8) образование экзаменационных комиссий для оканчивающих курс учения и выдача дипломов на учено-богословские степени, соответствующие духовным и духовно-учебным званиям и должностям» (РГИА, ф. 821, оп. 10, д. 23, л. 166 об.–167 об.).

⁷⁷ а) ведение полного и подробного регистра «всему такого рода имуществу с указанием назначения, в особо заготовленной шнуровой книге»;

б) спрашивание в нужных случаях в установленном порядке разрешения у МВД высочайшего соизволения на принятие такового имущества;

в) «соответствующие мероприятия к совершению актов укрепления по переходу в ведение духовных учреждений имущества или иных документов, по изъявлению согласия на принятие дара (ибе), условного или безусловного, к принятию завещательных актов, представлению таковых к исполнению и другие действия, сопряженные с принятием пожертвованных на духовно-религиозные нужды имуществ, к тщательному хранению относящихся до таковых имуществ актов и иных документов»;

г) «заведование, хранение и управление таковыми имуществами через подведомственные духовные учреждения и лица, расходование и употребление доходов с них по назначению или указанию ОМДС и с ведением точной отчетности»;

– изготовление, рассылка, хранение и ревизия приходских метрических книг;

– надзор за деятельностью приходских попечительств, утверждение избранных в приходах попечителями лиц, ревизия их отчетности⁷⁸.

Новым институтом объявлялось управление окружных ахунов⁷⁹, призванное стать средней инстанцией между высшим и низшим духовными учреждениями. Компетенции этого коллегиального института были прописаны самым тщательным образом. Управление осуществляло «ближайший надзор» за приходскими духовными лицами, правоотношениями между духовенством и прихожанами, благоустройством в приходах. А по судебным делам оно выступало в качестве апелляционной инстанции – сюда поступали жалобы на решения приходских имамов по бракоразводным делам, разделам наследства и др.⁸⁰

Как и религиозное управление, окружные управления ахунов объявлялись правительственными учреждениями в сфере отправления духовно-религиозных, духовно-учебных и нравственно-воспитательных дел, они приравнивались к уездным учреждениям. С губернскими учреждениями они переписывались через религиозное управление, а с уездными, волостными и сельскими властями – непосредственно сами (ст. 16). Были также прописаны права и обязанности управлений (ст. 30–43).

д) ближайший надзор и наблюдение за заведованием и расходованием доходов с таковых имуществ другими духовными учреждениями и лицами, а равно приходскими попечительствами, или особо назначенным самим завещателем или жертвователем-мутаваллием, требование, принятие и ревизия отчетностей последних;

е) выдача при необходимости своим подчиненным или посторонним лицам поручений, полномочий и доверенностей на управление и ведение судебных дел по таковым имуществам (Там же. Л.167 об.–169 об.).

⁷⁸ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.169 об.

⁷⁹ Там же. Л.169 об.–176.

⁸⁰ Решения управления ахунов могли быть обжалованы в Собрании. Постановления по административным и хозяйственным делам, по надзору за вакуфами и действиями мутаваллиев и приходских попечительств и по учебно-воспитательной части вносились в порядке надзора в Собрание (ст. 15).

По статусу приходские духовные лица приравнивались к сельским должностным лицам. Хатиб олицетворял собой приходское духовное управление (ст.6). Его обязанности были прописаны предельно конкретно и подробно: совершение установленных намазов в мечети; религиозное просветительство⁸¹, регистрация актов гражданского состояния, выдача о них справок, взимание установленных сборов за исполнение треб; исправление духовных треб⁸², рассмотрение претензий, связанных с брачным правом, выдача экспертных заключений в случае письменного обращения прихожан по спорам и тяжбам бракоразводных делах или смерти одного из супругов или членов семьи, правах на детей, обязанностях их воспитания и содержания, имущественных притязаниях (магар, нафак, личное имущество супругов, права и порядок наследования и раздел наследства); обращение в махаллинское попечительство по вопросам содержания мечети, карауливания, отопления или освещения, исправного содержания кладбища (ст.44).

III глава «Состав духовных чинов округа Мусульманского духовного собрания» посвящена составу духовных чинов в округе

⁸¹ «Принятие соответствующих мер к расположению и привлечению прихожан к посещению общественных домов и вообще к ведению духовно-нравственной, в духе мусульманской религии, жизни к уважению религиозных обрядов, к мирному занятию своим трудом на избранном поприще, внушают уважение к государственному закону, установленным властям и о неукоснительном повиновении им».

⁸² «1) удостоверение факта рождения обмолитвованием, наречением имени новорожденного и внесением в установленном порядке в метрики; 2) удостоверение факта смерти погребением по обрядам мусульманской религии и внесением в метрики же; 3) совершение брака по обрядам веры, с внесением в метрики с подробным изложением брачного договора относительно магара и тагалика, причем приходское духовенство наблюдает правила шаригата и гражданских законов о случаях, в коих воспрещается заключение брака, как-то: не достигших брачного возраста, без ясного выражения согласия брачащихся, психически больных и т.п.; 4) утверждение – констатирование факта одностороннего развода (талака) внесением в метрики с указанием формы или способа одного по терминологии мусульманских законов; 5) расторжение брака по жалобам жен на такие деяния или злоупотребления властью мужей, кои влекут за собой по мусульманским законам безусловное распадение брачного союза» за исключением случаев, указанных в ст. 22.

ОМДС. Если до этого выделялось высшее (муфтий и ахуны) и низшее духовенство, то отныне вводились три ступени. Теперь к высшим духовным чинам причислялись: муфтий, казыи, ахуны, мудар-рисы, мухтасибы и хатибы; к средним – мугаллимы и имамы, к низшим – мугаллимы-сабианы и муадзины (ст.45).

Муфтий – высший мусульманский духовный сан – был отнесен к числу высших государственных чинов, как пользующийся особым доверием императора и высших государственных учреждений. Муфтий объявлялся духовным главой мусульман, представителем и защитником духовно-религиозных интересов своей паствы перед правительством (ст. 47), «старшим председателем» с правами, преимуществами и обязанностями общегосударственных центральных установлений и губернских коллегияльных присутственных мест⁸³.

Муфтий назначался императором по представлению министра внутренних дел из числа избранных мусульманами лиц (ст. 50). За три месяца до выборов кандидатов в муфтии об этом извещались управления окружных ахунов, они определяли время и место съезда уполномоченных приходов, в которых выборы завершались за шесть недель до съезда избирателей кандидатов в муфтии в Уфе⁸⁴.

⁸³ В проекте предусматривалось существенное расширение полномочий муфтия (ст. 49). В частности, он получал право созыва не менее раз в три года высшего духовенства для обсуждения важнейших вопросов религиозно-духовной жизни, а также право разрешения совершать пятничное богослужение в мечетях и молитвенных домах; право представления к наградам духовных лиц, право рекомендации или назначения вероучителей в гражданские и военные учебные заведения из числа духовенства и лиц недуховного звания; право назначения представителей духовенства в земские собрания и городские думы, при наличии 10 тыс. душ мусульман в губерниях, уездах и городах, право назначения времени выборов казыев ОМДС (РГИА, ф. 821, оп.10, д.23, л.179 об.–180).

⁸⁴ Каждый приход, исходя из своей численности, избирал в установленном порядке 1–3 представителей, которые на съезде уполномоченных в управлении окружного ахуна в присутствии представителя администрации уезда путём закрытого голосования избирали двух уполномоченных: одного духовного лица и одного «светского мусульманина», а также по одному к ним кандидатов; избранным считался тот, кто получил наибольшее число голосов. Избранные лица, получив соответствующее удостоверение, прибывали в Собрание. При участии не менее $\frac{3}{4}$ от общего числа избирателей съезд считался

Кадии утверждались министром внутренних дел из представленных муфтием кандидатов, которых также избирало духовенство сроком на три года. Для их выборов округ ОМДС делился на десять участков, каждый объединял приблизительно 10 округов управления окружных ахунов. Такая группа образовывала избирательный округ сроком на один год. В цикле избирательных очередей губернии, имеющие более 10 ахунских округов, должны были участвовать не менее двух, а округ Сибири – не менее четырех раз⁸⁵. Был также прописан порядок выборов председателей управлений окружных ахунов путем тайного голосования $\frac{2}{3}$ уполномоченных приходов из числа имамов, не достигших 63-летнего возраста⁸⁶.

Если ранее имам одновременно выполнял обязанности учителя конфессиональной школы, то теперь мударрисы и мугаллимы назначались Собранием. В случае его утверждения, приходское духовное лицо мог стать мугаллимом или мударрисом.

В IV главе под названием «*О делопроизводстве в учреждениях ведомства Мусульманского духовного собрания*»⁸⁷ была регламен-

состоявшимся. На съезд прибывали исполняющий обязанности муфтия, чиновник МВД, губернатор и лица прокурорского надзора. Список кандидатов в муфтии составлялся на основе поступивших от участников съезда письменных предложений. Избранными путем тайного голосования считались первые три кандидата, получившие наибольшее число голосов. Этот список представлялся министру внутренних дел для дальнейшего утверждения одного из них императором (ст.51) (Там же. Л.180–181 об.).

⁸⁵ Выбор производился записками, представляемыми в Собрание в закрытых пакетах в назначенный срок от каждого избирателя со вписанием звания и фамилии кандидата на избирательном бланке, заготовленном и разосланном в каждый из округов (по числу приходов) одновременно с извещением. Из числа считающихся избранными кандидатами трех лиц муфтий представлял двоих к утверждению министру внутренних дел, один, получивший менее всего баллов, утверждался кандидатом (ст. 53–59).

⁸⁶ В выборах духовных лиц участвовали не только главы хозяйств, как было ранее, а все прихожане мужского пола, достигшие 21 года. Избранным считался кандидат, набравший $\frac{2}{3}$ голосов. Кандидаты могли быть предложены приходом или управлением окружного ахуна, или самим желающим занять вакантную должность.

⁸⁷ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.185 об.–187.

тирована деятельность структурных подразделений религиозного управления⁸⁸.

В V главе «Учреждения, подведомственные Мусульманскому духовному собранию» были прописаны функции общественных институтов. Вакуфам посвящен отдельный раздел (ст. 66–70)⁸⁹. Вакуфами были названы имущества – движимые и недвижимые капиталы, пожертвованные или завещанные в пользу мечетей, мектебов и медресе, духовенству или мечети, для призрения сирот, бедных, умалишенных и неизлечимо больных и вообще для благотворительных целей. Вакуфы принимались в ведение ОМДС в случае, если пожертвование соответствовало правилам шариата. Вакуфы были безусловными – назначенными для богоугодных духовно-просветительских целей вообще или обусловленными применением для конкретных целей в определённом месте по воле жертвователя и завещателя, выполнение которых являлось обязательным для лица или учреждения, принимающего дар. В то же время завещатель мог сам назначить исполнителя своей воли – мутаваллия. Все безусловные вакуфы передавались в ведение религиозного учреждения. Собрание занималось переоформлением частной собственности в вакуфную. Для принятия, управления, хранения капиталов, наблюдения за их использованием, сохранения их целостности и неприкосновенности были выработаны специальные правила⁹⁰.

⁸⁸ На общем отделении Собрания должны были заседать все шесть казыев и сам муфтий или заступающий на его место казый при секретаре Духовного собрания, а в остальных двух – по три казыя. Дела во всех отделениях решались большинством голосов. Один из заседателей курировал архивариуса, заведующего архивом. Все исходящие бумаги в учреждения и должностным лицам составлялись на русском, а переписка с подведомственными учреждениями и лицами велась, если представлялось «удобным и целесообразным», на татарском языке.

⁸⁹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.187–188.

⁹⁰ Собрание должно было вести строгий учет имущества с указанием назначения вакуфа, записывая сведения в шнуровые книги, запрашивая при необходимости (с дозволения министра внутренних дел) «высочайшего» соизволения на принятие пожертвованного имущества; осуществлять составление дарственных актов, переоформление капитала, принимать завещательные акты и обеспечить их сохранность; заведовать, хранить и управлять вакуфным имуществом через духовные учреждения и лица, контролировать расходование

В разделе, посвященном приходским попечительствам (ст. 71–76)⁹¹, был определен состав мутаваллията – избранные религиозной общиной из числа состоятельных и порядочных лиц три прихожанина, которые представляли «по всем вопросам прихода» и, самое главное, выступали как юридическое лицо. Главной обязанностью попечительства являлись забота о функционировании мечети, профессиональной школы и содержание в порядке кладбищ. Оно также заведовало вакуфным имуществом мечети или школы, вело отчетность в особой шнуровой книге, выдаваемой Собранием, и ежегодно составляло отчет с приложением документов. Назначенный к вакуфам мутавалли также состоял членом попечительства⁹².

Одно из отделений регламентировало существование духовных учебных заведений, которые учреждались приходами при каждой мечети на средства махалли, попечительствами и частными лицами с разрешения управления окружных ахунов. Учебные заведения делились на три ступени: а) низшие – мектебе, которые открывались в обязательном порядке в каждом приходе; б) средние – медресе, которое могло быть соединено с мектебе; в) высшие – «медресе-галия». Мугаллимы, хатибы и мударрисы были призваны курировать учебно-воспитательные вопросы под «ближайшим» надзором и руководством управления окружных ахунов и ОМДС⁹³.

доходов, а также приходские попечительства или мутаваллиев, организовать их отчетность и проверку представленных сведений; выдавать при необходимости своим подчиненным или посторонним лицам доверенности на управление и ведение судебных дел по делам о вакуфах.

⁹¹ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.188–189 об.

⁹² Попечительство осуществляло также прием пожертвований на нужды прихода или благотворительных учреждений, существующих при приходе, сбор денег на содержание приходского духовенства, на постройку или ремонт мечети по постановлению прихожан «в определенном с каждого прихожанина размере» и т.д. Приходы и расходы записывались в особой шнуровой книге, скрепленной печатью управления окружного ахуна, и попечительство должно было ежегодно отчитываться перед приходом о своей деятельности.

⁹³ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л. 189 об.–190.

Серьезное внимание в проекте было уделено также мечетям и молитвенным домам⁹⁴.

Реформа была направлена на усиление влияния и контроля ОМДС над приходским духовенством и социокультурными процессами, происходившими в приходах. Этой цели призваны были служить два новых института: а) управления окружных ахунов, которым была делегирована часть полномочий ОМДС и печатный орган – «Ежемесячник Мусульманского духовного собрания». Таким образом, контроль со стороны управлений окружных ахунов и печатное слово ОМДС были призваны важнейшими рычагами в усилении нравственно-религиозного воспитания и модернизации мусульманского сообщества. Выборы муфтия и заседателей делали легитимной административно-духовную власть ОМДС над исламскими религиозными институтами. Муфтий становился главой религиозной общины (амир аль-муминин), религиозно-культурная автономия приобретала завершённый вид, а ОМДС становилось правотворческим шариатским институтом (иджма). При этом не ставилось обязательным условием наличие у муфтия религиозного образования, наоборот, исходя из того, что муфтий становился представителем мусульман округа ОМДС перед имперской властью по отстаиванию их интересов, он (по смыслу документа) мог быть и светское образование.

ОМДС претендовало на учреждение и руководство благотворительными обществами – общественными организациями нового времени, которыми руководили светские лица, в городах эти общества

⁹⁴ Признав культовые здания местом поклонения Аллаху, пользующимся особым покровительством законов в плане неприкосновенности и ограждения от осквернения (ст. 80), документ констатировал, что «молитвенные дома разнятся от мечетей тем, что в них не совершается полуденной пятничной молитвы без разрешения муфтия и для открытия их не требуется особого разрешения» (ст. 82). В других случаях они пользовались равными с мечетями правами. Указывалось на неотчуждаемость земельного участка, выделенного под мечеть. Любопытен способ регулирования взаимоотношений мутаваллия и общины в отношении права распоряжаться мечетью: сам факт постройки частным лицом мечети должен был стать основанием для автоматической передачи культового здания в распоряжение местного общества (Там же. Л.190–190 об.).

являлись действенным институтом по решению местных социальных проблем и организации культурно-религиозной жизни общин.

Муфтий и члены ОМДС объявлялись сторонниками движения за выведение традиционных школ из ведения МПН и передачу их в распоряжение религиозного управления. Эта позиция опиралась на «Положение» по управлению мусульманским духовенством Закавказья 1872 г.

На компетенции ОМДС в сфере воспитания и обучения следует остановиться особо. В проекте, как само собой разумеющееся, признавалось преподавание в мектебах и медресе религиозных и светских дисциплин. Из ведения прихожан изымалось право назначения в учебные заведения преподавателей (передавалось в компетенцию управлениям окружных ахунов и ОМДС), кроме избрания мугаллима-сабиан (местный имам). Важным также являлось разделение ОМДС религиозно-обрядовых и преподавательских функций. Приходской имам не мог в будущем автоматически стать учителем среднего и высшего медресе без согласования с ОМДС. Обучение и воспитание нового поколения духовных кадров в средних и высших медресе переходили в распоряжение религиозного управления. Эти новшества призваны были создать правовую основу для широко-масштабной реформы системы национально-религиозного образования и ускорения модернизационных процессов в мусульманском сообществе.

Преобразование татарского языка в язык делопроизводства в ОМДС, управлениях окружных имамов и приходских духовных управлениях означало параллельное существование татарского языка наряду с государственным, русским, и имело политический оттенок, потому что вышеназванные институты признавались государственными учреждениями. Между тем внедрение татарского языка не требовало каких-либо дополнительных финансовых средств и, по сути, отражало реальную ситуацию в сфере применения татарского языка среди татарской интеллектуальной элиты и духовенства.

Расширение полномочий муфтия, который объявлялся представителем интересов мусульман перед правительством и особо доверенным лицом высшей власти и императора, означало своеобразный союз самодержавия и мусульман округа ОМДС. Религиозное управ-

ление с новыми полномочиями, по сути, превращалось в центр определения вектора развития мусульманской нации Волго-Уральского региона и Сибири. Для реализации заявленных в проекте положений были необходимы поддержка правительства, законодательное оформление новых прав, внесение изменений в действующие законы, частичное казенное финансирование. Однако в начале XX в. ОМДС уже не пользовалось «полным доверием» правительства⁹⁵.

Религиозно-духовные дела и управление исламскими институтами полностью выводились из-под контроля правительства; кроме технических аспектов строительства зданий исламских институтов, все решения Махкаме-Шаргия объявлялись окончательными. Принципиальной новизной, требующей непременно внесения корректировки в действующее законодательство, являлись: переподчинение медрес и медресе, которые в Волго-Уральском регионе с 1874 г. находились под контролем МНП, в непосредственное ведение ОМДС, 2) учреждение попечительств (мутаваллиатов), 3) легализация вакуфов, 4) учреждение ахунских округов, 5) передача вопросов строительства и ремонта мечетей в компетенцию Собраний. ОМДС сосредотачивало в своих руках всю образовательно-воспитательную деятельность мугаллимов и школы в махаллях; из ведения прихожан изымалось право назначения в учебные заведения (кроме начальной школы) преподавателей (это право передавалось управлениям округных ахунов и Духовному собранию). Предполагалось повсеместное введение начального образования путем учреждения во всех приходах медрес. Мулла не мог автоматически стать преподавателем среднего медресе. Обучение и воспитание нового поколения мусульман переходили в компетенцию религиозного управления. Эти новшества призваны были создать правовую основу для широкомасштабной и ускоренной подготовки нового поколения высокообразованных педагогических кадров для джадидских медресе.

Следует также отметить отсутствие в законопроекте нескольких важных разделов. 1) Система финансирования исламских религиозных институтов. Вопрос о механизмах финансирования в проекте сведен лишь к вакуфам, которых в округе было очень мало, и

⁹⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.279 об.

попечительствам, которые необходимо было создавать. 2) Приходы. Порой создается впечатление, что ОМДС специально передавало полномочия прихода попечительству, мутаваллиям, или забирало себе и делегировало окружным ахунам (в сфере образования), стараясь тем самым снизить влияние на реформы консервативных общественных отношений в сельских приходах. 4) Кладбища. Видимо, существующий порядок контроля над кладбищами Собрание вполне удовлетворяло. 5) Школы. По учебным заведениям ОМДС планировало специальное совещание улемов. На основе его решений, видимо, планировалось издание инструкций ОМДС, регламентирующих их учебно-образовательную деятельность.

4.3. «Проект положения об управлении духовными делами магометан» Габдерашита Ибрагимова

В конце XIX в. на общественную арену вышел деятель, сыгравший важную роль в деле духовной и политической консолидации тюркских народов России – Габдерашит Ибрагимов (1857–1944), который стал позиционировать себя в качестве общетюркского лидера⁹⁶.

По приглашению муфтия М.Султанова он был назначен в 1892 г. казыем, однако до истечения срока службы, в 1893 г., по собственному желанию оставил должность и выехал за границу. Ф.Ф. Галимуллин не исключает возможность его контактов во вре-

⁹⁶ Габдерашит Ибрагимов родился в семье ахуна Тары, обучался в медресе Тобольской и Казанской губерний. В период обучения в Медине (1879–1885 гг.) познакомился с трудами исламского реформатора Индии Сайд Ахмед-хана (1817–1898), видевшего возможность прогрессивного развития единоверцев в просвещении и распространении среди них достижений европейской науки и культуры, с работами основоположника доктрины панисламизма Джемаль ад-Дин аль-Афгани (1839–1897). В годы учебы в Медине Ибрагимов убедился в необходимости коренного реформирования системы религиозного образования в России, разработки новой методики обучения, обновления программы за счет включения в нее естественных дисциплин (Галимуллин Ф.Ф. Публицистические произведения Г.-Р.Ибрагимова как источники для изучения татарского общественно-политического движения (начало XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. С.14–22).

мя посещения Парижа с представителями организованного в 1891 г. центра турецкой эмигрантской оппозиции во главе в Ахмедом Риза-пашой (1857–1930) и группы турецкого тайного общества «Иттихад вэ таракки» («Единство и прогресс»)⁹⁷.

В 1895 г. Г.-Р. Ибрагимов издал за границей публицистическую книгу «Чулпан йолдызы» («Утренняя звезда»), которая пользовалась большой популярностью среди мусульман Волго-Уральского региона и тайно передавалась из рук в руки. По мнению Галимджана Ибрагимова, эта работа, освещающая незавидное положение мусульман в России и призывающая к реформам и приобщению к европейской культуре, была до революции 1905–1907 гг. «гласом вопиющего в пустыне»⁹⁸. Надир Давлет считает эту брошюру первым политическим документом, составленным представителем тюркских народов России⁹⁹.

Габд. Ибрагимов обращал особое внимание на неравноправие мусульманских народов в государстве. Первейшим условием «светлого будущего татар» Габд. Ибрагимов считал реформирование ОМДС. С целью повышения нравственного авторитета ОМДС, устранения взяточничества при сдаче экзаменов и формальности испытаний кандидатов в муллы он предлагал повысить ежемесячное жалованье заседателям религиозного управления, определять на эти ответственные должности честных, старательных ученых, назначение которых должно было, по его мнению, осуществляться путем проведения муфтием совещаний с представителями татарской элиты – учеными и баями. Казыи, в свою очередь, были призваны превратить религиозное управление в авторитетный институт мусульманского сообщества, повысить требования к кандидатам на духовные должности. Для укрепления связей ОМДС с духовенством предлагалось проводить ежегодные совещания с участием видных ученых с тем, чтобы деятельность ОМДС была направлена на претворение в жизнь коллективных решений лидеров миллета. Важнейшими источниками внебюджетных поступлений ОМДС, по мнению Габд. Ибра-

⁹⁷ Галимуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 36.

⁹⁸ Ибрагимов Г. Курс. хезмэт. 267–268 б.

⁹⁹ Дәүләт Н. Курс. хезмэт. 67–68 б.

гимова, могли бы стать ведомственная газета, с обязательной подпиской всех духовных лиц, и издание Корана исключительно в типографии ОМДС. Ибрагимов считал, что религиозное управление должно взять на себя заботу о подготовке талантливых шакирдов, премировать и награждать медалями их учителей и публично критиковать беспечных мударрисов. Такой подход, по его убеждению, позволил бы приблизить проведение реформы в мусульманском сообществе. Введя стипендии в медресе и стимулируя шакирдов к получению знаний, духовные лица, считал он, должны прекратить личные склоки, ссоры, и читать прихожанам проповеди, полезные для земной и загробной жизни¹⁰⁰.

Дальнейшие действия Г.-Р. Ибрагимова после возвращения на родину во многом повторяли шаги И. Гаспринского по трансляции своих идей среди единомышленников. В 1896–1897 гг. он совершил поездку по отдаленным регионам расселения мусульман, познакомился с местными лидерами, в 1900 г. начал издавать в Санкт-Петербурге альманах «Миръят яхуд кѳзге», получивший в народе название «Кѳзге» («Зеркало»). В 1902 г. издал 8, в 1903 г. – 4, в 1907–1909 гг. – еще 4 номера альманаха¹⁰¹.

В 1902–1903 гг. Габд. Ибрагимов посетил Японию, где вел антирусскую агитацию, за что по просьбе российского посольства был выслан из страны. Возвратившись в столицу, он продолжал издавать свой альманах. Весной 1904 г. Ибрагимов вновь уехал в Стамбул, где его политическая деятельность привлекла внимание русской разведки. Членами организованного им кружка, состоявшего из российских эмигрантов, была составлена программа требований с целью добиться расширения гражданских прав соотечественников-единомышленников в сферах образования, управления духовными делами и вероисповедания, в которой российские мусульмане рассматривались как единая этнокультурная общность. Важно отметить, что документ был отправлен не только ряду соотечественников, в том числе оренбург-

¹⁰⁰ Загидуллин И.К., Байбулатова Л.Ф. Тюрко-татарская периодика как зеркало социокультурной ситуации в татарско-мусульманском сообществе // Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы. Казань, 2014. С.18–19.

¹⁰¹ Галимуллин Ф.Ф. Указ. соч. С. 36–40.

скому купцу 1-й гильдии Махмуту Хусаинову, но и в посольства Англии и Германии, находившиеся в Стамбуле.

Суть основных требований программы заключалась в расширении религиозно-культурной автономии мусульман: прекращение практики назначения на должности муфтия лиц, окончивших русские учебные заведения (п. 2); предоставление права мусульманам самим избирать членов и председателя религиозных управлений (п. 1), передача вопросов образования единоверцев под управление муфтия и попечителей школ (п. 3); разрешение бракоразводных дел и вопросов наследства исключительно по нормам шариата (п. 7); «дарование» сельским общинам «полного самоуправления» и запрещение объединять их с русскими крестьянскими общинами (п. 15); работа лавок мусульман в дни христианских религиозных праздников (п. 24), прекращение практики похорон умерших мусульман лишь после выдачи свидетельства о смерти (п. 28).

В отдельную группу можно выделить требования, направленные на реализацию принципа добровольности изучения и распространения государственного языка: необязательность введения в школах светских наук, знания имамами русского языка и преподавания на нем (п. 4, 6); освобождение от угрозы закрытия учебных заведений в случае отказа мусульман от изучения светских предметов (п. 5).

Ключевыми в понимании требований о свободе вероисповедания являлись положения о реализации в России принципа свободы совести: «никому не запрещать исполнять заповеди божественного закона» (п. 11); «вернуть нам наши права и свободу совести» (п. 23); даровать «полную свободу» в религиозных делах (п. 25); прекратить христианское просвещение мусульман (п. 17); разрешать желающим переходить в ислам (п. 22); прекратить «записи священниками мусульман в приходские книги христианскими именами» (п. 20) (имелись в виду возвратившиеся в ислам крещеные татары, которых российское законодательство не признавало мусульманами. – *И.З.*) и др.

Ряд положений был связан с необходимостью защиты религиозных прав и достоинства мусульман от посягательств светской власти, РПЦ и христиан: «не глумиться» над исламом (п. 19); не вмешиваться земским начальникам «в дела о разводах» (п. 29). Защита религи-

озных прав военнослужащих-мусульман сводилась к назначению в каждой войсковой части, где проходили службу мусульмане, военного муллы, к запрету кормить их свининой (п. 26); «не принуждению их воевать против единоверцев» (п. 27). В плане предоставления равных прав с православными священниками представляет интерес предложение об освобождении мулл от воинской повинности (п. 16). Имелись требования, посвященные защите религиозных прав казахов-кочевников: прекратить христианское просвещение среди казахов, позволять им свободно исповедовать ислам и поступать по мусульманскому закону (п. 10); разрешать татарским и казахским улемам преподавать казахам основы ислама (п.п. 8, 9)¹⁰². Таким образом, стамбульские требования Г.-Р. Ибрагимова были направлены на достижение российскими мусульманами равных прав с русским населением империи и расширение религиозно-культурной автономии.

7 августа 1904 г. в генеральном консульстве России в Стамбуле Габд. Ибрагимов был задержан и переправлен в Россию. Информация о его аресте получила широкое распространение среди российских мусульман. Благодаря материальной и моральной поддержке друзей и из-за отсутствия веских улик 21 августа он был освобожден из одесской тюрьмы.

Для выяснения общественного настроения региональных лидеров и составления плана действий Габд. Ибрагимов посетил ряд крупных татарских общин. В Уфе своим бывшим сослуживцам по ОМДС Габд. Ибрагимов передал записку, в которой речь шла об увеличении количества членов Собрания, о передаче в его ведение всех мектебов и медресе, об учреждении при нем Школьного отдела и создании его подразделений в регионах и т.д. Однако казьи посчитали эти предложения неосуществимой мечтой¹⁰³.

Накануне открытия совещания улемов в Уфе Габд. Ибрагимов был занят вопросами партийного строительства: в Санкт-Петербурге 8 апреля 1905 г. в своей квартире он встретился с общественными деятелями Закавказья, на этой встрече обсуждались также вопросы реформы управления духовными делами мусульман.

¹⁰² Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань, 2014. С.392–394.

¹⁰³ Жарулла Муса. Курс. хезмәт. 3 б.

В фонде 821 РГИА среди петиций мусульман, адресованных в Комитет министров, сохранился машинописный документ под названием «Проект положения об управлении духовными делами магометан Габдерашита Ибрагимова». Первой о данном документе написала профессор О.Н.Сенюткина¹⁰⁴.

Текст проекта логически структурирован, каждый раздел несет собственную смысловую нагрузку. Выделенное заглавие «Средства содержания духовных управлений» не обозначено как самостоятельный раздел, однако по своей тематике и содержанию претендует быть им. Затерявшиеся последние листы не позволяют установить дату составления текста, точно указать количество глав в документе, однако можно предположить, что еще имелся раздел о мечетях и молитвенных домах, а также о попечительствах. В имеющемся последних листов документе всего восемь разделов и 77 параграфов.

Структура «проекта» Габд. Ибрагимова 1905 г.¹⁰⁵ *Таблица 9*

Раз- делы	Названия разделов	Номера §§	Кол-во §§
I.	Права мусульман по вероисповеданию	1, 2	2
II.	Духовное управление мусульман	2–11	9
III.	Состав Махкаме-Шаргия	12	1
IV.	Права и обязанности духовных управлений	13–28	16
V.	Состав присутствий и делопроизводство	29–46	18
VI.	Иерархические степени духовных лиц мусульман	47–61	15
VII.	Вакуфы	62–71	10
VIII.	Мектебе и медресе	72–76	5
	Средства содержания духовных управлений	77-?	1+?

¹⁰⁴ Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения): монография. Н.Новгород, 2005. С.33–34.

¹⁰⁵ РГИА, ф.821, оп.10, д.24, л.4–14.

Сопоставление документа с проектом устава ОМДС 1905 г. позволяет утверждать, что он является промежуточным проектом между итоговым документом курултая и законопроектом 1905 г. – переведенным на русский язык и заново структурированным его вариантом. Именно этот текст впоследствии усиленно дорабатывали юристы А.Ахтямов и Альбинский, уточняя, дополняя и усиливая отдельные положения и предложения с правовой точки зрения, прежде чем передать муфтию для отправки в Комитет министров. Перед отправкой в Комитет министров в этот текст Габд. Ибрагимов включил ряд своих замечаний.

По нашему мнению, Габд. Ибрагимов получил от одного из членов «смешанной» редакционной комиссии переведенный на русский язык и заново структурированный итоговый документ курултая, т.е. незавершенный вариант проекта устава ОМДС 1905 г. Очевидно, в документе нашли воплощение многие его идеи, которые он часто озвучивал. Соглашаясь с большинством положений документа, исправив и дополнив некоторые из них, переименовав статьи в параграфы и перепечатав, Габд. Ибрагимов адресовал проект в Комитет министров как собственное произведение. Мы далеки от обвинения Габд. Ибрагимова в плагиате. В данном случае он действовал как социально активный и выступающий за развитие миллета общественный деятель, политик. У него не было времени на составление собственного оригинального проекта реформы управления духовными делами мусульман округа ОМДС.

В этом разделе мы постараемся определить оригинальные идеи Габд. Ибрагимова, которые он внес в промежуточный проект устава ОМДС, путем сопоставления с текстами устава ОМДС 1905 г. и итогового документа курултая.

В полученном Габд. Ибрагимовым промежуточном варианте проекта уже была прописана зафиксированная в законопроекте 1905 г. трехступенчатая иерархия духовенства.

Главным лейтмотивом *главы I* проекта под названием «*Права мусульман по вероисповеданию*» звучит идея, зафиксированная в «Основных законах» Российской империи (статьи 42–45): «Мусульмане... должны пользоваться свободным исполнением обрядностей своей веры, богослужений повсеместно во всей Империи. Должно

быть предоставлено пользование всеми правами гражданства, наравне с коренным населением России – как граждан одного государства, не подвергаясь никаким ограничениям, в правах как общежития, так равно и духовно-религиозных обрядностях и требованиях, основанных на условиях Шариата»¹⁰⁶ (§1)¹⁰⁷. В §2, где перечисляются аспекты «свободы вероисповедания»? Габд. Ибрагимов подчеркнул необходимость учреждения высших школ с преподаванием на родном языке учащихся и предоставления мусульманам возможности говорить в мечетях «проповеди в назидательно-религиозном духе не только муллам, но всем правоверным мусульманам, но с разрешения муллы», что превращало бы места совершения коллективных молитв в центры трансляции новых общественных идей¹⁰⁸.

В главе II под названием «Духовное управление магометан»¹⁰⁹ границы округа ОМДС соответствовали территории, зафиксированной в итоговом документе курултая, хотя они излагались в новой редакции: за исключением Таврического полуострова и Закавказья «входит все мусульманское население Европейской России, северной части Кавказа, Западной и Восточной Сибири, Семипалатинской и Акмолинской областей» (§4).

Среднее звено управления в тексте Габд. Ибрагимова названо «губернским меджлисом» (§3), коллегиальным учреждением, состоящим из трех членов и учреждаемым в каждой губернии. В присутствии меджлиса население губернии избирало ахунов, в случае

¹⁰⁶ РГИА, ф.821, оп.10, д.24, л.4.

¹⁰⁷ В законопроекте 1905 г. это положение изложено без назидательного тона: «Мусульмане-сунниты (мусульмане суннитского учения), в силу дарованных прав Основными законами Российской империи (42–45 ст[атьи] 1 т[ома] 1 ч[асти] Зак[онов] Осн[овных] и 1 ст[атьи] Уст[ава] духовн[ых] дел иностран[ных] испов[еданий] по изд[анию] 1896 г[ода]), пользуются полной свободой отправления своей веры и богослужения повсеместно в империи и всеми общегражданскими правами наравне с русским населением, как полноправные граждане государства, не подвергаясь никаким ограничениям и стеснениям в своих правах как магометане-сунниты, и в сфере своей духовно-религиозной жизни управляются в пределах, предоставленных общими государственными законами, своими религиозными законами и правилами шариата» (ст.1).

¹⁰⁸ РГИА, ф.821, оп.10, д.24, л.4–4 об.

¹⁰⁹ Там же. Л.4 об.–5 об.

их недостатка в крае эти должности замещались мударрисами и имам-хатибами (§ 6). В регионах с малочисленным мусульманским населением местные приходы подчинялись меджлису соседней губернии (§ 7). Меджлис являлся не стационарной, а мобильной духовной судебной инстанцией (с собственной канцелярией и писцами), выезжающей по графику не менее четырех раз в год в местности, где накапливались нерешенные дела приходов (§ 8, 9).

Согласно Габд. Ибрагимову, приход также имел в своей структуре, кроме приходского управления (§ 10), избранное местными жителями попечительство в составе трех человек, в круг обязанностей которого входили: «заведывание имуществом мечетей, наблюдение за благоустройством их, местных школ, а равно выполнение обязательств прихода по отношению содержания причта» (§ 11).

Глава III под названием «Состав Махкаме-Шаргия»¹¹⁰ состоит из одного параграфа, в котором председателя Собрания – муфтия – Габд. Ибрагимов именовал главой всего духовенства (в итоговом документе курултая муфтий был назван духовным главой миллета (ст.23), в законопроекте 1905 г. (ст.47) и действующем уставе ОМДС¹¹¹ – главой всех мусульман).

В главе IV под названием «Права и обязанности духовных управлений»¹¹² со ссылкой на указ от 14 декабря 1904 г. сообщалось о равных правах Махкаме-Шаргия с религиозными управлениями других конфессий (§ 13).

В полученном промежуточном варианте законопроекта Габд. Ибрагимов указал печатное издание религиозного управления – «Еженедельник Махкаме-Шаргия», определив и его периодичность (4 раза месяц).

Для получения наглядного представления о разнице между первоначальным текстом, переведенным на русский язык и структурированным членами «смешанной» редакционной комиссии до окончательного редактирования юристами, и его окончательным вариантом – законопроектом 1905 г. – представляем таблицу 10.

¹¹⁰ РГИА, ф.821, оп.10, д.24, л.5 об.

¹¹¹ Об управлении духовенства, принадлежащего округу Оренбургского магометанского духовного собрания. Изд. 1896 г. // СЗРИ. Т. 11. Ч.1. С.1421.

¹¹² РГИА, ф.821, оп.10, д.24, л.5 об.–9 об.

Таблица 10

Перечень вопросов, по которым ОМДС принимает решение¹¹³

<i>Законопроект 1905 г.</i>	<i>«Проект» Габд. Ибрагимова</i>
Ст.19. «Мусульманским духовным учреждениям магометан-суннитов присвоится право самостоятельного вершения нижеследующих дел:	§16. «К компетенции Махкаме-Шаргия на основании вышеизложенного относятся следующие дела и вопросы:
1) о порядке богослужения, исполнения обрядов веры и вообще по вопросам вероисповедного характера;	а) о порядке богослужений, исполнения обрядностей веры и вообще по вопросам вероисповедного характера;
2) об исправлении духовных треб;	б) об исполнении духовных треб;
3) о заключении и расторжении браков мусульман между собою, с применением к этим делам исключительно религиозных в этой области правил в полном их объеме, без всяких ограничений и стеснений. <i>Примечание.</i> Ограничения, указанные в ныне действующем законодательстве, а равно и в проекте нового Гражданского уложения, выработанном Высочайше учрежденной Редакционной комиссией по составлению нового Гражданского уложения, имеют быть отменены;	в) о заключении и расторжении браков мусульман, применяя к этим делам исключительно требования религии в полном объеме без всяких ограничений;
4) о ведении метрических книг для занесения совершения и расторжения браков, актов рождения и смерти, причем право розысков, предоставленное православному епархиальному ведомству 265 ст. Уст. Дух. консисторий, распространяется и на Мусульманское духовное собрание;	г) о ведении метрических книг для записей рождения, бракосочетания, смерти. Причем право розысков, предоставленное епархиальному ведомству ст.265 Устава духовных консисторий, должно быть предоставлено и мусульманскому духовному учреждению;

¹¹³ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.161–162 об.; д.24, л.6–6 об.

Глава IV. Документы, поступившие в Комитет министров

5) о спорах, возникающих на почве взаимных личных и имущественных правоотношений супругов и семейно-родственного союза (как, напр[имер], о мегаре, иддатном содержании, о воспитании и содержании детей, нарушении супружеской верности, неповиновении детей родителям и т.п.), а равно и о праве наследования по шариату и завещанию, по определению наследственных долей и о разделе наследства между мусульманами;	д) о спорах, возникающих между супругами на почве личных и имущественных правоотношений, семейно-родственного союза (о мегаре, иддатном содержании, о воспитании и содержании детей, нарушении супружеской верности, о неповиновении детей родителям и т.п., а также о праве наследства по Шариату, завещанию, об установлении доли наследства и сам раздел;
6) по надзору за существующими мусульманскими приходами, упорядочению этих приходов, об открытии и упразднении приходов, по надзору и наблюдению за мечетями и молитвенными домами, а равно за кладбищами, мектебе и медресе;	е) надзор над существующими мусульманскими приходами, упорядочение их, открытие, упразднение приходов; наблюдение за мечетями, молитвенными домами, кладбищами и школами;
7) по надзору за духовными учреждениями и духовными лицами всех степеней всего округа Духовного собрания – муфтията, в порядке подчинения;	ж) надзор за духовными учреждениями и духовными лицами всех степеней;
8) заботы и попечения о снабжении приходов духовными лицами, назначении их и утверждении в должностях;	з) заботы о снабжении приходов духовными лицами и утверждении их в должностях;
9) по надзору и наблюдению за выборами должностных лиц духовного ведомства, рассмотрению и проверке избирательного делопроизводства;	и) надзор за выборами должностных лиц духовного звания;
10) о разрешении постройки мечетей, капитальном и частичном ремонте их и о перенесении таковых из одного места в другое;	й) разрешение на постройку мечетей, на капитальный и малый ремонт;

11) об изыскании материальных средств к покрытию расходов по удовлетворению духовно-религиозных нужд; по учреждению вакуфов, надзору и заведыванию ими, а равно хранению и распоряжению и другими имуществами и капиталами, имеющими быть приобретенными на религиозные нужды по всем предметам ведения духовных учреждений;	к) об изыскании материальных средств на удовлетворение духовно-религиозных нужд; учреждение надзора по заведыванию ими, имуществами приобретенными и могущими быть приобретенными;
12) по заботам и попечениям о духовно-религиозном воспитании и образовании детей, призрению сирот и подкидышей, открытию конфессиональных и иного типа духовно-религиозных и народно-образовательных мектебе и медресе и вообще учебных заведений, в целях осуществления предписываемого шариатом обязательного бесплатного и всеобщего учения всех подведомственных сим управлениям мусульман.	л) заботы и попечение о духовно-религиозном воспитании и образовании детей, призрению сирот, открытию конфессиональных и другого типа духовно-религиозных и народно-воспитательных школ на основании требований шариата; о бесплатном и всеобщем обучении всех подведомственных Махкаме-Шаргия мусульман.

Новшеством Габд. Ибрагимова следует признать учреждение им «Учебного отдела» Собраниа, призванного осуществлять «высший надзор, наблюдение и руководство» мектебами и медресе. Именно в его компетенция былл отнесено «полное руководство» сферой образования мусульман, а также корректура и цензура изданий Корана, богослужебных и прочих книг (§ 24). В меджлисах это направление курировал мухтасиб, выполняющий следующие функции: а) руководство и наблюдение за учебной частью на основании указаний учебного отдела; б) разработка программ для мектебов и медресе; «в) своевременное требование из учебного отдела пособий, книг для школьных библиотек, соображаясь с требованиями населения и имея в виду воспитание народа в религиозно-нравственном отношении в

духе своей религии; г) представление [прошений] об открытии новых школ, вызываемых действительною потребностью; д) наблюдение за правильным ходом учебных занятий, за преподавателями, делая выбор их, перемещая из одной школы в другую по своему усмотрению, но утверждение в должностях преподавателей должно исходить из учебного отдела по представлению мухтасиба, как равно повышение окладов и представление к получению наград» (§ 26). При этом все свои решения мухтасибы приводили в исполнение после утверждения их учебным отделом (§§ 27, 28).

В *главе V* под названием «*Состав присутствий и делопроизводство*»¹¹⁴ сосредоточены положения о регламентации деятельности всех трех звеньев управления исламскими институтами. Здесь Габд. Ибрагимову, по нашему мнению, принадлежат предложения об определении секретаря заместителем муфтия и председательствующим на заседаниях при его отсутствии (§29); о включении в состав общего присутствия архивариуса – заведующего архивом, работающего под руководством одного из казыев (§31).

Новшеством Габд. Ибрагимова также представляется возложение на межлисы дел, связанных с производством испытаний в познаниях, требующихся и предоставляющих право на получение духовного звания: хатиба, имама, мугаллима, муэдзина и мугаллима-сабиана, т.е. в этой области межлис призван был выступить посредником между соискателями и Собранием.

В *главе VI* под названием «*Иерархические степени духовных лиц мусульман*»¹¹⁵ Габд. Ибрагимов проявил творческий подход при определении порядка выборов муфтия и кадиев. Срок службы муфтия предлагался не более 6 лет (§48), к выборам допускалось только высшее духовенство. По сценарию Габд. Ибрагимова, к назначенному дню в Уфу приезжали «в полных составах» члены всех межлисов «как представители населения мусульман, выбранные в свою очередь этим же населением в своих настоящих должностях». Особыми записками они намечали своих кандидатов; записки опускали

¹¹⁴ РГИА, ф.821, оп.10, д.24, л.9 об.–11 об.

¹¹⁵ Там же. Л.11 об.–13.

в урну и затем приступали к баллотировке шарами. Получивший большинство белых шаров считался избранным. Протокол об итогах выборов муфтия министром внутренних дел представлялся на утверждение императору (§ 48).

При выборах казыев территория делилась на избирательные округа, включающие не менее 6 меджлисов, и такая избирательная единица вместе с высшим духовенством избирала кадиев на один год, на следующий – другие 6 меджлисов и так далее (§§55, 56)¹¹⁶.

При регламентации «личных прав» муфтия Габд. Ибрагимов предоставил председателю Собрания право «созыва собраний для обсуждения основных вопросов, выдвигаемых временем», без уточнения периодичности и состава участников (§51)¹¹⁷.

Глава VII под названием «Вакуфы» (§§62–71) и глава VIII под названием «Мектебе и медресе» (§§72–76)¹¹⁸ в целом по содержанию совпадают с отделениями «О вакуфах», «О приходских при мечетях попечительствах», «Мектебе и медресе» законопроекта 1905 г.

Наибольший интерес представляет подраздел «Средства на содержание духовных управлений»¹¹⁹, в котором Габд. Ибрагимов прописал возможные доходы Собрания.

¹¹⁶ В Махкаме-Шаргия в назначенный день под председательством муфтия и в присутствии избирателей вскрывались конверты и первые шесть человек, получившие большинство, считались избранными в казыи (§ 57). Из числа выбранных муфтий своей властью может отвести одного, и на его место поступал следующий по числу голосов (§58). Получившие одинаковое число голосов избирались «вытением жребия» (§59). Срок службы казыев Ибрагимов не стал уточнять.

¹¹⁷ Согласно итоговому документу курултая муфтий имел право созывать не менее чем раз в три года совещание мусульманских деятелей (без уточнения: духовные лица или «светские мусульмане») для обсуждения вопросов приведения в соответствие с нормами шариата вызванных прогрессом современных общественных явлений. По законопроекту 1905 г., на такие совещания, проводимые не менее как раз в три года, приглашалось только мусульманское высшее духовенство (ст.49).

¹¹⁸ РГИА, ф.821, оп.10, д.24, л.13–14.

¹¹⁹ Там же. Л.14.

Прежде всего, он увеличил казенные расходы на содержание ОМДС до 500 тыс. руб. Начиная с 1829 г. в Собрание от приходского духовенства поступали суммы за покрытие расходов издания двух экземпляров метрических книг. Отныне эта сумма устанавливалась в размере 1 руб. за книгу. Другой источник внебюджетных доходов Собрания заключался в брачном сборе с мусульман. Хорошо знающий особенности демографической ситуации среди единоверцев, Габд. Ибрагимов выискал возможность получения от богатых мусульман дополнительных средств на общественные нужды, вводя за регистрацию в метрической книге следующие налоги:

- с каждого новорожденного – 20 коп.;
- с 1-го брака – 50 коп.;
- со 2-го брака, заключаемого при жизни 1-й жены – 5 руб.;
- с 3-го брака, заключаемого при жизни 1-й и 2-й жены – 50 руб.;
- с 4-го брака, заключаемого при жизни 1, 2 и 3-й жены – 100 руб.;
- за каждый развод – 1 руб.

Отныне в кассу Собрания также должны были поступать проценты из пожертвований (зюкат) и др. Значительные поступления ожидалось от доходов учреждаемого при Махкаме-Шаргия комитета, который получал монопольное право на печатание Корана, а также от издания на татарском и русском языках «Еженедельника Махкаме-Шаргия» по подписке.

В целом, согласно Габд. Ибрагимову, система религиозного управления в округе Махкаме-Шаргия становилась более автономной, мусульмане и духовные лица сами решали основные насущные вопросы духовной жизни с минимальным контролем со стороны государства. Новшествами в данном проекте представляются: именование института среднего звена управления губернским меджлисов, система внебюджетных источников доходов Духовного собрания, порядок выборов муфтия и казыев и ряд положений, отражающих подходы Габд. Ибрагимова к обновлению общественного развития единоверцев: равноправность ОМДС с христианскими духов-

ными управлениями; определение муфтия только главой корпорации духовенства, а не всего миллета; преподавание во всех ступенях этноконфессиональной школы, в том числе в высшей, на родном языке учащихся; введение эффективной системы контроля и управления учебными заведениями (Школьный отдел Собраниа – мухтасибы медрес), позволяющей системно реформировать медресы и медресе, улучшить качество программ, пособий, процесс обучения и преподавательский состав, и превращение мечетей в центры трансляции единоверцам новых идей во время пятничных полуденных молитвенных собраний.

Однако, как и другие проекты и петиции мусульман, послание Габд. Ибрагимова не было удостоено внимания сановников и спустя столетие стало находкой историков-исследователей.

ГЛАВА V

После окончания работы курултая

5.1. Замечания к законопроекту

Искушенный в кабинетных играх муфтий М.Султанов запретил публикацию текста законопроекта в периодике. Точно известно, что документ был напечатан на пишущей машинке в трех экземплярах, один из которых 12 мая 1905 г. был отослан муфтием в Комитет министров.

Принимая во внимание в целом неодобрительное отношение мусульман к деятельности ОМДС, М.Султанов правомерно предположил, что если проект станет достоянием общественности, начнется новая волна непредсказуемого обсуждения, которая может вызвать петиционную кампанию, потому что среди 12-тысячной корпорации духовенства округа ОМДС непременно найдутся оппоненты, каждый из которых будет считать свое мнение единственно правильным и посчитает своим долгом довести его до сведения премьер-министра как альтернативное к положениям проекта устава; протестные акции в условиях гласности могли нанести непоправимый удар авторитету курултая и дискредитировать проект устава, который еще до начала обсуждения мог быть положен чиновниками под сукно.

Дополнения муфтия М.Султанова к проекту устава ОМДС

Соблюдая выдержку, как опытный политик, оренбургский муфтий не стал открыто критиковать целый ряд раздражающих его положений проекта устава ОМДС; в своей речи на закрытии совещания он лишь отметил свое несогласие со сроками избрания будущего муфтия.

После ознакомления с текстом итогового документа курултая и до отправки по почте 12 мая 1905 г. его отредактированного и переведенного на русский язык варианта, муфтий усиленно трудился

над своими замечаниями. Поэтому помимо проекта устава, докладной записки «светских мусульман», не участвовавших в работе совещания мероприятия, к своему письму на имя председателя Комитета министров С.Ю.Витте М.Султанов приложил и записку со своими замечаниями.

Муфтий писал: «Вместо предположенных многочисленных управлений окружных ахунов, я считаю предпочтительным учреждение духовных медресис, подобно существующим в Закавказье, учреждаемым на одну или несколько губерний, и в числе не более 10 на весь округ Оренбургского духовного собрания. Такие учреждения, являясь апелляционной инстанцией по делам, подведомственным магометанскому духовенству, представлялись бы более авторитетными в глазах населения, чем те мелкие, чисто местного характера, учреждения, которые проектируются под названием управлений окружных ахунов». Он по-новому определял порядок выборов муфтия, членов ОМДС, председателя и членов духовных медресис¹. Вместо трехлетнего срока службы членов ОМДС теперь им рекомендовалось установить шестилетний с заменой ежегодно одного из шести казыев.

Ст. 44 данного проекта М.Султанов предложил дополнить особым пунктом, «указывающим как особо важную обязанность противодействовать всеми мерами развитию в магометанском населении пьянства», а ст. 60 — определением должности имама как помощника хатиба, исполняющего его обязанности во время его отсутствия, болезни и т.п. Также он предложил дополнить ст. 20 следующим положением: разрешать обществам башкир и крестьян отводить из свободных земель наделы для мечетей для обеспечения их существования и содержания приходского духовенства.

¹ Предполагалось выборы муфтия, членов ОМДС, председателя и членов духовного медресиса, приходских чинов проводить в мечетях в пятницу, после полуденной праздничной молитвы, голосовать посредством записки на русском или татарском языке в бланк избирательного списка каждым грамотным избирателем собственноручно, а неграмотным через другое лицо... Подсчеты голов путем вскрытия поступивших конвертов проводятся во время публичного заседания Духовного собрания с участием представителя прокурорского надзора и чиновника, назначенного МВД.

Как было указано выше, Положением Комитета министров от 17 апреля 1905 г., изложенным в указе от того же числа, об укреплении начал веротерпимости учреждаемому Особому совещанию по делам веры было предписано разработать комплекс вопросов, касающихся исламских институтов, в том числе предполагался пересмотр постановлений, касающихся исполнения мусульманами религиозных обрядов во время отбывания ими воинской повинности².

Муфтий также представил разработанные им правила назначения мулл в войсковых частях и в российских тюрьмах, которые предлагал включить как дополнение в отделение 13 (ст. 60–63) главы III проекта устава ОМДС 1905 г.³ Закрепление этого аспекта «мусульманской темы» в уставе ОМДС имело принципиальное значение: ранее религиозное управление участвовало в назначении военных мулл.

Разработанные М.Султановым правила условно можно разделить на три части, каждая из которых предусматривала регламентацию религиозных прав различных групп мусульман. В частности, по поводу порядка исполнения религиозных прав мусульман-казачков в иррегулярных войсках было заявлено следующее: «На магометанское духовенство в казачьих войсках, в районе Магометанского духовного собрания распространяются общие правила об управлении магометанского духовенства с тем исключением, что кроме приходских духовных лиц, состоящих при мечетях, назначаются во время походов, учебных сборов и т. п. особые полевые муллы по одному на каждый полк, в составе которого имеются казаки магометанского вероисповедания. Эти муллы назначаются по соглашению военного начальства с Духовным собранием и отправляют духовные обязанности только во время похода».

В регулярной армии предлагалось учредить штатные должности военных мулл, назначаемых Духовным собранием по соглашению с военным начальством, по одному при каждом корпусе в военное время, по одной единице в каждом военном округе – в мирное время. В обязанности военных мулл должны были входить «совершение богослужений, исполнение религиозных обрядов и треб для военно-

² РГИА, ф.821, оп.133, д.517, л.58.

³ РГИА. ф.821, оп.8, д.611, л.260–263.

служащих магометанского вероисповедания, с запиской совершаемых треб в метрические книги, выдаваемые ежегодно из Духовного собрания». Здесь важным представляется обязанность по ведению метрических книг, что интегрировало бы военного муллу в военно-административную систему российской армии в качестве регистратора актов гражданского состояния, случаев смерти военнослужащих-мусульман и передача ему этой обязанности от офицерского состава. Очевидно, расширение полномочий военных мулл планировалось в рамках достижения равноправия с военными священниками, и новые компетенции качественно меняли статус военного муллы в российской армии.

Местожителство военного муллы должно было назначаться по соглашению военного начальства с Духовным собранием, следовательно, военный мулла мог квартироваться не только в городе, где располагался штаб военного округа, но и в других местах, видимо, здесь имелись в виду войсковые части, в которых дислоцировались наиболее многочисленные группы солдат мусульманского вероисповедания.

Отсутствие у М. Султанова представления о структуре управления военно-морским флотом Российской империи отразилось в следующей неудачной формулировке, изложенной в качестве примечания к правилам жизнедеятельности института военных мулл в сухопутных регулярных войсках: «Это же правило относится к магометанским муллам во флоте». В данном случае для М. Султанова было важным закрепить положение о наличии штатов военных мулл в военно-морском флоте. Если рассматривать военно-морские силы империи по аналогии с военными округами, то резонно утверждать, что в мирное время при штабе командующего каждого российского флота, должен был быть штат военного муллы.

Наконец, третья часть правил муфтия регламентировала обязанности мулл при таких правительственных и общественных учреждениях, как тюрьмы, больницы богадельни, приюты. Мусульманские духовные лица при них назначались Духовным собранием «по соглашению с подлежащим начальством». Муфтий счел необходимым расписать обязанность мулл при тюрьмах: «религиозно-нравственное воздействие на заключенных, совершение богомоления в торжест-

венные дни, религиозное утешение больных, погребение с соблюдением обрядов религии умерших и совершение других треб с запиской в метрические книги, выдаваемые Духовным Собранием». Следовательно, и в случае с регулярной армией, из первых рук, т.е. от муллы, ведущего метрическую книгу, Духовное собрание хотело получать сведения о смерти и месте погребения каждого правоверного.

Член Особого совещания по делам веры под председательством А.П.Игнатьева В.П.Череванский, специализировавшийся на петициях мусульманских народов страны, весьма нелестно отозвался о прошении М.Султанова от 12 мая 1905 г. за №268, адресованном председателю Комитета министров С.Ю.Витте: «важно будет разобраться в вожделениях оренбургского муфтия, который похваляется в большинстве своих ходатайств своим консерватизмом, как драгоценнейшим достоянием народной нравственности; при этом консерватизм смешивается с косностью, требующею разрыва не только с мировой культурой, но даже и с речью господствующего в стране племени»⁴.

Замечания духовных лиц г.Казани

Отношением от 18 мая 1905 г. за №279⁵, в дополнение к своему письму от 12 мая, муфтий представил председателю Комитета министров переведенный переводчиком ОМДС Мухаммадсалимом Уметбаевым рапорт 15 имамов и мударрисов г.Казани по вопросу о пересмотре проекта устава религиозного управления. Среди подписавших письмо отсутствовали фамилии участников курултая Г.Апанаева и Г.Баруди⁶.

⁴ РГИА, ф.821, оп.150, д.411, л.3.

⁵ РГИА, ф.821, оп.10, д.15, л.17.

⁶ Ахун 5-й мечети Мухаммад-Юсуф Сагитов, имам и мударрис 4-й мечети Мухаммадсабир Халитов, имам-хатиб 8-й мечети Ибрагим Халитов, имам 2-й мечети Мухаммадкасым Эльсани, имам Казаковской мечети Хабибулла Усманов, Азимовской мечети мударрис Хисамутдин Гафаров, имам той же мечети Мирза Абдулла Абдулгафаров, имам, мударрис той же мечети Абдулкаюм Абдулбадыгов, имам 1-й мечети Сафиулла Абдуллин, имам Сеннобазарой мечети Шакир Уразгильдеев, имам 11-й мечети Канафитдин Таджиманов, имам 9-й мечети Мухаммадсадык Имангулов, всего 15 имамов.

После возвращения из Уфы казанских мулл председатель курултая Г.Апанаев рассказал своим коллегам о ходе совещания и ознакомил их с привезенным документом.

Как указывалось выше, Апанаев был включен в «смешанную» редакционную комиссию, однако, вероятнее всего, не принимал участия в ее работе, отбыв по своим делам в Казань. Имам Сеннобазарной мечети ознакомил казанских коллег с текстом одного из вариантов обсуждаемого проекта. Наше наблюдение подтверждается тем, что ни один из пунктов казанских мулл не совпадает с пунктами (статьями) опубликованного М.Бигиевым проекта Р.Фахретдина, или итогового документа курултая, или проекта устава ОМДС. Однако по смыслу и содержанию они идентичны с положениями некоторых пунктов проекта казья.

Самое сильное возражение у ахуна Мухаммад-Юсуфа Сагитова и мулл мечетей Казани вызвал основополагающий пункт 3, введивший новую трехступенчатую систему конфессионального образования, которая оказывала непосредственное влияние на критерии, по которым, в свою очередь, выстраивалась также новая, трехступенчатая иерархия духовенства. Авторов записки не устроила жесткая привязка присваивания кандидатам духовных званий и должностей со свидетельством об окончании медресе различного уровня: выдержавшие экзамен полного курса медресе будут признаны муллами среднего образования (хатибы, ахуны, преподаватели медресе-рушти), а выдержавшие курс высшего медресе – муллами высшего образования (казыи, наиб, преподаватели медресе-галия). Свой протест они мотивировали тем, что в настоящее время конфессиональные школы делятся на мектебы и медресе, а третьей категории (медресе-галия) не существует, в действующее российское законодательство признает только эти «два сорта училищ». Муллы и ахуны опасались, что в случае деления медресе на средние и высшие, большинство казанских медресе окажутся средними, вследствие изменения (читай: понижения, в действительности, точного определения реального уровня преподавания в них. – *И.З.*) статуса они «потеряют популярность и низойдут до степени мектебе, по этой причине не следует делить их на разряды, а следует признать их равными в одинаковых правах». Казанские имамы также не согласились с включением му-

дарриса медресе-галия в высшую категорию духовенства: хотя ому-даррисы имеют нравственно высокое положение, но перед законом между начальником (муфтием) и подчиненным есть разница, поэтому мударрис не может иметь одинаковые права с председателем собрания, утверждали имамы. На самом деле, авторы записки, будучи заведующими и преподавателями медресе-руштия и преследуя корпоративные интересы и опасаясь снижения своего авторитета среди прихожан и шакирдов, заявили: несправедливо делить мударрисов на две категории, они все должны быть равными.

Другое их принципиальное замечание касалось испытания кандидатов на должности муадзина, имама и мугаллима, которое проводится в управлении ахуна⁷. Они выразили опасение, что со временем испытание и мударрисов, и хатибов могут поручить ахунам, что приведет к потере ОМДС этого полномочия, поэтому следует сохранить прежний порядок.

Третья просьба также заслуживает внимания: имамы не согласились с положением проекта⁸, согласно которому новые приходы следует открывать с тем условием, чтобы на содержание мечети и духовенства (квартира и жалованье) и для постройки мечети имелись вакуфный дом и вакуфные доходы.

Имамы единодушно заявили, что большинство обществ бедных и малонаселенных деревень не в состоянии учреждать вакуфы, следовательно, при новых правилах они лишатся возможности обзавестись мечетями и школами. По их мнению, такие условия могут привести к уменьшению числа мечетей и ослаблению мусульман (что не соответствовало действительности. – *И.З.*). По этой причине они выразили протест относительно содержания 75-го пункта.

С учетом жизненного опыта и фактов отстранения мулл с должностей без суда они предложили разрешать лицам, лишенным по каким-то причинам духовных должностей, вновь претендовать на вакантные места, и упразднить это ограничение в проекте устава⁹.

⁷ При этом они ссылаются на 24-ю статью документа.

⁸ Сослались на 74-ю статью документа.

⁹ Сослались на 43-ю статью проекта.

Имамы не согласились с учреждением для хатибов «судебных контор» и их самостоятельным решением¹⁰, что, во-первых, потребует больших расходов, во-вторых, для непопулярных среди населения хатибов такой суд будет способствовать падению их авторитета, не исключая, что со временем это может умалить власть Духовного собрания. На этом основании казанские имамы высказались за сохранение действующей модели судебного производства в ОМДС.

Казанские муллы выразили несогласие с избранием муфтия на шестилетний срок¹¹, предложив увеличить срок службы до 12 лет или, еще лучше сделать эту должность пожизненной. Второе замечание касалось состава электората: предлагалось ограничить участие в выборах муфтия простонародья, с тем чтобы большинство выборщиков составляли духовные лица.

Также рекомендовалось упомянуть в тексте об отмене образовательного ценза для кандидатов на должности имама и упразднении русских классов, существующих при медресе.

Таким образом, просьбы казанских мулл представляли собой защитную реакцию группы духовенства и сводились к двум моментам: во-первых, путем сохранения прежней модели взаимоотношений мулл с ОМДС, не допустить усиления контроля над приходским духовенством через институт среднего звена управления, во-вторых, будучи мударрисами и заведующими медресе, программа которых соответствовала учебному курсу средних конфессиональных учебных заведений, они не хотели потерять свой авторитет, боясь перехода шакирдов в медресе-галия.

Проект устава вносил существенные изменения в положение приходского духовенства и конфессиональных школ, порядок постройки мечетей и открытия школ, презентовал качественно новую систему контроля над духовенством. Деление школ и самого духовенства на три категории, понижение статуса абсолютного большинства хатибов и мударрисов, поскольку на статус медресе-галия могли претендовать лишь несколько учебных заведений на фоне

¹⁰ Не сделали ссылку на соответствующую статью документа.

¹¹ Не сделали ссылку на соответствующую статью документа.

резкого возвышения статуса мударрисов высших медресе, вызывало ропот и неодобрение у части религиозных деятелей.

Итак, в адрес Комитета министров, ответственного за пересмотр действующего законодательства и подготовку проектов новых законов на принципах равноправия и уважения всех конфессий, поступили лишь две записки – муфтия М.Султанова и казанских мулл – с предложением по отмене отдельных статей проекта устава ОМДС и о его дополнении новыми положениями. Благодаря тому, что муфтий не позволил предать гласности проект устава и тем самым лишил своих оппонентов возможности предметно критиковать разработанный нормативный документ, не началась подача петиций против решений курултая, что позволило презентовать проект устава ОМДС как выражение единой коллективной воли улемов округа ОМДС во главе с муфтием. Тем самым правительственные круги лишились возможности обвинять мусульман округа ОМДС в противоречивых поступках, как это случилось с крымскими татарами.

1905 год был насыщен общественно-политическими событиями. 10 мая – 3 июня в столице под председательством А.С.Будиловича состоялось межведомственное «Особое совещание по вопросам образования восточных инородцев»¹², которое разработало рекомендации правительству в отношении русско-татарских (башкирских) начальных школ и русских классов при медресе. «Религиозный вопрос» должно было изучить и на основе петиций мусульман разработать проекты справедливых законов. Особое совещание по делам веры под председательством генерал-адъютанта графа А.П.Игнатьева, открытие которого терпеливо ожидало население. (Столичная газета «Новое время» известила о начале работы совещания 13 июня¹³).

Председатель совещания граф Игнатьев сделал телеграфный запрос оренбургскому муфтию по поводу программы экзамена на приходские духовные должности, включая муадзина. В ответ 10 сентября 1905 г. М.Султанов сообщил, что официальной программы не имеется, объем познаний, который должен иметь желающий занять

¹² Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб., 1905. 366 с.

¹³ Хроника // Новое время. 1905. 13 (26) июня. С.3.

должность хатиба и имама, «установился практически в соответствии с содержанием 18 ст. 2 главы Алкорана Хадисов»¹⁴. Также он пояснил, что Собрание требует от испытуемого на должность хатиба «знания арабской словесности вообще (Аль-Арабиййэт) и в частности чтения Алкорана, затем познания в науках, относящихся: до веры законов (Ашшараиеэт) куда относятся: толкование Алкорана, учение о преданиях (Хадисы), учение о нравственности, законоведение, учение об основах законоведения и специальные законы о разделе имущества умерших. От кандидатов на должность имама требуются те же познания, но в меньшем объеме»¹⁵. От испытуемых на должность муадзина требовалось следующее: знать время созыва на молитву, уметь провозглашать азан, знать наизусть молитвы, употребляемые при совершении богослужения, обряда погребения умерших¹⁶.

После обнародования законодательных актов о Государственной думе и Совете министров, установивших новый порядок не только рассмотрения и утверждения законопроектов, но и внесения их на законодательное утверждение, упомянутое выше совещание, по изменившимся таким образом условиям его деятельности, признало необходимым, не составляя законченных законопроектов, ограничить свои занятия сбором материалов по отнесенным к его ведению вопросам и выработкой таких начал, которые должны были послужить основой законопроектов.

С прекращением заседаний совещания, закрытого высочайшим указанием от 28 мая 1906 г., его материалы были переданы в распоряжение Совета министров. В свою очередь, Совет министров, приняв во внимание, что дела инославных и иноверных исповеданий состоят в ведении МВД, передал собранные совещанием материалы, в том числе и касающиеся мусульман, министру внутренних дел для окончательной разработки и дальнейшего направления к разрешению. Так машинописный экземпляр проекта устава ОМДС оказался среди невостребованных документов силового ведомства.

¹⁴ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.266.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л.267.

5.2. Отношение мусульман к курултая

Рассмотренная выше записка казанских мулл является классическим примером выражения несогласия с целым рядом нововведений проекта устава ОМДС. Таких лиц, в случае ознакомления с текстом нормативного документа, думается, было немало. По справедливому замечанию Н.Давлета, благодаря неприданию гласности решений курултая, они не вызвали серьезного отклика среди населения¹⁷.

Тем не менее, реакция прозвучала. Помимо духовенства, следует выделить еще одну категорию населения, которую мы называем «светскими мусульманами» – это лица, занимавшиеся умственной или торгово-предпринимательской деятельностью, знавшие русский язык, которые не желали установления монополии духовенства над всеми аспектами культурно-религиозного развития народа. Особенно эмансипированная часть городских татар выразила свое недовольство по поводу сосредоточения в перспективе всех социокультурных вопросов этноконфессиональной общины в руках духовенства.

Еще одна категория мусульман, представленная жителями приходов, была не согласна с урезанием своих прав в важнейших вопросах приходской жизни, связанных с избранием духовных лиц, определением кандидата на должность мугаллима и т.д.

Важно отметить, что у каждого участника курултая имелись недруги, в такой ситуации издержки во взаимоотношениях или объективные нарушения духовными лицами своих обязанностей и другие личностные факторы в той или иной степени могли негативно повлиять на оценку местным обществом его участия в работе курултае.

Редактор газеты «Тарджеман» И.Гаспринский весьма критично относился к стремлению духовных лиц усилить свои позиции в решении социокультурных вопросов, представляя вниманию читателей заметку из «Саратовского дневника» об отношении мусульман г.Уральск на проект курултая, он писал: «В высокоотеческой и монаршей заботе о России и ее народах Государь Император дал право всем высказаться об общественных нуждах и пользах; приказал составить проект собрания народных выборных для постоянного обще-

¹⁷ Дәүләт Н. Күрс. хезмәт. 79 б.

ния с нуждами и желаниями великой России, а наши некоторые чалмоносцы, забыв, что они только пастыри, лезут в роль плохого урядника и, якобы что-то предупреждая и пресекая, желают обделать узкокастовое дело. Не этого требует государь, не этого желает народ»¹⁸.

В «Саратовском дневнике» сообщалось о том, что 29 апреля имам 3-й соборной мечети Уральска Мутыгулла Тухватуллин ознакомил своих прихожан с документом курултая¹⁹. Ряд положений проекта вызвал у местных жителей возражение. Прежде всего, речь идет о монополизации Собранием права открывать и закрывать мечети, изъяв это право у общества приходов, и монополизации ахунами права на открытие школ. «Довольно странно также упоминание... о роли полиции при закрытии и открытии молитвенных домов. «Если, дескать, полиция не захочет, то мы можем и закрывать этот дом» – к чему такая просьба?», – рассуждали оппоненты²⁰.

В то же время следует отметить, что некоторые претензии оппонентов о якобы стремлении курултая посредством материальных требований сократить численность искусственно учреждаемых приходов и мечетей с полным штатом духовенства, содержание которых ложилось тяжелым экономическим бременем на местных жителей, не выдерживают никакой критики. «Всякий желающий построить мечеть или перестроить ее, должен доказать ахунам, что у него есть на это средства. Это еще не так странно, но далее просит, чтобы этот желающий построить молитвенный храм вместе с тем построил гг. ахунам 4-хкомнатное помещение, муллам в три комнаты, а пономарю в две и еще дал бы источник для содержания мулл – иначе мечеть и медресе строить нельзя!? Как вам это нравится? Где тут заботливость о народе?», – язвительно критиковали прихожане решение курултая. Очевидно, пассаж о многоквартирных домах не соответствовал действительности.

В основе ужесточения требования лежало стремление курултая обеспечить духовенству достойное существование. Свои доводы оп-

¹⁸ Тарджеман. 1905. №59. 29 июля.

¹⁹ Здесь следует упомянуть о существовании недоброжелателей у Тухватуллина, которые свое возмущение по поводу некоторых его поступков изложили на страницах столичной газеты «Русь».

²⁰ Тарджеман. 1905. №59. 29 июля.

поненты подчинили этому тезису, не желая видеть объективно прогрессивные идеи, заложенные в проекте. Как указывалось выше, было предусмотрено учреждение молитвенных домов при наличии в поселении не менее 60 душ м.п., тогда как правительство на законодательном уровне не признавало такой тип богослужебных заведений, ограничиваясь мечетями, для которых норматив составлял 200 душ м.п.²¹ «А вот Вам пример еще лучше: «молитвенные дома открывались при таких условиях, чтобы в них молящихся было не менее 60 мужчин». Иначе, чтобы они не открывались. Почему именно 60, не 10, 15, 20. Дело объясняется очень просто: какой же доход будет получать мулла, если у него в приходе 30 чел.?», – заявляли оппоненты, не желая вникнуть в проблемы малонаселенных религиозных общин.

Некоторые аргументы оппонентов были основаны на их собственном жизненном опыте, по принципу, если с нами такого не произошло, то такого не может быть в принципе: «Курьезов в этой пресловутой петиции можно найти сколько угодно. Довольно привести еще один §: «после открытия мечети, чтобы православное духовенство не вмешивалось!». Да ведь оно и раньше в дело открытия и создания мечети не вмешивалось. Так почему эти умные люди (так они о себе говорят) ввели этот параграф?».

Одна из групп недовольных считала, что такие значимые документы должны составляться народными избранниками. Их главная претензия заключалась в следующем: разрабатывают документ втихомолку от населения, в «замкнутом Духовном собрании, без единого представителя от прихожан».

Таким образом, главными претензиями прихожан были: ограничение их прав при учреждении школы, открытии мечети и регистрации прихода, которые приватизировались религиозными институтами различного уровня; высокие требования к учреждаемым новым приходам, предполагающие существенные материальные расходы местного общества: «без их ведома, от их лица, просят различные привилегии и льготы, не заботясь о том, считает ли просимое льготами само население»²².

²¹ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С.100–102.

²² Тарджеман. 1905. №59. 29 июля.

Вопрос ставился концептуально: «На этом посту должны находиться люди, вполне отдавшие себя общественному служению, бескорыстные, честные и, по возможности, развитые до понимания своего гражданского долга. Здесь нужны люди, которые считались бы с общественным мнением, нуждами и потребностями людей; люди, которые смотрели бы с высоты своего величия на будто бы неразвитую, ничего не понимающую массу»²³. На этом основании имам, выехавший (по телеграмме муфтия) в Уфу, обвинялся в том, что не известил прихожан о своей поездке для участия в разработке устава, поехал самолично, хотя прихожане не делегировали ему такого права путем составления общественного приговора в установленном порядке; что для разработки вопросов о нуждах мусульман не пригласили представителей всего населения; почему руководствуются только мнением Духовного собрания; почему, игнорируя мнение всего многотысячного состава духовенства округа ОМДС, решение принимали лишь несколько десятков приглашенных мулл.

По сведениям Н.Давлета, среди критических корреспонденций самыми важными являлись те, в которых содержалось обвинение участников курултая в слабом внимании к проблемам просвещения мусульман²⁴.

Единственной ответной публикацией на различные претензии оппонентов со стороны религиозного управления, которые, надо полагать, доходили до ОМДС и в устной, и в письменной форме, стала написанная по поручению муфтия М.Султанова статья Р.Фахретдина «Гомуми жавап» (Общий ответ), опубликованная в газете «Тарджеман». Согласно заявлению казья, курултай был не официальным, а скорее творческим и научным совещанием. Пошутив, что и на свадьбе бывают недовольные, в конце своего текста, казый выдал истинную причину написания статьи. Вкратце упомянув о составе участников совещания и принятом проекте устава, включавший 84 статью, он попытался ответить на претензии группы лиц, которая оспаривала легитимность данного мероприятия, задаваясь вопросами: кто избирал участников курултая? Было ли у них право приезжать в Уфу?

²³ Тарджеман. 1905. №59. 29 июля.

²⁴ Дәүләт Н. Күрс. хезмәт. 79 б.

В чем заключается суть реформы, разработанной участниками курултая? Резюмируя, Р.Фахретдин заявил о неправомерности поднимать раздор по поводу данного документа, ненужности рассуждений, что этот пункт лишний, а этот пункт следовало добавить. Не исключая возможные упущения в документе, составленном весьма короткий срок, он заявил, что миллет нуждается в положениях, составленных без ошибок. Своей публикацией он попытался смягчить имеющиеся у единоверцев обиды и перевести назревший конфликт в русло конструктивного диалога между сторонами²⁵.

Курултай проходил в период активного «приговорного движения» среди мусульман. Возвратившиеся на родину участники совещания могли представить некоторые идеи, прозвучавшие на курултае, как свое мнение. Впервые духовные лица во многих местностях заявили о себе как о самостоятельной социальной группе, преследующей прежде всего свои корпоративные интересы, а также интересы прихожан. Резонно предположить, что для проведения таких мероприятий по корпоративному признаку и для составления по их итогам петиций уфимский курултай, мог послужить в качестве примера. В своих текстах муллы развивали темы, обсуждавшиеся на курултае, и, как правило, выдвигали схожие требования по расширению прав исламских институтов.

Петицию «светских лиц из магометан» округа ОМДС о гражданском равноправии мусульман и расширении прав исламских институтов, которую муфтий наряду с проектом устава ОМДС 12 мая 1905 г. адресовал премьер-министру С.Ю.Витте, подписала предпринимательская элита губернского города во главе с купцами Хакимовыми, а также группа уфимских купцов и мещан. Видимо, уфимцы посчитали неоригинальной и лишней подачу специальной петиции, резонно решив, что в этих документах в полной мере изложены их чаяния и нужды. В этой связи такую социальную позицию – бездействие – уфимского мусульманского общества правомерно оценивать как пассивную поддержку проекта устава ОМДС.

²⁵ *Фахреддин Р.* Гомуми жавап // Тарджеман. 1905. № 70. 13 сент.

Следует упомянуть и положительные отклики на документ, которые оформлялись в рамках петиционной кампании. Видимо, под воздействием различных неодобрительных высказываний отдельных групп мусульманских религиозных деятелей по поводу законопроекта жители г.Оренбурга подали петицию в его поддержку²⁶. Необычный характер их обращения подтверждается не только заявлением о том, что проект реорганизации духовных учреждений округа ОМДС, отосланный в Комитет министров, «вполне соответствует нашим нуждам и удовлетворяет нашим требованиям», но и адресованностью на имя министра внутренних дел, у которого мусульмане просили содействия в «проведении принципов, высказанных в нем, законопроекте об устройстве нашего религиозного быта». Их петиция поступила по адресу 1 июня²⁷. Под руководством мударриса Мухаммадсадыка Усманова (участник курултая, подписавший первым) 27 мая 1905 г. петицию с аналогичным текстом составили жители Каргалы Оренбургской губернии²⁸. Наконец, прошение в поддержку законопроекта 3 августа 1905 г. министру внутренних дел отправила группа мусульман Бухарской волости Тюменского уезда Тобольской губернии²⁹.

Решения совещания уполномоченных мусульман Уфимской губернии (22, 23, 25 июня 1905 г.)

Согласно нашим подсчетам, среди 115 доверенных, прибывших на разрешенное министром внутренних дел мероприятие из уездов Уфимской губернии, 75 человек, или 65%, были духовными лицами³⁰. На совещании председательствовал участник курултая мударрис Стерлибашевского медресе Мухаммадшакир Тукаев³¹.

²⁶ За неграмотных единоверцев везде расписались Мухаммад-Амин Баязитов или Губайдулла Исмагилов.

²⁷ РГИА, ф.821. оп.10, д.25, л.62–71.

²⁸ Там же. Л.76–92.

²⁹ Там же. Л.483.

³⁰ Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг. Казань, 2014. С.388–389.

³¹ Тукаев Мухаммадшакир Мухаммадхарисович (1862–1932) – общественный и политический деятель, педагог. Из рода известных татарских религиоз-

Общегубернское совещание просило утвердить разработанное будто бы им «проект узаконения для магометан-суннитов округа Оренбургского магометанского духовного собрания».

Р.Фахретдин писал³², что на этом совещании были приняты ст. 16, 26, 33, 77, 78 и 79 из проекта курултая. Согласно нашему анализу, все статьи отосланного муфтием М.Султановым проекта устава без изменений (кроме несущественных редакторских правок, не меняющих суть излагаемого вопроса. – *И.З.*) вошли в Протокол №1 общегубернского совещания. Возможно, Р.Фахретдин и я имеем в виду различные документы.

Результаты сопоставления двух документов мы изложили в таблице 11 (см. ниже).

Как видно из таблицы 11, деление на пять глав, названия глав и количество статей в обоих документах идентичны, идентичны и подразделы, которые в проекте курултая названы отделениями, а в проекте совещания доверенных мусульман оозначены без специального названия. Лишь в главе II семь отделений первого проекта объединены и представлены в двух подразделах второго, за исключением подраздела «Состав духовных учреждений» (отд.3, ст. 8–10 первого проекта). В частности, отд. 1 (ст. 3) и отд. 2 (ст.4–7) во втором документе прописаны сразу после названия главы. Подраздел второго проекта под названием «Права и обязанности мусульманских духовных учреждений» объединил в себе ст. 11–29, которые

ных деятелей Тукаевых. Преподавал в Стерлибашском медресе, был гласным Стерлитамакского уездного земства, членом Уфимского губернского статистического комитета. Член партии «Иттифак аль-муслимин», участник 2-го Всероссийского съезда мусульман. Депутат 2-й и 3-й Государственных дум (1907–1912 гг.) от Уфимской губернии, входил в мусульманскую фракцию. Во 2-й Думе участвовал в работе комиссии о свободе совести; в 3-й Думе – в комиссиях: земельной, крестьянских повинностей, по вероисповедным делам, рыболовству. Издал брошюру с подробным анализом деятельности комиссии Государственной думы «Отчет члена комиссии по вероисповедным вопросам Государственной думы II и III созывов Мухаммет-Шакира Харисова Тукаева, депутата от Уфимской губернии» (Уфа, 1912) (*Айнутдинов Р.А.* Тукаев Мухаммадшакир // Татарская энциклопедия. Т.5. Казань, 2010. С.685).

³² *Фахретдин Р.* Исламнар хакинда хөкүмәт тәдбирләре. 2-нче жөзө. Оренбург, 1907. 12 б.

по тематике были подразделены в законопроекте на четыре отделения: «Права и обязанности мусульманских духовных учреждений» (отд. 4, ст.11–18), Предметы ведомства мусульманских духовных учреждений вообще» (отд. 5, ст.19), «Предметы ведомства и пределы власти Мусульманского духовного (Махкаме-Шаргия) собрания» (отд. 6, ст.20), «Дела, подлежащие ведению присутствия отделений Духовного собрания» (отд. 7, ст.21–29).

Таблица 11

**Структура и статьи проектов устава ОМДС 1905 г.
и совещания доверенных мусульман Уфимской губернии
(22, 23 и 25 июня 1905 г.)³³**

Проект доверенных мусульман Уфимской губернии (22, 23 и 25 июня 1905 г.)		Проект устава ОМДС 1905 г. (в скобках номера статей)
статьи	структура	
1, 2	Глава I-я. О правах мусульман-суннитов по вероисповеданию	Глава I. О правах мусульман-суннитов по вероисповеданию
	Глава II-я. Духовные учреждения	Глава II. Духовные учреждения
3–7		<i>Отд. 1 (ст. 3) Отд. 2 (ст.4–7)</i>
8–10	<i>Состав духовных учреждений</i>	<i>Отд. 3.Состав духовных учреждений</i>
11–29	<i>Права и обязанности мусульманских духовных учреждений</i>	<i>Отд. 4. Права и обязанности мусульманских духовных учреждений (ст.11–18) Отд. 5. Предметы ведомства мусульманских духовных учреждений вообще (ст.19) Отд. 6. Предметы ведомства и пределы власти Мусульманского</i>

³³ РГИА, ф.821, оп.10, д.23, л.155–190; Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. С.2–19.

Глава V. После окончания работы курултая

		<i>духовного (Махкаме-Шаргия) собрания (ст.20)</i> <i>Отд. 7. Дела, подлежащие ведению присутствия отделений Духовного собрания (ст.21–29)</i>
30–44	<i>Управление окружных ахунов. Предметы ведомства, пределы власти, права и обязанности</i>	<i>Отд. 8. Управление окружных ахунов.</i> <i>Предметы ведомства, пределы власти, права и обязанности (ст. 30–43)</i> <i>Отд.9. Управление приходских имамов (ст.44)</i>
45	Глава III-я. Состав духовных чинов округа Мусульманского духовного собрания	<i>Глава III. Состав духовных чинов округа Мусульманского духовного собрания.</i> <i>Отд. 10 (ст.45)</i>
46–51	<i>Муфтий</i>	<i>Отд. 11. Муфтий (ст. 46–51)</i>
52, 53	<i>Ахуны</i>	<i>Отд. 12. Ахуны (ст.52, 53)</i>
54–59	<i>Кадии-члены Мусульманского духовного собрания. Порядок назначения</i>	<i>Отд.13. Кадии-члены Мусульманского духовного собрания. Порядок назначения (ст.54–59)</i>
60–63	<i>Приходское духовенство</i>	<i>Отд. 14. Приходское духовенство (ст. 60–63)</i>
64, 65	Глава IV-я. О делопроизводстве в учреждениях ведомства Мусульманского духовного собрания	Глава IV.О делопроизводстве в учреждениях ведомства Мусульманского духовного собрания (ст. 64–65)
	Глава V-я. Учреждения, подведомственные Мусульманскому духовному собранию	Глава V. Учреждения, подведомственные Мусульманскому духовному собранию
66–70	<i>О вакуфах</i>	<i>Отд. 1. О вакуфах (ст. 66–70)</i>
71–76	<i>О приходских при мечетях попечительствах</i>	<i>Отд. 2. О приходских при мечетях попечительствах (ст. 71–76)</i>
77–79	<i>Мектебе и медресе</i>	<i>Отд. 3. Мектебе и медресе (ст. 77–79)</i>
80–84	<i>О мечетях и молитвенных домах мусульманских</i>	<i>Отд. 4. О мечетях и молитвенных домах мусульманских (ст. 80–84)</i>

Участники совещания сочли необходимым дополнительно к проекту курултая включить еще три пункта, которые можно смело назвать «муллинскими», ибо они выражали корпоративные интересы приходского духовенства. В них уполномоченные повторили зафиксированные еще в петициях мусульман 1890-х гг. и в ряде ходатайств сельских и городских обществ 1905 г. просьбы об отмене запрета на занятие должностей мударрисов (преподавателей медресе) и мулл-российских подданных, окончивших зарубежные исламские учебные заведения, и об отмене закона о русском образовательном цензе для кандидатов на должности мулл. Качественно новым предложением являлся ходатайство о предоставлении приходскому духовенству права заключать на срок до трех суток в нежилых помещениях «безобразничающих и нарушающих общественную тишину» пьянствующих мусульман. Таким образом, в рамках укрепления религиозно-культурной автономии и в целях усиления эффективности борьбы и противодействия негативным явлениям среди прихожан, противоречащим исламской нравственности, предлагалось расширить административные полномочия приходского духовенства.

Второй блок (раздел «Общие нужды») вопросов содержал рекомендации правительству, губернатору, земству по решению социальных и экономических проблем мусульман губернии и предоставления им гражданских свобод. Среди этих рекомендаций несколько пунктов звучат как своеобразные дополнения к проекту устава 1905 г. Это:

- избирать оренбургского муфтия на должность пожизненно, а в случае «неудовлетворения своей должности» его можно уволить при поступлении жалоб от половины мусульман округа ОМДС (п.20);

- допускать в земские собрания местных ахунов, а в случае их отсутствия – мулл в тех уездах, в которых проживает незначительное число мусульман, с целью поддержания интересов мусульманского населения (п.11). Очевидно, здесь имелись в виду их образованность и знание русского языка и грамоты, что позволяло бы им успешно представлять интересы единоверцев при рассмотрении и решении местных вопросов;

- добиться уважения к нормам шариата в военном ведомстве: 1) в сфере питания солдат-мусульман (запрет на свиное мясо, сало и

водку) – предоставление им особого стола и 2) учреждение должностей военных мулл для удовлетворения их духовных нужд (п.2)³⁴.

Проект Ю.Акчуры по реформированию управления духовных дел мусульман 1908 г.

В августовском номере газеты «Вақыт» за 1908 г.³⁵ было напечатано сообщение о том, что к открытию после летних каникул сессии 3-й Государственной думы Ю.Акчура подготовил «Положение» об ОМДС на 66 страницах. Оно было напечатано на русском языке в Оренбурге на средства комиссии Духовного собрания и реформы мектебе. Согласно сообщению в газете, проект Ю.Акчуры состоял из двух глав. Первая глава являлась «объяснительной запиской». Во второй, основной, главе, был представлен проект устава ОМДС, который включал следующие разделы: религиозные права мусульман округа, права и обязанности духовенства, вопросы компетенции религиозного управления, права и обязанности окружных медрес, круг обязанностей и компетенция приходского духовенства. Далее регламентировались: статусы и полномочия муфтия, членов Духовного собрания, членов окружных медрес, муфтиисов. В проекте были прописаны распорядок работы структурных подразделений Духовного собрания, порядок взаимодействия с находящимися под ведением религиозного управления попечительствами при мечетях, вакуфами, мектебами и медресе, мечетями и другими учреждениями.

Первые 90 статей проекта Ю.Акчуры состояли из текста проекта устава ОМДС 1905 г., остальные 23 статьи были заимствованы из протокола №1 Уфимского губернского совещания доверенных мусульман (22, 23 и 25 июня 1905 г.). Если ст. 85–87 протокола №1 имели прямое отношение к вопросам управления духовными делами мусульман, то его раздел «Общие нужды» содержал предложения по решению социальных вопросов. Ю.Акчура, не забывая о том, что правительство проигнорировало эти проекты и высоко оценивая законодательскую деятельность участников двух уфимских совещаний, считал целесообразным вынести их на рассмотрение профильной комиссии Государственной думы.

³⁴ Загидуллин И.К. Указ. соч. С.388–391.

³⁵ Вақыт. 1908. №362. 27 август.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Религиозно-культурная автономия в округе ОМДС отличалась от «системы миллет» в Османском государстве. После аннексии в 1783 г. Крымского ханства российское самодержавие признало сложившуюся систему исламских институтов, интегрировав ее в имперское правовое поле. Качественно иная ситуация наблюдалась в Волго-Уральском регионе, где религиозные институты по разным причинам пришли в упадок после известных событий 1552 г. Только с созданием благоприятной политической обстановки при Екатерине II и появлением прослойки татарских купцов – главных меценатов духовно-образовательных проектов, началось возрождение исламских институтов в регионе. По мере того, как увеличивалось их численность, правительство в той или иной степени стремилось регламентировать их полномочия. На становление религиозно-культурной автономии влияли: 1) внешнеполитический фактор, когда с целью усиления российского влияния в казахских жузах в 1789 г. правительство учредило ОМДС, затем напечатало Коран, положив начало правительственному контролю над мусульманским духовенством и печатанию религиозных книг; 2) сословная иерархическая структура российского общества, когда в XVIII в. большинство мусульман округа ОМДС оказалось «крестьянским населением»; 3) особенности административного управления регионами, когда «внутренние окраины», постепенно теряя особенные черты, превращались во внутренние губернии; 4) появление под воздействием либеральных реформ новых институтов, характерных для индустриального общества, демократические преобразования в стране 1905–1906 гг.

Помимо ОМДС и собственно традиционных религиозных институтов (приход, мечеть, приходское духовенство, школы, кладбища, вакуфы, попечительства) религиозно-культурная автономия формировалась путем наслоения друг на друга следующих учреждений, содержащих в себе элементы автономии:

1) Органы сословных учреждений или органы самоуправления, учрежденные имперской властью специально для мусульман. Классическим примером является военная кантонная система управле-

ния в Оренбургском крае в 1798–1865 гг., объединявшая юрты и администрацию кантонов, состоявшую из мусульман, а также татарские городовые управы в Казани и Сеитовом посаде. Учрежденные в конце XVIII в. органы крестьянского самоуправления в государственной и удельной моноконфессиональных деревнях предоставили поземельным общинам статус юридического лица. Мещанские учреждения или старосты мусульман-мещан в составе городских мещанских управлений способствовали этноконфессиональной консолидации в поликультурной среде обитания.

2) Татарское книгопечатание.

3) Особенности правовые нормы: обычное право, использовавшееся волостными судами и сельскими обществами при рассмотрении мелких правонарушений среди крестьян, которые составляли абсолютное большинство населения; нормы шариата в сфере семейного права и при делении наследства мусульман.

4) Моноконфессиональные поселения и территории с компактным расселением мусульман, в которых существовала единая этнокультурная среда.

5) Общественные организации мусульман: благотворительные и культурно-просветительские учреждения в городах и селениях (конец XIX – начало XX вв.).

6) Модернизация и создание в начале XX в. национальной периодической печати и светской начальной школы, формирование светской интеллигенция – новых идеологов обновления общественной жизни миллета.

В конце XIX в. ОМДС стало предпринимать шаги и транслировать идеи обновления на мусульманское сообщество. Самым заметным событием было учреждение в 1898 г. в Уфе по инициативе председателя религиозного управления неофициальной организации «Ислахый мэктеб вэ нәшери мәгарифе мәслимин» («Обновление тюркского языка мусульман, школьного дела и издание обновленных учебно-методических пособий») – первого общемиллетского центра, призванного решать насущные общенациональные проблемы в сфере обновления и развития национальной культуры.

Апрельский курултай 1905 г. стал вторым по счету общемиллетским проектом. Также планировалось проведение аналогичного

совещания по учебно-образовательным вопросам, которое, по разным причинам, не состоялось. Однако ОМДС, действуя последовательно, провело в 1906 г. совещание по защите и расширению религиозных прав мусульман-военнослужащих в российской армии.

С рубежа столетий наряду с Казанью, которая была центром мусульманского и татарского книгопечатания, Уфа стала вторым этноконфессиональным консолидационным ядром мусульманского сообщества, где благодаря ОМДС состоялись 1898 г. съезды общества «Ислахый мәктәб вә наһери мәғарифе мәслимин», в 1905 г. – апрельский курултай и июньское общегубернское совещание представителей мусульман, в 1906 г. – совещание по религиозным правам военнослужащих-мусульман.

Законопроект уфимского курултая стал интеллектуальным продуктом трех групп общественных деятелей: в большинстве своем городского духовенства, дворянской и купеческой светской интеллигенции. Этот, один из главных уроков курултая, был учтен элитами в последующие годы. Курултай раскрыл огромный организаторский и творческий потенциал региональных лидеров, который вскоре наглядно проявился в издании газет и журналов, партийном строительстве, в различных сферах общественной жизни.

Умеренные в своих политических взглядах, лояльные к существующему политическому строю, улемы передавали ОМДС, которое было облачено доверием государства, ряд правительственных полномочий по контролю над религиозно-культурной жизнью мусульман; рекомендовали введение новых институтов (вакуфы, попечительства, ахунские округа), расширение прав духовенства и т.д. При этом, как законопослушные налогоплательщики, улемы и «светские мусульмане» надеялись на государственное содействие в содержании ОМДС и на частичную казенную финансовую поддержку в сфере школьного образования.

Успех составления проекта был обусловлен несколькими факторами. Во-первых, начиная с 1891 г. в стенах ОМДС велась разработка проекта устава, составлялись «правила» по управлению вакуфами и ведению метрических книг, различных аспектов деятельности приходского духовенства, сборника циркуляров и распоряжений ОМДС. Зафиксированные в проекте устава ОМДС такие новые институты,

как вакуфы, попечительства, ахунские округа, конфессиональные ученые заведения, имелись в проектах членов ОМДС, составленных до 1905 г. Во-вторых, законопроект учитывал многолетнюю практику по управлению исламскими институтами и жалобы прихожан на мулл и имамов друг на друга, уязвимые места в административной практике Собраний. Он был направлен на максимальное недопущение в дальнейшем издержек в деятельности духовенства, негативно отражающихся на общественной атмосфере приходов. В-третьих, живой диалог хазратов, руководивших религиозно-социальной жизнью в приходах, позволил дополнить законопроект новыми идеями. Поэтому в проекте устава были максимально четко прописаны и подчиненность религиозных управлений, и делегирование ими друг другу полномочий, и полномочия каждого из институтов.

Законопроект предлагал правительству более открытую модель развития России с повышенным уровнем доверия к мусульманам и предоставлением им полной автономии в религиозно-культурных вопросах с сохранением контроля со стороны МВД. Документ планировал соединение социально-культурной ткани миллета с ОМДС, которое брало на себя всю ответственность по руководству религиозными институтами, культурно-просветительскими общественными организациями и по реформированию всех типов существующих школ.

Курултай свидетельствовал о зарождении политической мысли в мусульманском сообществе округа ОМДС, ибо обозначенные в проекте его устава положения требовали кардинального обновления основополагающих принципов выстраивания политики правительства в отношении нерусского населения – большинства российских подданных – и обеспечения личных и гражданских свобод.

Законопроект 1905 г. явился уставом религиозно-культурных институтов округа ОМДС. Хотя проект устава ОМДС, ориентированный на мобилизационный сценарий развития миллета, не получил одобрения правительства, прозвучавшие на курултае идеи оказали существенное влияние на тематику Всероссийских съездов мусульман.

Итак, своеобразным рубежом в создании полнокровной модели религиозно-культурной автономии стал 1905 год, принесший стране и населяющий ее народам огромные изменения, затронувшие мно-

Заключение

гие стороны их общественной жизни. С этого времени джадидские начальные школы стали открываться активнее, увеличивалась численность русских классов при медресе и шакирдов, обучавшихся в русско-татарских (башкирских) начальных школах. Появились новые институты, оказывавшие существенное воздействие на атмосферу жизни населения. Прежде всего, социальным явлением во многих городах стали мусульманские культурно-просветительные и благотворительные общественные организации, призванные решать местные социальные и культурные проблемы; появились газеты и журналы, в которых одной из ключевых тем были реформа школы и пути развития миллета. В революционный 1905 год наблюдалась консолидация всех слоев мусульман и элит мусульманских народов Российской империи с целью решения своих прав.

На III Всероссийском съезде мусульман в 1906 г. была официально принята программа по расширению религиозно-культурной автономии. После упразднения «Иттифак ль-муслимин» эти вопросы перешли в ведение мусульманской фракции Государственной думы. Символично, что именно итоговый документ курултая в качестве проекта по управлению духовными делами мусульман округа ОМДС в 1908 г. Ю.Акчура передал мусульманским депутатам Государственной думы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Неопубликованные источники

ГА РФ, ф.102, 3-е делопроизводство, оп.98 (1900 г.), д.48, ч.1.

ГА РТ, ф.1373, оп.1, д.2.

НА РБ, ф.И–295, оп.2, д.3.

РГИА, ф.821, оп.8, д.611, 619, 621, 622, 627, 631, 800, 1075; оп.10, д.23; оп.133, д.517; оп.150, д.411.

Опубликованные источники

А. Уфимские письма. VI // Каспий. 1905. № 32. 25 февр.

Вақыт. 1908. № 362. 27 августа.

Алкин С. Открытое письмо господину оренбургскому муфтию // Русь. 1905. №96. 13 апреля. С.4.

Бигиев М. Мөселман руханиларының Уфа корылтаенда каралган кайбер проектлары / Басмага Р.Г.Шәрәфиева әзерләде // Фәнни Татарстан. 2017. №2. 75–85 б.; №3. 103–113 б.; №4. 96–120 б.

В память столетия Оренбургского магометанского Духовного собрания, учреждённого в Уфе // Оренбургское магометанское Духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX в.: материалы одноимённого научного семинара, посвящённого 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.182–207.

Габәши Х. Тәржемәи хәлемнән, гыйльми һәм ижтимагый хезмәтләремнән беркадәресе. Басмага Р.Г.Шәрәфиева әзерләде // Фәнни Татарстан. 2015. № 3. 118–149 б.

Габәши Хәсәнҗата. Әхмәд бай һәм Габделгани бай Хөсәеновларны искә төшерү // Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / Төз. М.Ф. Рәхимкулова. Оренбург, 1998. 122–127 б.

Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / төз. М.Ф. Рахимкулова. Оренбург, 1998. 259 б.

[Гаспринский И.] Уфимское народное собрание // Тарджеман. 1905. №61. 5 авг.

Ибраһим Г. Бөгрәделек көндәлегә / кереш сүз, факсимиле һәм гарәп транскрипциясе Ә. Бостанов, татарчага тәржемәсе Д. Гыйлметдинов. Казан, 2013. 190 б.

Исхаки Мухамед-Гаяз. Краткий очерк борьбы татар Волго-Урала за освобождение // Вопросы истории. 2004. №8. С.19–27; №9. С.3–22.

Казанский телеграф. 1896. 30 мая.

Казембек А.К. Мюхтесерюль-вигкает или сокращенный вигкает; курс мюсюльманского законоведения по школе ханефидов. Казань: Университет. типогр., 1845. ХСII с.

Кадыйри Закир. Мәрхүм остаз Ризәтдин Фәхрәтдин улының гыйлем юлында иткән хезмәтләре // Мөфти Ризәтдин Фәхрәтдин хәзрәтләре («Яңа милли юл» журналы. 1936. №7–8) / төз. Раиф Мәрданов. Казан: Рухият, 2007.

О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 г. Изд. неофициальное. М.: Тип. Общества И.Д.Сытина, 1905. 55 с.

О совещании в Уфе // Тарджеман. 1903. № 33. 29 апр.

Об управлении духовенства, принадлежащего округу Оренбургского магометанского духовного собрания. Изд. 1857 г. // СЗРИ. Т. XI. Ч.1.

Об управлении духовенства, принадлежащего округу Оренбургского магометанского духовного собрания. Изд. 1896 г. // СЗРИ. Т. 11. Ч.1.

Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Тарджеман. 1905. № 28. 12 апр.

Петиция оренбургского муфтия в Комитет министров // Каспий. 1905. № 68. 12 апреля. С.3.

Письмо г. оренбургского муфтия к обер-прокурору св. Синода // Тарджеман. 1905. № 71. 9 сент.

Просьба // Тарджеман-Переводчик. 1905. №29. 15 апр.

ПСЗ–1. Т.12. №8978; т.14. №10592; т.19. №13996.

ПСЗ–2. Т.6. Ч.1. №4677; т.6. Ч.2. №5033;

ПСЗ–3. Т.24. №25495, №25853; т.10. №6521; т.28. Отд.1. №30503.

Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. // Уфимские губернские ведомости. 1905. № 137. 28 июня. С.2,3; № 138. 29 июня. С.2; №139. 1 июля. С.2; №140. – 2 июля.

Список источников и литературы

С.2; №141. 3 июля. С.2, 3; №142. 5 июля. С.2, 3; №143. 6 июля. С.2, 3; №146. 9 июля. С.2, 3.

Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел и доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения. 22, 23 и 25 июня 1905 г. Уфа, б.г.

Распределение населения империи по главным вероисповеданиям. Разработан Центральным статистическим комитетом министра внутренних дел по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб., 1901. 32 с.

Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. Пг.: Типогр. С.Самойлова, 1917. 55 с.

Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1841–1901 гг. / сост. Р.Фахретдинов. Уфа: Губерн. типогр., 1902. 124 с.

Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. Мәжмуга. Жәмгыят шәрғый Ырынбургъя яки мөфти галиәссәләм тарафыннан нәшер улмыш указ вә нәсихәтләр, шунда ук төрле хосусда язылмыш тәдбир һәм назәмнәрнең төркичә тәржемәләре жыйлымыштыр. Имамнар, яңа имам булачаклар өчен кирәкле бер әсбабдер. Уфа, 1905 / сост. Р. Фахретдинов. Уфа: Губерн. типогр., 1905. 385 с.

Устав строительный. Изд.1900 г. // СЗРИ. Т. XII. Ч. 1.

Устав о воинской повинности. Изд. 1900 г. // СЗРИ. Т.IV. Ч.1.

Школьный вопрос у мусульман // Тарджеман-Переводчик. 1905. № 52. 5 июля.

Фәхретдин Р. Моя биография // Ризәтдин Фәхретдин. Био-библиографик җыентык. Казан: Рухият, 1999. С.109–110.

Фәхретдин Р. Тәржемәи хәлем // Ризәтдин Фәхретдин. Био-библиографик җыентык. Казан: Рухият, 1999. 46–47 б.

Фахреддин Р. Гомуми җавап // Тарджеман.1905. № 68. 30 авг.; № 69. 2 сент.; №70. 13 сент.

Фәхретдин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. 1-нче жөзбә. Оренбург: «Кәримов Хөсәенов шәрикәсе», 1907. 34 б.; 2-нче жөзбә. Оренбург: «Кәримов Хөсәенов шәрикәсе», 1908.

Фәхретдин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Икенче кисәк // *Фәхретдин Р.* Дини вә иҗтимагый мәсьәләләр. Сайланма хез-

мәтләр / Төз. Ленар Гобәйдуллин, Рамил Миңнуллин. Казан: «Рухият» нәшрияты, 2011. 174–211 б.

Фәхретдин Р. Мәктәп вә зәкят, хәзинә вә земство ярдәме // *Фәхретдин Р.* Дини вә иҗтимагый мәсьәләләр. Сайланма хезмәтләр / Төз. Ленар Гобәйдуллин, Рамил Миңнуллин. Казан, 2011. 209–238 б.

Фәхретдин Р. Хажи Габделгани әфәнде хакында булган хәтирә-ләремнән бәгъзеләре // Гани бай: Гани байга 160 яшь тулу мөнәсәбәте белән (1839–1902) / Төз. М.Ф.Рәхимкулова. Оренбург, 1998. 122–127 б.

Хроника // Новое время. 1905. 13 (26) июня. С.3.

Шараф Асьма. Воспоминания об отце // Риззәтдин Фәхретдин. Био-библиографик җыентык. Казан: Рухият, 1999. С.111–146.

Җарулла Муса. Исляхат әсаслары. Пг.: М.-А. Максутов типографиясе, 1917. 289 б.

Сборники документов

История Казани в документах и материалах. XIX век. Кн.2. Население, конфессии, благотворительность / Авторы-сост. И.К.Загидуллин, Н.С.Хамитбаева, Л.М.Свердлова, Л.Ф.Байбулатова, Х.З.Багаутдинова; науч. ред. И.К. Загидуллин, отв. ред. Н.С.Хамитбаева. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 703 с.

Материалы по истории Татарии второй половины XIX века. Ч. 1: Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в. // Труды историко-археологического института. Т. 16. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. LXXX, 512 с.

Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; под ред. И.К. Загидуллина. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. 532 с. (*Серия «Исламские институты в Российской империи»*).

Мусульманское духовенство Таврической губернии в конце XIX века: рапорт В.В.Вашкевича: сборник документов / сост., авт. предисл., прим. и сокр., сост. указ. И.К.Загидуллин. Казань: Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу, 2016. 200 с. (*Серия «Исламские институты в Российской империи»*).

Национальные движения в период первой революции в России (сборник документов из архива быв. Департамента полиции) / сост. И.Д. Кузнецов. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1935. 398 с.

Особое Совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К.Загидуллин. Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. 296 с. (*Серия «Исламские институты в Российской империи»*).

Особое совещание по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года: документы и материалы / сост., авт. предисл., прим. и сокр. И.К. Загидуллин; сост. указ. Р.М. Залаялетдинова. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2015. 588 с.

Литература

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. Уфа: изд-во «Гилем», 1999. 194 с.

Айнутдинов Р.А. Тукаев Мухаммадшакир // Татарская энциклопедия. Т.5. Казань, 2010. С.685.

Айнутдинова Л.М. Акчура (Акчурин) Юсуф // Татарская энциклопедия. Т.1. Казань, 2002. С.93–94.

Амирханов Р.У. Чистайлы Амирханнар // Татарстан. 1996. № 1. 43–53 б.

Арапов Д. Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М.: МПГУ, 2004. 288 с.

Байбулатова Л.Ф. История Оренбургского магометанского духовного собрания в личной и делопроизводственной переписке муфтиев (по своду «Асар» Р.Фахретдина) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2013. № 3. С.42–54.

Байбулатова Л.Ф. Проект реформы Оренбургского магометанского духовного собрания в начале XX века // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. №4–1. С.35–40.

Батунский М.А. Россия и ислам. Т.1. М.: Прогресс–Традиция, 2003. 384 с.; Т.2. М.: Прогресс–Традиция, 2003. 600 с.; Т.3. М.: Прогресс–Традиция, 2003. 256 с.

Валеев М.А. Революция 1905–1907 гг. в Уфе // Россия и Башкортостан: история отношений. Состояние и перспективы: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.). Уфа, 2007. С.60–61.

Гарипова Р.Р. Политика брака и развода у мусульман Волго-Уральского региона в имперской России конца XIX – начала XX века // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: Сб. статей. Вып. 2: Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). Казань: Изд-во «Ихлас»; Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.169–176.

Геллнер Э. Нации и национализм. Пер. с англ. / Ред. и послесл. И.И.Крупника. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. Пер. с англ. М.: изд-во «Ad Mardinem», 1995. 222 с.

Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Н.Новгород: ИД «Медина», 2008. 249 с.

Дорога к храму: История религиозных учреждений г.Уфы / *О.В.Васильева, В.В. Латыпова и др.*; Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Уфа: типография СПТУ №1, 1993. 100 с.

Дәүләт Н. Русия төркиләренәң милли көрәш тарихы (1905–1917) / төрекчәдән Р. Батулла тәрж. Казан: Милли китап, 1998. 399 б.

Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2006. 462 с.

Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в европейской части России и Сибири. Казань: Татар. кн. изд-во, 2007. 416 с.

Загидуллин И.К. Татарское национальное движение в 1860–1905 гг.: монография. Казань: Татар. кн. изд-во, 2014. 423 с.

Загидуллин И.К. Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность: материалы Всероссийского семинара «Ислам и благотворительность» (Казань, январь 2005 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2006. С.44–102.

Загидуллин И.К. Влияние межконфессионального фактора на исламское культовое строительство в городах в XIX – начале XX вв. // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 1: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья в XV–XIX вв.»,

посвященной 80-летию юбилею доктора исторических наук С.Х.Алишева (г.Казань, 24 марта 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2010. С.303–314.

Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: материалы одноименного научного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2011. С.3–11.

Загидуллин И.К. Крымские татары в петиционной кампании мусульман 1905 года // Научный Татарстан. 2015. №3. С.5–32.

Загидуллин И.К. Петиции мусульман Казани 1905 г. // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2015. №1–2. С.46–63.

Загидуллин И.К. Юсуф Акчура о реформировании управления духовными делами мусульман // Юсуф Акчура и симбирские купцы Акчурины: сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С.102–115.

Загидуллин И.К., Байбулатова Л.Ф. Тюрко-татарская периодика как зеркало социокультурной ситуации в татарско-мусульманском обществе // Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе в 1880-е – 1905 гг.: документы и материалы / сост. И.К. Загидуллин, Н.С. Хамитбаева, Л.Ф. Байбулатова, Х.З. Багаутдинова; под ред. И.К. Загидуллина. Казань: Изд-во «ЯЗ», 2014. С.9–21.

Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М.: Изд-во Московского ун-та, 1952. 375 с.

Загидуллин И.К. Риззэтдин Фәхреддин XIX йөзгә икенче яртысында патша хөкүмәтенә милли сәясәт турында // Риззәддин Фәхреддин: мирасы һәм заман. Казан, 2003. 76–93 б.

Загидуллин И.К. Хәсәнгатә Габәши хәтирәсе // Фәнни Татарстан. 2015. №2. 122–139 б.

Ибраһимов Г. Татарлар арасында революция хәрәкәтләре // *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. 8 томда. Тарихи хезмәтләр. Казан, 1984. 7 т. 212–435 б.

Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 года / Перев. с тат. Г.Мухамедовой; под ред. Г.Ф.Линсера. Казань: Гос. издательство ТССР, 1926. 259 с.

Идрисов У.Ю., Мухетдинов Д.В., Хабутдинов А.Ю. Совет улемов. Н.Новгород, 2005. 60 с.

Ислам: Энциклопедический словарь / ред. Л.В. Негря. М.: Наука, 1991. 315 с.

Исхаков С.М. Первая русская революция и мусульмане Российской империи. М.: изд-во «Общественно-политическая мысль», 2007. 400 с.

Исхаков М.Г. Тәржемәи хәлем // Исхаков М.Г. Әсәрләр: 15 т. 14 т.: Хатлар һәм автобиографик язмалар / Томны төз., текст һәм аңлат. әзер., кереш сүз авт. Ф.Фәйзуллина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2013. 363–405 б.

Ишмухаметов З.А. Социальная роль и эволюция ислама в Татарии (Исторические очерки). Казань: Татар. кн. изд-во, 1979. 223 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. 344 с.

Мараи И. Религиозное обновление в тюркском мире (1850–1917) / Пер. с турецкого. Казань: Изд-во «Иман», 2005. 199 с.

Миллер А.И. Национализм и империя. М.: ОГИ, 2005. 128 с.

Муса Бигиев: мирасы һәм хәзерге заман. Халыкара фәнни конф. материаллары. Казан, декабрь, 1999 ел. Казан: «Гөлстан» нәшр., 2000. 188 б.

Мусин Ф. Гаяз Исхакый (Тормышы һәм ижаты). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1998. 191 б.

Ноак К. Некоторые особенности социальной структуры поволжских татар в эпоху формирования нации (конец XIX – начало XX вв.) // Отечественная история. 1998. № 5. С.147–158.

Малиновский Н.П. Законодательство об инородческой школе // Инородческая школа. Сб. статей и материалов по вопросам инородческой школы / под общ. ред. Г.Г.Тумима и В.А.Зеленко. Пг.: издание Н.П. Карбасникова, 1916. С.119–158.

Р.Ф. [Фәхретдин Р.]. Оренбург духовный собраниедә мөфтилек // Вакыт. 1912. № 1008. 20 июль.

Россия в начале XX века / под ред. академика А.Н.Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. 744 с.

Свердлова Л.М. Апанаевы // Татарская энциклопедия. Т.1. Казань, 2002. С.165.

Сенюткина О.Н. Первый съезд мусульман России (к 100-летию проведения). Монография. Нижний Новгород: изд-во НИМ «Махи-нур», 2005. 76 с.

Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н.Новгород: Изд-во НГЛУ, 2007. 550 с.

Татария в дни первой русской революции / под ред. Х.Г.Гимади. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 92 с.

Тухватулин А.Х. Хасан-Гата Габаши (1863–1936) как общественный деятель и историк: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2003. 158 с.

Тухватулин А.Х. Педагог и историк // Габаши Хасан-Гата. Всеобщая история тюркских народов. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. С.3–22.

Утябай-Карими Р. «Хасания» // Башкирская энциклопедия. Т.7. Ф-Я. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2011. С.129.

Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999. 96 с.

Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б. Духовное управление мусульман России в г.Уфе – памятник истории и культуры // Россия и Башкортостан: история отношений. Состояние и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007 г.). Уфа, 2007. С.314–315.

Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906–1917). Казань: Издательство «Мастер-Лайн», 1990. 164 с.

Фархиятов М.Н. Петиции мусульман Волго-Уральского региона 1905 г.: о модернизации государственного устройства России // Исповеди в зеркале: межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII–XXI вв.). Н.Новгород, 2012. С. 76–89.

Фархиятов М.Н. Оренбургское магометанское духовное собрание и журналы его присутствия как источник по истории мусульман Российской империи // Тюрко-татарский мир: идентичность, наследие и перспективы изучения. (К 80-летию М.А.Усманова): сб. статей / сост. и науч. редакторы: Д.М.Усманова, Д.А.Мустафина, М.Кемпер. Казань: Изд-в Казан. ун-та, 2015. С.272–283.

Фархиятов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60–90-е гг. XIX в. М.: Наука, 1994. 144 с.

Фархиаатов М.Н. Совецание при Оренбургском муфтияте от 15 февраля 1906 г. по вопросу улучшения «духовного призрения» мусульман-военнослужащих // Развитие гуманитарной науки в регионах России: Материалы Международной научной конференции, посвященной 85-летию Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С.87–91.

Фархиаатов М. Мусульманское духовенство // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М.Прозоров. Т.1. М.: Вост. лит., 2006. С.286–292.

Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – XX веков. Казань, 2001. 383 с.

Хабутдинов А.Ю. Лидеры нации. Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. 159 с.

Хабутдинов А.Ю. Российские муфтии от екатерининских орлов до ядерной эпохи (1788–1950). К 250-летию со дня рождения первого муфтия ОМДС Мухамеджана Хусаинова). Н.Новгород: изд-во НИМ «Махинур», 2006. 60 с.

Хабутдинов А.Ю. От общины к нации: татар на пути от средневековья к новому времени (конец XVIII – начало XX вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2008. 214 с.

Хабутдинов А.Ю. Оренбургское магометанское духовное собрание: планы реформ в начале XX в. // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: материалы одноименного семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). Казань, 2011. С.163–175.

Хабутдинов А.Ю. «Голяма жэмгыате» апреля 1905 г. и проекты реформ Риза Фахретдина // Фахретдиновские чтения: материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции «Инновационные ресурсы мусульманского образования и культуры: Вторые Фахретдиновские чтения». М.-Н.Новгород, 2011. С.30–35.

Хабутдинов А.Ю. Институты российского мусульманского общества в Волго-Уральском регионе. М.: Изд. дом Марджани, 2013. 344 с.

Список источников и литературы

Хайрутдинов Р.Г. Культурно-национальная автономия: теория и практика // История государственности Республики Татарстан и современность: материалы Республиканской научной конференции. 8–9 декабря 1998 г. / сост. и общ. ред. Р.К.Валеева, С.И.Ионенко. Казань: Мастер Лайн, 1999. С.34–37.

Хабутдинов А.Ю., Мухетдинов Д.В. Всероссийские мусульманские съезды 1905–1906 гг. Н.Новгород: НИМ «Махинур», 2005. 60 с.

Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. 328 с.

Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. С.Н.Самуйлова. Смоленск: «Русич», 2001. 512 с.

Ямаева Л.А. Хасанов Мухамметсабир Мухаметжанович // Башкирская энциклопедия. Т.7. Ф–Я. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2011. С.129.

Azamatov D. Orenburg Mohammedan Assemly of Military Service of Moslems in the Russian Army (The End of 18th – the Beginning of the 20th Century) // *The Turks*. Ankara, 2002. № 5. P.742–752.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

- Абдулбадыгов Абдулкаюм – 286
Абдулгафаров Мирза Абдулла – 286
Абдуллин Сафиулла – 286
Абдулхамид II – 145
Абызгильдин Г. – 56
Абызов Шарафутдин – 111
Агаев Хайретдин – 98, 100, 112
Азаматов Д.Д. – 48, 57, 86, 223
Айнутдинов Р.А. – 301
Айнутдинова Л.М. – 146, 298
Актуганов М.М. – 41
Акчура Юсуф – 11, 12, 13, 16, 17, 19,
21, 22, 25, 94, 106, 117, 123, 145,
146, 147, 148, 153, 154, 155, 156,
157, 160, 197, 215, 302, 307
Акчурин Ибрагим – 8, 106, 108, 111,
148, 123, 218, 220, 235, 236, 239
Акчурин Т. – 122
Акчурин Хасан – 145
Акчурин Хасан Гафарович – 218
Акчурина Бибикамербану – 145
Акчурины – 147
Алкин Саидгирей – 67, 94, 106, 108,
112, 146, 148
Альбинский – 8, 108, 236, 246, 272
Аминов Ибрагим – 112
Амиров Хуснутдин – 219
Амирханнар (Амирханы) – 233
Амирханов Р.У. – 233
Апанаев Габдулла – 11, 12, 94, 98,
106, 107, 113, 114, 115, 116, 123,
124, 125, 133, 146, 148, 220, 286,
287
Апанаевы – 114
Апитаевский В.С. – 148
Ахмед Риза-паша – 267
Ахмеров Шахбазгарей – 126
Ахтямов Абуссугуд – 8, 11, 12, 106,
108, 112, 148, 158, 159, 215, 218,
220, 235, 236, 246, 272
Ахтямов Ибниамин – 92
Ахтямов Мифтахетдин – 219
Багаутдинова Х.З. – 37
Байбеков Хусаин – 67
Байбулатова Л.Ф. – 12, 18, 21, 32, 37,
58, 167, 168, 169, 170, 172, 223,
268
Баруди Галимжан – 98, 100, 114,
126, 128, 129, 286
Батулла Р. – 18
Баширов Салахетдин – 98
Баязитов Гатаулла – 99, 100, 111
Баязитов Мухаммадсафа – 36
Баязитов Мухаммад-Амин – 297
Бигиев М. (Жарулла Муса) – 6, 8,
10–12, 14–18, 23, 67, 69–71, 92,
96, 98, 101–106, 108, 113–117,
119–126, 132, 133, 136–146, 152–
156, 163–175, 177, 179, 180–186,
188, 189, 197–200, 202–207, 209,
210, 220, 236, 270, 287
Биктагиров Зиганша – 219
Бикташев Х.-Г. – 233
Биктимиров Ахмедзян – 219
Билалов Масгут – 99
Боголепов Н.П. – 76
Бостанов Ә. – 62
Буби Габдулла – 92
Буби Губайдулла – 92
Будилович А.С. – 290
Булыгин А.Г. – 94, 148
Вагапов Дамавлезилей – 220
Валеев М.А. – 97
Валеев Р.К. – 4
Васильева О.В. – 161, 228

Указатель именной

- Вашкевич В.В. – 134
 Витте С.Ю. – 6, 10, 18, 67, 68, 70, 74,
 76, 94, 95, 132, 140, 167, 217, 236,
 283, 296
 Габашли Хасангата – 11, 22, 25, 36,
 38, 65, 106, 108, 113, 115, 125–
 141, 236
 Габдерахманов Хайрулла – 98
 Гайсин Хузигали – 98, 111
 Галимов Бадретдин – 67
 Галимуллин Ф.Ф. – 266, 267, 268
 Гарипова Р.Р. – 33
 Гариф, хальфа медресе «Усмания» –
 129
 Гаспринский И. – 74, 79, 126, 128,
 292
 Гафаров Мухаммадшакир – 99
 Гафаров Хисамутдин – 286
 Гибадуллин Абдулбари – 220
 Гибадуллина Э.М. – 122
 Гибатуллин Шакирзян – 220
 Гизатуллин – 220
 Гимадетдинов Габделхак – 99, 111
 Глазов В.Г. – 76
 Горемыкин И.Г. – 10
 Готвальд Иосиф – 126
 Губайдуллин Хайрулла – 219
 Гыйльметдинов Д. – 62
 Давлетшахов Габделгалим – 98
 Дауликамов Мухаммад – 99
 Дебердиев Ахмеджан – 157
 Дебердиев Габдулла – 11, 156, 157,
 158, 215
 Дебердиев Ишмухаммед – 156
 Дебердиев Махмуд – 157
 Дебердиев Мустафа – 156, 157
 Дебердиев Мухаммад-Юсуф – 106,
 108, 148, 218, 220, 235
 Дебердиев Яхъя – 157
 Дебердиевы – 157
 Деянов И.Д. – 76
 Джангир хан – 128
 Дәүләт (Давлет) Н. – 18, 108, 150,
 220, 267, 292, 295
 Джантюрин Салимгирей – 108
 Джемаль ад-Дин аль-Афгани – 266
 Дмитриев Я.А. – 40
 Екатерина II – 199, 246, 303
 Забиров Габдрахман – 98, 114
 Забиров Мухаммадзариф – 219
 Загидуллин (Заһидуллин) И.К. – 22,
 24, 25, 29, 30, 49, 55, 56, 59, 79,
 86, 88, 89, 129, 131, 134, 136, 150,
 159, 167, 173, 200, 229, 230, 236,
 268, 270, 294, 297, 302
 Зайончковский П.А. – 52
 Залаялетдинова Р.М. – 29
 Зеленко В.А. – 231
 Зиновьев А. – 42
 Ибн Сина – 128
 Ибниаминов Ильяс – 219
 Ибрагимов (Ибраһимов) Галимджан
 – 17, 127, 128, 132, 232, 233, 267,
 268, 271, 273, 297.
 Ибрагимов Габдерашит (Ибраһим
 Г.) – 9, 10, 12, 15, 38, 49, 62, 85,
 92, 108, 110, 129, 218, 266, 267,
 268, 270, 271, 272, 273, 274, 277,
 278, 279, 280, 281
 Иванова жена – 82
 Игнатьев А.П. – 8, 10, 79, 112, 214,
 235, 286, 290
 Идрисов У.Ю. – 19
 Ильяси Габдерахман – 126
 Имангулов Мухаммадсадык – 286
 Ионенко С.И. – 4
 Исмагилов Губайдулла – 297
 Исаков М.Г. (Исхаки Мухамед-Гаяз
 (Гаяз) – 161, 162, 172
 Исаков С.М. – 96
 Исаков Сагман – 11, 12, 141, 142
 Ишкулов Габдулхаир – 112
 Кадыйри Закир – 91
 Кадыргулов С.А. – 40

Указатель именной

- Казембек А.К. – 128
 Калимуллина Д.Б. – 97, 160
 Камали Зыя – 162
 Кантакузин-Сперанский М.Р. – 82, 84
 Капкаев Гиниатулла – 36, 49, 101, 130
 Каримов Хасан – 219
 Катанов Николай – 126
 Качимов Гайнулла – 98
 Кобеко Д.Ф. – 148
 Кузнецов И.Д. – 73
 Латыпова В.В. – 161, 228
 Музаффаров Сабирджан – 99
 Максудов Залялетдин – 38, 81, 83, 173
 Максудов Сафиулла – 98, 114
 Малиновский Н.П. – 231
 Малов Ефимий – 126
 Мамлеев Нурмухаммад – 101
 Мамлеев С.И. – 40
 Мангушев Мухаммадкарим – 220
 Мансуров Мухаммадкасыйм – 99
 Марджани Шигабутдин – 126, 127, 128, 160
 Махмутов Гали – 126
 Мәрданов Раиф – 91
 Мидхад Ахмед – 127
 Минюшев Шигабетдин – 11, 12, 99, 100, 106, 122–125
 Музаффаров Сабирзян – 99
 Мултангалиев И. – 57
 Мусин Ф. – 161
 Мустафин А. – 72
 Мустафин Галлям – 220
 Мутин Б.С. – 40
 Мухамедова Г. – 17
 Мухаммад, пророк – 62, 64
 Мухаммадзянов Гайнеислам – 99
 Мухаммадрахимов Халиулла – 112
 Мухетдинов Д.В. – 19, 22
 Назиров – 126
 Насыри Каюм – 126
 Нигматуллин Габдулла – 98, 100, 111
 Николай I – 4
 Николай II – 55, 56, 66, 67, 93, 143
 Ногаев А. – 232
 Нольде Э.Ю. – 148
 Озеров И.А. – 129
 Платонников И. – 61
 Победоносцев К.П. – 73
 Прозоров С.М. – 28
 Рамиев Мухаммадзакир (М.-З.; Закир) – 8, 106, 108, 113, 150, 218, 220, 235, 236, 239
 Рамиевы, братья – 89
 Расулев Г. – 57
 Рахимкулова М.Ф. – 62, 130
 Рахманкулов Ахметхазі – 111
 Рахматуллин Г. – 57
 Рыбаков С.Г. – 17, 23, 24, 51, 250
 Сабирзян, мулла 3-й соборной мечети г. Уфы – 72
 Сагитов Мухаммадсадык – 220
 Сагитов Мухаммад-Юсуф – 99, 286, 287
 Сайд Ахмед-хан – 266
 Сайдашев Ахмедзян – 94, 146, 147
 Сайфуллин Мухаметшакир – 173
 Сакалов Хусаен – 98
 Салихов Мухаммадей – 173
 Салихов Мухтар – 98
 Сатдаров Галиахмат – 220
 Сафаров Касим – 219
 Свердлова Л.М. – 37, 114
 Святополк-Мирский П.Д. – 92
 Седьятаров Султан – 220
 Сейдалин Джансултан – 107
 Сеньютина О.Н. – 18, 21, 23, 94, 96, 271
 Смирнов В.Д. – 126, 139
 Стахович М.А. – 92
 Суендеков Ахметшакир – 98
 Сулейманов Г. – 43, 45

Указатель именной

- Сулейманов Мухаммадхалим – 38, 80
 Сулейманов Халил – 98
 Султанов Арслангали – 112
 Султанов М. – 3, 8–13, 16, 22, 30, 34–36, 38–43, 45, 47, 49, 55, 58–74, 78–80, 82–87, 89, 90, 91, 95, 96, 101, 103, 104, 108–111, 129, 130, 132, 173, 199, 214, 216, 218, 235, 242, 245, 266, 271, 272, 282–286, 290, 294, 295, 298
 Сыртланов Шагихайдар – 92, 112
 Таджиманов Канафитдин – 286
 Тазетдинов Зиялетдин – 175
 Тангатаров Дж. – 85
 Тевкелев Кутлугмухаммад – 92, 107, 113, 218, 220, 235
 Тевкелев Салимгерей – 39, 43, 46, 59
 Терегулов Гимадитдин – 218
 Терегулов Ш.Н. – 41
 Тимуров Габдулла – 107
 Тугушев Хусаин – 157
 Тукаев Мухаммадшакир (Мухамет-Шакир)– 16, 24, 71, 99, 100, 297, 298
 Тукаев Хабибулла – 232
 Тукаевы – 298
 Тумим Г.Г. – 231
 Тухватуллин А.Х. – 125, 128
 Тухватуллин Мутыгулла – 99, 100, 293
 Уметбаев Мухаммадсалим – 48, 286
 Уразгильдеев Шакир – 286
 Усманов М.А. – 42, 59
 Усманов Мухаммадсадык – 98, 111, 297
 Усманов Хабибулла – 286
 Усманов Хайрулла – 72, 99, 100, 111, 160, 161, 216
 Усманова Д.М. – 108, 161
 Утябай-Карими Р. – 161
 Фараби – 128
 Фархшатов М.Н. – 18, 29, 41, 72, 160, 232
 Фаткуллин Х.Н. – 40
 Фейзханов Абдулгаллям– 220
 Фәхретдин Р. (Ризаэтдин Фәхретдин, Фахретдинов Р., Фәхреддин Р., Р.Ф.) – 3, 7, 10–16, 19–22, 24, 25, 31, 32, 36, 38, 42, 49, 59, 60, 70–72, 80–91, 96, 101, 104–109, 111, 113, 114, 126, 129–132, 141, 145, 157, 167–178, 180, 184–188, 190–193, 195–199, 201, 203, 205–208, 210–214, 220, 223, 243, 287, 295, 296, 298
 Хабибуллин Шарафетдин – 100
 Хабутдинов А.Ю. – 15, 18, 19, 20, 21, 22, 156, 157
 Хайрутдинов Р.Г. – 4
 Хакимов (Абдуллатиф или Мухаммадназиб) – 73
 Хакимов Абдуллатиф – 218, 228
 Хакимов Мухаммадназиб – 218
 Хакимов, уфимский купец – 72
 Хакимовы, уфимские купцы – 296
 Халитов Ибрагим – 286
 Халитов Мухаммадсабир – 286
 Хамидов Хамза – 99
 Хамитбаева Н.С. – 37
 Хамитов Хасанзян – 219
 Харамшахов Габдулла – 99
 Харамшахов Жамалетдин – 99
 Хасанов (Хасани) Мухаммадсабир – 99, 100, 161, 172, 216
 Хасанов Габдрахман – 219
 Хасанов Х.Х. – 158
 Хисматуллин – 38
 Хусаинов Ахмет – 126
 Хусаинов Г. (Гани бай) – 62, 64, 131, 132
 Хусаинов Мухаммадвали – 98
 Хусаинов Мухаммаджан – 246
 Хусаинов Махмут – 269

Указатель именной

Хусаинов Шамсутдин – 127	Шафигуллин Файзрахман – 220
Хусникиев Хыялетдин – 99	Ширгазин А.Р. – 97, 160
Череванский В.П. – 79, 286	Ширинский Хусаин – 67
Чингизхан Г. (Чингиз Губайдулла,
Чингиз-Хан) – 47, 67, 112	Эльсани Мухаммадкасым – 286
Чичерин В.В. – 73	Юсупов Мухаммадфатих – 219
Шамгунов Сабирзян – 219	Яковлев А.Н. – 170
Шамиль Загид – 66	Ямаева Л.А. – 161
Шамсан Абдулхай – 220	Янгалычев Мухаммадзян – 99
Шараф Асьма – 81, 91	Яушев А. – 62
Шафигуллин Загидулла – 67, 68	Яушев Габделвагап – 98

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

- 2-й Zubochistenskiy, pos. – 112
Австрия – 143
Агрыз, дер. – 19, 98
Аднагулово, дер. – 78
Акмолинская обл. – 37, 95, 101, 217, 239, 250, 273
Алтай – 172
Амурская обл. – 56
Англия – 143, 269
Анучино, г. – 56
Аравия – 233
Арск, заштатный г. – 218
Астраханская губ. – 37, 77, 98, 112
Астраханская обл. – 199
Астрахань, г. – 19, 98, 184
Асяново, дер. – 44
Байсаровская вол. – 65
Барабаш, пос. – 56
Батумская обл. – 26
Бахчисарай, г. – 145, 162
Башкирия – 160
Белебеевский у. – 58, 107, 141, 142, 143
Белебей, г. – 99
Бирск, г. – 228
Бозау Яз, дер. – 99
Болгарское городище – 84
Большая Поляна, дер. – 36
Бугульминский у. – 80
Буинск, г. – 122
Букеевская Орда (Внутренняя Орда) – 37, 72, 127
Бухарская вол. – 297
Верхнеуральск, г. – 99, 100
Верхозим, с. – 156, 157
Владивосток, г. – 56
Волго-Уральский регион – 5, 20, 30, 59, 80, 94, 108, 148, 237, 234, 235, 236, 265, 267, 303
Вологодская губ. – 114
Вятская губ. – 37, 92, 98, 100, 111, 160
Германия – 143, 269
Гродеково, пос. – 56
Дагестанская обл. – 26
Дальний Восток – 56
Европа, Европа западная – 128, 144
губернии западные – 200, 230, 239, 250
Египет – 91, 114
Енисейская губ. – 37
Зайсановка, пос. – 56
Закавказье – 239, 270, 273, 283
Закаспийская обл. – 95, 217
Закатальский округ – 26
Златоустовский у. – 45
Ибрай, дер. – 160
Ижъ-Бобья, Буби, дер. – 92, 98, 100, 111
Ильбяково, дер. – 80, 82
Иман, станция – 56, 57
Индия – 266
Инсарский у. – 36
Кавказ – 28
Кавказ северный, северная часть Кавказа – 199, 217, 239, 250, 273
Кавказская обл. – 199
Казанская губ. – 34, 37, 45, 81, 84, 95, 98, 101, 108, 125, 131, 140, 147, 173, 218, 233, 266
Казанский у. – 98, 125, 131
Казань, г. – 37, 92, 98, 100, 108, 111, 112, 114, 125–128, 131, 132, 136, 146, 184, 218, 221, 286, 287, 304, 305
Казахская степь – 213

Указатель географический

- Каир, г. – 146
 Каргалы (Сеитов посад) – 18, 98, 99,
 111, 130, 297, 304
 Карская обл. – 26
 Касимов, г. – 18, 99, 100
 Кичучат, дер. – 83
 Костромская губ. – 37
 Крым, Таврический полуостров – 79,
 161, 230, 239, 246, 273
 Кубанская обл. – 26, 199, 200
 Кузнецкий у. – 156
 Кулаево, дер. – 173
 Кульбаш, дер. – 98, 114
 Малый Сулабаш, дер. – 125, 126, 131
 Мамадышский у. – 45
 Манчыл, дер. – 99
 Матвеево, дер. – 65
 Мачкара, дер. – 160
 Медина, г. – 254, 266
 Мензелинский у. – 57, 65
 Миасский завод – 98
 Москва, г. – 92, 98, 100, 111
 Московская губ. – 37, 98
 Московское государство – 5
 Муховский, пос. – 112
 Нижегородская губ. – 37, 98, 147
 Нижний Новгород, г. – 98, 113
 Николаевск, г. – 56
 Никольск-Уссурийский, г. – 56
 Новокиевск, пос. – 56
 Нукрат, дер. – 98
 Омская губ. – 98
 Оренбург, г. – 14, 83, 89, 91, 98, 100,
 111, 112, 130, 218, 221, 224, 297,
 302
 Оренбургская губ. – 37, 85, 101, 108,
 218, 221, 226, 297
 Османское государство (Турция) –
 26, 114, 145, 146, 149, 151, 233,
 303
 Париж, г. – 147, 270
 Парши, дер. – 98, 114
 Пати, дер. – 99
 Пашат, дер. – 98
 Пенделе, с. – 156
 Пензенская губ. – 37, 92, 147, 156
 Пермь, г. – 18, 99, 100
 Пермская губ. – 36, 99, 102
 Песмян-Мусино, дер. – 57
 Петербургская губ. – 37, 99
 Петропавловск, г. – 98, 184
 Пешма, дер. – 99
 Поволжье – 28, 161, 229
 Поволжье среднее – 167, 223, 223,
 229
 Приволжский край – 29
 Приуралье – 28, 161, 229, 232
 Раздольное, пос. – 56
 России европейская часть; евро-
 пейская Россия – 27, 28, 37, 48,
 85, 152, 200, 239, 250, 273, 294
 Россия, Российская империя – 4–6, 9,
 15, 21–24, 26, 28, 37, 55, 92, 94,
 109, 115, 121, 139–141, 145, 148,
 157, 170, 174, 232, 233, 239, 242,
 266, 270–273, 292, 294, 306, 307
 Россия внутренняя – 30, 48
 Россия, азиатская часть – 152
 Рязанская губ. – 37, 99, 100
 Самара, г. – 12, 42, 99, 100, 122
 Самарская губ. – 37, 80, 99, 122
 Санкт-Петербург, г. – 9, 19, 24, 28, 66,
 99, 100, 109, 112, 215, 268, 270
 Сарапульский у. – 98
 Саратов, г. – 99, 100
 Саратовская губ. – 37, 99, 101, 218,
 221
 Сахалин, остров – 56
 Семипалатинск, г. – 99, 111, 172
 Семипалатинская обл. – 37, 95, 99,
 101, 217, 273
 Сengelеевский у. – 145–146
 Сибирь, Сибирь западная и восточ-
 ная – 27, 28, 30, 48, 59, 85, 217,

Указатель географический

- 236, 239, 250, 260, 265, 273, 278, 294
- Сибирь западная – 5, 80, 112
- Симбирск, г. – 18, 99, 100, 218, 219
- Симбирская губ. – 37, 95, 99, 101, 122, 147, 218, 219
- Симбирский у. – 112
- Симферополь, г. – 136
- Славянка, пос. – 56
- Солтанай (Султанай), дер. – 98, 99
- Спасск, г. – 56
- Средняя Азия – 28
- Ст. Тимошкино (Зиябашы), дер. – 112, 145
- Ставропольская губ. – 26, 95, 199, 200, 217
- Стамбул, г. – 145, 268, 269, 270
- Старо-Глумилино, дер. – 65
- Стерлибаш, дер. – 99
- Стерлитамак, г. – 19, 160, 218, 221
- Стерлитамакский у. – 56, 99
- Сухумский округ – 26
- Таврическая губ., Таврида – 48, 134, 217, 230
- Тамбовская губ. – 37
- Тара, г. – 266
- Татищевская, станица – 112
- Тау, дер. – 12, 141
- Терская обл. – 26, 199, 200
- Тетюши, г. – 233
- Тобольская губ. – 37, 99, 101, 112, 266, 297
- Тобольский у. – 112
- Томск г. – 18, 99
- Томская губ. – 37, 99, 101
- Триполи, г. – 147
- Троицк, г. – 19, 62, 99, 111, 161, 227
- Троицкий у. – 98
- Турбинские, юрты – 112
- Тургайская обл. – 72, 95, 217
- Туркестанский край (Туркестан) – 95, 158, 217, 232
- Тюменский у. – 99, 297
- Тюмень, г. – 18
- Уральск, г. – 99, 100, 292, 293
- Уральская обл. – 27, 37, 95, 100, 217
- Уфа, г. – 7, 9, 11, 12, 15, 18, 27, 28, 64, 65, 72, 79, 81, 83, 86, 91, 92, 96, 97, 99, 100, 111, 112, 122, 124, 127, 128, 132, 140, 144, 148, 160, 162, 164, 167, 171, 172, 181, 200, 208, 214, 215, 216, 218, 219, 221, 227, 228, 259, 270, 278, 285, 287, 294, 299, 304, 305
- Уфимская губ. – 10, 14, 22, 24, 37, 45, 56, 57, 70, 71, 72, 85, 95, 99, 101, 107, 108, 112, 114, 141, 160, 161, 197, 218, 221, 224, 297, 298, 299
- Уфимский у. – 57, 160
- Хабаровск, г. – 56
- Ханская Ставка (Орда), пос. – 18, 98, 111
- Ханство Бухарское – 28
- Ханство Крымское – 303
- Ханство Хивинское – 28
- Ханства среднеазиатские – 26
- Херсонская губ. – 37
- Царевококшайский у. – 173
- Черноморская губ. – 26
- Чистополь, г. – 113, 233
- Чишма, дер. – 19
- Чуаш иле, дер. – 126
- Чубытлы, дер. – 83
- Шланликулово, дер. – 112
- Япония – 268

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКГУКИ – Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств

ГА РТ – Государственный архив Республики Татарстан

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации

г. – город

д. – дело

ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий

дер. – деревня

изд. – издание

КТУШ – Казанская татарская учительская школа

л. – лист

МВД – Министерство внутренних дел

МНП – Министерство народного просвещения

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан

НТ – Научный Татарстан (журнал)

об. – оборотная сторона листа

ОКВ – Оренбургское казачье войско

ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание

оп. – опись

п. (пп.) – пункт(ы)

п.п.г. – потомственный почетный гражданин

пос. – поселок

ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.

ПСЗ-2 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.

ПСЗ-3 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е.

РГИА – Российский государственный исторический архив

РПЦ – Русская православная церковь

СЗРИ – Свод законов Российской империи

ТМДП – Таврическое магометанское духовное правление

ст. – статья

т. – том

УКВ – Уральское казачье войско

у. – уезд

УТУШ – Уфимская татарская учительская школа

ф. – фонд

ФТ – Фэнни Татарстан (журнал)

Загидуллин Ильдус Котдусович

Уфимский курултай 1905 года

Монография

Оригинал-макет – *Л.М. Зигангареева*

Подписано в печать 21.11.2018 г. Формат 60×84 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 20,5 Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «КОНСТАНТА-принт»
308519, Белгородская обл., Белгородский р-н,
пос. Северный, ул. Березовая, 1/12
Тел./факс: (4722) 300-720, www.konstanta-print.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф